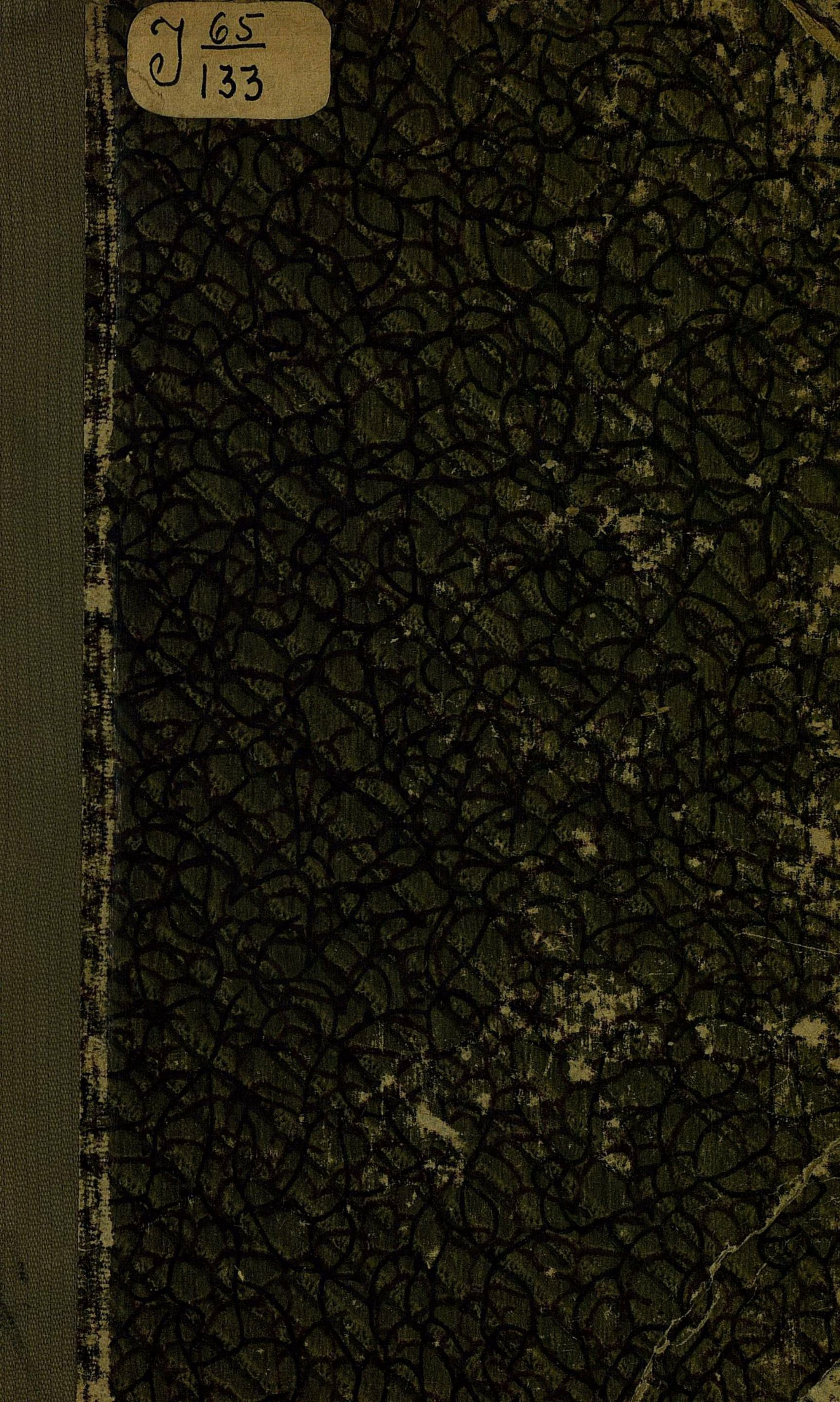

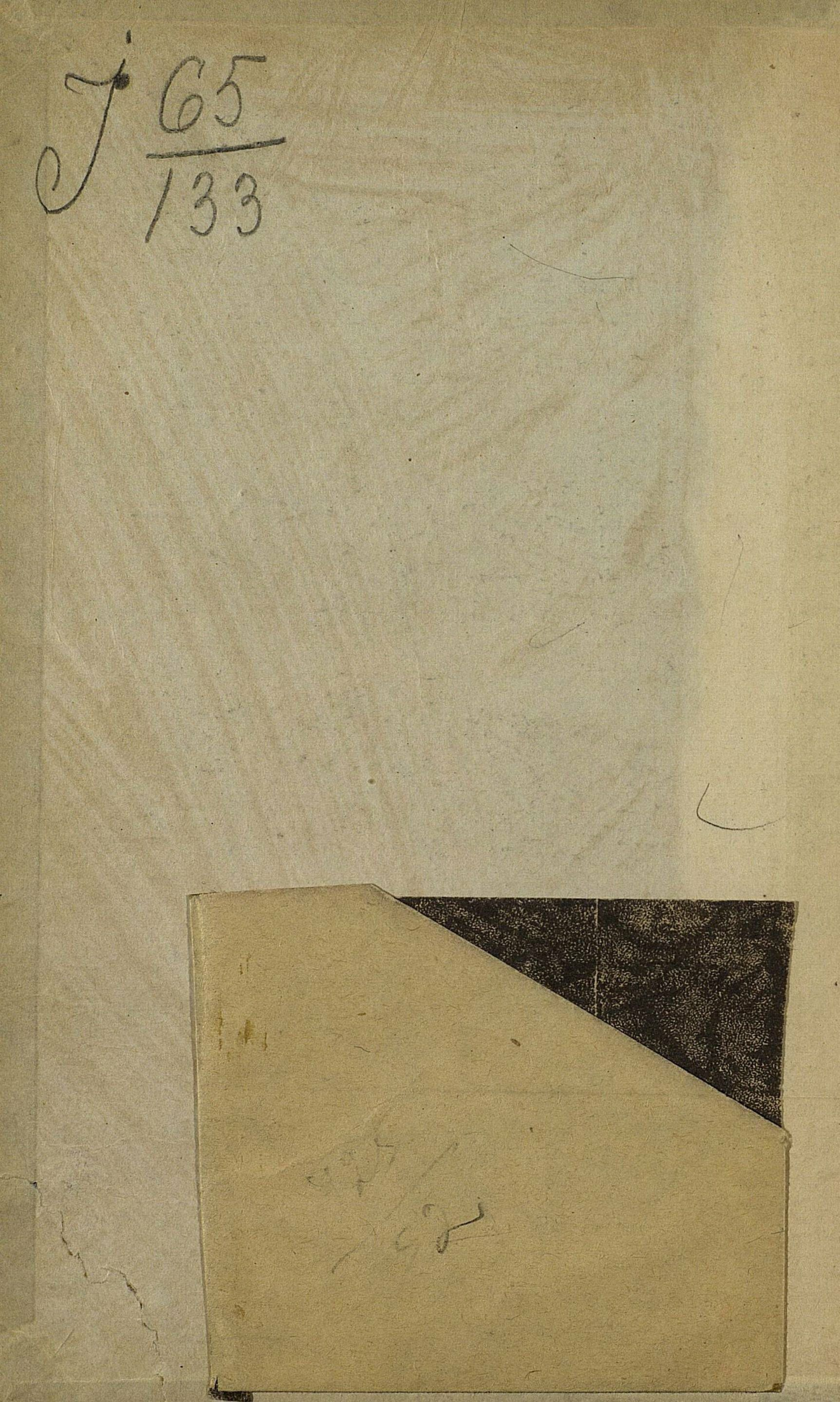
J 65
133

Н. ДУРНОВО.

ОПИСАНІЕ ГОВОРА

деревни Парфёнокъ, Рузскаго уѣзда Московской губерніи.

Оттискъ изъ „Русск. Филолог. Вѣстника“.

ВАРШАВА.
Типографія Варшавскаго Учебнаго Округа.
1903.

Н. ДУРНОВО.

ОПИСАНІЕ ГОВОРА

деревни Парфёнокъ, Рузскаго уѣзда Московской губерніи.

Оттискъ изъ „Русск. Филолог. Вѣстника“.

ВАРШАВА.
Типографія Варшавскаго Учебнаго Округа.
1903.

Дозволено цензурою.

Варшава, 16 мая 1903 года.

ПОПРАВКИ [1].

Стрц.	Стрк.	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
1	2 сн.	x	x и j
2	5-3 сн.	въ 7 в. отъ ст. Румянцево, строящейся Виндавской жел. дор. (20 слишкомъ в. на с.-з. отъ Воскресенска),	въ 9 в. отъ ст. Румянцево Московско-Виндаво-Рыбинской жел. д. (ст. Румянцево — въ 75 в. отъ Москвы и 19 в. отъ ст. Новоіерусалимской), въ 8 в. отъ ближайшаго почтоваго отдѣленія и 46 в. отъ своего уѣзднаго города,
3	18-20	Въ томъ же селѣ есть и школа Воспитательнаго дома...	Школа въ 1900 г. переведена въ Малоярославецкій уѣздъ.
—	7 сн.	15 лѣтъ,	род. въ ноябрѣ 1885 г.,
—	5 сн.	въ 1896 или 1897 г.	въ 1898 г.
—	4 сн.	и 1899 гг.	1899, 1900 и 1901 гг.
6	5-6	звукоподражительное	звукоподражательное

[1]) Въ настоящій списокъ, кромѣ типографскихъ опечатокъ, я включилъ и нѣкоторыя изъ моихъ собственныхъ ошибокъ, преимущественно тѣ, которыя, какъ наиболѣе грубыя, требовали немедленнаго исправленія. Остальныя поправки и небольшія дополненія я думаю издать въ скоромъ времени. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что „Описаніе“ печаталось почти 3 года и почти столько же времени писалось; страницы 1—65 описанія были готовы еще въ началѣ 1900 г.; остальная часть фонетики и склоненіе (стр. 65—160) — въ началѣ 1901. Понятно, что въ теченіе всей своей работы я не довольствовался матеріаломъ, собраннымъ мною до 1900 г., но пользовался всѣмъ тѣмъ, что накоплялось у меня постепенно въ 1900, 1901 и, частью, 1902 годахъ.

14	5-7	Ср. извѣстное въ говорахъ: надёжа, безнадёжный (мнѣ не пришлось слышать эти слова въ описываемомъ говорѣ).	Ср. надёжа, ненадёжный и т. п., напр.: „папáшъ накáзъул пъ надёжы нъ тибя́“ (ск) и пр.
—	18	въ другихъ ю.-влкр.	въ нѣкоторыхъ другихъ великорусскихъ
15	1	тре́щйна, мире́щьцā,	тре́щинă,
—	2	ве́щ	мире́щьцă, вещ
20	6-5 сн.	отъ значенія	отъ одного изъ значеній
21	7	*и*	*ъ*
22	4-6	*Въ словѣ „разъ красутка“ у М. Б. „у“—не ошибочно. Ср. ниже, стр. 206, стрк. 19.*	
—	19	но всегда:	тады́, но чаще:
24	5 сн.	всегда: јизы́к	јизы́к (рѣдко, у старшихъ: язы́к)
31	8	случаѣ *у*	случаѣ иногда *у*
—	19	соглáснъј	саглáснъј
35	15	но эти	я думаю, что эти
—	1 сн.	„или по другимъ... въ морфологіи)“. *слѣдуетъ помѣстить выше, послѣ слова:* „существительныхъ“ (строка 3 сн.)	
36	1 св.		
46	3 сн.	жьреᵏлó	Слово „жерелó“ — примѣръ не второго полногласія, а 1-го (ср. ст.-слав. жрѣло, серб. жријело и пр.); въ литературн. „жерло“ — другой видъ корня (=о.-сл. жьрло).
59	13 сн.	отъ	от
60	13-14	въ пѣсняхъ,	въ пѣсняхъ;
64	3 сн.	муры́ски	муры̊ски
69	1-2	вызвано какими-то посторонними соображеніями);	— церковно - книжнаго происхожденія,=ст.-слав. близъ, близоу);
—	9	кумаря́, кумарòнък,	кумаря́,
—	14	зáфтри и, кажется, брикаццъ.	зáфтри.
70	13	въ Изслѣд. выводитъ	выводитъ
—	14	(стр. 68—69)	(Изслѣд. стр. 68—69)
—	3 сн.	ny въ словѣ wšechny	n твёрдымъ въ словѣ všechen, ·chna
75	14 сн.	можетъ быть сварп и сватп.	только сварбéј и свадбеј.

75	13 сн.	’Ελισαβέθ	’Ελισάβετ (вѣроятно, было и ’Ελισάβεθ)
—	6-5 сн.	отмѣгимъ полуцерковное „Лисафе́т“ (с. Васильевское),	существуетъ и „Лисафе́т“ (с. Васильевское, лег. про Іос. Волок.), прилагател. „Лисафе́тин“ (Парфёнки),
80	9 сн.	мягко	мягко иногда
82	15	ž = ǧ′	ž + ǵ′
85	17	бре́с͗ът	бре́сьт
86	3-1 сн.	вмѣсто: дружја, существующаго и до сихъ поръ въ русскихъ говорахъ.	при болѣе рѣдкомъ дружја́.
88	14 сн.	корня, вѣроятно:	корня:
90	5 сн.	твердыя	мягкія и твердыя
91	3 сн.	(поговорка)	(подблюдная новогодняя пѣсня)
92	7	тицжа́л	тин͗жа́л
93	10	чакающихъ	чокающихъ
94	9-8 сн.	объ измѣненіи	объ различномъ измѣненіи
95	1	рас͗с͗в͗о́лъ	рас͗с͗в͗ол
97	5-6	*м* съ *б* и *п* въ незаимствованныхъ словахъ	*м* въ концѣ одного слова съ *б* и *п* въ началѣ другого
98	7 сн.	*см*	*см* и *зм*
103	19-20	Ср. греч. πλανάω —блуждаю, плутаю	Ср. польское płątać
—	6 сн.	шърлушо́нӹ	щьрлушо́ны
111	14-13 сн.	на приставкѣ:	на приставкѣ);
112	19	ӑлля́но́јь	ӑлляно́јь
113	16 сн.	кажется, и; афца́м	и: афца́м
116	15 сн.	сильнаго	усиленнаго
117	14	сильнномъ	усиленномъ
—	21	сильнаго вида корня слабымъ	усиленнаго вида корня нормальнымъ
118	15 сн.	не знаю, какого	Скопинскаго
121	7	въ одной мѣстности	въ Калужской губ. и
125	21	*Въ словѣ* „щебьля“ *кружокъ* (˳) *долженъ стоять не подъ* „л“, *а подъ* „ь“	
126	1 сн.	при’и͗́т	прити́т
129	7	рѣже въ мѣстномъ значеніи: у ка́мню и у ка́мнӗ	но въ мѣстномъ значеніи: у ка́мнӗ.

130	4-5	род. раздѣл. или съ предлогами для обозначенія мѣста и времени	род. раздѣл.
131	9 сн.	формъ	формъ родит.
135	17	вмѣсто	но также и
137	8	гăрадéј	гăрадéј (отъ: городь? ср. и́згородь)
141	18-19	почти исключительно	по большей части
145	15 сн.	съ XVI в.	съ XVII в. (въ азбуковномъ описаніи саламандра)
146	20-21	рядомъ: баля́т но́ги... ат любви́	Примѣръ надо выпустить, п. ч. въ приведенной прибаюткѣ послѣднія слова поются „отъ гульбы"
149	22	Послѣ предлога *у*	Послѣ предлоговъ
156	15	-óв˘	-óвă
158	5	подъ ударені́емъ,	не подъ ударені́емъ,
159	5 сн.	часто	обыкновенно
160	9 сн.	всѣхъ	почти всѣхъ
—	7 сн.	одной мѣстности Олонецкаго у.	нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Олонецк. губ.
163	5	31	61
165	16	паглядика	паглидика
—	7 сн.	„Станимъ	„Станим
167	14-13 сн.	хрихчю́	крихчю́
169	8-6 сн.	глаголъ пъчива́т (быть можетъ: подсѣивать въ шепелявомъ произношеніи? обо ржи: просѣивать черезъ рѣшето)	*Пропустить. Вмѣсто этого ниже, стрк. 5 послѣ* „пъспява́т": „пъцсява́т или пъцсива́т (обо ржи: просѣивать черезъ рѣшето)"
—	2 сн.	пъцијóт?	т. е. подсѣётъ въ шепелявомъ произношеніи
170	1	-сѣвать,	остальные сложные съ -сѣвать и сложные съ
172	9 сн.	сам,	Зам.
173	1	Калужск.	Калужск., Медынск.
—	17—18	утану́т	утану́, утану́
175	5 сн.	полнóч	палнóч
179	21	в друг.	и друг.
181	17-18	сильномъ	усиленномъ

182	10—14	однократности. Глаголы съ этимъ суффиксомъ... какъ законченное во времени.	однократности и вмѣстѣ съ тѣмъ законченности самого дѣйствія или одного изъ ряда моментовъ, на которые разлагается дѣйствіе.
184	4-7	Къ сожалѣнію...	Житіе Саввы XIII, изд. Помяловскимъ, представляетъ памятникъ южнорусскаго нарѣчія (по А. И. Соболевскому — галицко-волынск., а по И. В. Ягичу — кіевскаго). Аканья въ этомъ памятникѣ, понятно, нѣтъ.
185	8	Попóвки,	Попóвки, Шáрина (10 в. къ с.)
—	4 сн.	оп	он
187	5	(вы)	(ва)
188	15 сн.	и, ы, ѣ),	и, ы, у, ѣ),
192	2 сн.	обувь,	обувь; „пастéля̆“ чаще, чѣмъ „пастéл“; слово
194	6 и въ др.	о Ломон. пр.	о присужд. Ломон. пр. въ 1897 г,
195	2 сн.	употребляется	употребляется въ нѣкоторыхъ говорахъ
197	12 сн.	въ канéчьку	пъ канéчьку
199	6	митипницӑ	мити́нницӑ
200	13	кажется: мѣлочной	дѣловой, старательный, умѣлый, но иногда, кажется, и: мѣлочной
—	17	вноситъ	иногда вноситъ
203	14-13 сн.	рибитошки; Матрóшкӑ, но Надéшкӑ или Надю́пка	рибитóшки и пр. [1])
—	5 сн.	гáлубушкӑ	галу́бушкӑ,
204	2-1 сн.	пáзбищӑ	пáзбищӑ
205	22	именъ; несобствен.	именъ (о фонетическихъ измѣненіяхъ этого суффикса смотри вы-

---

[1]) Въ именахъ „Матрёшка“ и „Надéшка“ нѣтъ суффикса „ешька“, такъ какъ это—уменьшительныя (съ суф. ька) отъ Матрёна (или отъ Матрёха?) и Надéжда. Вмѣсто „Надюшка“ слѣдовало бы ждать „Надёшка“ (при неуменьш. Надёха).

			ше, стр. 54); отъ несобственныхъ именъ сохранились
206	1	въ литерат.;	въ литерат.;
208	3	пичал̆, пастѐл̆, чаще: пастѐля̆, качѐли	пича́л̆, качѐли [1]
—	6-9	щивѐл̆, жыдѐл̆ (что-ниб. жидкое); *и пр. до конца 9ой строки*	жыдѐл̆ (что-ниб. жидкое) и др. [2]
209	15 сн.	ре́пинӑ,	му́хинӑ, аре́пинӑ, ре́пинӑ,
211	7	уменьшительныя, иногда съ унизительнымъ оттѣнкомъ,	уменьшительныя
214	8 сн.	птичьј	б) птичьј
224	1 сн.	силкъмъ	силкомъ
226	14	пъзафчара́	пъзъфчара́
231	14 сн.	о́блък	о́блъкӑ
232	3	предлога	предлога въ Парфёнковскомъ говорѣ—только
236	4 сн.	я́ къл̆, ты́ кък	ты́ къл̆, я́ къл̆
241	8-7 сн.	надѣваемой	надѣваемая
244	12	к адну́	в адну́
246	16-15 сн.	силяно́ва	зиляно́ва
248	7 сн.	што́ и тапѐр	што́ ш тапѐр̆
249	1 сн.	якò	явò
256	13-14	а търгава́ли	търгава́т̆
—	4 сн.	дѣваласа	дѣвалса
261	15 сн.	Арханг.	части Арханг.
—	8 сн.	въ Олон.	въ Олон., а въ Арханг. иногда даже замѣняется черезъ „г“ взрывное, напр. на Мезе́ни
266	8	говоровъ	говорахъ
—	10-9 сн.	Клинскаго и Рузскаго уѣздовъ	Клинскаго уѣзда

Кромѣ того, во многихъ мѣстахъ вышли не совсѣмъ отчетливо знаки для мягкихъ согласныхъ (наприм. мягкихъ *п*, *л*, *т*, *р*) и нѣк. др.

---

[1]) Слово „постель“ попало сюда по ошибкѣ; здѣсь суффиксъ только „ь“.

[2]) Слово „щавель“ муж. р. имѣетъ суфф. „ель“; „жывель“ — слово заимствованное; по сходству со словомъ „щавель“ — муж р. и склоняется такъ же (имен. жывѐль, род. жывелю́ и пр.).

Описаніе говора деревни Парфёнокъ, Рузскаго у. Московской губ.

Матеріаломъ для этого описанія были 1) мои личныя наблюденія надъ *разговорнымъ* языкомъ нѣсколькихъ крестьянъ названной деревни, 2) записанныя мною тамъ-же, частью въ сосѣднихъ деревн. сказки и пѣсни, 3) пѣсни и сказки, записанныя по моему порученію мѣстными полуграмотными крестьянами. Наиболѣе цѣннымъ является, конечно, матеріалъ п. 1. Что касается записанныхъ мною сказокъ, то ихъ слишкомъ мало, чтобы на основаніи ихъ описывать говоръ, а пѣсни и записи крестьянъ сами по себѣ—матеріалъ не вполнѣ точный. Благодаря условіямъ ритма и другимъ пѣсни содержатъ много архаизмовъ, неизвѣстныхъ уже разговорному языку; пѣсни, занесенныя изъ другой мѣстности, могутъ заключать въ себѣ черты другого говора, которыя долго не сглаживаются, находя поддержку себѣ въ ритмѣ и другихъ условіяхъ пѣнія. Кромѣ того, при пѣніи являются новые фонетическіе законы, неизвѣстные разговорному языку: звуки (гласные и согласные) неполнаго образованія переходятъ въ звуки полнаго образованія, и въ свою очередь развиваются новые звуки неполнаго образованія. Таковы напр. въ пѣніи зв. *а*, *и* вм. *ъ*, *ь*; согласныя зубныя взрывныя чистыя передъ *н* и *л* и пр.; съ другой стороны, новыя *ъ* и *ь* между согласными, *х* между гласными.

Показанія записей полуграмотныхъ крестьянъ въ значительной степени теряютъ свою цѣнность благодаря вліянію орѳографическихъ написаній и благодаря той степени безграмотности, при которой особенно часты описки, вызываемыя вліяніемъ сосѣднихъ буквъ [1]) или неяснымъ пониманіемъ значенія той или другой буквы. Поэтому, показанія пѣсенъ и крестьянскихъ записей я вездѣ свѣряю съ разговорнымъ произношеніемъ. Всѣ матеріалы собраны лѣтомъ 1897—1899 г.

Я ограничилъ свои наблюденія надъ говоромъ одной деревней отчасти уже потому, что діалектологія—не моя спеціальность, отчасти потому, что при недостаткѣ опытности въ собираніи діалектологическихъ матеріаловъ и при частыхъ разъѣздахъ можно познакомиться съ говоромъ только поверхностно, причемъ собранный такимъ образомъ матеріалъ почти невозможно провѣрить; при этомъ неизбѣжно явятся обобщенія; какая-нибудь особенность въ говорѣ одной деревни можетъ быть легко приписана всѣмъ деревнямъ извѣстной мѣстности и пр.

При описаніи говора, я старался отмѣчать, по возможности, всѣ явленія, относительно которыхъ въ великорусскихъ говорахъ существуютъ разногласія. Впрочемъ, не желая затягивать свою работу, я пользовался только тѣми пособіями по діалектологіи, которыя случайно у меня оказались подъ рукой. Ссылки на пособія дѣлаются сокращенно. Объясненіе сокращеній приложено въ концѣ.

Деревня Парфёнки — въ Васильевской вол., сѣверной части Рузск. у., въ 30 в. къ ю.-з. отъ ст. Подсолнечной Николаевской ж. д., въ 7 в. отъ ст. Румянцево строящейся Виндавской ж. д. (20 слишкомъ в. на с.-з. отъ Воскресенска), почти на границѣ Клинск. и Звени-

---

[1]) Такъ нпр. встрѣчаются такія описки: жужъ, зазезала, не влалою семью.

гор. уу. Другія деревни, матеріаломъ изъ которыхъ я пользовался въ описаніи: Курово — въ 1 в. отъ Парфенокъ, Горки въ 3 в.—на востокъ отъ П., Васильевское— въ 2 в.—на западъ; всѣ дер. той-же волости.

Большая часть крестьянъ въ этой сторонѣ занимаются лѣтомъ земледѣліемъ, а зимой извозомъ; поэтому лѣтомъ съ Троицына дня до Успенья почти всѣ крестьяне бываютъ дома, и только немногіе проводятъ лѣто въ Москвѣ. Съ сентября мѣсяца въ деревнѣ остаются только женщины, дѣти и немногіе изъ мужиковъ. Дѣвки и дѣвочки часто служатъ лѣтомъ въ работницахъ и въ нянькахъ въ своей или сосѣднихъ деревняхъ, обыкновенно у родственниковъ. Зимой нѣкоторыя дѣвки работаютъ въ Москвѣ на фабрикахъ, преимущественно на бумажно-прядильной и чулочной или служатъ въ Москвѣ домашней прислугой.

Земская школа—въ с. Савельевѣ, въ 3 в. отъ Парфёнокъ и въ 2 в. отъ Курова и Горокъ. Въ томъ же селѣ есть и школа Воспитательнаго дома (которую съ 1900 г. переводятъ въ Калужскую г.). Грамотныхъ въ Парфёнкахъ среди мужчинъ (съ 10 лѣтъ) больше половины, въ Куровѣ — около $^3/_4$ всего мужского населенія. Мальчики, достигшіе школьнаго возраста, всѣ ходятъ въ школу, но дѣвочекъ Парфёнковскіе крестьяне въ школу не посылаютъ.

Такъ какъ въ описаніи мнѣ приходится ссылаться на записи, сдѣланныя крестьянами, то перечислю здѣсь лицъ, отъ которыхъ имѣются записи.

1. Миша Байковъ, 15 лѣтъ, учился въ Савельевской земской школѣ 4 года, но экзамена не держалъ; кончилъ школу въ 1896 или 1897 г.; записи его относятся къ 1898 и 1899 гг. Въ Москвѣ никогда не былъ, отецъ извозничаетъ зимой въ Москвѣ; остальные члены семьи постоянно живутъ въ деревнѣ. Мать его родомъ изъ д. Горокъ.

2. Аннушка Акимова, баба 22—23 лѣтъ; кончила въ Савельевской школѣ Воспит. Дома; всю жизнь прожила въ деревнѣ; въ Москву ѣздила только продавать лѣсъ; другіе члены семьи живутъ иногда въ Москвѣ. Записи ея—1896—1898 гг., очень цѣнны по своей безграмотности.

3. Дарья Арсеньева изъ д. Горокъ, изъ той же семьи, откуда мать Миши Байкова, 20 съ чѣмъ-то лѣтъ. Кончила въ Савельевской школѣ Воспит. Дома; въ Москвѣ не жила. Записи—1897—1899 гг.

4. Дуня Максимова, изъ Курова, 15 лѣтъ. Кончила въ Савельевской школѣ Воспит. Дома въ 1898 г. Записи — 1897 и 1898 гг., грамотнѣе остальныхъ и потому даютъ мало матеріала для изученія говора.

ФОНЕТИКА.

Говоръ нашей мѣстности отличается характерными чертами такъ наз. Московскаго говора, т. е. при ю.-влкр. произношеніи гласныхъ въ немъ господствуетъ с.-влкр. произношеніе согласныхъ. Таковы *г* = въ большинствѣ случаевъ лат. g, а не γ; твердое *т* въ окончаніи 3 л. глаголовъ и т. п. Тѣмъ не менѣе, замѣчается бóльшая склонность къ ю.-влкр., чѣмъ въ Московскомъ. Аканье, хотя и неполное, но сильнѣе Московскаго (видú, мишкý, но сялý, вялá) и проч.

Въ настоящее время этотъ говоръ находится въ переходномъ состояніи отъ сильно акающаго (*ʼа* передъ твердой согласной) къ умѣренно акающему (*ʼи* во всѣхъ положеніяхъ передъ удареніемъ). Говоръ стариковъ — сильно акающій; дѣти тоже склонны къ сильному аканью, но среди взрослой молодежи, даже и не жившей въ Москвѣ, иногда замѣчается склонность къ умѣренному аканью. Впрочемъ, разная степень аканья стоитъ, кажет-

ся, не столько въ зависимости отъ поколѣнія, сколько отъ принадлежности говорящаго къ той или другой семьѣ. Въ одной семьѣ, напримѣръ, всѣ, и старые и малые обыкновенно сильно акаютъ, въ другой же — аканье умѣренное. Точно также, въ различныхъ семьяхъ — различная степень шепелявости: тогда какъ одни выговариваютъ чисто всѣ шипящія, другіе произносятъ: с̊с̊ш' и з̊з̊ж' вм. *щ* и ж(д)ж, третьи выговариваютъ шепеляво даже *ч*, а иногда *ш*. Такое сильно шепелявое произношеніе я наблюдалъ у нѣкоторыхъ старухъ[1], и родившихся и прожившихъ всю жизнь въ Парфёнкахъ, а также у нѣкоторыхъ лицъ изъ наиболѣе консервативныхъ семей. Различія по семьямъ являются также въ произношеніи ќ и ́ и др. Повидимому, старшее поколѣніе Парфёнокъ сильно акало, сильно шепелявило и путало *в* и *м* передъ *н* (дамвно́, рамвно́, гувмно́, повм̊ни, съ *м* склоннымъ къ *в* или *в* назалированнымъ). Что касается произношенія *г*=γ, то его у стариковъ я не замѣчалъ.

Относительно транскрипціи замѣчу:

ъ и ъ — глухія *гласныя* слоговыя;

· (точка) надъ согласной обозначаетъ полумягкость согласной;

' — мягкость (мягкость согласныхъ передъ *и* и *е* не вездѣ обозначена).

˘ надъ гласной — глухой выговоръ.

j не передъ гласной = i̯.

w — губное (билабіальное) *в*.

Буква надъ строкой — еле замѣтное произношеніе соотвѣтствующаго звука.

Остальныя обозначенія понятны.

---

[1] Кажется, это произношеніе не было чисто физическимъ недостаткомъ.

ГЛАСНЫЯ.

А. Гласныя ударяемыя.

а́ изъ первонач. *а* или *'а* (=о.-сл. *'а* и ѧ) — вполнѣ чисто. Впрочемъ: ба́ᵉшь — слово, которымъ зовутъ овецъ (съ *б* и *ш* полумягкими). Здѣсь это произношеніе—звукоподражительное (Ср. у Шахм. Мосал. „дӑ“ или „тэк“ стр. 190, вѣроятно, со средними, а не твердыми согласными).

о́ вм. *а́*. пло́тьш, пло́чинӑj, со́дьт, пасо́дьш, пасо́т (=посади), падо́рьш.

пато́щьт, пато́щьм (въ произношеніи одного мальчика). Но рядомъ и: пата́ссьт (въ одной колыбельной пѣснѣ), ко́jмы, ско́мjи.

Въ глг. кати́ццъ—то *о́*, то *а́*, или же *а* неударяемое. Говоря́тъ: пако́тит, но въ пѣ.: „Са́нӑчки сӑмӑка́тӑчки, са́ми ка́тюцца“. (кажется, и разгов.). Въ значеніи неперех.: ка́тит (Въ пѣ.: „мил на са́пъчкӑх кати́т).

по́лты. Здѣсь впрочемъ, первоначальная гласная не могла быть извѣстна, п. ч. слово было получено уже акающимъ говоромъ съ удареніемъ на концѣ. Ср. также По́лка, при старо-русскомъ, надо думать, Палаге́я (совр. Пъладе́й) изъ греч. Πελαγία (См. Шахм. Изсл. 24).

Въ другихъ ю.-влкр. говорахъ отмѣчено еще: во́риш, бро́нится, пригло́сиш, во́лиш, кро́сы и нѣк. др. Въ большей части этихъ случаевъ въ разбираемомъ говорѣ — другое удареніе. Впроч., отм. въ одной пѣ: „Не́ту кра́сы, нѐт румя́ницӑ в лице́“ (Курово).

Въ словахъ съ первоначальнымъ *о* это *о* подъ удареніемъ сохраняется: ко́рмит, во́дит, падло́мют и пр. Б. м. сюда слѣдуетъ отнести и пако́тит (см. ниже).

ло́вьт, но и: ла́вют (3 мн.). Впрочемъ, послѣднюю ф. я слышалъ только одинъ разъ. Въ другихъ ю.-влкр. говорахъ въ этомъ словѣ особенно часто *а́*.

Въ одной пѣ.: са́ушкӑ („Са́ушкӑ па ѐнюшкӑм пахáжъвӑит“). Но, м. б., здѣсь вмѣсто названія птицы поставлено собств. имя.

Нѣкоторые случаи неустойчивости *а* и *о* подъ удареніемъ въ такихъ случаяхъ, какъ сóцьш, падóрьт и т. п., повидимому, легко объясняются тѣмъ, что первоначально (еще въ эпоху единства бѣлор. и ю.-влкр. говоровъ?) въ этихъ словахъ на коренной гласной не было ударенія, а переносъ его совершился уже въ акающемъ говорѣ. Дѣйствительно, въ другихъ говорахъ часто слышится: подари́ш, таци́т, пригласи́т, вари́ш, посади́т, сади́т, скамьи́ и т. п., такъ что можно думать, что удареніе на коренной гласной въ этихъ словахь—недавнее, заимствованное у другихъ глаголовъ съ подвижнымъ удареніемъ (частью, быть можетъ, въ эпоху бѣлор.-ю.-влкр. Ср. бѣлор. падóрым, пасóдзим). Но, нпр., въ словѣ платишь или плотишь удареніе во всѣхъ говорахъ стоитъ на коренной гласной, такъ что можно думать, что это слово всегда имѣло подвижное удареніе. Въ сѣв.-влкр. говорахъ отм. вари́ш и пр., сади́ш и са́диш, пла́тиш, ка́тиш (перех.) и кати́ш (неперех.). *о* вм. *а* очень рѣдко и въ большинствѣ случаевъ можетъ считаться заимствованіемъ изъ ю.-влкр. говоровъ. Тамъ, гдѣ это заимствованіе трудно предположить, появленіе *о* въ сл. пло́тиш, посóдиш, вóлиш можно сопоставить съ *о* неударяемымъ въ зобóр, долёко, нé зомáй—Шахм. Изсл. 263—264.

Въ ю.-влкр. говорахъ вобще замѣтно сильное стремленіе къ переносу ударенія на корень съ окончанія (въ извѣстныхъ формахъ) и съ предлоговъ. Этимъ переносомъ вызвано неправильное проясненіе гласныхъ ӑ въ *о* и *а* вм. *а̣* и *о̣*. Затѣмъ, можетъ быть, подъ вліяніемъ получившейся путаницы явилось и чередованіе ла́виш и лóвиш, пла́тиш и плóтиш, гдѣ удареніе издавна въ извѣстныхъ формахъ было на корнѣ.

Сл. пакóтьт и кáтьт, м. б., разнаго происхожденія. Ср. у Соболевскаго, Лекціи, стр. 86, чеш. kotiti, поль.

kocić się, млр. покóтыцця, бѣлор. пакóцицця. Въ сѣв.-влкр. извѣстны только формы съ *а*: кáтит, катúт.

Другихъ случаевъ *á* вм. *о* нѣтъ: ýгълјӑ, никалú и пр. Въ словѣ: пакáл=поколь, покель и т. п. другихъ говоровъ *а* заимствов. изъ пакá (=пока).

Въ глг. многокр. вида — *á*: унавáжъвът, пригатáвливът, пригавáрйвът, прикалáчьвът, пирварáчьвъли, възмалáчьвът, ăбрабáтъвът, зърабáтъвът, акáпнъвът, wзвáжжьвът, но: аввóртъвът и пр.

а° иногда передъ w. Это произношеніе я подмѣтилъ въ исключительныхъ случаяхъ, но, вѣроятно, это явленіе нѣсколько чаще, тѣмъ у меня отмѣчено. Въ одной прибаюткѣ: „Худој сла°wъј дъкарят“. Это явленіе, между прочимъ, отмѣч. и Шахм. въ Мосал. (Онъ говоритъ объ измѣненіи *а* послѣ твердыхъ согласныхъ „въ направленіи къ *о* передъ неслоговымъ *у*“), стр. 189—190. Отмѣчу, что въ записанномъ мною примѣрѣ передъ *а*—*л* (согласная лабіализованная).

á между двумя мягкими звуками обыкновенно сохраняется: пряс^т^, гряс, пят, апят, зят, дядь и дяі (дифтонгъ аі долгій), јáицă (и јаіцă) и пр.

Рядомъ съ мяч, мячьк встрѣчается изрѣдка: мéч, мéчьк.

Переходъ *а* въ этомъ положеніи въ *е*[1], очень распространенный въ сѣв.-влкр. говорахъ, въ ю.-влкр. встрѣчается только спорадически. Бóльшая часть ю.-влкр. говоровъ знаютъ этотъ переходъ, кажется, только въ словѣ мéч, мéчик (Ср. Рѣзановъ, Курск. Обоян., стр. 91 и др., напр. Калуж. Медын., Малояросл; Тул. Венёв.). У Филат. т. 37, стр. 212: петь, апеть. Къ сожалѣнію, Филатовъ не отмѣчаетъ, насколько переходъ *я* въ *е* послѣдователенъ и распространенъ; записи его матеріала для этого не даютъ.

трес^т^, запрéч (атпрéч и пр.). Отъ этихъ глг. прош.: трóс, запрóк (или: зáпрох; атпрóк и атпрох и пр.), но: упряшкă, тряскă. Фф. запрéч—запрóк возникли, м. б., по аналогіи съ пéч—пóк, тéч—тóк, жéч—жóг (жóк, жох),

ле́ч—ло́г (ло́к, ло́х) и др., ср. ве́ч—во́г (во́к, во́х), рядомъ съ которымъ въ говорахъ извѣстно и вег (бе́гла и т. д.). Онѣ не стоятъ ни въ какой связи съ аканьемъ; ср. млр. запрю́гъ (Соболевск., Лекціи, 86), сѣв.-влкр. запрёгъ (Шуя Владим.,—матер. 19; Тобол. Ишим. и др.—матер. 21 и др.), при болѣе частомъ (?) въ сѣв.-влкр. запрягъ (Волог. Кадн., матер. 25 и 26, Олон. Вытег.—матер. 22 и др.). трес$^{т'}$ и тро́с объясняются тоже аналогіей съ глг. нести—нёс, везти—вёз и т. п. Правда, и для тря́с были аналогіи: увя́с, па́с, но въ этихъ случаяхъ мы имѣемъ нѣсколько другія условія. Infin. трес$^{т'}$, не́с$^{т'}$, плес$^{т'}$, вес$^{т'}$ и пр.—недавніе, вмѣсто: три^{е}сти́, ни^{е}сти́, пли^{е}сти, ви^{е}сти́ и пр. Отъ увяс соотвѣтств. infin. былъ увя́сти съ удареніемъ на *а́*, отъ пас — пасти́: въ обоихъ случаяхъ въ ю.-влкр. *а* или вполнѣ ясное или почти ясное, между тѣмъ, какъ въ три^{е}сти́ — та же гласная, что въ ни^{е}сти́ и пр. Поэтому, въ тѣхъ сѣв.-влкр. говорахъ, гдѣ *а* передъ мягкой даже въ положеніи передъ удареніемъ не переходило въ *е*[1], ф. тря́с должна быть болѣе устойчивой (Ср. Шахм. Изсл. 241 со сс. на стр. 199 сл.). Дѣйствительно, въ сѣв.-влкр. встрѣчаются обѣ фф.: тря́с и тро́с. Чередованіе между тряс и трёс можно возводить еще къ о.-р. эпохѣ въ виду млр. тріс (Соболевск. Лекціи 86), хотя послѣдняя ф. могла быть и новообразованіемъ.

Въ словѣ пращéнјь (разгов.; между прочимъ попадается въ записяхъ Миши Байкова: „на прощенье")= по значенію литературному прощанье мы имѣемъ не суженье *а*, а тотъ же суфф., что́ въ литерат. прощенье (не отъ прощать, а отъ простить). Это слово, съ тѣмъ же значеніемъ, какъ и въ разбираемомъ говорѣ, извѣстно чуть ли не во всѣхъ другихъ ю.-влкр. говорахъ.

Наоборотъ: плимя́нник, или плимя́ник вм. племе́нник другихъ говоровъ (Здѣсь *а* заимствовано изъ имен. плимя́); симя́н (род. мн. отъ се́мь или симя́) вм. сѣмён, при болѣе частомъ симяно́ф (гдѣ *-я-* можетъ быть правильно изъ *-ё-*) и рѣдкомъ се́мьн. (Ср. Соболевск. Лекціи 76).

Другого происхожденія 'а изъ е въ словѣ: каля́скӑ (съ 'а еще о.-русск.? Ср. Шахм. Изсл. 85), но: кӑло́снъј и т. п.

'а на концѣ словъ въ соотвѣтствіи съ старо-слав., частью литерат. -ѣ: пӑсля́, ъпӑсля́, вӑзля́ (рѣдко; обыкновенно: во́̆зли), нйлзя́, ӑкрамя́ (впрочемъ, чаще, кажется: кро́̆ми). Рядомъ съ ъпӑсля́ я слышалъ также: апо́̆сли. Эта послѣдняя ф. распространена больше въ Куровѣ, между тѣмъ какъ въ Парф. чаще слышится съ удареніемъ на концѣ. (Ср. Соболевск. Лекціи 76 и Шахм. Лекціи стр. 132 — 133. Въ ф. нйлзя́, дѣйствительно, трудно видѣть имен. падежъ, но скорѣе по синтаксич. причинамъ; форма имен. „льзя" едва ли совершенно невозможна).

'а́ въ концѣ слова, въ род.-вин. пад. личныхъ мѣстоименій: тйбя́, сйбя́, мйня́, какъ въ Московскомъ и сѣв.-влкр. говорахъ. Въ ю.-влкр. говорахъ въ этой формѣ вездѣ -е́ [1]) (если гдѣ встрѣчается -я́, то заимств.): мине́, тебе́, себе́ и даже табе́, сабе́ (подъ вліяніемъ фф. дат. пад.).

е́, независимо отъ своего происхожденія (изъ ѣ, е или ъ) произносится передъ слѣдующей твердой согласной и широкими гласными (только у), а также въ концѣ слова (передъ паузой?) всегда открыто ($е^2$), а передъ согласными мягкими, передъ j (i̯) и передъ и всегда закрыто ($е^1$), какъ и въ литературномъ произношеніи. Въ единичныхъ случаяхъ мнѣ слышалось $е^2$ и передъ j и даже передъ другими мягкими согласными: скӑре́²j, маје́²j... Кажется, это бываетъ только при крикѣ и стоитъ въ связи съ растягиваньемъ ударяемой гласной (скарē²j, причемъ ē², повидимому, разлагается на ӓ некраткое + ӗ¹ очень краткое). При пѣніи, наоборотъ, гласныя иногда суживаются (причемъ могутъ переходить а въ ӓ, $е^2$ въ $е^1$, о въ ӧ, $е^1$ въ $и^е$). Обыкновенное разговорное произношеніе е иногда помогаетъ безошибочно опредѣлить степень мягкости слѣдующей согласной. Ср. кле²тка и даже кле́²тти (рѣже:

---

[1]) Касим. говоръ, гдѣ говорятъ: миня и пр.—смѣшанный.

кле́^{1}т̑ти), це́^{1}рквў, к виче́^{1}р̑ни, не^{2}γди, не^{2} с ким, пате^{2}пли-лӑ (впрочемъ, въ послѣднемъ словѣ скорѣе *е* среднее, не очень открытое и не очень закрытое), ле́^{1}дник, се́^{2}м (рѣже: се́^{1}м̑), ме́^{2}рӑ, ме́^{1}рит̑, је́^{2}ст, је́^{1}ст̑, сире́^{2}бринај̆, зде́^{2}шньј, пре́^{1}жньј, пре́^{1}жди (объ этихъ словахъ см. въ отд. о согласныхъ), ни в дале́^{1}чьм, де́^{2}фки и де́^{1}ф̑ки и пр.

е переходящее въ *и*, неизвѣстно, по какимъ причинамъ, мнѣ слышалось въ сл. мане́^{1}жнъ въ одной игровой пѣснѣ (Розанъ мой розанъ).

ѣ въ произношеніи ничѣмъ не отличается отъ *е*, и даже въ глаголѣ ѣсть всегда говорятъ: је́^{2}ст (3 л. ед.), је́^{2}ш и је́^{1}ст̑ (infin.). Ср. преобладающее въ другихъ ю.-влкр. говорахъ јист̑, јиш.

е обоихъ видовъ всегда смягчаетъ предыдущую согласную, кромѣ *ж*, *ш* и *ц* (шипящія ж(д)ж, *щ* и *ч* и безъ того мягки), остающихся почти безъ смягченія. (Въ сочетаніяхъ *ше*, *же*, *це*, слышатся звуки средніе, болѣе мягкіе, чѣмъ въ *шы*, *жы*, *цы*). Можетъ быть, этой особенностью *ц* слѣдуетъ объяснять ф. ацце́дъ, если только здѣсь *цц* изъ ц+с, что изъ *т*+с. Но этого отвердѣнія нѣтъ въ сл. ацсе́львӑ.

е́ не смягчающее предшествующей согласной является только въ одномъ словѣ: атте́дъ (не: атте́дъ!). Твердое, или вѣрнѣе, среднее *т* въ этомъ словѣ извѣстно и въ другихъ говорахъ, какъ знающихъ *е*, не смягчающее предшествующей согласной, такъ и въ имѣющихъ въ остальныхъ случаяхъ передъ *е* только мягкія согласныя [1]).

Въ началѣ слога *е* непремѣнно получаетъ јотацію.

---

[1]) Ср. Мосал. „аттэль, аттэда, атсэда", Ельнин. аттэль, патэль—Шахм. Мосал. 206. „*е*", несмягчающее предшеств. согл. въ этихъ словахъ для Шахм. неясно.

У Филатова Ворон. т. 37, стр. 199: аттеля (съ мягким *т*? Но Фил., повидимому, не всегда различаетъ *е* смягчающее предш. согласную и *е*, несмягчающее ея, такъ какъ пишетъ: бизъ адней. Въ его записяхъ: аттеля — т. 40, стр. 31, но: аттэль—ibid. стр. 32.

Исключенiе составляютъ слова, сложныя съ частицей *э* (и сама эта частица): э́нă, э́вă, э̂х, э́къј, э́дък, э́дъкăј, э́тът, э́нтът и др. Это *э* не такъ грубо, какъ иногда въ литератур. произношенiи, и, являясь послѣ согласной предлога, обыкновенно смягчаетъ ее. Такъ, говорятъ: в е́тим, к е́тъму, ав е́тъм, ут е́тът (=вотъ этотъ), но: с э́стим, ат э́тъвă, пад э́тйм, гдѣ *с*, *т*, *д* не мягкiя, а только среднiя. Впрочемъ, употребительно и произношенiе: в е́фтим, к е́тъму, ав е́тъм, со средней, а не мягкой согласной передъ *е*. Въ записяхъ у меня обыкновенно *е* въ такихъ случаяхъ указываетъ на болѣе сильное смягченiе предшествующей согласной, хотя это не вездѣ выдержано. Говорятъ также и је́тът и, кажется, је́дък. Въ записяхъ Миши Байкова и др. попадаются написанiя какъ съ *э*, такъ и съ *е*: въ ету, ва етимъ; и: все это, апосля этаго, об этимъ. Впрочемъ, эти написанiя не имѣютъ значенiя въ виду такихъ написанiй, какъ: поэзжай. Объ ја-, ји- и *и*- неударяемыхъ изъ *е* неудар. въ началѣ слога см. ниже, гдѣ говорится объ *и*.

Иностранное *е*, полученное русскимъ яз. безъ јотацiи, еще въ о.-р. переходило въ *о*. (—Офремъ, Олена, и пр.) Въ разбираемомъ говорѣ гласныя изъ этого *о* въ словахъ: Афре́м, Ăвдати́м, Авдо́тјă, Ало́нă, Афи́мјă, Ăмилја́н, но: Јивде́нј или Ивде́нј (и Ивдинја́). Въ имени Иле́нă, извѣстномъ почти только изъ новѣйшихъ пѣсенъ, *и* въ началѣ слова заимствовано изъ литературнаго произношенiя этого имени.

То-же *о* получалось иногда въ др.-рус. яз. и изъ *и* въ именахъ заимствованныхъ съ греческаго. Къ этому *о* восходитъ *а* въ именахъ: Аринă и, б. м., Ăграфе́нă (вм. Агриппина) [1]).

Въ именахъ Гара́сим, Мала́нјă, Пъладејă гласныя,

---

[1]) Съ именемъ Аграфе́на (изъ Огрофѣна?) интересно сопоставить имя Синогра́фъ въ русской передѣлкѣ повѣсти объ Акирѣ вм. первонач. Синагри́п (а это имя восходитъ, вѣроятно, къ греч. Σιναγριπ(πος) или Σιναρίφ. Ср. Σενερίφ въ греч. хронографахъ и въ Откров. Меѳодiя Пат.).

являющіяся на мѣстѣ греч. ε, восходятъ, по мнѣнію Шахматова, къ о.-р. *а* (Изсл. стр. 24). Но уменьш. отъ Пъла̑де́й—По́лкă; имя Ма́лкă; не изъ Мала̑нјă (Малькой зовутъ в с. Васильевскомъ одну дѣвочку, которой настоящее имя Авдотья, для того, чтобы отличить ее отъ старшей ея сестры, тоже Авдотьи).

Въ имени Јагóр, Јигóр зв. ј правильно изъ ̓γ.

е изъ *и* въ сл. Ра̑се́й (вă Ра̑се́и—въ пѣснѣ), ква̑р̑те́рă (въ ф. фа̑те́рă этого слова я не слыхалъ. Со звукомъ *é* вм. *и* это слово могло быть получено изъ польскаго яз.), Ăграфе́нă.

Въ сказкахъ, записанныхъ Мишей Байковымъ, 2 раза: яецъ, но въ другихъ случаяхъ М. Б. вездѣ пишетъ яицъ. Произносятъ обыкновенно јии́ц, а произношенія јије́ц, существующаго въ нѣкоторыхъ говорахъ, я не слыхалъ.

Говорятъ: т̑ихаме́рнъј, паме́рицць = помириться, но: с̑ми́рнъј (паме́рицць—не фонет., а по аналогіи?). мъла̑те́лщик (-шык), пла̑те́лщик (-шык), но: пи́лщик, наси́лщик, краси́лщикъ и пр. Въ обоихъ словахъ *е* вм. *и* нефонетич.; вѣроятнѣе всего, здѣсь другой суффиксъ.

о́ изъ стараго *е* и *ѣ*, какъ и въ литер.,—на концѣ словъ и передъ старой твердой согласной. в̑о́сну, с̑ло́тъј, т̑иро́м, ̓о́рушкă, в̑о́дръ (=хорошая погода), т̑о́ткă, пло́ткă, с̑ло́зы, л̑о́т, кло́н, т̑во́л, рассво́л и пр.

На концѣ словъ (случаи извѣстны только послѣ шипящихъ, *ц* и *ј*): ка̑лцо́, бы̑тјо́, жы̑тјо́, Усп̑линјо́, јицо́ (=яйцо), лицо́, хърашо́, пличо́, ищо́ (и јищо́), у̑жо́, мајо́ и др. Послѣ другихъ мягкихъ согласныхъ въ концѣ слова *é* не встрѣчается, и о судьбѣ его въ нашемъ говорѣ ничего сказать нельзя.

Передъ *ж* и *ш* обыкновенно: па̑до́ш, а̑до́жъ, д̑о́шъвă, ̓о́жă, хъласто́ш, л̑ипо́шкă, капо́шкă, с̑иро́шкă, с̑иро́жъ̑нка, ăдино́шъ̑ньк, в̑е́з д̑ино́шъ̑ньк, јо́ш и др. Ср. ф. 2 л. ед.: идо́ш, н̑исо́ш, ̓пли̑то́ш, гри̑во́ш, р̑иво́ш, жго́ш, тко́ш и пр. Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ передъ *ш* и *ж* сохраняется *е*: праме́ш, (ме́жду,—обыкнов. безударн.: мижду), гъла-

ве́шкă, На̂де́ждъ, На̂де́шкă, а̂де́ждъ, че́шът, ве́шн̂ьј, ј́е́ж̂ли (съ $е^2$), п̂ре́жн̂ьј. Случаевъ *е* передъ шипящей такъ мало, что ихъ для нашего говора удобнѣе объяснять аналогіей или заимствованіемъ, чѣмъ фонетическими условіями. Слово: На̂де́ждъ, какъ имя—книжное. Ср. извѣстное въ говорахъ: надёжа, безнадёжный (мнѣ не пришлось слышать эти слова въ описываемомъ говорѣ). Тоже слѣдуетъ сказать и объ а̂де́ждъ, при болѣе частомъ а̂до́жă. Слово гълаве́шка заимствовано изъ другого говора, гдѣ шипящія отвердѣли позднѣе, или же зд. *é* по аналогіи съ сураве́шкă и т. п. Что касается послѣднихъ 3-хъ словъ, то въ нихъ шипящая — передъ мягкой зубной; въ этомъ положеніи шипящія, вѣроятно, отвердѣли позднѣе: теперь въ разбираемомъ говорѣ шипящія *ш* и *ж* тверды передъ плавными и н̂ (ве́шн̂ьј, з̂де́шн̂ьј; въ пре́жн̂ьј ж изъ пре́ж-д̂й), но мягки или полумягки передъ т̂ и д̂. (Объ *о* передъ шипящ. см. у Шахм. Изслѣд. стр. 74—82).

Въ другихъ ю.-влкр. говорахъ *о* въ этихъ случаяхъ рѣже. Такъ, суфф. *-ешк-* часто является съ *е*, а не *о*, ср. также: де́шево, ле́жма, аде́жа, и пр., фф. 2 л. ед.: иде́ш, несе́ш, пайде́ш—въ Мосал. говорѣ (Шахм. Мосал., стр. 194) и др., какъ ю., такъ и сѣв.-влкр. говорахъ. Поэтому, появленіе *é* вмѣсто ожидаемаго *ó* при господствѣ *ó* въ однихъ говорахъ и, наоборотъ, *ó* вм. *é* при господствующемъ *é* въ другихъ, — можетъ нерѣдко объясняться заимствованіемъ одного говора у другого.

Передъ *ц*—$е^2$: а̂те́ц, кан̂е́ц и пр.

Передъ *ч*—$е^1$ (слѣдов., *ч*—мягкій звукъ): р̂ише́читăј, суфф. *-е́чък* (при нефонетическомъ *-о́чък*,—см. ниже), нида̂ле́чь (ср. въ одной пѣснѣ: н̂и в да̂ле́чьм растаян̂и, но: н̂и в да̂ло́ки) [1]), пе́чкă.

---

[1]) Кстати. Нельзя ли объяснять произношеніе: дале́ко, отмѣч. Шахм. въ Мосал. и извѣстное и въ другихъ говорахъ, даже сѣв.-влкр., вліяніемъ слова „дале́че“? Если предположить, что дале́че употреблялось чаще, чѣмъ далеко, и что при этомъ далеко имѣло удареніе на окончаніи (какъ и всѣ нарѣч. на

ʼе передъ щ и ж(д)ж. Въ клéщ, трéщйна, мирéщьцă, забрéж(д)жьлă,—е изъ ѣ. Остается: вéщ или вéщă въ одной пѣснѣ, гдѣ поется: ссипáлă рвалá паспéлăю вéссю (не: вишню!), но это слово — книжное; лéщ, падлéщьк — слова, извѣстныя только тѣмъ, кто этихъ рыбъ видѣлъ въ Москвѣ. Въ словѣ тóщă — ʼó неяснаго происхожденія (Ср. Шахм., Мосал., стр. 194).

Передъ j фонетически ʼе сохраняется безъ перехода въ ʼо: капéjкă, вървéj, сълавéj, лъшъдéj, jéj, jéю, маjéю и пр. Нефонетически ó въ прилагат. балшój, миншój, чужoj и т. п. (во всѣхъ формахъ передъ j, т. е. въ им. ед. муж. и средн., въ род.-дат.-мѣстн. и твор. ед. жен. рода) и въ творит. пад. единств. существительныхъ ж. р. мягкаго различія: зимлój, сʼимjój и пр. Но въ выраженіи сам-тритéj сохраняется фонетически е, б. м., благодаря спеціальному значенію этого слова. Во всѣхъ другихъ случаяхъ въ окончаніи ʼej (jej), ʼею (jею) сохраняется фонетически е: маjéj, тваjéj, фсéj и пр. (Эти мѣстоименныя формы имѣли для себя менѣе аналогіи, такъ какъ въ мѣстоименномъ склоненіи -ою и -ой являлось только въ мѣстоименіяхъ личныхъ, въ мѣст. тъ и числит. одинъ; въ другихъ формахъ отъ нихъ самихъ о въ чередованіи съ этимъ е тоже не встрѣчалось. Въ тѣхъ говорахъ, гдѣ мы находимъ jój, маjój, фсój на такія фф. могли вліять прилагательныя). Въ фф. родит. множ.: лъшъдéj, кастéj, гастéj и пр. Въ послѣднемъ случаѣ никакой аналогіи не могло быть и потому е во всѣхъ говорахъ осталось безъ перехода въ о.

ʼо передъ отвердѣвшей согласной изъ старой мягкой.

Передъ р съ послѣд. твердой зубной: мóрзнут, замóрс, мóртвъj, чóрнъj и пр., но: видéрнъj, дéрскъj. Ф. дéрскъj, вѣроятно, книжная; въ словѣ видéрнъj е не совсѣмъ ясно. Передъ р + шипящая — е: дéржьт, твéржъ

-ькó), то появленіе „далéко“ въ нѣкоторыхъ ю.-влкр. говорахъ болѣе, чѣмъ понятно.

(съ *е*²). Передъ сочет. *с* или *з* + твердое *н*: хр̓о́снъj (при: кр̓е́ст, хр̓е́ст!), ни̓во́снъj, ка̓ло́снъj и пр., но: ни̓тти пъдни̓ве́снъвъ цв̓е́ту, с̓л̓е́знӑ, ръз̓лю̓бе́знъj, че́снӑ, васкр̓е́снъj. Шахм., Изсл. 79, полагаетъ, что зубныя передъ *н* твердымъ отвердѣли до перехода *ö* въ *о*. Въ такомъ случаѣ перечисленные примѣры слѣдуетъ считать заимствованными изъ книжнаго яз. Въ другихъ случаяхъ передъ зубной + твердое *н* имѣется ̓*о*.

Отмѣченные у Шахматова, Изсл. 78, слова съ суфф. *-ебн-*, *-ѐвн-* мнѣ изъ описываемаго говора совсѣмъ неизвѣстны, кромѣ: цар̓е́внӑ. Всѣ эти слова едва ли въ говорахъ особенно употребительны и, если́ встрѣчаются, то по большей части заимствованы.

Въ с̓о́длы зв. *д* отвердѣлъ, по всей вѣроятности, до перехода *ö* въ *о* ¹), одновременно съ отвердѣніемъ зубныхъ передъ *н* твердымъ (Что здѣсь было *д* мягкое, видно изъ написанія бе седьла въ 13 сл. Григорія Богосл. XI в. и др. Впрочемъ, Р. Ѳ. Брандтъ предполагаетъ здѣсь исконное *д* твердое — Лекціи стр. 145, что мнѣ кажется излишнимъ).

д̓о́ргъ̓т, па̓д̓о́ргъвъj, б̓л̓о́кньт. Здѣсь въ обоихъ словахъ отвердѣніе согласной и появленіе ̓*о* — нефонетич., такъ какъ въ разбираемомъ говорѣ р̓ передъ согласными твердыми другого мѣста образованія фонетически сохраняетъ свою мягкость до сихъ поръ, а *к* является въ данномъ случаѣ передъ мягкой. Въ послѣднемъ случаѣ ̓*о* заимствовано изъ ф. бл̓о́кну̓т. О сл. д̓оргъ̓т см. у Шахм. Изсл. стр. 80 (Будде, Къ исторіи, предполагаетъ въ о.-сл. корень *дърг-* рядомъ съ *дърг*, стр. 95, но противъ такого предположенія высказывается Шахм. въ Отчетѣ о прис. Ломон. преміи въ 1897 г., стр. 41).

е сохраняется въ словахъ: т̓е́п̓л̓и, па̓т̓е́п̓лилӑ, ше́пчьт. Здѣсь *п* и теперь полумягкое, такъ что шо́пчеть въ дру-

---

¹) Такъ какъ *д* и *л* — звуки однородные по мѣсту образованія.

гихъ говорахъ можетъ быть и нефонетич. (по аналогіи съ шо́пот, шопта́ть и т. п.).

̓се́²стр̓и̓н (съ e^2, но слышится, кажется, и *е* среднее: ̓сес̓тр̓ин) при ̓со́стры, хотя ̓По́тр̓и̓н при ̓По́трӑ.

̓*о* передъ мягкими подъ вліяніемъ аналогіи нер̓ѣдко, какъ и въ литературномъ говорѣ. Условія его появленія, въ общемъ, тѣ же, что и въ литературномъ яз. Отмѣчу такія слова, относительно которыхъ въ говорахъ разногласія. пад̓о́н̓щьк (-шык), зъгув̓о́н̓н̓ик, ̓Лон̓кӑ, ̓по́р̓јь, ̓то̓ть, и пр.; дружо́чьк, къришо́чьк и др. слова на *-о́чък* послѣ шипящей заимствовали *о́* изъ дружо́к, къришо́к и т. п. Рядомъ съ этими фф. чаще употребляются фонетически правильныя образованія на *-ечък*: друже́чьк, гарше́чьк, ̓мише́чьк, пуче́чки и пр. Въ литературномъ произношеніи фф. на *-ечекъ* почти совсѣмъ вытѣснены формами на *-очекъ*.

̓*е* правильно въ ̓ле́д̓н̓ик, спле́т̓ни (съ *д* и *т* назалиров. мягкими).

̓*о* изъ *ѣ*: г̓но́зды, над̓о́вън, пад̓д̓о́фкӑ, аб̓р̓о́л, ̓во́к, ̓со́к.

Ф. аб̓р̓о́л объясняется народной этимологіей этого слова, произведшей его отъ б̓р̓о́л. Какъ при ишо́л являлось нашо́л, такъ при б̓рол могли понимать аб̓рол. (Ср. Брандтъ, Лекціи, стр. 24). Ср. ̓се́с̓т —̓се́л, гдѣ почти при тѣхъ-же условіяхъ *е* сохранилось, или: ст̓р̓е́л,—отъ того же глагола, только съ другой представкой. бѣгъ и сѣкъ являлись исключительными формами въ ряду многихъ формъ на ̓*ок*: пе́ч—̓по́к, ̓те́ч —̓то́к и пр. Ср. запр̓о́к. Въ другихъ говорахъ извѣстны и бѣгъ, сѣкъ безъ перехода *ѣ* въ *о* (такъ напр. въ говорѣ Шацк. у. Тамб.: прибе́г̓ла, ̓се́к, ат̓се́к и др.). Въ разбираемомъ говорѣ фф. бе́ч—̓бо́к рѣдки. Обыкновенно употребляется глаголъ бижа́̓т—бижа́л, какъ въ литературн. Распространенность ф. г̓но́зды, над̓о́ван и пр. въ влкр. говорахъ трудно объяснить. Съ *ѣ* (*е* или *и* ?) эти слова извѣстны только въ нѣкоторыхъ сѣв.-влкр. говв. (Тобольской губ., Новгор. Устюжн. и др.)

̓з̓во́здъчкӑ, ̓з̓во́зды и ̓з̓вездъчкӑ, ̓з̓ве́зды.

ˀо изъ ѣ также въ концѣ род.-вин. ед. мѣстоим.: јијо́, тајо́, съмајо́, ъднајо́ (или: аднъјо́), фсијо. Въ другихъ говорахъ, (сѣв.-влк., ю.-влкр. и бѣлор.) кое-гдѣ встрѣчается и јије́, таје́ и пр. (См. Шахм. Изслѣд. стр. 175—176).

Но правильно ˀе изъ ѣ: ве́дры (им. множ. отъ вядро́ = вѣдро́, въ отличіе отъ во́дръ = ведро — хорошая погода), ше́ст, ре́звъј и др. Въ словѣ рѣзвый о вм. е является только въ сѣв.-влкр. и смѣшанныхъ говорахъ, а въ сл. вѣдра ˀо распространено не только въ влкр., но и въ бѣлор. говорахъ.

Въ немногихъ словахъ со старослав. -рѣ вм. русскаго -ере- произносится ˀе: дапре́ш, вре́днъј, дре́въ: всѣ три слова употребительны и въ разговорномъ языкѣ. По Шахм., эти случаи—книжнаго происхожденія.

ˀе нефонетич. вмѣсто фонетич. ˀо. хре́ст и кре́ст. (при: хроснъј!), пъмире́скъвъит (только въ пѣснѣ, б. м. въ рифму съ патре́скъвъит), асле́п, Парме́н, сме́ткӑ (извѣстно мнѣ только изъ одной прибаютки, запис. въ Куровѣ), даме́к въ поговоркѣ: „ни в даме́к, дъ харо́шъј чьлаве́к", Иле́нӑ (только въ новѣйшихъ пѣсняхъ), не́бӑ, но рядомъ: но́бӑ, на но́би (чаще: на́ ньби), с но́бӑ и всегда: но́бушкӑ (не: не́бушкӑ!).

Изъ приведенныхъ словъ крест (хрест), не́бӑ и Иле́на—книжнаго происхожденья. Въ словѣ асле́п явилось е по аналогіи со словомъ слѣп, ср. Соболевск. Лекціи, стр. 65, Брандтъ, Лекц. 25. Эта аналогія настолько сильна, что выговоръ аслеп, ослѣп господствуетъ въ большинствѣ влкр. говоровъ, хотя извѣстно и ослёп (Отм. между проч. аслёпъ у Филат. Ворон., т. 37, стр. 207.). Парме́н—имя заимствованое; е́ здѣсь могло явиться по аналогіи съ разме́н, бизме́н, абме́н и пр. Ср. Парфо́н, — гдѣ такой аналогіи не было. Въ сме́ткӑ зв. е́, мож. быть, по аналогіи съ „ме́тка", гдѣ е изъ ѣ. Изъ е въ этомъ положеніи: о, ср. пло́ткӑ Сл. пъмире́скъвъит неясно по происхожденью; можетъ быть, здѣсь е́ изъ ѣ.

Въ старыхъ причастіяхъ страд. зал. на -е́ньιи является

обыкновенно фонетич. ʾо: свичо́нъј (=освященный), кало́нъј, мачо́нъј, ръзвало́нъј, привизо́нъј, ръзмито́нъј, кашо́нъј и пр., но въ новыхъ причастіяхъ книжнаго происхожденія *е* сохраняется въ видѣ *е*: нариче́нај, свисе́нъва налою, ницыне́нъј (всѣ 3 случая въ пѣсняхъ.). Отм. еще фамилію: Привизе́нцъф.

ʾ*о* въ чередованіи съ ʾ*и* — въ словѣ „рибито́шки" и рибити́шки (также: рибито́нки. Объ *и* вм. *о* въ 1-мъ слогѣ см. ниже). Здѣсь—2 различныхъ суфф.: *-ъшк-* и *-ишк-* (*-ъшк* ср. въ капо́шка и пр.).

ʾ*о* и даже *о* — въ дѣеприч. на *-мшы*: нъпајо́мшы, нъцыжо́мшы и даже асидло́мшы и т. п. рядомъ съ различными другими гласными (ср. ни дапе́мшы, ни дажы́мшы)—не изъ этихъ гласныхъ, а другого происхожденія и относится къ словообразовательному суффиксу. Ср. нпр. у Филат. Ворон. иблажо́мшы (т. 38, стр. 257). Филатовъ считаетъ эту ф. непонятной или случайной, хотя все-таки догадался сопоставить ее съ „възьмъши". (Это сопоставленіе принадлежитъ А. И. Соболевскому. См. Лекціи, стр. 234). У В. Чернышова (Матеріалы 41[1], Мещов. у. Калуж. губ. стр. 100): не спросёмши, проводёмши, ходёмши, женёмши; у Будде (Тул.-Кал. стр. 834): зъчинёмшы, пасложо́мшы. Вѣроятно, того же происхожденья *ё* въ приводимыхъ Рѣзановымъ (Курск Обоян. стр. 91) примѣрахъ: притарёвши, успрасёвши, ни хадёвши, наридёвши; „*в*" въ этихъ фф. можно считать вторичнымъ изъ *-м-* подъ вліяніемъ прич. на-*вши*.

и, какъ ударяемое, такъ и неударяемое, всегда смягчаетъ предыдущую согласную, а послѣ *ш*, *ж*, *ц* переходитъ подъ удареніемъ въ звукъ, очень близкій къ *ы*, который я такъ и обозначаю. Въ началѣ слога *и́* не принимаетъ јотаціи; не только: и́ва, пайт, но и их, им и т. д. Впрочемъ, въ зависимости отъ предлоговъ, а иногда и въ другихъ случаяхъ: јим, јих, јими (рядомъ съ: ним, них, ни́ми послѣ предлоговъ), нпр. с јим и с ним и пр. Безударное *и* изъ *и* тоже не принимаетъ јотаціи, а передъ *и* изъ *је*, *ја* звукъ *ј* можетъ опускаться, нпр.: Иле́на, ило-

въј и јило́въј (чаще: јало́въј), ищо́ и јищо́. (По мнѣнію Ф. Θ. Фортунатова, раздѣляемому Шахматовымъ, ф. ищо́ и э́щё восходятъ къ о.-слав. ђéšče съ удареніемъ на 1-мъ слогѣ, а јищо́—къ о.-слав. ђešče съ удареніемъ на концѣ. См. Лекціи Шахм., стр. 166; Фортун. Сравн. язык., фонет. стр. 259—260. Нашъ говоръ не даетъ матеріала для провѣрки, п. ч. „*и*“ въ немъ является и на мѣстѣ јe). Всегда: идва́ (слово, рѣдко употребляемое. Судя по случаямъ его употребленія, можно заключить, что оно заимствовано не очень давно изъ литературнаго языка. Ср. Шахм. Лекціи стр, 166). Въ записанныхъ мною сказкахъ: иви́лъс и јивля́ицъ. Миша Байковъ пишетъ: „и сенъ соколъ“ (въ пѣ.; т. е: ясёнъ...), что скорѣе всего можетъ указывать на *и* нејотированное. Но всегда съ *j*: јизы́к, јимшы́к, јиро́л (послѣднее слово только въ пѣ.)

Обязательно выпадаетъ *j* въ слогѣ послѣ ударенія передъ личными окончаніями глаголовъ послѣ гласной: думъйш, ђе́лъйш, (не: ду́мъјьш, ђелъјьш!) и въ оконч. им. мн. прилагат. на -ъи; при пѣніи: ăи рядомъ съ ăјă (только при пѣніи) со вполнѣ опредѣленнымъ *j*. Но въ окончаніи существит. (очень рѣдкихъ) на -ијь, -ий—*j* слышится. Вообще же окончанія словъ, кромѣ немногихъ, произносятся очень вяло.

и вм. *еj* въ сл. ъбабри́, пъдабри́с и пр.—нефонетич., а взято изъ infin. или другихъ формъ (по аналогіи съ хади́т—хади́; пайт—пай и т. п. ?). При ъбабри́ и т. п. мы бы ждали вторичной формы настоящаго: брю́, но такъ, кажется, не говорятъ.

Вм. литер. *'и—'а* въ сл. три́сня́къ и тра́сня́к рядомъ съ три́сни́к (болѣе рѣдкимъ) = литер. тростникъ. Здѣсь суфф. не *-ик*, а *-ак* (*-'ак*. Ср. дура́к, пятак, бѣдняк и пр.). Значеніе суфф. *ак*, кажется, мало отличается отъ значенія суфф. *-ик*, и потому мѣна ихъ вполнѣ возможна.

о́ въ разбираемомъ говорѣ—открытое, какъ и въ литературномъ произношеніи. Впрочемъ, передъ *ш*, *у*, *шу* и т. п. также можетъ являться и o^1, но въ записяхъ у меня, къ сожалѣнію, различные виды *о* не отличаются.

О переходѣ *ою* и *ою̆у* въ концѣ слова въ дифтонгъ см. ниже.

Болѣе открытое, чѣмъ обыкновенно, произношеніе *о* я слышалъ одинъ разъ отъ одной дѣвочки въ Куровѣ въ сл. Со́ᵃнка (=Сонька); *а°* вм. *а* въ сл. сла°wъј см. выше.

о́=литер. ы́ въ словѣ: но́нчй, но́ньшньј и т. д., но и *и*: ны́ни, ны́нчи. Ср. Соболевск. Лекц. 49, 73 и 94.

дубро́вӑ имѣетъ *о* общерусск. Въ ст.-слав. и ю.-слав. язз. въ этомъ словѣ *а*: дубрава (русское литературное дубрава и дуброва).

о́=литер. *а́* въ сл. ро́внъј, ро́вня̆, ро́внюшкӑ. Здѣсь *о*—общерусск., между тѣмъ какъ литер. равный—книжное. Въ предл. ро́з: ро́звълни, ро́спуски, но ра́зум, также: ра́зи (=литер. развѣ) и ра́знъј. Послѣднее слово заимствовано изъ литер. яз. Слова производныя отъ „робъ" (ст.-сл. рабъ) извѣстны только съ удареніемъ не на коренной гласной.

о́ въ сл. лазо́ривъј (только въ пѣ.: „я рвала ѓвяты́ лазо́ривӑя̆) ср. съ литер. лазу́рь, лазу́рный.

Хош въ значеніи союза (=латин. vel) подъ удареніемъ попадается рѣдко. Не подъ удареніемъ: хŭш и хъш. Въ одной пѣснѣ: „Хо́ш пе́ј, хуш ле́ј, хъж дамо́ј вези́", въ другой: „хӑш рябо́вӑ ’люби́д бу́ду". (Подъ удареніемъ—*о́*, передъ удар.—*у*, въ слогахъ удаленныхъ отъ ударенія—*ъ*?)

у́. Отм. ударяемое у́ въ сл.: нъклану́лъс, зъману́т= литер. наклонилась, заманить; у́ въ этихъ сл. нефонетич. и заимствовано у словъ съ суфф. на *-ну-*, причемъ значеніе однократности, свойственое суфф. -ну-, является и здѣсь. При нӑклану́т, зъману́т не скажутъ: клану́т, ману́т. Слѣдовало бы ждать и наст.: нъклано́ццӑ, зъмано́т, но такихъ формъ я не слыхалъ.

атку́л (или атке́л), = литер. отколѣ, могло заимствовать *у* изъ атку́дӑ, но, можетъ быть, здѣсь *у* древнее. Вообще, въ нарѣчіяхъ мѣста и времени замѣчательное разнообразіе гласныхъ: атту́дӑ, аттэ́дӑ, атто́л, атту́л; ац-

су́да (суда́=литер. сюда), ацце́дă; аткӯл, атко̄л, аткел; пака̄л, пакӯл; паке́дă, паку́дă, патэ́дă и пр.

ъбанкрӯтиццъ—иностранное слово.

У Миши Байкова въ записяхъ ошибочно написано въ одной пѣснѣ: разъ красутка вм. раскрасотка (ръскрасо́ткă).

ы́ вм. у́ въ сл. глы́пкă. глы́бжъ (не подъ удареніемъ обыкновенно *у*: глубо́къј, глубако́, глубжына́, рѣдко: глыбака́) и бы́ттă. Въ другихъ говорахъ въ этихъ словахъ *ы* тоже очень распространено. Филатовъ (т. 37, стр. 220) ставитъ первое изъ этихъ словъ въ связь съ старо-слав. глъбък, но русское *ы* въ этомъ положеніи не можетъ восходить къ о.-слав. *ъ*. Возможно, что *ы* зд. изъ *у* получилось фонетически. Ср. у Шахм. Ельн., ср. 88: лычинку, пролыбку, голыбъ. Слово бы́ттă, вѣроятно, понимается народомъ какъ быть-то. Такого же мнѣнія держится и Филатовъ (т. 37, стр. 219—220).

ы́ рядомъ съ *а́* въ окончаніи нарѣчій: туды́, суды́, куды́, и туда́, суда́, куда́, но всегда: када́, тада́ (таүда́, тагһда́. Впрочемъ, въ одной пѣснѣ и „никаүды́"), фсиүда́, инада́ и инаүда́. Конечно, здѣсь не переходъ *а* въ *ы*, какъ почему то думаетъ Филатовъ (т. 37, стр. 211), а старое *ы* (Ср. Шахмат. Отчетъ о прис. Ломон. пр. въ 1897 г., стр. 28).

Нѣсколько странное ы слышалось мнѣ въ одной пѣснѣ (Тобой,-милой, забыта): „А я млады́мла де́нькă". Слова—да вы́зръсту (=до тѣхъ поръ, какъ выростетъ), ср. литер. „возростъ" (выз=вы+из?)

ы вм. *и*. Въ этихъ случаяхъ, по большей части, *и* перешло въ *ы* благодаря твердости предшествующей согласной, и потому это явленіе должно бы разсматриваться въ отдѣлѣ о согласныхъ. Ср. *ы* вм. *и* послѣ предлоговъ: в ы́збу, с ы́згъръди, с ыко́нъј. Такое *ы* является послѣ *р* въ словахъ: гры́п, грыбы́, кры́нкă, ры́гă и ри́гă, скры̄е̄т и скрӣе̄т, но: скри́пкă, скри́пъчкă. Послѣ другихъ согласныхъ *ы* въ давны́шнъј (ср. твердое *н* въ давно́, давны́м давно́), вы́шънјă и ви́шънјă (=вишни).

Наоборотъ *и* вм. литер. *ѣ*: мӣлъс̑тӣнкӑ: „Пада́ј̑ти мӣлъс̑тӣнку Христа ра́ди“, гдѣ является суфф. не -ын-, а -ин- (Ср. Шахм. Мосал. 208—„милыстину“ въ Ельн. гов. и др.).

ты́ркъ̑т при то́ркъ̑т и търы́ка́т. Здѣсь ы́ не изъ *о*, а старое. Ср. србск. тр̑р—ударъ, толчокъ [1]). Глаголъ ты́ркъ̑т, ты́ркъю отожествился съ глг. ты́къ̑т и имѣетъ тоже значенiе. (Значенiе словъ: тыр и тырчки́ въ плясовой припѣвкѣ „Ај тыр, тырчки́“ мнѣ въ точности неизвѣстно, такъ какъ въ разговорѣ этихъ словъ я не слыхалъ. Слово „тык“ въ значенiи междометiя отъ глаг. тыкать см. въ пѣ.: „Жилъ я у па́на“—„Мој бы́к то̑лки ты́к“).

ʾ*у*, особенно часто *у* неударяемое иногда суживается въ ʾў (ü). Точно опредѣлить эти случаи не могу. Можно только отмѣтить, что ʾ*у* неударяемое и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ не переходитъ въ ʾў, звучитъ все таки у́же, чѣмъ *у* безъ предшествующей мягкости.

Б. Гласныя слога, непосредственно предшествующаго ударенiю.

Слогъ, непосредственно предшествующiй ударенiю, имѣетъ на себѣ побочное ударенiе и притомъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда этотъ слогъ начинаетъ слово. Поэтому всѣ гласныя этого слога звучатъ довольно ясно. Несовсѣмъ ясный звукъ получается только послѣ шипящей передъ мягкой согласной. Впрочемъ, какъ исключенiе, побочное ударенiе встрѣчается и на первомъ слогѣ слова не непосредственно передъ ударенiемъ, причемъ слогъ, непосредственно предшествующiй ударяемому, теряетъ свое побочное ударенiе (примѣръ см. ниже).

---

[1]) Если это слово, дѣйствительно, србск. Въ русскомъ языкѣ сл. „тыр“ существуетъ, но только, кажется, въ поговоркахъ и т. п., ср. „тыр, тыр—семь дыр“.

а ПЕРЕДЪ УДАРЕНІЕМЪ.

1) *а* изъ *а*, *о* и *ъ* безъ предшествующей мягкости, не послѣ шипящихъ и *ц*, въ положеніи какъ передъ твердыми, такъ и передъ мягкими звуками, независимо отъ положенія въ начальномъ или неначальномъ слогѣ и отъ качества гласной слѣдующаго слога. Въ этомъ случаѣ произношеніе совпадаетъ съ литературнымъ. Какъ исключеніе, отмѣчу слышанную мной отъ одной дѣвушки (живущей зимой обыкновенно въ Москвѣ) единичную ф. а̀дн̂ъјо́ (вин. пад. ед. ж. р. отъ ади́н, адна́), гдѣ вмѣсто а̀ (мы бы ждали: ъдна̀јо́ или ӑдна̀јо́) въ предударномъ слогѣ благодаря переносу побочнаго ударенія на первый слогъ слова является *ъ* (глухой звукъ средняго ряда, болѣе открытый, чѣмъ *ы*) [1]).

Въ записяхъ пѣсенъ и сказокъ, сдѣланныхъ крестьянами, это аканье выражено очень ясно. Аннушка Акимова (см. записи) почти не употребляетъ въ этомъ положеніи другой буквы кромѣ *а*; Миша Байковъ безпрестанно путаетъ *о* и *а* и т. д.

2) *а* съ предшествующей мягкостью или шипящей изъ *ʾа* и *е*, а послѣднія изъ *ʾа*, ѫ, ѧ, *е*, *ѣ* и *ь* передъ твердой согласной. Въ разбираемомъ говорѣ это аканье (вѣрнѣе: яканье) выдерживается нестрого; рядомъ съ *ʾа* можетъ явиться и *и* (а послѣ *ж* и *ш*—*ыь*), независимо отъ другихъ окружающихъ условій. Прим.: јаво́ и јиво́, јаму́ и јиму́, н̂ичаво и н̂ичиво́, тряпа́т и трипа́т; рябо́ј, хлябо́к, хлябо́чьк, Јаго́р (рѣже: Јиго́р), Јаго́рвнӑ, ъ̂вязат и а̂ввиза́т, Ръжаство́ (всегда съ *ʾа*), но Ръж̂диство́ (всегда съ *и*), жала́нъј, бижжала́нъј, чижало́, жана́, жыьра́, и др., но всегда: јизы́к, јимшы́к.

---

1) Не нахожу удобнымъ возводить это *ъ* непосредственно къ *ы* и сопоставлять съ западнорусскимъ *ы*, *ъ*, *э* въ этихъ случаяхъ въ виду того, что въ томъ же положеніи мы не услышимъ тъјо́, самъјо́ и т. п.

Установить здѣсь какія-нибудь правила, при какихъ условіяхъ чаще *а*, при какихъ—*и*, кажется, нельзя, п. ч. только въ очень немногихъ словахъ въ этомъ положеніи постоянно одинъ и тотъ-же звукъ. Кажется, нпр., лясá рѣже, чѣмъ в лясý, но провѣрить это было бы очень трудно, п. ч. такое произношеніе стоитъ въ зависимости отъ того, кто говоритъ, иногда отъ настроенія говорящаго. Можно только отмѣтить, что на „*и*“ въ такомъ положеніи побочное удареніе слабѣе, чѣмъ на „*а*“, ср. ъ̆вя̆зáт̆ и ав̆визáт̆, почти—ав̆визáт̆. Приведу еще нѣсколько примѣровъ изъ записанныхъ мною пѣсенъ:

пятáк, пятрóскăй̆, пăвязлá, н̆и бярýт, вядрó, чиᵉсáт̆ и чаᵉсáт̆, шалкóвă, с̆лизóю и с̆лязóю, ва кл̆инóвăј, рăс̆пивáл̆и (=распѣвали), к чамý, н̆и жанáт, в̆исялó, кудрявáтăј, пă гряхáм, н̆ив̆исáм̆и, с̆лизáми, плисáт̆и, гърявáт̆, дявáт̆, пăнясý, нăд̆вязáт̆, н̆и л̆итáл, прăт̆икáлă. р̆еᵃкá, жанá, жанý, вичарóм и др. Различная степень аканья зависитъ отъ того, что пѣсни пѣлись разными лицами. Прослѣжу это явленіе по записямъ, сдѣланнымъ мною отъ отдѣльныхъ лицъ:

а) Семья Опенковыхъ. Старуха бабушка, родилась и прожила всю жизнь въ Парфенкахъ, и 3 дѣвки.

α) зилянóвă.

β) Старшая дѣвка: пъмярлá жанá, чит̆вярыґ д̆итéј, сялá, жанý, с̆вякрóви, с̆истрý (2 раза), сястрá (тоже 2 раза), влюблянá, фс̆иґдá, јивó, лятамшы, ъдявáмшы, пъвязýт.

γ) Вторая дѣвка: чартóфкъ (во фразѣ: „Ацтан̆ в̆ирблют, кăк чартóфкъ л̆исá пъд̆л̆иц̆áица“).

δ) Младшая дѣвка: шалкóвъј, т̆исóвъј, ац̆ивó, јавó.

б) Миша Байковъ. Въ сказкахъ, записанныхъ мною съ его словъ: ж жанóю, нявó, жанá, пълязáј, јавó, зъвязý. н̆ичавó, вяснóю, јамý, жанáм, јивó и др. Вообще, въ его произношеніи *и* въ такомъ положеніи почти исключительно только въ мѣстоим. јивó, јимý (и то рядомъ съ јавó, јамý) и въ немногихъ другихъ случаяхъ.

Въ записяхъ, сдѣланныхъ самими крестьянами.

а) Миша Байковъ. Въ его записяхъ я нашелъ только одинъ случай *и* вмѣсто *я*, *е*, *ѣ* въ разбираемомъ положеніи, а именно, въ словѣ „ничиго" въ сказкѣ про заклятую царевну. Въ виду обширности его записей и тѣхъ особенностей, о которыхъ ниже будетъ рѣчь, это написаніе слѣдуетъ или считать опиской („*и*" подъ вліяніемъ „*и*" перваго слога) или сопоставить съ распространеннымъ произношеніемъ јиво́, јиму́ по аналогіи съ другими формами того же мѣстоименія. Обыкновенно М. Б. пишетъ безразлично *е* и *ѣ* въ разбираемомъ положеніи и очень рѣдко *я* (вмѣсто котораго тоже—*е* или *ѣ*): его, ему и пр., ночевала, следочкомъ, тветочекъ, лѣсу, рѣку, вѣрнутъ, пѣтухъ (нѣск. разъ), по селу, въ зиленомъ, ребую, кмостерамъ, попятамъ, смѣла, жена, леталъ, гнѣздо, емской, разпевай, верна, светой, снесу, зопрегай, взгленулъ, слепой и мн. др.

Орѳографич. *я*: попятамъ, плясать, въ три ряда, заряжалъ. Въ записяхъ 1898 г. у него есть нѣсколько случаевъ неорѳографическаго *я* и *а* въ томъ же положеніи: ничаго, чаго, призвяла, поклявать, пренясу, съ жаною (нѣск. разъ), жана, часать (2 раза), ни понясу и даже: яму (т. е. ему́) Въ остальныхъ случаяхъ, т. е. не непосредственно передъ удареніемъ или же въ предударномъ слогѣ, но передъ мягкой согласной „*и*" вмѣсто *е*, *ѣ*, *я* у него не слишкомъ рѣдко. Такъ, онъ пишетъ: помиръ, болинъ, одиюсъ, не можите и др. Передъ шипящими *ж* и *ш* у него тоже является *и*: за рижоной, побижалъ (нѣск. разъ), мишка и др.

Отсюда можно заключить, что написаніе *е*, *ѣ* и *я* передъ твердой согласной въ слогѣ, непосредственно предшествующемъ ударенію, у Миши Байкова изображаетъ открытый неглухой звукъ, т. е. именно *а*, такъ какъ другого такого звука въ этомъ положеніи разбираемый говоръ не знаетъ.

б) Аннушка Акимова. Въ четырехъ случаяхъ въ разбираемомъ положенiи написано *я* или *а*: васлязахъ, чижало, взилянымъ, слядочки. Надо думать, что это написанiе въ этихъ случаяхъ соотвѣтствуетъ дѣйствительному произношенiю. Въ другихъ случаяхъ при томъ-же положенiи она пишетъ *и*: распивали, тривожилъ, раздивались, блиснулъ, лисахъ, литахъ, писокъ, лисной, навсигда, пачиму. Во многихъ случаяхъ она пишетъ въ такомъ положенiи *е* или *ѣ*: слезою, чижело, лесу, цветокъ, цветочки, стрепѣхнулся, ево, да бела. Изъ этого правописанiя видно, что яканье Аннушки Акимовой—смѣшанное, съ большей склонностью къ московскому иканью.

Другихъ записей здѣсь касаться не буду.

3) *а* съ предшествующей мягкостью или шипящей передъ шипящими *ж* и *ш*. Въ этомъ положе́нiи *а* является очень рѣдко: чижо́лъј (не говоря уже о чиже́лшь, гдѣ *ж* полумягкое), мишо́к, мишка́, пишко́м. Никогда не говорятъ: чажо́лъј, мяшо́к, мяшка́, пяшко́м. Но иногда произносятъ: биряшко́м (при имен. все-таки бирижо́к), шаешна́ццът, шаешна́цътъј при шыъшна́цътъј. Въ обоихъ случаяхъ *а*, б. м., нефонетич. изъ бирягу́ (нӑ бирягу́), биряга́ и шасто́ј. Впрочемъ въ шашнацът *а*, б. м., и фонетическое изъ шасна́цът.

Приведу примѣры изъ записанныхъ мной пѣсенъ:

глижу́, тишу́, ришу́, бижа́ли, мижо́ю, бирижо́м, зӑприжо́м, дишо́вӑј, утиша́ит. Точно также *и* (не „*а*“!) слышится въ такихъ словахъ, какъ дифчо́нкӑ, диржу́. Наоборотъ, „сняшки́“ даже передъ к въ пѣ. „Сняшки́ бе́лы“, гдѣ *а*, б. м., нефонетич., изъ снега́, снягу (ф снягу́ и т. п.).

Въ записяхъ Миши Байкова: за рижоной, побижалъ, побижала, мишка, коришокъ. Въ заряжалъ *я* орфографическое.

Послѣдовательное проведенiе *и*, а не *а* послѣ мягкой въ предударномъ слогѣ въ положенiи передъ шипящими *ш* и *ж* въ описываемомъ говорѣ находится въ противорѣчiи съ появленiемъ въ ударяемыхъ слогахъ передъ шипящей *о*, а не *е*. Переходъ *е* въ *о* послѣ мягкихъ со-

гласныхъ завершился прежде появленія аканья, слѣдовательно, въ томъ говорѣ, къ которому восходитъ описываемый говоръ, шипящія въ эпоху появленія аканья были уже твердыми.

4) *а* послѣ *ц* изъ стараго *а* и *о* (а послѣднія являлись главнымъ образомъ послѣ *ц* новаго происхожденія изъ *цс* или *тс*, такъ какъ старое *ц* было мягкимъ) при всякомъ положеніи: царя́, цар̓о́к, пъццав̓и́т̓ (или: пъцсав̓ит̓), сюда же слѣдуетъ отнести и цалу́ј, пъцалу́иш, въ которомъ изъ описываемаго говора нельзя опредѣлить происхожденіе *а*, но изъ Московскаго и сѣв.-русскаго произношенья видно, что здѣсь еще обще-влкр. *о* (ср. Шахм. Изсл. 161—162). Изъ стараго *ѣ*, *'а* (изъ ѧ) и *е* звукъ *а* послѣ *ц* является только въ положеніи передъ твердыми:

царко́внъј, цапа́, цапо́чкӑ, цалко́въј, цана́, „в̓ес̓ л̓иццо́ ъпцапа́лӑ“ и пр., но: уцыл̓е́л, цыр̓ква́м, цып̓е́, цын̓е́ и пр. Впрочемъ, у нѣкоторыхъ лицъ въ данномъ случаѣ возможно московское произношеніе, т. е. при царя́, цалу́ј—цыᵉрко́внъј, цыᵉпа́, цыᵉпо́чкӑ и пр.

Передъ *ц* гласныя произносятся, повидимому, также, какъ и передъ мягкими согласными, хотя достовѣрныхъ примѣровъ привести не могу. Въ сл. јица́ (=яйца) *и* явилось еще передъ ј̑; рядомъ съ обычнымъ выговоромъ винца́, мисца́, кажется, возможенъ выговоръ и: вянца́ (=вѣнца), но *а* сюда могло попасть изъ вянка́, конечно, уже послѣ того, какъ *ц* отвердѣло. Ср. выше: в̓иряшко́м и с̓н̓яшк̓и́.

5) *а* съ предшествующей мягкостью или шипящей передъ слѣдующей мягкой согласной въ описываемомъ говорѣ не встрѣчается само по себѣ. Впрочемъ, въ двухъ словахъ я слышалъ нѣсколько разъ въ этомъ положеніи *а*: пус̓т̓як̓и́ (хотя обыкновенно все-же говорятъ: пус̓т̓ик̓и́) и жаᵒх̓и́ (вм. обычнаго: жаха́—им. мн.). Въ обоихъ случаяхъ *а* нефонетически изъ другихъ формъ, да и то больше случайно. Въ словѣ „грябл̓и́“ („д̓е грябл̓и́ дис̓ит̓и́ны ты“ — слышалъ одинъ разъ отъ одной дѣвочки) *б*

звучало твердо и, слѣдовательно, не было препятствій для появленія здѣсь *а* (хотя не вполнѣ фонетическаго, а по аналогіи съ грябла́, ср. тепли, а не топли). Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ гласныя *а* и *е* старыя въ этомъ положеніи переходятъ въ *и*, а послѣ шипящихъ и *ц* (изъ мягкаго *ц*)—въ *ыь*[1]) и такимъ образомъ совпадаютъ (послѣ шипящихъ и *ц* не совсѣмъ) съ гласной *и* въ томъ же положеніи. Прим.: вири́, кни γини (книји́ни), тиве́, нисо́т, пито́ркă, дисити́, риви́нъ, шыьли́т, шыьсти́, чијку́, жыьле́т, жыьле́зъ, жыьне́, жыьни́ццъ, цыди́т, цыьне́ и пр.

е предударное никогда не переходитъ въ *а* въ частицѣ *не* и въ предлогахъ: без, черес, пере, перед. Прим.: биз го́ду (или: бе́з гъду), бизу́мнъј, чи́риз го́т (чаще: че̏риз гот), пи́ривозьт, пи́риносьт, пи́рихо́т, пьрид до́мъм, пьриу́лък, ни хо́ццă, ни сто́йт, ни зна́ю, нила́днă, нидо́бръј, нивољă и др. На предлоги пред и пре, встрѣчающіеся въ книжныхъ словахъ, примѣровъ не привожу, п. ч. они по большей части поняты, какъ „при“.

Предлогъ *для* сохраняетъ *а* только подъ удареніемъ. Такіе случаи извѣстны только изъ пѣсенъ: „Я ни для́ тибя сади́ла, ни для́ пăлива́лă“. Передъ удареніемъ: дли: дли на́с, дли домă, дли дру́гă и пр.

е въ слогѣ непосредственно предшествующемъ ударенію мнѣ слышалось нѣсколько разъ при пѣніи, а именно: развесо́лăј съла́вéј. (Въ пѣ: Ты не пой-ко безо время Розвеселый соловей), ăтпеарла́, сиерде́чушкъ. (Милаи падрушки—Парф.),реаќа́ (Мимо милого крылечка). Въ разговорной рѣчи такое произношеніе встрѣчается очень рѣдко, при особомъ, дѣланномъ тонѣ рѣчи, причемъ, конечно, *е* можетъ слышаться и вмѣсто стараго *и*. Впро-

---

[1]) *ъ*=*і* глухому открытому, какъ бы *і*е; *ыь*—*ы*, склонное къ этому звуку, т. е. болѣе открытое и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе мягкое.

чемъ, произношеніе *а*ᵉ вм. *а* предъ удареніемъ возможно и при обычномъ произношеніи.

о передъ удареніемъ не встрѣчается, кромѣ какъ въ самостоятельныхъ словахъ, нпр.: он бы́л, wот о́н и т. п.

и въ слогѣ непосредственно предшествующемъ ударенію звучитъ всегда, какъ *и*, а послѣ шипящихъ и *ц*, какъ звукъ средній между *ы* и *и*, какъ и подъ удареніемъ. (Так. обр. въ жыᵉне́ и жыⁱтjо́ слышатся два близкихъ, но не вполнѣ совпадающихъ звука.).

у вм. *ъ* въ предударномъ слогѣ: кълубе́л, чьлуша́, при имен. ед. чалы́ш; мужука́, мужути́ при им. ед. мужы́к. (Впрочемъ, Миша Байковъ произноситъ также и „мужыки́", м. б., подъ вліяніемъ школы, а потому и пишетъ: „мужеки" и „мужики"); кружовник (чаще: грыжо́вник). Въ кълубе́л и чьлуша́ *у* послѣ *л*—фонетически, такъ какъ вообще *у* и *ъ* послѣ *л*, м. б., при наличности нѣкоторыхъ другихъ условій, нерѣдко чередуются. Ср. глы́бжъ и глубо́къj, также ср. Шахм. Ельн., стр. 88; Филат. Ворон., т. 37 стр. 219, и др. О сл. „мужука́" см. у Шахм., Мосал. стр. 174 и 207. Въ сл. „кружо́вник", если въ корнѣ было *ъ*, появленіе *у* нефонетич.: понятно стремленіе осмыслить слово, п. ч. основы крыж- въ русск. яз. нѣтъ. Такъ какъ *ъ* вообще склонно къ чередованію съ *у* при многихъ условіяхъ, то легко было отожествить основу этого слова съ основой словъ: кру́шкӑ, кружы́т, кружно́j, кружава́ и пр.

у вмѣсто *а* изъ стараго *о*: жура́ф, мъгута́, лъбуда́ (ср. млр. лобода́. Значеніе этого слова въ описываемомъ говорѣ мнѣ не извѣстно въ точности. Это — что то въ родѣ презрительной клички. Въ приб.: „Паўфо́нкъска лъбуда́, ни хади́ти к намъ суда́"). Въ послѣднихъ 2-хъ словахъ *у* вм. *а* явилось, б. м., подъ вліяніемъ предшествующихъ *г* и *б*. (См. Шахм. Къ исторіи звуковъ, стр. 712). Впрочемъ, въ мъгута́ *у* могло явиться по аналогіи съ магу́ч, магу́, а можетъ быть даже и первоначальное, ср. сѣв.-влкр. могу́тной.

Сл. бурдо́въj (=цвѣта бордо́)—иностранное; *у* здѣсь

или по аналогіи съ „бурда́“, или фонетически послѣ *б*. Могло быть такъ, что слово, услышанное въ видѣ бордо́ (ḃo'ṙḋó') было воспринято, какъ бурдо́. Вообще, встрѣчая *у* вм. *и* и *ё* въ словахъ иностранныхъ, заимствованныхъ въ новѣйшее время, слѣдуетъ имѣть въ виду подлинное (иностранное) произношеніе этихъ словъ. Извѣстно, что ю.-великоросы, передразнивая сѣв.-влкр. и млр. произношеніе, выговариваютъ въ такомъ случаѣ *у* вмѣсто безударнаго *о*.

суṙjóзнъj (=неуступчивый, требовательный, сердитый)=франц. sérieux. Это „су-“ теперь чувствуется, какъ приставка. Въ воронеж. насюрьёзна (Филат., т. 37, стр. 200) на мягкость *с* могъ повліять другой выговоръ тогоже слова, или же тамъ *с* ассимилировалось по мягкости слѣдующему ṙ.

Приставка *су-* въ предударномъ слогѣ въ сл.: сугóрбинъj. Въ сл. саçéт, саçéди, саçéдушкă, саçéткă обыкновенно предлогъ *са* (*съ*), рѣже *су*: суçéдушкă (ср. ст.-сл. сѫсѣдъ); также: соглáснъj и сугласнъj (ср. въ пѣ.).

ў въ словѣ тṙюмí нефонетич. по аналогіи съ двумí.

а на мѣстѣ литер. *ы*—въ словѣ рачáк, ръчьгá. Ср. въ Тульск. губ. Ефрем. и др.: рóчьк или рóчьх, рóчьгă (рóчьγă).

В. Гласныя слоговъ, не предшествующихъ непосредственно ударенію.

Такъ какъ, обыкновенно, на этихъ слогахъ не бываетъ побочнаго ударенія, то большая часть гласныхъ слышится глухо. Изъ гласныхъ въ этомъ положеніи можно различать *а* (въ очень рѣдкихъ случаяхъ), ă, т. е. *а* очень глухое, *ъ* — глухой открытый звукъ средняго ряда, *ъ*ʸ въ нѣкоторыхъ положеніяхъ, ы̆ — по большей части очень глухое, иногда склонное къ *ъ*, и ў — послѣ твердыхъ согласныхъ. Послѣ мягкихъ: *а* (въ очень

рѣдкихъ случаяхъ), ӑ, ӣ, т. е. *ı* глухое, склонное къ *ъ*, *ъ* (см. выше), ў и ӱ. Въ двухъ-трехъ словахъ мнѣ слышались *о* и *е*, но только при пѣніи.

Глухія гласныя при пѣніи могутъ переходить въ гласныя ясныя или болѣе ясныя, чѣмъ, какими онѣ являются въ разговорной рѣчи. При этомъ *ъ* и *ъ*ʸ обыкновенно переходятъ въ *а*, а *ъ* въ *ı* (въ рѣдкихъ случаяхъ тоже въ *а*), остальныя только теряютъ глухое произношеніе. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ какъ будто при пѣніи и ы̆ переходитъ въ *а*, но на самомъ дѣлѣ этого нѣтъ, п. ч. въ этихъ случаяхъ и въ разговорѣ слышится не *ы*, а *ъ*.

а, ӑ, *ъ* и *ъ*ʸ сами по себѣ являются въ тѣхъ же случаяхъ, въ которыхъ въ слогѣ непосредственно предшествующемъ ударенію является *а* при одинаковости всѣхъ остальныхъ условій (впрочемъ, послѣ шипящихъ вмѣсто *ъ* слышится и *ъ*). При этомъ ӑ и *а* являются при извѣстномъ положеніи не постоянно, а только, какъ проясненіе *ъ*, преимущественно въ слѣдующихъ случаяхъ:

1) Въ открытомъ слогѣ въ концѣ слова, а) въ окончаніи имен. един. жен. р. безчленныхъ именъ прилагательныхъ, нпр. въ отвѣтѣ на вопросъ: Ты чья?—Горскъска, Саве́льска, ѕде́шня, или въ употребленіи ихъ въ значеніи членныхъ, нпр. ма́линка, Парфо́нкъска и пр. Ср. ясное „*ı*“ въ томъ же положеніи въ имен. множ.: ма́линки и т. п., б) въ личныхъ формахъ возвр. глаголовъ: баю́са, диро́сса, ката́йсса, ката́йцца, хо́йца при infin. дра́ццъ, ката́ццъ, ба́яццъ. Но и это проясненіе является больше въ концѣ фразы; въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ окончаніе *-са* употребляется наряду съ простымъ *-с* (т. е. въ 1-мъ л. ед. ч. и, рѣже, въ ф. жен. р. прош. вр.), это *а* почти всегда ясно. Сколько мнѣ удалось замѣтить, ф. на *-са* послѣ гласной попадаются только въ концѣ фразы, в) въ частицахъ: *жа* (=же), *ба* (вм. бы), главнымъ обр. въ концѣ фразы, и въ имен. пад. ед. жен. р. постпозитивнаго члена: *та*. г) иногда послѣ j въ словахъ: дво́я, тро́я, скаре́я и т. п.; рѣже: по́ля, мо́ря и т. п. изъ *е* (не *ѣ*),

и *а*; поэтому: на́ пъля, ф по́ля̆—вин. пад., но: на́ пъли, ф по́ли—мѣстн. пад. Въ остальныхъ случаяхъ *а* на концѣ словъ изъ стараго *а*, *о*, *е* рѣже. Во 2 л. множ. глаголовъ, въ оконч. сравн. ст. послѣ согласныхъ, въ оконч. имен. множ. существит. на *-не* и изъ стараго *ѣ* — всегда *и*. Особо стоитъ што́-ля. Въ отмѣченыхъ случаяхъ ясность *а* вызывается, можетъ быть, больше реторическими причинами. Въ этомъ отношеніи описываемый говоръ слѣдуетъ отличать отъ нѣкоторыхъ ю.-вкр. говоровъ, въ которыхъ послѣдній открытый слогъ получаетъ побочное удареніе (къ такимъ говорамъ относятся всѣ тѣ, гдѣ слышится *-тя* во 2 л. мн. ч. глаголовъ, *-уя* въ вин. п. жен. р. прилаг. и т. д.).

2) Въ закрытомъ конечномъ слогѣ только иногда въ окончаніи имен. п. ед. ч. прилаг. муж. р.: до́брӑј, здаро́вӑј, си̑ре́бринӑј, главнымъ обр. въ концѣ фразы.

3) Въ открытомъ началѣ слова: авви̑за́т, аввирну́т при ъввяза́т, ъввярну́т. Кажется, *а* въ началѣ слова слышится глуше (т. е., какъ *ъ*) въ открытомъ слогѣ передъ слогомъ съ гласной *а* и нѣсколько яснѣе въ остальныхъ случаяхъ. Напр. акули́нӑ, ӑгурцы́, атруби́т, аццыпи́т, авмишу́лилъс (= ошиблась), ӑбману́т, ӑвдати́м, но ъгаро́х, ъгаро́т. Вообще, условія появленія *а* или *ъ* для меня несовсѣмъ ясны. Нѣкоторый матеріалъ для того, чтобы разобраться въ этомъ, можетъ быть, дадутъ записанныя мною сказки, хотя онѣ могутъ дать понятіе только о произношеніи одного лица; другіе, можетъ быть, говорятъ несовсѣмъ такъ.

На появленіи *а* въ пѣсняхъ не стану долго останавливаться. Отмѣчу только слѣдующіе примѣры:

малчи́шачка, бидня́жачка, мана́шанки; шалава́т;

нака́жат, пи́шат, пля́шат, машат;

Ми́шана, Гри́шанај, вѣроятно, подъ вліяніемъ словъ на -е̑нка и -е̑нка; на сухо́ј аре́шани.

Окончаніе не только имен. един. жен. р., но им. мн. прилагат. на *ая*: ве̑лая, ми́лая, зило́ная; Ми́нински рибя́ты—чиряпа́хи би́тая, а Пар̑фо́нкасти рибя́ты, как канфе́-

ты в̓ѝтая и пр., ср. въ записи Миши Байкова: развеселая глаза. Впрочемъ, обыкновенно, оконч. им. мн. прилаг. -*аи*, восходящее къ разговорному -ъй

вис̓óлами глáсками, т̓óплам квáсам, ф. чѝстам пóли, в нáшам и пр.

гóря, мóря, пóля, бӑлшóя. з̓дéс̓я, ср. въ записи Миши Байкова: ни горя; но: бо̓̆ли, м̓é̓ни, крéпшы, ид̓ѝ̓ти, д̓éлъј̓ти и пр., также: в дóм̓и, крóми, пóс̓ли.

ъ самъ по себѣ въ неударяемомъ слогѣ въ положеніи не непосредственно передъ удареніемъ получается при тѣхъ же остальныхъ условіяхъ, при какихъ въ предударномъ слогѣ является *а* безъ предшествующей мягкости. Но благодаря глухому произношенію всѣхъ безударныхъ слоговъ возможенъ переходъ ъ въ *ы* и обратно (конечно, не произвольно). *ы* вмѣсто ъ могутъ иногда являться послѣ шипящихъ. Ср. *ы*ъ послѣ шипящихъ въ предударномъ слогѣ.

ъ вм. *ы*: 1) *бъ*, проясняющееся въ *ба* (никогда: бы!). Прим. „ја бъ у Мáш̓ки в̓е̓с̓ с̓éнъ ад̓в̓ѝлъ ба", „γóспъд̓й̓, къбъ знáтъ тӑ!" Въ пѣ.: я бъ радъ, штóбӑ, кабӑ знáла въ сказкахъ, записанныхъ мной, сл. бӑ—нѣсколько разъ. (Ср. Филат. Ворон., т. 38, стр. 259; Шахм. Изсл. 291—292 и др.).

2) Въ приставкѣ *въ-* (= вы). Причины перехода — фонетическія, п. ч. непосредственно передъ удареніемъ: *вы*. Приведу нѣсколько примѣровъ изъ пѣсенъ: върастá̓т̆, вáбирáйт, вӑступáйт, вӑганя̓́лӑ я карóф на расý, с̓ня̓ш̓к̓й̓ бéлы вӑпадá̓ли, вӑспрáшава̓ти и пр. Миша Байковъ пишетъ въ этомъ случаѣ и *ва*, *во* и *вы*: ванимаетъ, вобѣгайте, вобѣгаетъ, давожимаетъ (въ сказкахъ); выгоняли, выкликаетъ, вынимаетъ и др.

3) Въ сл. н̓éбълъ, п̓р̓ѝбълъ, ýбълъ вм. нѣбыло, прибыло, убыло. Ср. въ пѣ: „Ф чѝстам пó̓л̆и х убӑлӑ" или „В нáша̀м палкý п̓р̓ѝбӑл̓ӑ" и пр. Эти формы, извѣстныя и изъ другихъ говоровъ (см. Шахм. Изсл. 291—292; Филат. Ворон. т. 38, 259—260), объясняются сильнымъ ослабленіемъ глагола *быть*, такъ какъ все значеніе пере-

тягивается на приставку или отрицаніе, а формы глагола *быть* служатъ только какъ бы суффиксами формъ спряженія. При этомъ звукъ *ъ* или ӑ явился вмѣсто *ы* по аналогіи съ многочисленными глаголами на *-ать*, *-овать*, *-ывать* и пр., напр. ѣ́гълӑ, ду́мълӑ, ѣ́дѣлълӑ, и пр.

4) Въ ф. глг. вы́мът̑, вы́мъл (=вымыть, вымылъ. Миша Байковъ пишетъ: вымать, вымалъ), вы́ръл, вы́шъл (=вышилъ, сравни въ пѣ: вы́шала), вы́шът, вы́шъты (=вышитъ, вышиты. Въ одной пѣснѣ запис.: „вышаты"). Во всѣхъ случаяхъ *ъ* вмѣсто *ы* въ слогѣ, слѣдующемъ за приставкой *вы*. Филатовъ (т. 38, стр. 259—260) объясняетъ такія формы (у него отмѣчено: вымалъ и выралъ) диссимиляціей *ы* съ *ы* перваго, ударяемаго слога. Не знаю, слѣдуетъ ли допускать въ данномъ случаѣ такую диссимиляцію, но эти формы скорѣе всего образованы по аналогіи съ глаголами на *-ать* (ср. выше о гл. ѣ́ебълӑ и пр.). Аналогія эта усиливается совпаденіемъ формъ наст. вр. этихъ глаголовъ съ ф. наст. вр. гл. вымою и т. п. Такимъ обр. ду́мъю, ду́мъйш : вы́мъю, вы́мъйш (правильно изъ вы́мою, вы́моешь) = ду́мът̑, ду́мъл : вы́мът̑, вы́мъл. Для вышъты такая аналогія тоже допустима, п. ч. глаг. на *-ать* въ описываемомъ говорѣ могутъ образовать прич. страд. на *-т-*: за́гнът, вы́брът и пр.

5) Въ глагольномъ суфф. *-ыва-*. По всей вѣроятности, этотъ суфф. смѣшанъ съ суфф. *-ова-*. Получила преобладаніе ф. *-ъвъ-*, а не *-ывъ-*, какъ болѣе слабая, п. ч. и безъ того основа глагола съ этимъ суфф. становится слишкомъ утомительной для произношенія. Прим.: пъджужу́къвът, он ѣспи́съвът. Другіе примѣры см. въ пѣсняхъ: спры́скавайт, всы́скавайт и т. п. Миша Байковъ пишетъ: пощи́повала, прехлебовала, но также: похаживала.

6) Въ косвенныхъ падд. прилагат. вмѣсто *-ых*, *-ым*, *-ыми* слышится *-ъх* (въ пѣ.: *-ах*), *-ъм* (въ пѣ.: *-ам*), *-ъми* (въ пѣ.: *-ами*), по аналогіи съ соотвѣтствующими фф. существительныхъ. Такимъ обр. въ ф. на *-ъм* въ ед. ч. совпадаютъ падд. твор. и мѣстн. (Ср. Филат. т. 38, стр. 260) или по другимъ нефонетическимъ причинамъ (См.

въ морфологіи). Приведу примѣры изъ пѣсенъ: из̑ бе́лах ру́к, ̑висо́лами гла́сками, кра́снъм д̑е́вушкам̆, ̑топлам̆ ква́сам̆. Ср. въ одной пѣ., записаной Аннушкой Акимовой: подракитавамъ, и др.

7) Въ пѣ., записанныхъ мною: Гри́шанаj лю́л̑ки, Ми́шана, аре́шани. Въ разговорной рѣчи этому должно соотвѣтствовать: Ми́шъна, Г̑ри́шънӑ, аре́шънӑ. *ъ* могъ попасть сюда по аналогіи со словами на *-енка* и *-е̑нка*. Можетъ быть, здѣсь имѣетъ значеніе положеніе послѣ шипящей; въ такомъ случаѣ сюда слѣдуетъ отнести и отмѣченное выше: вышӑты. Въ пѣсенныхъ: ма́шӑт, пляшӑт звукъ *а* болѣе или менѣе правиленъ, изъ ма́шот, пляшот, хотя въ разговорной рѣчи слышится скорѣе ма́шьт, пляшьт, чѣмъ машът, пляшът.

8) хлъстану́̑т или хвъстану́̑т=литер. хлыстнуть. Возможно, что здѣсь *ъ* изъ стараго *ъ*. Ср. хлестать изъ хльста́ти.

9) вы̯грӑш — въ сказкѣ, = выигрышъ.

Объ окончаніяхъ прилагат. *-ъj* (им. ед. муж. р.) и *-ъи* (имен. мн.) см. въ морфологіи.

ы вм. литер. *а:* су́дыр̑ (въ пѣ.). Это *ы* могло явиться по нефонетическимъ причинамъ (см. въ Морфол.).

ъ въ соотвѣтствіи съ литературнымъ *у*: п̑ир̑икъвырну́лъс, о́мът (Миша Байковъ пишетъ: омотъ), бърави́нкӑ. Въ первомъ случаѣ смѣшаны два сходныхъ корня. Ср ковыря́ть, коверкать при кувыркаться. Слово омутъ (ст.-слав. омѫтъ) извѣстно не съ *у* и въ другихъ ю.-вlкр. говорахъ. Можетъ быть, оно сближается въ народномъ пониманіи со сл. мотать, мотокъ, заключающими понятіе вращенья; тогда омотъ=водоворотъ. Въ сл. бърави́нкӑ звукъ *ъ* совершенно правильно изъ *о* (См. Соболевск. Лекціи, стр. 68).

ъ^у является въ окончаніи 1 л. ед. ч. и 3 л. множ. ч. глаголовъ на *-ую* и *-аю* и, частью, вин. ед. ж. р. прилагат. на *-ую* Въ послѣднемъ случаѣ чаще простое ъ открытое. ъ^у въ 3 л. мн. глаголовъ объясняется ассимиляціей ъ изъ *а* звуку ў слѣдующаго слога, а отчасти и аналогіей съ глг. на *-ую* (изъ двухъ ф., на *ую* и *ъю* получилась какъ бы одна средняя, на *-ъ^ую*. Но одной аналогіей это ъ^у объяснять нельзя, такъ какъ никакая аналогія не порождаетъ новыхъ звуковъ). При этомъ *j*, находящійся между этими 2-мя гласными, является тѣмъ слабѣе, чѣмъ сильнѣе асссимиляція ъ слѣдующему *у*, или наоборотъ, чѣмъ слабѣе *j*, тѣмъ ъ болѣе склонно къ *у*. Ассимиляція ъ слѣдующему ў, повидимому, тѣмъ сильнѣе, чѣмъ удареніе дальше отъ конца слова. При полной ассимиляціи ъ и *у* можетъ происходить стяженіе. Прим.: ви́лы торкъ^уjут, абе́дъ^уют и пр., у́жынўют, по́лзўют (3 л. мн. ч.; 3 ед: по́лзъит). Но Миша Байковъ пишетъ въ этихъ случаяхъ *а*: новариваютъ, подговариваютъ (впрочемъ, оба случая въ пѣсняхъ, которыя онъ записывалъ, кажется, съ голоса).

Прим. стяженія: за́фтрикўют и за́фтрикў̊т, зави́дъвў̊т и завидъвўют, по́ччйвў̊т (вм. литер. завидуютъ, поччуютъ) выи́гръвў̊.

Что касается глаголовъ на *-овать*, то въ нихъ, кажется, чаще просто ў (т. е. *у* глухое), чѣмъ ъ^у: пра́знўютъ, про́бўют и пр., если только въ наст. вр. не является новообразованіе на *-ъвъ^ую*. ср. выше по́ччйвў̊т.

Въ формахъ вин. ед. ж. р. на *ъю* (рѣдко: *ъ^ую*), наоборотъ, является какъ бы диссимиляція гласныхъ, причемъ 1-я гласная измѣняется въ *ъ*. Въ другихъ ю.-влкр. говорахъ—обратная диссимиляція: измѣняется не первое *у*, а второе: каку́я, худу́я, зиляну́я и рѣже: до́бруя и пр. (Такое произношеніе извѣстно, между проч. въ Тульской, Рязанской, Калужской, Воронежской губ., въ Обоян. у. Курской губ. и др.), причемъ нерѣдко -у́я- только подъ удареніемъ, а не подъ удареніемъ: -аю. (Ср. Рѣзановъ, Курск. Обоян., стр. 117; Филат. Ворон.,

т. 37, 221—222 и др.). Быть можетъ, вин. на -ъю, -ǎю восходитъ еще къ старинному винит. на -ою, извѣстному по ркп. еще съ XIV—XV в. (См. Шахм., Новгор. грам. § 38). Если это такъ, то слѣдовало бы ожидать въ говорахъ вин. на -ою и подъ ударенiемъ. Шахм. въ статьѣ о Мосал. гов. упоминаетъ о дiалектич. вин. худою (стр. 205), но, къ сожалѣнiю, не говоритъ, въ какомъ говорѣ онъ встрѣтилъ эту форму. Вообще же это окончанiе винит. извѣстно только въ положенiи послѣ ударенiя, между прочимъ, и въ сѣв.-влкр. говорахъ (Ср. Матер. № 40, Самар. у.). Происхожденiе этой формы объясняется аналогiей съ формами другихъ падежей, гдѣ является *о* (всѣ косв. падд. ед. ч. ж. р., род., дат. и мѣстн. ед. ч. м-ср. р.). Этой аналогiей вызывается и то, что *ъ* въ -ъю—открытый, а не склонный къ *у*.

Послѣ мягкой согласной въ вин. един. ж. р. прилагат. не подъ ударенiемъ: -ью, рѣже ьʸю, а при пѣнiи—ию. Послѣ шипящихъ *ж* и *ш*: ью, рѣже ьʸю, при пѣнiи—аю.

Примѣры будутъ приведены тамъ, гдѣ будетъ говориться о прилагательныхъ.

О неударяемое отмѣт. въ пѣснѣ: „пе̍рвој сади̍к". Здѣсь, собств., двойное ударенiе. Такое же неударяемое *о*, но только при пѣнiи, можетъ являться и у другихъ прилагательныхъ съ подвижнымъ ударенiемъ.

У вм. литер. *ъ*:

1) въ сл. сураве́шкǎ (=сыроѣжка)—едва-ли фонетич. Нѣтъ ли здѣсь аналогiи со словомъ суро́вǎј?

2) въ суфф.—ушк, въ которомъ тк. обр. совпали старыя: ушк и ышк. Прим.: со́лнушкǎ, ко́лушки (им. ед.: ко́лушъкъ), ̓сто́клушкъф, кры́лушки, ̓робрушкǎ, ̓со́мушкǎ (имя собств.), судо́нушкǎ (ср. въ записи Миши Байкова: „суденушко" въ одной пѣснѣ), ка́мушък, мя́кушкǎ (при: мя̓кьш) и др. Отм., что Миша Байковъ пишетъ въ

одной пѣснѣ: „у голубошки". Это написаніе не соотвѣтствуетъ выговору; *у* въ суфф. не написано потому, что въ предыдущемъ слогѣ написано тоже *у*, а *о* взято изъ 1-го слога. Слѣдовательно, здѣсь зрительная диссимиляція, аналогичная съ ассимиляціей согласной слѣдующаго слога въ: „жужъ" (въ его же записи).

У вм. *ъ* (изъ *а*, *о*): кумара́, кумаря́, кумари́ и пр., кумаро́нък, кумаро́чьк при им. ед.: кама́р, ср. глг.: расскама́ривала въ одной плясовой пѣснѣ; чубата́ми (только въ пѣсняхъ; въ разговорной рѣчи неупотреб.); тубаре́тка, думавни́чьт, кузначе́јства, акълубине́т (= околобенѣть? ъакълубине́ла зимля́, т. е. стала твердой, не въ прорѣзъ сохѣ), и иногда въ другихъ словахъ по сосѣдству съ губными, п. ч. эти звуки, находясь въ неударяемомъ слогѣ, подвергаются лабіализаціи: бугачо́ww кри́нъчку (приб.), пъулсапо́шки, штуп паспе́ли, шшубъ wо́лк нютащил, гасти́нцъув да́м и др. (См. Шахм. Къ исторіи звуковъ, стр. 712). Но также: баɣачо́ва (пѣ.). Наоборотъ, *а* вм. *у*: дабавы́и сундуки́ (свад. пѣ.), мажучо́къ (въ одной пѣ., единичный случай), — въ обоихъ по сосѣдству съ губной. со́лнушнај (ср. пацсо́лнух) рядомъ съ: со́лнъчнај (послѣднее только въ одной пѣснѣ и то только отъ одной бабы). Но, наоборотъ: ра́дъшнъј (Миша Байковъ пишетъ и радушенъ и нерадошна, нерадошное. Я слышалъ только съ -ъ-).

Предложная приставка су- (ст.-сл. сѫ-): сумлява́ццъ, пъсумлява́лсъ, супрати́вник, супрати́ф (обыкновенно, съ другимъ удареніемъ: насу́пръфъ), и др. См. также выше. Въ литературномъ яз. эта приставка по большей части замѣнена однозначущей приставкой *съ*, оставшись, кажется, только въ сл. су́пру́гъ. Ср. ст.-сл. оусѫмьнѣтисѧ, сѫсѣдъ и др. вы́гнут, вы́гнули (=выгнать, выгнали), нпр.: „рибя́ты пашли вы́гнулијо́". Здѣсь *у* нефонетич.

е неударяемое рѣдко. Ср. въ одной пѣснѣ: но́женку, но́жейки, но тамъ-же: ми́линкај, ма́минка. Въ разговорной рѣчи очень рѣдко является такое произношеніе,

при которомъ всякое *и* и *е* неударяемыя прóизносятся, какъ *е*.

ѣ вм. ў (ʼў)—жéӗчьк или ӟéӗчьк. Но говорятъ и: жéӗчўк.

ʼў вм. ʼь (й) нефонетич.: д̓éӗюшк̓и при болѣе частомъ: д̓éньшк̓и. Здѣсь *у* по аналогіи со словами, имѣющими суфф. -ушк.

у и ў въ 3 л. мн. ч. глаголовъ 2-го спр., по аналогіи съ глаголами 1-го спр. (а также для диссимиляціи съ 3 л. ед. ч.), какъ и въ большинствѣ ю.-влкр. говоровъ, а кое-гдѣ даже и въ сѣв.-влкр. говорахъ. Примѣры см. въ морфологіи.

Вообще надо замѣтить, что звуковыя явленія въ слогахъ удаленыхъ отъ ударенія плохо поддаются систематизаціи. Условія для ассимиляціи и диссимиляціи гласныхъ, а также и для всякихъ звуковыхъ переходовъ по аналогіи въ этихъ слогахъ болѣе удобныя, чѣмъ въ ударяемомъ и предударномъ слогѣ: произносясь глухо, гласныя легко переходятъ одна въ другую, сливаются, иногда вовсе выпадаютъ; всѣ эти явленія зависятъ также отъ интонаціи рѣчи, отъ положенія слова во фразѣ и другихъ условій, которыя уловить и тѣмъ болѣе отмѣтить на бумагѣ невозможно.

Судьба старыхъ *ъ* и *ь*. Вставка и выпаденіе гласныхъ.

Съ гласными, получившимися изъ старыхъ (о-слав.) ъ̥ и ь̥, въ описываемомъ говорѣ, какъ и въ большей части сѣв.-влкр. и въ сѣв.-вост. половинѣ ю.-влкр. говоровъ, совпали гласныя, получившіяся изъ тѣхъ общерусскихъ гласныхъ, которыя акад. Шахматовъ опредѣляетъ, какъ ирраціональныя *ъ* и *и* болѣе открытыя (см. Шахм. Мосал. 195 слл.; Энцикл. Слов., полут. 55, стр. 572). Тк. обр. говорятъ, какъ и въ литер. яз.: мóю,

кро́ю, ше́јь, пе́ј, зло́ј, худо́ј, а также: до́бръј (не: до́брыј!) или до́брăј, зило́нăј, нъкрашы́т, ф крави́ и пр., также, обыкновенно, — ăднајо́, съмајо́, тајо́.

Но также, очень рѣдко, аднъјо́ (см. выше), а въ с. Пречистомъ той же волости, въ 5 верст. отъ Парфенокъ я слышалъ отъ тамошнихъ крестьянъ также: тъјо́. Въ виду этой послѣдней ф. высказанное выше мнѣніе о вліяніи здѣсь побочнаго ударенія приходится считать невѣрнымъ.

Старый ъ выпалъ во многихъ случаяхъ, гдѣ современный литературный языкъ имѣетъ на его мѣстѣ гласную. Въ этихъ случаяхъ, по большей части, литературныя формы—книжнаго происхожденія. Тк., говорятъ; збирăццъ и т. п. Сюда же слѣдуетъ отнести совершенно правильныя: вапче́ (=въ обчѣ, ст.-сл. въ обьштѣ, русск. литер.: вообще), сапча́ (съ обча, ст.-сл.: съ обьшта, русск.-литер. сообща), гдѣ во всякомъ случаѣ не слѣдуетъ видѣть сліянія, хотя изъ сообча́, вообчѣ́ должно бы было получиться то-же самое.

Во многихъ случаяхъ мы находимъ гласныя на мѣстѣ старыхъ ъ и ь тамъ, гдѣ слѣдовало бы ждать ихъ выпаденія, а также вставныя гласныя въ такихъ положеніяхъ, гдѣ никогда не было глухого. Я буду разсматривать какъ появленіе гласныхъ на мѣстѣ старыхъ ъ и ь, такъ и появленіе новыхъ гласныхъ между согласными вмѣстѣ, п. ч. условія появленія тѣхъ и другихъ трудно различать между собою.

Предлоги *об* и *под* являются въ видѣ ъбъ, ъба, пъда, пъдъ нерѣдко въ такихъ случаяхъ, гдѣ фонетически ъ долженъ бы былъ выпасть. Не только: ăбъвират, ăбъвиру (что вполнѣ понятно при ъбабрат), но и: ăбарезълă, ъбарезът и т. п. вмѣсто ожидаемыхъ аввиру́, абре́зълă (предлогъ *об* по большей части въ описываемомъ говорѣ является съ *б*, ср. ъбабри́ и пр.).

пъдагре́ст, пъдабри́с (=подбрейся), пъдашо́л (послѣднее слово въ той же ф. и въ литер.) и др.

Также съвира̑т рядомъ со звира̑т. Вторая ф.—органическая; первая—вторичная при сабра̑т (Миша Байковъ въ сказкахъ пишетъ сабираются и сбираться). Указаные случаи нельзя объяснять книжнымъ вліяніемъ (ст.-слав. яз. вмѣсто *об* передъ согласной имѣетъ *о*, а не *объ*), п. ч. происхожденіе ихъ вполнѣ естественно и легко объясняется аналогіей съ другими случаями.

дълина́=литер. длина́ (въ дълину́, дълины́) при исключительно употребительномъ дли́ннъј. Причина, почему при дълина́ не явилось дали́ннъј, заключается въ различіи этихъ словъ по мѣсту ударенія, но появленіе гласнаго въ словѣ дълина́ тѣмъ не менѣе неясно. Можно объяснять это, какъ фонетическими условіями, такъ и аналогіей. Зубныя *т* и *д* передъ *л*, какъ твердымъ, такъ и мягкимъ, не могутъ оставаться согласными полнаго образованія и измѣняются по направленію къ *л*. Между тѣмъ языкъ стремится сохранить первоначальный характеръ согласной, какъ согласной полнаго образованія. Это достигается или появленіемъ минимальнаго гласнаго или диссимиляціей *д* и *т* передъ слѣдующимъ *л*. Такая диссимиляція имѣется въ нѣкоторыхъ говорахъ, гдѣ говорятъ *гля* вм. *для;* 2) Стремленіе сохранить за согласной ея прежній характеръ вызывается другими формами, гдѣ эта согласная, не будучи въ условіяхъ, неблагопріятныхъ для ея образованія, сохраняетъ свой первоначальный видъ.

Для слова дълина́ аналогіей могли быть сл.: до́лгъј (синон. слова дли́ннъј), до́лшь, дългата́ и т. п. Слово доли́на или, б. м., долина́ (Ср. въ пѣ.: „Шол Ваню́шӑ дӑлино́ю"—долгимъ путемъ или лощиной?) въ смыслѣ: ложбина, низкое мѣсто, едва ли могло само по себѣ содѣйствовать образованію слова „дълина́" въ см. длина́.

псалты́р (Миша Байковъ въ сказкѣ пишетъ: посалтыремъ, посалтырь). Сочетаніе *пс* въ началѣ слова описываемому говору вообще неизвѣстно. Русскій яз. имѣлъ (и, частью, имѣетъ) это сочетаніе только въ двухъ словахъ: въ косв. падд. отъ сл. песъ и въ глаг. псати (псати=писать), въ обоихъ случаяхъ непосредственно передъ

ударяемой гласной. Какъ незнакомое говору въ своихъ словахъ, это сочетанiе, конечно, является нѣсколько затруднительнымъ.

Въ склоненiи нѣкоторыхъ существительныхъ гласная изъ стараго *ъ* или *ь* проводится и по тѣмъ падежамъ, гдѣ старый глухой долженъ былъ выпасть. Эти слова слѣд.: в рату́, ро́тик (вм. ва рту́, рто́к), рату́шка (то, что можно положить въ ротъ за одинъ прiемъ), но: у рта́ или у́ рта; мо́ха (отъ им. мох=о-слав. мъхъ); ро́жы (род. ед. отъ: ро́ш), рядомъ со: ржы́, к любо́ви, биз любо́ви (отъ имен. любоф или любо́ф, старое любы, любъве, любъвию; эти фф. извѣстны мнѣ только изъ пѣсенъ, но, кажется, употребляются и въ разговорномъ яз.), но рядомъ и: любви́. Обратное явленiе—выпаденiе старой гласной полнаго образованiя въ формахъ склоненiя—является въ тѣх же словахъ, какъ и въ литерат. яз.: пъталка́ (нъ пъталке́, ср. сѣв.-влкр.: потоло́ка), ка́мнь, корня и пр., кало́цца и т. п. Кажется, говорятъ „ва рву́", но обыкновенно слово ров совсѣмъ не употребляется, а замѣняется словомъ „кана́ва". Впрочемъ, правильно: „ро́вьк". Отъ ло́т косв. лда, лду́, и лду́, са лдо́м, на лду́. Старинная ф. ло́ду встрѣчается только въ плясовой припѣвкѣ: „Прихади́ кума́ за ло́ду, ло́ду да́м". Отм. еще: ăгуре́чьк рядомъ съ агу́рчьк, подъ влiянiемъ основного ăгуре́цъ (при родит. ăгурца́ и пр.), кане́чьк (пъ кане́чьку), стибиля́ (множеств. отъ сте́бьл: мали́нъ фся ф стибиля́х), аро́лик (=орликъ), но: па́лчьк и т. п.

„Ру́зъскъвъ уе́зду" вм. Русскъвъ..." (Рузскiй). Но здѣсь слѣдуетъ видѣть не столько появленiе вторичнаго глухого, сколько употребленiе суфф. -ов- (первоначально являвшагося только въ деноминативныхъ образованiяхъ отъ основъ на -у-, чередов. съ -ов-, т. е. въ такихъ образованiяхъ, какъ сыновской, любовный, но потомъ распространившагося и на другiя основы). Ср. въ одномъ письмѣ: «Рузовскаго уезда".

Въ глаголахъ на *-ну-* является вставное *а*: щьлкану́т, тълкану́т, мьргану́т, мьлкану́т, пугану́т, стигану́т,

хлѣстану̊т̊, мъхану̊т̊, дъргану̊т̊ (пльскану̊т̊), б. м., и др. Въ этихъ глаголахъ никакого проясненія ъ не могло быть, п. ч. первоначальный видъ ихъ не мъргънѫти и пр. Въ ст.-сл.: мръгнѫти, тлъкнѫти, двигнѫти и т. п. Отсюда въ русскомъ: двинуть, двинулъ, такъ что гласной здѣсь являться неоткуда. Мнѣ кажется, что *а* въ этихъ глаголахъ скорѣе всего занесено изъ неоднократныхъ глаголовъ щелкать, толка́ть, морга́ть, мелька̀ть, пуга́ть, стегать, маха́ть (съ наст. маха́ю) съ удареніемъ на конечной гласной основы и съ наст. на -а́ю. *а* здѣсь чувствуется принадлежащей основѣ глагола вобще и переходитъ въ образованія однократнаго вида. При этомъ между фф. махану́, толкану́, хлестану́ съ одной стороны и махну, толкну́, хлес(т)ну́—съ другой могло сознаваться такое же грамматическое отношеніе, какъ между маха́ю, толка́ю, хлеста́ю и машу́, толчу́, хлещу́. Такое предположеніе мое, конечно, надо будетъ признать невѣрнымъ, если въ сѣв.-влкр. говорахъ окажутся такія образованія со звукомъ *о* перед *-ну*. Но, сколько я могу судить, такія образованія изъ сѣв.-влкр. говоровъ неизвѣстны, а распространены только въ ю.-влкр. (Ср. Рѣзан. Кур. Обоян. стр. 90 и др.). Даль почему то пишетъ въ этихъ словахъ *о*: топону́, толкону́ и пр., но не отмѣчаетъ, гдѣ они имъ записаны. Если же здѣсь *а* фонетическаго происхожденія и въ соотвѣтствіи съ нимъ существуютъ сѣв.-влкр. фф. на -ону́-, то придется предположить, что первоначально вставная гласная являлась только въ тк. глаголахъ, какъ толкнуть, моргнуть, мелькнуть для устраненія стеченія 3-хъ согласныхъ, а затѣмъ уже была усвоена и другими глаголами.

Рядомъ съ новообразованіями на -ану̊т̊ сохранились и старыя ф. на -нут̊: глану̊т̊, качну̊т̊, то́рнуццъ, д̊ви́нут́, стр̊и̇ıихну́ццъ, прачхну́ццъ, прачкну̊т̊, д̊о́рнут̊ и пр.

Предлоги *въ*, *съ*, *къ* въ пѣсняхъ могутъ сохранять (или, вѣрнѣе, возстановлять) гласную при всякомъ положеніи, нпр.: въ садо́чк̊и, ва д̊е́ушкъх, ва је́т̊им и мн. др. Это явленіе извѣстно, кажется, во всѣхъ говорахъ. Меж-

ду проч. ср. у Филат. Ворон., т. 38, стр. 266: „предлоги съ ъ почти всегда измѣняютъ этотъ ъ въ гласный звукъ или — вѣрнѣе — на его мѣстѣ является гласный звукъ, и это явленіе повсемѣстное.“ Наблюденіе Филатова опровергается его собственными записями сказокъ, гдѣ, по большей части, отмѣченаго имъ явленія нѣтъ, кромѣ единичныхъ: ва кула́к, т. 40, стр. 32, и ка двару, ibid. стр. 33, притомъ во второмъ случаѣ „ка“ передъ двумя согласными. Тк. обр. наблюденіе Филатова слѣдуетъ отнести цѣликомъ только къ пѣснямъ. Шахматовъ въ своихъ Лекціяхъ (стр. 53—54) чуть-ли не во всѣхъ такихъ случаяхъ предполагалъ вліяніе книжнаго языка, но, какъ мнѣ кажется, они могутъ объясняться и условіями пѣнія, отличными отъ условій разговорнаго языка.

Только въ пѣсняхъ: кърапи́вă; кълубни́кă (Миша Байковъ въ пѣсняхъ тоже пишетъ: „колубничка“. Повидимому, онъ записывалъ съ голоса). Но обычно: крава́т.

При пѣніи между согласными можетъ развиваться бѣглый глухой и ирраціональный гласный звукъ. Это явленіе не стоитъ въ связи съ явленіями разговорнаго языка.

Вставное *у*—въ сл. пушо́ннъј: пушо́ннъй ка́шъ, но: пшано́. *у* въ сл. пушо́ннъј не по аналогіи ли съ пушо́нъј (отъ пушы́т)? Въ другихъ говорахъ извѣстно въ словѣ пшено и производныхъ вставное ă (ъ): пăшано́.

Выпаденіе гласной въ серединѣ слова, не стоящее въ связи съ перечислеными выше случаями отм. въ сл. блъɣдари́т, блъславле́нјь (изъ блъɣъславле́нјь черезъ посредство блъһъславле́нјь), оба раза въ положеніи не непосредственно передъ удареніемъ, но въ слогѣ, непосредственно предшествующемъ ударенію, гласная не выпадаетъ: блъɣаро́дьн, блъɣада́рьн и пр. Ср. ниже—о сокращеніи полногласныхъ созвучій.

гwăр̥т (съ ă ирраціон.) = говоритъ, но съ ослабленнымъ значеніемъ. Въ другихъ говорахъ сокращеніе этого слова еще сильнѣе.

Другіе случаи выпаденія гласной удаленной отъ ударенія непостоянны; въ сказкахъ отм.: ппада́йццъ, де́дʸшк и др. при обычныхъ: пъпада́йццъ, де́душк.

Только въ пѣсняхъ встрѣтились три случая выпаденія гласной въ предударномъ слогѣ: пругат̑, пар̑но́к (оба слова въ Куровѣ), мня́. Въ разговорной рѣчи ни одно изъ этихъ словъ въ такой формѣ не встрѣчается. Въ другихъ говорахъ „мня́" встрѣчается.

Полногласіе.

Есть нѣсколько словъ въ неполногласной формѣ въ разговорномъ языкѣ, именно: врядá (и вр̑идá, рѣже въ муж.: вр̑е́т, = литер. вредъ), вр̑е́днъј и произв., при ве́рьт (род.: ве́рьдă) въ другомъ значеніи (= болячка), дапр̑е́ш, др̑е́въ, рядомъ съ де́р̑ьвă, благо́ј (въ разныхъ значеніяхъ: в благо́ј ча́с = въ добрый часъ; благо́јь д̑итя́ = крикливое, капризное дитя; мој тя́т̑ин̑кă благо́ј въ пѣ.: сердитый) и произв.: блажно́ј, блажы́т̑ и пр.; агра́дă, сла́ткъј, ндра́ф, ндра́в̑йццъ, при но́ръф, снаро́фкă; тр̑ебъвът̑, вр̑е́мь.

Только въ пѣсняхъ: младо́ј, мла́дъс̑т̑, мла́ццу, а въ недавнихъ пѣсняхъ: хла́днъј и злато́ј, при разговорныхъ и пѣсенныхъ мъладо́ј, мо́лъд̑ьц, мо́лъдъс̑ᵀ, хало́днъј, зълато́ј.

Но вообще полногласіе, по крайней мѣрѣ, въ разговорной рѣчи, соблюдается строже, чѣмъ въ литературномъ языкѣ. Отм.: с̑ир̑идá, ф с̑е́р̑ьду, с̑ир̑е́д̑ньј, с̑ир̑е́т̑, пъс̑ир̑о́т, с̑ир̑ид̑и́, с̑ир̑о́дыш, бире́мя, мълад̑е́н̑ьц (мъладе́нцă); предл.: че́р̑из̑, п̑е́рид или п̑ър̑ид, п̑ир̑и (только какъ приставка).

Второе полногласіе: пъпало́с (= поползъ), жьр̑еᵃло́, мо́лън̑јă и мълан̑ја́. О словѣ тѣрыкáт̑ см. Соболевск.: Изъ исторіи русск. яз. Ж. М. Н. Пр. 1897. май, стр. 54.

Если звуковая группа -оло, -оро-, -ере и т. п. не находится подъ удареніемъ и не непосредственно предшествуетъ ударенію, то она подвергается сокращенію, причемъ въ положеніи не послѣ ударенія выпадаетъ вторая гласная этого звукового сочетанія, т. е. та, которая ближе къ ударенію.

пиритин, іиритинул, іиристрóчьнъя, чèрис тын, пьрид дóмъм, пьринóсит, іиривóзит, пирилóжыт и пр., но: витянó, виртиница (одно изъ прозвищъ ящерицы), пирнасит, пиркристит, пирлажыт, пирмачит и пр., Сълманида, чьрсидéлник, дирвянój, адирвинéт, пирпиеречивът (говорить наперекоръ), пирскачит и т. п. пьрработъwу (съ *р* слоговымъ). Подъ вліяніемъ бърнават, гдѣ *о* выпало фонетически, — барнýю, барнýют, рядомъ съ бъранýю, но всегда: бъранá, бъранит.

Миша Байковъ пишетъ: первези, воржия, перьрубилъ, перковынула, первернула, пердомной.

Предлогъ *перед* въ этомъ положеніи можетъ и не сокращаться, п. ч. онъ является энклитикой постоянно только въ положеніи непосредственно передъ удареніемъ, а въ другомъ положéніи часто получаетъ самостоятельное удареніе. Предл. чéрьс почти всегда имѣетъ самостоятельное удареніе.

пирда мнój, пирдакнóм, но также: пèрьд акном, чèрьзъгарóт, пèрьт табój и т. п. Говорятъ также: прида мнój, прът табój.

Если не считать предлоговъ перед и черес, то несокращеныя полногласныя формы въ такомъ положеніи рѣдки. Въ моихъ записяхъ только 2 случая: пирикъвырнýлъс(а) (въ сказкѣ) и Вълъкалáмска (въ легендѣ, записаной отъ церковн. сторожа въ с. Васильевскомъ).

Достовѣрныхъ примѣровъ сокращенія звуковыхъ сочетаній -оро-, оло, ере и т. п. въ положеніи послѣ ударенія мнѣ не пришлось подмѣтить. М. б., такое сокращеніе—въ „вызлочены“ (запись Дуни Максимовой); здѣсь выпала гласная, которая была ближе къ ударенію. Въ ана-

логичномъ положеніи: вы́тросила = вытаращила, но въ плясовой частушкѣ.

Иногда, кажется, въ положеніи передъ удареніемъ отпадаетъ не 2-я гласная звукового комплекса -оро-, оло и пр., а 1-я. Ср. прйда мно́ю (въ сказкѣ), прйт табо́ю (гдѣ выпаденіе 2-й гласной представляло фонетическія затрудненія). пъраво́нък и прасо́нъчьк, вратѝли jаво́; бисприме́ннъ. Въ записяхъ Миши Байкова: завлоса, повратилъ лошадь. Въ этихъ случаяхъ несовсѣмъ удобно усматривать неполногласныя (т. е. книжныя) формы.

Въ нѣкоторыхъ словахъ книжнаго происхожденья вмѣсто приставокъ перед и пере является при. По большей части, эти приставки отожествляются и по смыслу съ приставкой при, что видно изъ тѣхъ измѣненій въ значеніи, какія претерпѣваютъ книжныя слова съ этими приставками въ народной рѣчи, и изъ управленія глаголовъ такого происхожденья. Ср. наприм. пристаят, придат, придилит (придать къ суду, придилить къ мѣсту, къ должности, и пр.). Но иногда эти приставки понимаются вѣрно. Ср. народное объясненіе слова „приплавле́нjь“ (Будто этотъ праздникъ названъ такъ потому, что Христосъ въ этотъ день Іорданъ „пирплыва́л“. Въ Касим. у. говорятъ правильно: „пирипӑлаве́нье“— Будде. Къ ист. стр. 112. Будде совсѣмъ некстати видитъ здѣсь вставку гласной).

Приставка гласной въ началѣ слова.

а—ъ: ъгаро́х, ӑржано́j, ӑлляно́j, ӑпшани́шнъj (ӑкрамя́, ъпасля́ или апо́сли, Акси́нjӑ).

и: истру́п, ильну́ рядомъ со: льну́ („Мы́ бӑ ста́ли и́спълу бра́т, у на̀с ильну́ ма́лъ, у на́с льну̀ пачч̀и сафсе́м не̂т“).

Другого происхожденія и въ началѣ слова въ сл. ишо́л, ишла́, ишли́ (Миша Байковъ пишетъ ишолъ нѣ-

сколько разъ, но также: шолъ, шли) чаще, чѣмъ простое: шóл, шлá, шли. Существуетъ 2 объясненія *и* въ этомъ словѣ. По одному (Соболевск. Лекціи 131)—ишóл изъ из-шьлъ, въ которомъ согласная предлога (утеряная еще въ о.-слав.) не была возстановлена; по другому (Филат. Ворон., т. 38, стр. 265) „*и*" въ этомъ словѣ заимствовано изъ формъ наст. врем. Таже ф. съ тѣмъ же значеніемъ существуетъ въ србск. (ѝшао, ѝшла) и польск. язз. Русское ишóл врядъ ли изъ и́з+шьлъ; старославянскому ишьлъ въ русскомъ соотвѣтствуетъ вы́шелъ; кромѣ того, въ ст.-сл. и́шьлъ удареніе было на *и*, въ соотвѣтствіе чему хоть въ нѣкоторыхъ говорахъ русскаго языка слѣдовало бы ждать и́шьл (и́шол).

Отпаденіе гласныхъ въ началѣ слова.

1) Въ иностр. словахъ: Ляксáндрӑ (и мужск. и женск. имя), но въ одной пѣснѣ (не въ разговорѣ!): „Аликсáндрӑски салдáты"; Ликсе́ј (с 'Ликсе́йм и т. п.), ре́ндъ, риндáк (род.: риндакá=арендаторъ), ри́ндават, палéты, таљáнкӑ и производн.

2) Въ русскихъ словахъ: жыре́ли (Ср. Будде. Къ исторіи, стр. 196), придили́т, спóлницц̆ъ, врáк (примѣры: Сарóчъј врáк, касит врáк), мини́нник (напр. атец мини́нник. Ср. у М. Байк.: поподья менинница). Изъ перечисленныхъ случаевъ только въ послѣднемъ несомнѣнно отпала гласная; слово „придилит"—книжнаго происхожденія и понято, какъ при-дѣлить; слова „жырели" и „врáк", б. м., восходятъ къ старымъ формамъ этихъ словъ безъ предложной приставки *о(б)*. Будде (Къ исторіи, 76) приводитъ примѣры на слово „врагъ" въ смыслѣ: оврагъ изъ старо-русскихъ грамотъ XV—XVI вв., но отмѣченая имъ въ Касим. гов. ф. „заврагӑм" не можетъ служить примѣромъ, п. ч. изъ „за аврáгӑм" получилось бы то-же самое. Въ сл. „спóлницц̆ъ", вѣроятно, приставкой служитъ предлогъ *съ*, а не *из*. Предлогъ *с-* въ народной

рѣчи чаще, чѣмъ въ литературной, ср.: спакој, спакаиццъ, б. м., также въ нѣкоторыхъ случаяхъ, гдѣ этому *с-* и *з-* соотвѣтствуетъ литературное *вз-*.

3) Иногда на́ вмѣсто „она“, рядомъ съ ана́. Прим. пришла́на̂ (оба *а* — краткія).

Объ отпаденіи гласной передъ гласной или послѣ гласной см. ниже—о сліяніи гласныхъ.

Отпаденіе гласной въ концѣ словъ.

1) Въ infin. глаголовъ на ти́ съ основой на согласную, съ переносомъ ударенія на основу: нес̂т', грес̂т', вес̂т', плес̂', їйринес̂т', рос̂т', теч, беч, ієч, сеч, запреч и пр. (Въ другихъ случаяхъ „и“ въ окончаніи infin. утрачено всѣми влкр. говорами) -ти́ съ удареніемъ на концѣ сохранялось только отъ глагола ити́ съ производн., который вмѣсто сокращенія ф. infin. получаетъ вторичную инфинитивную наставку -т: итит. Въ производныхъ отъ итит эта наставка обыкновенно остается, но можетъ и не быть: најтит, зајтит, вајтит, вы́јтит и пр., рѣже: најти́, вајти́, ујти́, вы́јти, еще рѣже: итти́.

Въ пѣсняхъ, наоборотъ, встрѣчаются infin. на -ти даже и отъ глаголовъ съ удареніемъ на основѣ: пити, любити, висилитиса, радаватиса, и пр.

2) Въ формахъ ед. ч. пов. накл. на *-и́* (*и* неударяемое отпало во всѣхъ влкр. говорах) съ переносомъ ударенія на основу: прагон, адгон, аттвор, затвор, схарон, пот, пасот, пакаш, палош, станоф (или станоф; пъстаноф), јет, падјет (=поѣзжай), выт; и др. Множ. ч. отъ этихъ формъ: адгонти, затворти, пасотти, станофтис и т. д. но: ујди́, зајди́, пъдајди́, приди́, и др.; хади́, мали́, христи, люби́, бири́, ниси́ и др. При этомъ, и отъ тѣхъ глаголовъ, въ которыхъ -и́ въ повелит. отпадаетъ, употребляются и фф. на -и́: пъкажы́, пади́; вы́јди.

Во множ. ч. повелит. на -ти́ конечная гласная можетъ отпадать, нпр.: падит истапит маю баню и др.

3) Въ мѣстоимени. выраженіяхъ: што́ тако́ј, коȷ што́, коȷ хто́ (косв. коȷ каму́ и пр.), коȷ ка́къ и пр. Ср. што́- і̯тъ тако́йчӑ. У Миши Байкова: кой-какъ, што такой, кто такой.

4) Въ предлогѣ: о́късл при о́къслӑ и о́късл (не: о́кул!): о́късл чирте́, о́късл мо́сту, о̀късл до́му и т. п.

5) Въ зват. пад. при имен. на -а, кк. де́душк при им. де́душкъ (см. Морфолог.).

6) Въ нарѣчн. выраженіи: ста́л бъ̆т (=стало быть); въ повелит., употребляющемся по большей части въ значеніи союза: ни тро́к (нпр.: ни тро́г в дире́вни пъжыво́т и пр.), ни за́м, чаще: ни зама́ȷ, набо́с и нибо́с.

Наоборотъ, сохраняется гласная въ концѣ слова:

1) Нерѣдко въ окончаніи -са взвр. глаголовъ, не только послѣ согласной, но и послѣ гласной: баю́са, испуга́ласа (ж. р.), ана̀ ръскало́лъса. Ср. у Миши Байкова (въ сказкѣ): спрошуся. Въ пѣсняхъ такія неусѣченныя окончанія гораздо чаще, чѣмъ въ разговорной рѣчи.

2) Въ нарѣчіяхъ: зде́ся̆, та́ма, ту́тӑ и въ словѣ не́ту. Ср. въ записяхъ Миши Байкова: тама, сдѣся (въ пѣсняхъ); нѣту (сказк.).

Стяженіе гласныхъ.

Стяженію подвергаются преимущественно неударяемыя гласныя. При этомъ слѣдуетъ различать слѣдующіе случаи: 1) стяженіе гласныхъ непосредственно передъ удареніемъ; 2) не непосредственно передъ удареніемъ; 3) послѣ ударенія. Съ другой стороны: 1) когда между стягивающимися гласными не было никакого неслогового звука; 2) когда между ними выпало неслоговое і̯ или w. Гласная, получающаяся отъ стяженія неударяемыхъ гласныхъ, почти всегда краткая, но можетъ отличаться по качеству отъ нестяженныхъ гласныхъ (таково у въ окончаніи 3 л. мн. глг., ъ̊—въ оконч. 2 и 3 л. ед.). Слѣдовало бы различать случаи стяженія по ихъ относительной древно-

сти, тк. к. несомнѣнно стяженія: маво́, пыма́т̑, нак̑е́, н̑иднаму́ принадлежатъ различнымъ эпохамъ, но это различіе я оставлю въ сторонѣ.

ъ (а,о)+а (ъ,о) и ъ+ъ.

Это стяженіе почти обязательно: пав̑е́дът̑, нӑбаро́т, нъгаро́д̑и, нако́шкӑ, зав̑е́дъм, зав̑и́нъм, нав̑и́н̑и, пъгаро́х (по+огорох) и др.; „Он иjо̀ лю́бит, ана́ (= а она) jиво̀ ну к што́ш“; въ пѣсняхъ: нагаро́д̑и, заблака́, пӑтарва́л̑и и др. У Миши Байкова: накошко, хотя чаще: на окошкѣ и т. п., победать, онъ победалъ. Но иногда стяженіе не происходитъ; въ одной сказкѣ у меня записано: ад̑и́н нъ ад̑и́н (даже не: на̄д̑и́н). Можетъ въ этомъ положеніи являться и а̄ (нереторическое!): „дво́я̆ на̄д̑и́нъвӑ“ (запис. въ Савельевѣ). (Ср. также сказки).

у+у. кы́скувида́л (въ сказкѣ) и др.

у+а или ъ (изъ а, о, ъ). Въ положеніи непосредственно передъ удареніемъ стяженія не происходитъ: у аццá, у аднóј, у акнá, у афсá или: у wаццá, у wаднóј, у wакнá, у wафсá. Но говорятъ: уднавó, угарóдӑ (у огорода; слово огородъ само по себѣ всегда: ъгарóт), у ʼМит̑ја́нӑ (не послѣ безударной гласной, кажется: Ӑмил̑ја́н) и только разъ: нудда́л (= ну оддалъ) въ сказкѣ.

ъ (а, о)+у. Рѣдко: зуглòм (= за угломъ), нува́рцьви (= на Уварцевѣ), путру́ и пўтру́, также пъутру́ и др.

й (е)+а или ъ (а, о, ъ). Въ положеніи непосредственно передъ удареніемъ (т. е. собств. и+а) стяженія не происходитъ: н̑й абма́ньт, н̑й аста́вьт, пр̑й аднóм, пр̑й аццé. Въ словахъ ʼНин̑и́лӑ, Дин̑и́с стяженіе гласныхъ въ примѣръ не идетъ, п. ч. это — слова иностранныя (и здѣсь стяженіе—очень старое). Но въ слогѣ черезъ слогъ передъ удареніемъ (т. е. изъ *и*+*ъ*) гласныя стягиваются. Нпр. ньтwърати́т̑ (сказка), и въ пѣсняхъ: н̑иднаму́, н̑ибл̑ива́ј с̑лизóю, н̑ив̑ижа́јса, н̑ицынéнъј.

й (е) + у въ пѣснѣ: н̑южéл̑и. Въ разговорной рѣчи не только н̑иужéл̑и (впрочемъ, почти что неупотребительное), но и ньужл̑и; впрочемъ, при очень быстромъ

произношеніи, могутъ сказать и пюжл̆и́; ви́мюфсе́х (=вымя у всѣхъ — въ сказкѣ).

О стяженіи: гласная+и (и і̯) см. дальше.

Въ косвенныхъ падежахъ мѣстоименій притяжательныхъ употребляются только стяженыя формы: маво́, тваво́, сваво́, маму́, тваму́, сваму́. Отм.: по сваму́ (=литер. по сво́ему). Нестяженыя фф. мъиво́, свъиво́, мъиму́ и пр. употребительны только въ пѣсняхъ новой фабрикаціи, но не въ старыхъ пѣсняхъ и не въ разговорѣ. Написаніе: своего и т. п. у Миши Байкова — грамматическое.

Стяженіе гласныхъ является въ личныхъ флексіяхъ глаголовъ не подъ удареніемъ, преимущественно отъ глаголовъ съ основой на *-ъва-* (и на *-ова-*, гдѣ послѣднее понято, какъ *-ъва-*), но необязательно. При этомъ гласная, получившаяся отъ стяженія, имѣетъ особенный выговоръ: въ 3 л. ед.—ъ̊, склонное къ *о*[1] (т. е. *о* закрытому), а въ 3 мн. какъ бы *у* открытое, похожее на сокращеніе дифтонга ўо̯. Это стяженіе, мнѣ кажется, нельзя ставить въ связь съ сѣв.-влкр. дѣлаш, знаш и т. п., такъ какъ сѣв.-влкр. стяженіе восходитъ къ фф. дѣлаашь, знаашь, и потому не зависитъ отъ ударенія, а стяженіе, наблюдаемсе здѣсь, зависитъ главнымъ образомъ отъ положенія не подъ удареніемъ и отъ длины слова. Примѣры:

выи́гръву, ӈи ӑбрабáты̆въ̊ш, паᵊсᵊто́гы̆въ̊т, пъджужу́къвъ̊т, он ᵊсᵊписъвъ̊т, нъвалáкъвъ̊т, раскáзы̆вът, спрáпъвът, изнáшъвът, ана̀ чиря́пкъца, аӈе́ пако́ᵊсӈйчу̊т, ъхабáчьву̊т, паjд̆о̀м пау́жынъм, ᵊсвиӈjа̀ хрю́кът, ана̀ або́и сарáй закáпъwът цалне́ӈкъ, (небо) заси́ниwъцць, (она) клáньцъ и др. Особо стоитъ бо́знъᵊт, рѣже бо́ᴵзнъᵊт въ значеніи нарѣчія, обыкновенно въ выраженіи бо́знъᵊт што́. Здѣсь сокращеніе вызвано еще очень давно (-ᵊт!) потерей первоначальнаго значенія. Говорятъ и Бо́γ зна̀і̯т. Въ пѣсняхъ: паскáкъвъ̊т, паплясъвъ̊т, навя́зъву̊т, атказы̆ву̊т, паткáты̆ву̊ца, по́ччйву̊т, ӡе́лът и одинъ разъ: де́лъᵊти (2 мн.).

Но также: паткáшл̆ивъйт, паи̯ᵊцᵊсме́йвъйт, какáзы̆въйт

спрашывъйт, хрюкъйш и др.; въ пѣсняхъ: патрескъвъит, памирескъвъит и др.

Эти стяженія произошли только благодаря выпаденію ĭ. Къ такого же рода стяженіямъ относится и ф. кофьм (при имен. кофьј) рядомъ съ кофьјьм.

Стяженіе гласныхъ благодаря выпаденію *w* отм. въ nom. patronym. на -ыч и -ъч изъ -овичъ: Ягорыч, Иваныч. Ср. въ пѣснѣ: „Ужъ какъ по саду-садику": „Што Ликсеј ли 'Фодарач". Стяженіе здѣсь *о+и* (*ъ+и*) въ -ъ- (рядомъ съ -*ъг*-) ср. съ *ъ* такого же происхожденія въ личныхъ флексіяхъ глаголовъ.

Если изъ двухъ стоящихъ рядомъ гласныхъ одна — подъ удареніемъ, то стяженіе рѣдко, и если бываетъ, то гласная отъ стяженія — обыкновенно долгая: ступај ищијо и др. Но краткія гласныя: анапят (=она опять), ни маялищетъ (=не моя ли еще эта).

Звукъ *и* въ серединѣ слова въ сосѣдствѣ съ другой гласной.

Въ этихъ положеніяхъ *и* или становится неслоговымъ (ĭ, ј) или сливается съ другой гласной, или выпадаетъ. Послѣдніе 2 случая не всегда можно различать.

ј изъ иĭ послѣ согласной: зјайт (при inf. зјат. Литер. зіяетъ — ф. книжная), вјайт, завјайт (въ выраж.: „какъ вихър завјайт"); [1]) жытјо, питјо, Усплинјо или Успленјь, Успленјьв ден, пращенјь, и пр. (о выпаденіи *ј* въ такихъ ф., какъ пращеница, см. ниже). Но въ легендѣ о Николаѣ Чудотворцѣ и Іосифѣ Волоколамскомъ, богатой книжными словами, встрѣчается также: „виденијь" (2 раза). Въ сказкахъ: с матирйю, рукъписанијь.

---

[1]) Ср. србск. вијати; литер. вьюнъ, вьюга отъ того же корня, но съ другой глагольной основой; въ сл. вѣять—тотъ же корень въ сильномъ видѣ.

j (į) изъ *и* или *j*+ неударяемая гласная послѣ гласной, кромѣ *и* только въ нѣкоторыхъ словахъ, а именно: 1) въ сложныхъ съ имать и ити: зајма́т (*о*: ни зама́ј см. ниже), пајма́т, најма́т, ъбајму́ и пр.; зајти́т, ујтит, пъдајти́т, ъбајти́т, зајду́, пъдајду́, ујду́, вы́јду и вы́јтит (послѣднія два слова въ такомъ видѣ рѣдки). У Миши Байкова: уйтить, пойдешъ, пойдемъ, взойдетъ, но выдетъ (см. ниже). Рядомъ съ перечислеными сложными съ -*имать* употребительны и заимствованыя изъ литературнаго языка: нънима́т, пънима́т (глг. несоверш. вида при соверш. паня́т, причемъ по́ньл почти=запомнилъ), вънима́т (=вынимать, см. ниже). Но въ сложныхъ съ играть и др. *и* остается слоговымъ: пръигра́т, пръигра́йш. 2) въ другихъ случаяхъ: ачча́јнъј рядомъ съ ачча́йнъј, ачча́йны (į изъ *и*=*ја*); де́лъјти́, бе́гъјти́—2 л. мн. indic. (только въ пѣсн.), што́ įтъ тако́йчь, γде įтă, и т. п., (įтъ изъ это). Наоборотъ *и* слоговое вмѣсто į встрѣч. въ одной пѣснѣ: „сам сел на скаме́ику“.

Почти всякое *и* (изъ *и*, *е* или ја) послѣ гласной при положеніи послѣ ударенія не на концѣ слова переходитъ въ į, составляющее съ предшествующей гласной долгій дифтонгъ: де́лъįш, играįт, што́ įтъ, и др.; въ концѣ слова *и* остается слоговымъ въ имен.-вин. множ. существит. и прилаг.: сара́и, бе́лъи, зило́нъи и др.

и (или другая неударяемая гласная послѣ мягкой согласной или *j*)+*и* даетъ *и* (получающееся или путемъ стяженія изъ й или черезъ отпаденіе į изъ второго *и*): јицо́ (=яйцо),ниду́, нидо́т (рѣже: нијдо́т), приду́, придо́т, прима́т, мая́ гало́wушкă нъприма́лъз го́рюшкă, низме́нъј и др. У Миши Байкова: нипримаетъ.

ы+*и* даетъ *ы* (изъ ы+į) въ сложныхъ съ *ити* и *имать*: вы́ду, вы́дьт, выма́т, выма́йт. Но говорятъ и: вънима́т, заимствованное изъ литературнаго языка.

У Миши Байкова: выдетъ.

Старое *о*+*и* дало *ы* въ одномъ словѣ: пыма́т, пыма́йш; рядомъ съ этимъ говорятъ: пајма́т, пајма́йш и, какъ сдѣлка между этими двумя формами, пыјма́т, пыј-

ма́л, пыјма́йш. Въ другихъ сложныхъ съ имать и въ сложныхъ съ ити въ аналогичномъ положеніи *и* переходитъ въ i̯, и стяженія не происходитъ. У другихъ глаголовъ *и* сохраняется: пръигра́т, пъигра́т и пр. Тѣ-же гласныя (старое *о*+*и*) при стяженіи дали *и* въ сл. при-звѣ́ст, призвяла́. (Только въ пѣсняхъ). Хотя въ пѣсняхъ же я слышалъ и „пръизвяла́", но надо думать, что народная этимологія этого слова не про+извести, а при+извести. По смыслу (почти=довесть, ср. „Учиз го́ркăй судба́, дъ чьво́ ты миня́ призвяла́?"; „судьба призвяла любить козака"—Миша Байковъ) оно какъ будто сближается со словомъ привесть.

а+*и*=*ѣ* въ слов. ды убягла́ въ сказкѣ.

Неслоговыя i̯ и j, w и γ.

Буквой *j* въ моихъ записяхъ изображается какъ согласная *j*, такъ и i̯ въ тѣхъ случаяхъ, если дифтонгъ: гласная+i̯—краткій; гдѣ дифтонгъ: гласная+i̯—долгій (дяi̯, гляi̯-къ-с), я пишу i̯. Собственно *j* является только въ положеніи послѣ согласной и въ началѣ слова, а между гласными только передъ ударяемой гласной и въ послѣднемъ открытомъ слогѣ. При пѣніи всякое i̯, не составляющее съ предшествующей гласной долгаго дифтонга, переходитъ въ согласную *j*.

j послѣ согласныхъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, которыхъ вполнѣ точно не могу опредѣлить, можетъ выпадать. Наприм. при: пла́тјь, утише́нјь, жыла́нјь, и т. п., также: пла́тьм (твор. п.), пла́тицă, утише́ницъ, жыла́ницъ, канпа́нь, въскрисе́нй, Саве́ливă, пъ Васильску, за де́вичьј (въ пѣ.) (отъ Саве́льј, Саве́лјь) и др. Аннушка Акимова пишетъ: желаницы, страданица. При гармо́нјь, в гармо́нју говорятъ также: „в гармо́ню". Во всѣхъ отмѣченыхъ случаяхъ *j* выпалъ не въ ударяемомъ слогѣ. У Миши Байкова въ одной сказкѣ „сяицъ". По всей вѣроятности,

это — описка, но можно читать и „ӡсийц“, тогда отпаденіе *j* здѣсь будетъ аналогично съ *и* въ „ивйлъс“, „илóвъј“.

Въ томъ же положеніи ј можетъ ассимилироваться предшествующей согласной; по крайней мѣрѣ, такая ассимиляція — въ сл. плáт̑ть; другихъ примѣровъ не знаю.

Въ словахъ три̑тóвъс̑ и „ка Бажóј це̑ркви (послѣднее только въ пѣснѣ) выпаденія *j* нѣтъ, ср. „тре̑тьјь ни̑дéля̆“, „тре̑тью нóч“, а не „тре̑тјь“, „тре̑тју“; точно также: в Бóжью це̑ркву“ рядомъ съ „в Бóжју це̑ркву“. (т. обр. здѣсь имѣются разныя склоненія прилагательныхъ).

j (i̯) послѣ гласныхъ въ положеніи передъ согласной выпадаетъ въ сл. па̑дй, по̑т, па̑дóмти, падй̑т, но: пајду̑ и пр., пóј̑т или пóј̑ти (= пойте), ни̑ замáј (но: зајмá̑т и пр.), пажáлустъ, набóс̑ и ни̑бóс̑, с̑ичáс и чичáс (шьчáс). Въ пѣснѣ также: д̑éлъ̑ти, абéдъти. У Миши Байкова: поди—нѣсколько разъ, но всегда: пойдемъ, взойдетъ и пр. Во всѣхъ перечисленыхъ словахъ *j* выпалъ благодаря особымъ условіямъ употребленія этихъ словъ: сейчасъ превратилось въ нарѣчіе, остальныя всѣ — повелит. наклон., причемъ „ни̑ замáј“, по значенію — союзъ („ни̑ замáј тâг бу̑дьт=ни̑ трóк тâг бу̑дьт=пусть такъ будетъ), а „пажáлустъ“—вводная частица.

Зіяніе, получающееся не подъ удареніемъ, въ извѣстныхъ случаяхъ (см. выше) устраняется посредствомъ стяженія. Но зіяніе между гласными, изъ которыхъ на одной лежитъ удареніе, допускается. Случаи устраненія зіянія посредствомъ паразитныхъ согласныхъ по большей части всѣ старые. Такими паразитными согласными являлись въ различныя эпохи жизни языка и при разныхъ условіяхъ неслоговыя i̯, w и, б. м., γ (изъ h).

j такого происхожденія сохранился въ греч. имени ʼСи̑мијóн (чаще, чѣмъ слитное ʼСи̑мóн). Другое слово, гдѣ на мѣстѣ зіянія, имѣющагося въ литературномъ яз., является въ разбираемомъ говорѣ *j*—пъ̑ибаю̑ткă—вполнѣ

правильно отъ баіти, баютъ. Впрочемъ, въ другихъ влкр. говорахъ въ этомъ словѣ *j* зачастую нѣтъ, и являются другія паразитныя согласныя: Олон.: прибалу́тка, Калуж. Медын. п̑рибаγу́тка, п̑риγаγу́тка [1]). Тамб. Шацк.: п̑риγу́тка—отъ другой основы.

Новое *j* въ сл. јир̑о́л, јир̑ол̑и́к, мож. б., въ сл. јищо́.

Вставное *j*, которое и въ настоящее время и въ старину было извѣстно многимъ говорамъ, кое-гдѣ встрѣчается только при пѣніи. Такъ наприм., это *j* извѣстно мнѣ изъ говора Рязан. у., Шацк. у. Тамб. губ. и др. То-же *j* отмѣчено и Филатовымъ въ двухъ деревняхъ Бобровскаго у. Ворон. губ. (т. 37, стр. 218). Филатовъ не говоритъ, слышится-ли это *j* въ разговорной рѣчи. Примѣры, приводимые имъ (кромѣ т. 37, еще т. 38, стр. 269), взяты только изъ пѣсенъ и пословицъ. Въ описываемомъ говорѣ такое *j* при пѣніи я слышалъ только у старухъ.

Дифтонгъ аі̯ долгій отм. въ словахъ: дяі̯, ј̀еі̯ Бо́γу, гля́і̯къс̑ (См. также выше). Первое изъ нихъ употребляется, какъ обращеніе, безъ имени; въ остальныхъ случаяхъ—только съ именемъ: „дяі̯, лъшъд̑е́ј гожъ ко́р̑м̑ьш“, дяі̯ Ива́н, у дяі̯ ̓По́т̑ри и пр. Для обозначенія степени родства: дя́д̑ь.

в передъ гласной: 1) Ръд̑иво́н, сура̑ве́шкă, во́стръј, во́спă, во́с̑ьм, вас̑мо́ј, в̑инахо̑дьц.

2) Въ род. пад. ед. ч. мѣстоименнаго склоненія: маво́, тваво́, сваво́, чаво́, јиво́, до́бръвă, зло́въ, тако́въ, мило́въ, т̑ри̑то́въс̑ и пр., никогда не γ. Миша Байковъ рядомъ съ орѳографическимъ: сегоднешній, у зеленого и пр. иногда пишетъ: милова, у мово, задругова, никово. Это—черта многихъ великорусскихъ, какъ сѣверныхъ, такъ и южныхъ говоровъ.

---

[1]) Впрочемъ, вѣрнѣе думать, что это слово не отъ баіти, п. ч. олон. *л* и калуж. γ указываютъ на болѣе раннее γ или *в*.

3) Въ словѣ кърав́от (кърав́оду), имѣющемъ „*в*" только въ сѣв.-влкр. и моск., но не въ ю.-влкр. (см. ниже). Въ случаяхъ перваго рода *в* — изъ стараго *w* паразитнаго передъ лабіальной гласной, кромѣ сурав́ешкă и винах́одьц, гдѣ *в*, по всей вѣроятности, явилось нефонетически. Въ род. же на *-ово* и т. п. и въ словѣ кърав́от *в* могло быть и такого происхожденія (если γ переходило въ *h* и затѣмъ выпадало), но могло явиться и другимъ путемъ, прямо изъ γ. Ср. сѣв.-влкр. ковд́ы, товд́ы, соотвѣтствующія ю.-влкр. каγд́ы. Если бы γ передъ *д* исчезло совсѣмъ, то звуку „*в*" рѣшительно неоткуда было бы появиться. Чередованіе между γ и *в* въ такомъ случаѣ аналогично чередованію *х* и *ф* во многихъ русскихъ говорахъ [1]. Ср. латин. діалектическое *f* вмѣсто *h*.

w, т. е. *в* губное—довольно часто, преимущественно передъ лабіальными гласными (у, о, ў), иногда и въ другихъ случаяхъ. Но въ тѣхъ же положеніяхъ слышится и *в* губнозубное. Передъ лабіальной гласной и передъ группой зубныхъ это *w* можетъ выпадать. Прим.: викаýшкă, гал́оушкă, жыý, жыýт (но: жыв́от), кар́оушкă, д́еушкă, *w*д́оушкă; у н́яо, ча́о, о́зли рядомъ съ в́озлй, о́стръј (наприм., въ приб.: „Мн́е даó стръвъ нажá), рѣдко: отъ, он, при: вот, в́он (wот, wон), гат́оўт, згрусн́уццъ, зд́умăт и пр. Въ томъ же положеніи *w* и *в* губнозубное могутъ сохраняться: wздуwáј, тр́авушку, д́евушк, голăву, паẃојнйчьк и пр.

Къ сожалѣнію, въ моихъ записяхъ почти нигдѣ не отличается *w* и *в*.

w можетъ развиваться въ положеніи между гласными, гдѣ первоначально не было никакого неслогового звука: ẃон (рѣдко), уwафсá, уwавр́ага, у w адн́ој, у wакн́а и др. Развитіе *w* послѣ *у* въ этихъ случаяхъ пове-

---

[1] Ср. Шахм. Отч. о прис. Ломон. преміи въ 1897 г., стр. 70—72.

ло къ образованію даже такихъ формъ, какъ: ywa фсе́х. Въ этомъ *wa* слѣдуетъ видѣть новое распространеніе предлога, аналогичное съ *обо* въ: ъба мне́, ъбаре́зълă вмѣсто: о(б)мнѣ, о(б)рѣзала.

Очень рѣдко вмѣсто w — ў неслоговое: ўро́с, тожъ ў лаптя́х, дро́ў буду лама́т, ўафто́рник. Въ сл. тра́уля (= травленый лугъ) -ау- скорѣе два слога, чѣмъ дифтонгъ.

Особо стоятъ: и́ш=вижь, какъ нарѣчіе, и Арша́въ. Въ 1-омъ изъ нихъ *w* или *в* утрачено еще очень давно, а второе—заимствовано.

Не передъ группами согласныхъ *w* (или *в*) отсутствуетъ въ слл. зор и дру́к. Сл. „зор" встрѣчается только въ пѣсняхъ, такъ какъ здѣсь *w* никогда не слышится, то вѣрнѣе думать, что здѣсь слово „зор" безъ приставки. Слово „вдругъ" въ разговорномъ яз. можетъ являться и съ „*в*".

У Миши Байкова: жиутъ, короушекъ, съ другой стороны: живу, живутъ, славушки, даже: овукнулась, а ву, аву. Въ послѣднихъ я никогда не слыхалъ между гласными никакого неслогового звука. Вѣроятно, здѣсь просто вставлено *в* по аналогіи съ такими случаями, какъ жыу́, вдо́ушка, гдѣ М. Б. не произноситъ *w* или *в* между гласными. Перед *о*: онъ, отъ, озли него круга (2 раза), но чаще съ *в*: вотъ, востру, возли него. Передъ зубными „*в*" М. Б. всегда пишетъ, даже въ словѣ: взоръ.

Въ сочетаніяхъ w съ неударяемыми гласными происходятъ нѣкоторыя измѣненія. Гласныя рядомъ съ *w* (и даже *в*) болѣе или менѣе лабіализуются: прија́тнуw апити́ту, гастинцъ^{у}в да́м. При отпаденіи *w*: ут (=вотъ) рядомъ съ *во́т* и wо́т: цар ут увида́л, а то́ ўт ищо́, ут е́тът и т. п. Изъ w + гласная *ъ* (изъ стараго *о* и др.) рѣже *у* послѣ гласной въ положеніи послѣ ударенія получается ў неслоговое, составляющее съ предыдущей гласной долгій дифтонгъ. Прим.: каро́у (3 слога) и каро́ў (2 слога), до́бръў сло́ў, то́лстъў, с ле́ўј и пр., цалко́ўва, „тибя эдъ-

къwъ здаро́увӑ тъ на те́м ъ̊вяту-тъ ни приму́т“ и т. д. ў неслоговое вм. ʼw очень рѣдко. Отм. гри́ўн (=гривенъ).

Приблизительно ту-же роль, что *j* и *w* между гласными, играетъ иногда γ. Эта согласная въ немногихъ случаяхъ можетъ переходить въ *h* и затѣмъ выпадать. Такое γ имѣется въ словах: таγда́, каγда́, фъ̊иγда́, γде́. Вмѣсто таγда, каγда́ почти всегда говорятъ: када́, тада́; б. м. сюда же слѣдуетъ отнести и нарѣчіе: ано́дъ̊съ̊, если только оно одного происхожденія съ сѣв.-влкр. онолды́, оновды́ (подробнѣе объ этомъ см. въ морфол.). γде́ и даже где́ такъ же часто, какъ: де́ (= гдѣ). Въ словахъ фъ̊иγда́, зъфъ̊иγда́ (также фъ̊иhда́,) звукъ γ обыкновенно не выпадаетъ; въ словѣ блъγдари́т и друг. всегда γ вполнѣ ясное. Въ другихъ южно-великорусск. говорахъ замѣчается то-же различіе въ устойчивости γ (г) въ словахъ когда, тогда съ одной стороны, и всегда—съ другой. Такъ наприм., по Рѣзанову, въ Кур. Обоян. всегда говорятъ: када́, тады́, но— „завсегда“, причемъ „звукъ г.....“ „произносится крайне быстро, слабо, еле уловимо для уха“ (стр. 105; т. е. не какъ γ, а какъ h?). То же, по Филатову, въ Ворон. губ. (т. 38, стр. 383). Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ ю.-влкр. говорахъ γ сохранилось и въ этихъ словахъ. Такъ, оно слышится изрѣдка и въ описываемомъ говорѣ; въ произношеніи одной крестьянки Шацкаго у. Тамбовск. губ. я слышалъ кагда́ и т. п. съ очень опредѣленымъ *г* взрывнымъ. Въ сѣв.-влкр. обыкновенно во всѣхъ этихъ нарѣчіяхъ *-вд-*, *-лд-*. Не стоитъ ли ю.-влкр. када́ въ какой-ниб. связи съ србск. ка̀да, ст.-слав. ни-къда?

Благодаря выпаденію h изъ γ между гласными получается стяженіе по правиламъ, указ. выше: блъславле́нјь и даже бъславле́нјь, гдѣ *л*, б. м., выпало фонетически по диссимиляціи съ *л* слѣдующихъ слоговъ, а скорѣе всего,—нефонетически, п. ч. первая часть слова понята, какъ бого („богословленье“, п. ч. благословляютъ именемъ Божіимъ).

г изъ стараго h или б. м., вставленое по аналогіи

съ именемъ Григорій—въ имени Јагóр или Јигóр (=Георгій=Γεώργιος, т. е. Јеóрјіос).

Въ пѣніи между гласными, не подвергающимися стяженію, является вставное *х*, нприм. „Напајóмшы х угаваривала“; „Сняшки бéлы.... вападали х ане на маря“ и мн. др.

л передъ *и* въ началѣ слова — въ имени Липáт = Ипатій.

СОГЛАСНЫЯ.

Кромѣ звуковъ, извѣстныхъ въ литературномъ языкѣ, отм.

р губное: прусéн (этимъ именемъ подзываютъ телятъ. По происхожденію не родственно-ли съ порося, поросéне?), прýпрунда (междометія).

Твердость и мягкость согласныхъ.

Прежде, чѣмъ говорить о смягченіи согласныхъ, замѣт., что въ положеніи передъ глухими согласными извѣстны только глухія, а передъ звонкими, кромѣ сонорныхъ, *в* и *ј*,—только звонкія.

Разсмотримъ согласныя 1) въ положеніи передъ мягкой согласной, 2) передъ твердой, 3) передъ гласными и 4) въ концѣ слова.

Согласная передъ слѣдующей однородной мягкой согласной, если не диссимилируется ей, сливается съ ней въ одну усиленную согласную мягкую. Такая удвоенная согласная въ моихъ записяхъ изображается 2-мя одинаковыми согласными. Т. обр., получается: аббит, аббирóзу, аппéчку, ввисти, ана ввилá, ффилатъва, аддéлът, аддвéри, аттяшкај мýки, ссéнъм, ззилóнъм, 'Анни. Сочетаніе х+х=хх; сочетаній к+к и г+г не существуетъ. Впрочемъ, въ сочетаніи т+т, получившееся изъ к, первое *т* не

вполнѣ ассимилируется второму: кле́²тти, се́тти, хотя встрѣч. и кле́¹тти и т. п.

Согласныя шумныя и носовыя передъ согласной шумной и, частью, носовой того же мѣста образованія уподобляются ей по степени мягкости. Исключеніе составляетъ *j* (впрочемъ, въ этомъ положеніи только і̯), не измѣняющійся въ положеніи передъ твердой задне-небной и не ассимилирующій ее себѣ.

Прим. ло́хкии, мя́хкии, но: ло́хкъј. мя́хкъј и пр., сто́јкӑ, чьјку́.

авве́сит, аввистит, ввит, ф пе́чки, аввязънъс, в ме́ру, авᵐмини́т, вме́сти и пр., но: ф по́гриби, аб ва́с и пр.

пацсме́ивъит, ацсе́львӑ, пъдᶻзило́нъю, с тиле́ди, любава́лиз дивава́лис, кости, вмести, визде́, гво́зди, свистет, Не́стър, с ни́м, сне́к, биз няво, антире́снӑ, андьл и андьл (если здѣсь д—давнее), пре́¹жди и пр., но: пӑцсабо́ј, ацу́дӑ, пъд'забо́ръм, стаит, пасто́ј, сви́ст, ко́стъчкӑ, ме́стъ, гваздо́чьк, и пр.; дириве́нскъј, Успе́нскъј и пр. Впрочемъ, въ сочетаніи цс первая часть можетъ быть твердой: пъцсирпо́м. Передъ твердой шипящей (*ш*, *ж*) зубныя тш и дж тверды, но мягкій н сохраняется: ме́ншъ, падо́ншык, рядомъ съ падо́нщьк, гдѣ н — передъ мягкой шипящей. Шипящія *ш* и *ж* мягки только передъ зубной шумной (взрывной?), ср.: пре́жди, но ве́²шнъј, зде́²шнъј. Въ сл. пре́¹жнъј *е*¹ осталось по аналогіи съ пре́¹жди. Иногда встрѣчается *с* твердое передъ н: Бо́х *с* но́м, *сни́*зу и др.; также передъ т изъ к: кусти́, парфо́нкъ*с*тих.

Губныя передъ мягкими средненебными обыкновенно смягчаются; точно также и передъ мягкими губными являются мягкія средненебныя. Но въ тѣхъ же положеніяхъ извѣстны и твердыя губныя и задненебныя.

вју́, іју, убјо́т, вы́пјьт, вју́, завја́йт, авје́хът, авјиви́т, де́¹фки, но чаще: де́²фки (и де́²фти), гдѣ *е*² и *ф* изъ другихъ формъ; ще́¹іки, кре́¹ікии при кре́пкъј, с тифки, со́мкин, пато́мки но и убју́т, симја́, пјо́т, слифки, пато́мки.

к ми́лъму, ф це́ркви; кажется: г бе́рьгу, г биро́зи, к Фили́пу, и пр.

Зубныя передъ мягкими губными обыкновенно мягки: две́ри, све́т, свякро́ф, пад ве́ткăj, дви́нут, падмо́тки, мидве́т и видме́г, гве́т, вызве́, с пятъим, ръзбива́ли, зъсвирка́ли, изми́нит, изме́ншыцă, спи́т, адви́г, атве́дът, аг-ио́рлă, ръспява́ют, твирозъj, пъдцвярну́лъс, спе́рвă. Шипящія *ш* и *ж* и аффрик. *ц* въ этомъ положеніи всегда тверды. Могутъ являться твердыми и другія зубныя. Нприм. ат миня́, ăтпира́j, биз вяны́, спе́рва и др.

Губныя передъ мягкими зубными, кажется, тверды, по крайней мѣрѣ губныя билабіальныя, а губнозубныя передъ согласной другого слога (только н?): асле́^{2}пньт, пълюбо́вньк (в назалир. твердое), дире^{2}вня́, че́^{2}пчьк, копчьк, апто́р, абделът. Но: взял, взят, фсо́, фсе́, рядомъ съ взят, фсе́. Впрочемъ это правило еще требуетъ провѣрки.

Задненебныя *к*, *г*, *х*, *γ* всегда тверды въ положеніи передъ слѣдующей мягкой зубной: к сибе́, г зиме́, х гибе́, γ де́рьву, трахти́р, ля́кти, не́^{2}γди и не^{2}гди, Аксю́ткă, по́кньт, пихно́т, бло́кньт, дъмикни́са.

Твердыя зубныя въ положеніи передъ слѣдующей мягкой средненебной к, г, х j не смягчаются: не́^{2} с ким, атке́дă, платки́, Парфо́нкъски, кле́^{2}тки, ве́^{2}тки, ска́ски, мазги, са́нки, пе́нки, жыриво́нки, падjе́хъл, атjе́хъл, сjе́л и пр. Но передъ мягкой средненебной того-же слога зубныя *с* и *з*, кажется, могутъ иногда смягчаться. Поэтому: тко́т, но ски́нут, зги́нут, с ке́м (или только: сти́нуг, зди́нут, с те́м. но: ски́нут, зги́нут, с ке́м?), сjе́здит, сjес при сjе́с. Передъ j, кажется, могутъ иногда являться мягкія зубныя и въ другомъ положеніи. Рядомъ съ атjе́хъл, падjе́хъл, кажется, произносятъ и падjехъл, атjе́хъл (?).

Мягкія зубныя передъ мягкими средненебными сохраняютъ свою мягкость: муры́ски (им. ед.: муры́скă), Васки, Пе́тки, Фетки (при им. ед. Ва́скă, Пе́ткă, Феткă), ступе́нки, де́нги, жытjо́, бытjо́, зjа́йт, касjо́.

j передъ зубными, какъ твердыми, такъ и мягкими остается безъ измѣненія.

Передъ л̓ смягчаются только зубныя, но и у тѣхъ смягченіе не совсѣмъ полное и не обязательно: ма́с̓л̓инъj, во́з̓л̓и, ас̓л̓е́п, з̓л̓и́цдъ, пън̓ис̓л̓и́, зътр̓ис̓л̓и́, но также: слизну́лъ и др. (о *т* и *д* передъ л̓ см. ниже). Согласныя губныя передъ л̓ – среднія или твердыя: пате́¹п̓л̓илъ, г̓е¹п̓л̓и и: те́²пли, гр̓е́²бл̓я̆, (ср. грябл̓и́); зе́²млю. Остальныя согласныя вполнѣ тверды: клю́ч, кл̓е́щ, кл̓е́ткӑ, в э́дъкъм п̓о́кл̓и.

Чередованіе л и л̓—устарѣлое. Въ настоящее время мягкость или твердость слѣдующей согласной сама по себѣ не вызываетъ смягченія или отвердѣнія л. Прим. малча́т̓, па́лк̓и, во́лк̓и, палг̓и́нӑ, то́лщь и пр.

ма́л̓чьк, бал̓шо́j, до́л̓шь, ме́л̓чь, кал̓цо́, пол̓кӑ, стр̓ил̓ба́, гул̓ба́, ал̓ха́ и пр.

Передъ р̓ всѣ согласныя тверды: зафтр̓и, тр̓и, пр̓ихад̓и́т̓, кр̓е́пкъj, хр̓е́ст, гр̓е́с̓т̓, ср̓я́ду, зр̓е́ю, др̓е́вӑ, с̓е́стр̓ин. „*е*“ въ послѣднемъ словѣ указываетъ на то, что отвердѣніе зубныхъ передъ р̓ сравнительно недавнее, хотя ср. п̓о́тр̓ин. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ между мягкой согласной и р̓—бѣглая гласная, при отсутствіи этой гласной предшествующая согласная можетъ еще сохранять свою мягкость: с̓р̓ид̓и́ (и ср̓ид̓и), чаще: с̓ир̓ид̓и, п̓р̓ид акно́м (вм. передъ окном), чаще: п̓ир̓д акно́м или п̓е́р̓ьд акно́м.

р передъ мягкими зубными и губными почти всегда мягокъ: нъ чир̓т̓е́ (при имен. ед. чирта́), че́р̓т̓и (им. ед.: чорт), чир̓т̓ин̓я́тъч̓к̓и, ар̓т̓и́ст, ше́р̓с̓, шыр̓с̓тяно́j (но: шырстабо́j), Ар̓с̓е́н̓т̓ьj, с̓ир̓д̓е́чкъ (ср. с̓е́рць), с̓ир̓д̓и́ццъ, ас̓е́р̓д̓иссӑ; кар̓м̓и́т̓, ко́р̓м̓ьт (ср. корм), скар̓в̓е́т̓ (ср. скорбнъj), т̓ир̓п̓е́т̓, т̓ир̓п̓и́ч (=кирпичъ), Пар̓ф̓о́нкъск̓и, чир̓во́нъj, в̓ир̓в̓и́въчкӑ (впрочемъ, въ этомъ словѣ *р* первоначально мягкое, ср. в̓ир̓о́фкӑ), ръзар̓в̓и́, ръзар̓в̓о́ш; съмава́р̓чьк, фто́р̓н̓и́к; дво́р̓н̓ик, го́р̓н̓иц̓ӑ, чо́р̓н̓и́н̓каj и пр. Но очень рѣдко, и въ этомъ положеніи слышится *р* твердое: асирди́лсъ, пърнима́т̓.

Передъ мягкими средненебными *р* твердый не смяг-

чается: парки́, ко́рки, Го́рки, тарги́, ку́рки, Чу́ркин и пр., но р сохраняетъ свою мягкость: 'Сиргéj, сéрги, церкви и пр. Ср. 'Сирогă, сиро́шкă; старослав. црькы.

р остается твердымъ и передъ т и д, происшедшими изъ к и г. Поэтому при чиртé, сирдиццъ: Го́рти, ку́рти, апо́рти, тарди́, но, конечно, 'Сирдéj и пр.

Шипящія аффрикаты *ч* и *щ* (ж(д)ж послѣ согласныхъ не встрѣчается) смягчаютъ предшествующую зубную носовую *н* и шипящія *ш* и *ж*. Остальныя зубныя передъ шипящими вообще неизвѣстны, такъ какъ тоже переходятъ въ шипящія (*т* и *д* въ аффрикаты, а *с* и *з* во фрикативныя).

Согласныя передъ слѣдующей твердой согласной.

Мягкія губныя и средненебныя въ положеніи передъ твердой согласной вовсе неизвѣстны: зé²мскъj, кро́внъj, то́мнъj, и пр. Что касается j, то у меня въ такомъ положеніи это только условное написаніе вм. į.

Мягкія зубныя, какъ шумныя, такъ и сонорныя сохраняютъ свою мягкость передъ твердыми губными (только билабіальными?) и задненебными:

'Фéткă, 'Пéткă, Вáскă, муры́скă, писмо́, ризбá, свáдбă (и свáрбă), казбá, Кузмá, вазму́, но: избá, шу́ткă, кы́скă, пасмо́трьм, измáйлсă и пр.

н: ду́шънкă, Парáшънкă, но́женка, ми́линкăj, ко́сынкă, кърате́нка, мáминкă, мъладéнкă, jáблънкă, зáинкă, за чо́рнийнку, чирнабро́винкăя, ки́сънкă, мáхънкъj, Кáтьнкă, биро́зънкă, рано́хънкă, свáшънкă, дéнгъми, Сáнкă, Со́нкă, Про́нкă и пр. (большая часть примѣровъ взята изъ пѣсенъ). Но: аси́нкă, лахáнкă (при неуменьш. лахáн), сáнки (неуменьш. сáни), ïéсьнкă (при: пéснь), лéсьнку, рéпьнку, манáшънкă, дали́нкă. были́нкă, авéдинка, ми́лъстинка (см. выше), гу́линкă, за крáсинку (=красненьку), мали́нку (сказк.) и пр.

л̑: па́лка, по́лбӑ, стало́а́, талпа́, но: О́л̑гӑ, Ол̑кӑ, Ма́л̑кӑ, По́л̑кӑ, ал̑ха́, пал̑ба́, стр̑ил̑ба́ и пр.

р̑ и р: с̑е́¹р̑п, с̑ир̑па́ и пр., че́¹р̑пъ̑т, пъчир̑пну́т̑, ве́¹р̑бӑ, в̑е́р̑бъвъј, вир̑блю́т (ругат.: ацта́н̑ вир̑блю́т), с̑т̑е́р̑вӑ, вер̑х, нъвир̑ху́, с̑ве́р̑ху, го́р̑къј, зъс̑вир̑ка́л̑и, пап̑и́р̑кӑ, чит̑ве́р̑к (и чичве́р̑к), з̑е́р̑кълъ (и зе́р̑т̑ълъ), це́р̑квӑ, це́р̑къф̑, пе́р̑въј, спе́р̑вӑ, но и: спе́²рва: „я ни зна́ю, ка́к д̑ијо́ (т. е. пѣсню) спе́рва". Несовсѣмъ понятное исключеніе: царко́внъј и д̑о́ргъ̑т. Ср. де́¹р̑гӑт̑ въ нѣкоторыхъ другихъ говорахъ. По мнѣнію Шахматова, здѣсь -̑ор- вм. -ер̑- заимствовано изъ глг. дёрнуть (Шахм. Изсл. 80).

Мягкія зубныя передъ твердыми зубными же по большей части отвердѣли. Фонетически сохраняютъ свою мягкость л̑ при всякомъ положеніи и н̑—передъ шипящими.

из̑ме́н̑шыцӑ, т̑ин̑жа́л, м̑е́н̑шъ и пр.

пал̑то́, ил̑ду́, по́л̑зӑ, бал̑шо́ј и пр.

м̑о́ртвъј, зам̑ьртвӑ, чо́рнъј, д̑е́²рскъј, ̑іе́²рцу, ̑іиршы́т, ӑржано́ј и пр. Неясно р̑ въ сл. с̑ир̑ту́к въ одной прибауткѣ, при обычномъ: с̑иртук. Далѣе р̑ не успѣлъ отвердѣть передъ твердой согласной, если между ними выпала гласная (изъ стараго *е*): пир̑там̑е́т̑, пир̑дакно́м, пир̑сади́т̑, чир̑з акно́, ̑ірнаси́т̑ и пр. Въ этомъ случаѣ иногда вмѣсто р̑ слышится р̥̑ слоговое.

Изложенныя здѣсь правила смягченія и отвердѣнія согласныхъ передъ слѣдующей согласной касаются только согласныхъ въ серединѣ слова или въ концѣ предлога. При встрѣчѣ согласной въ концѣ одного слова съ согласной въ началѣ другого дѣйствуютъ тѣ же правила, но не такъ послѣдовательно.

Мягкость согласныхъ въ концѣ слова.

Губныя мягкія въ концѣ слова (такъ же, какъ и передъ ј и другими мягкими согласными), иногда твердѣютъ:

го́лу̑і, ру́п̑, кара́̑і, жура́ф, кро́ф, любо́ф̑ и: го́луп,

ру́п, кара́п, про́луп, жура́ф, кро́ф [1]), любо́ф; се́²м, рѣже: се́¹м̑. Приведу нѣсколько примѣровъ изъ сказокъ:

wо́сьм̑ ане́ ле́т, се́мдьсьц̑ се́м, кро́в вы́пьл, „аста́w, гwа̑рт, аста́ф". Ср. передъ j: ф сафjанъх сапо́шкъх, п̑jа́нскьми и пjа́нскьми, симjа, убjу́т, пjо́т и у̑вjут и пр. Миша Байковъ въ этихъ словахъ обыкновенно пишетъ *ъ:* голубъ, свекровъ, семъ дорогъ, поставъ насъ, вцерковъ, но также: въ церковь. Впрочемъ, онъ несовсѣмъ ясно различаетъ значеніе *ъ* и *ь* и нѣсколько разъ пишетъ *ъ* послѣ мягкой согласной, а именно: теперъ, царъ, денъ, опятъ, почитатъ, читатъ, преобщитъ (infin.), незнаетъ (вмѣсто: не знаете), иговорить (3 л. един.); въ остальныхъ случаяхъ *ъ* и *ь* употребляется правильно.

н̑ и *н:* о́чьн̑ и о́чьн. Миша Байковъ пишетъ и очень и оченъ.

дйриве́н̑ и пр., но са́жьн (род. множ.), пе́сьн, ба́сьн или даже пе́съⁿ, ба́съⁿ съ *ъ* носовымъ на концѣ и съ очень слабымъ согласнымъ *н* (см. между прочимъ Шахм. Лекціи, стр. 151).

л и л̑: о́къл и о́къл̑, также: о́кълъ. Прим.: о́къл̑ о́зьра и пр. Въ предположеніи Будде, объясняющаго л̑ въ этомъ словѣ аналогіей съ откуля, нѣтъ необходимости (Будде, Къ исторіи, стр. 101—102). Вѣроятно здѣсь предлогъ *о* съ мѣстнымъ, а не винит. пад.

а́н̑д̑йл̑ при а́н̑дьл, но всегда: а́н̑дьлӑ.

Окончаніе 3 л. глагол. всегда *т* твердое, какъ въ московскомъ и сѣв.-влкр. говорахъ. Но Бо́знът̑ (при Бо́γ знаjт), Бо́знъч̑ што́, на́дът̑, jе́сᵗ (=есть, но jе́²ст=ѣстъ).

з̑ и с̑ — въ предлогахъ: чѐри̑з, рѣдко: чѐриз (чириз), бли́с̑ (=близь—совершенно правильно; литературное на-

---

[1]) Одинъ разъ мнѣ пришлось говорить о произношеніи словъ съ одной бабой нашей деревни (Анной Акимовой) 24 лѣтъ и ея младшей сестрой, тоже изъ Парфенокъ, дѣвушкой лѣтъ 16. Младшая сестра говорила: „кроф". На это старшая замѣтила: „эта̄на́ та́г бре́шът; фсо́ кро́*ф*".

писаніе „близъ“ вызвано какими то посторонними соображеніями); въ нарѣчіи пака́мис̊(т̊). Примѣры: че́рьз̊ гря́тку, че́р̊ьс̊ по́ль и др. У Миши Байкова: черезъ годъ.

Мягкость согласныхъ передъ слѣдующей гласной.

р̊: чиря́път̊, ӑчиря́пъццъ, чиря́пкъцӑ (=литер. царапать, царапаться; ср. Рязан., Тул. и др. каря́бъцца, ко́шкӑкаря́бъла), стрючк̊и́, к̊рип̊и́вӑ, чаще: крап̊и́вӑ, т̊рис̊ня́к, рядомъ съ трас̊ня́к, но: *тр*о́стъчкӑ; кумаря́, кумар̊о́нък, кумар̊и́, рядомъ съ кумара́, кумаро́чьк, кама́р; абря́щьк; р̊ибя́ты, чаще, чѣмъ рабя́ты, но правильно: рав̊о́нък, за́фт̊рикът̊ и за́фтрък̊ът̊ (у Миши Байкова только: завтракать, позавтрокаемъ), д̊рига́ццъ и дряга́ццъ (ср. литер. дрыгать); Мат̊ро́нӑ; за́фт̊ри, и, кажется, б̊рика́ццъ.

Чередованіе *р* и р̊ во многихъ словахъ неяснаго происхожденія. А. И. Соболевскій приводитъ цѣлый рядъ словъ, извѣстныхъ какъ съ твердымъ, такъ и съ мягкимъ *р* (Лекціи, стр. 120—122). Въ нѣкоторыхъ словахъ это чередованіе, несомнѣнно, общеславянское. Къ такимъ случаямъ, б. м., можно отнести корябать и черяпать при царапать (3 родственныхъ, но разныхъ корня), крепива (изъ крьпива?) при кропива, трестнякъ или трестникъ (отъ трьсть) при тростникъ (отъ тръсть), и, пожалуй, дрегаться (дрьгатися?) при дрыгаться. Въ сл. абря́щьк р̊, вѣроятно, вызвано дѣйствіемъ аналогіи и не стоитъ ни въ какой связи съ р̊ вм. *р* въ только что приведенныхъ словахъ. Слово „образчикъ“—книжное. Вѣроятно, здѣсь —смѣшеніе двухъ основъ, нерѣдкихъ въ церковнослав. яз.: обрѧщ- и обращ- (хотя само по себѣ это слово не заключаетъ въ себѣ ни той, ни другой основы). Въ современномъ церковномъ пѣніи и чтеніи мнѣ нерѣдко и притомъ у многихъ лицъ приходилось слышать произношеніе: обрящся, обрящ вм. обращся и т. п. и даже: прибрящся вм. преображся. Въ связь съ этимъ произноше-

ніемъ я бы поставилъ встрѣчающееся въ древнерусскихъ памятникахъ написаніе тѣхъ же словъ черезъ *я*, ср. ѡбрѧщьсѧ вмѣсто „обращься“ въ сп. повѣсти объ Акирѣ XV в. б-ки Общ. Ист. и Древн. Росс. № 189, л. 95 об., стр. 9. Слово „р̑ибя́ты“, вѣроятно, заимствовано изъ Москвы. Откуда здѣсь р̑ (ср. литер. ребёнокъ), неясно. Въ другихъ, какъ сѣв.-влкр., такъ и ю.-влкр. говорахъ правильно: робя, робята и пр. Не знаю, почему Филатовъ здѣсь, какъ и въ словѣ попелъ (ср. древнерусское попелъ при русскомъ-же и ст.-слав. пепелъ), *ждалъ* звука *е* (т. 37, стр. 205). Въ сл. „за́фт̑ри“ окончаніе -р̑и (въ другихъ говорахъ -ря) могло быть заимствовано изъ нарѣчія ут̑ри=утрѣ. Шахм. въ Изслѣд. выводитъ завтря изъ заоутрию (стр. 68—69), а заўтри изъ заоутрии (Ельн. 81). Въ словѣ зафт̑рикъ т̑ р̑ изъ зафт̑ри.

р: гры́п, грыбы́, пры́нц, кры́нкă; рѣже: ры́гă, скрып̑е́т̑ при р̑и́гă, скр̑ип̑е́т̑. Всегда скр̑и́пкă. бръл̑ия́нтъвъј (народн. этимол.?), угру́мъя̆ рядомъ съ угрю́мъя̆.

л̑ и *л:* па́клă (ср. литер. пакля).

н̑ и *н:* набо́с̑, нябо́с̑ и н̑ибо́с̑ (первое и второе только, какъ союзъ; третье — какъ союзъ, но иногда сохраняетъ старое значеніе: не бойся); кра́јнъј и кра́јн̑ьј, да́лнъј и да́л̑н̑ьј, давны́шнъј, пазны́м паз̑н̑о́хън̑къ, тап̑е́р̑ьшнъј, и́хнъј, но: с̑иво́д̑н̑ьшн̑ьј; бу́бьн̑. У Миши Байкова: крайной и крайнѣй, дальный и вдальній, далнею, тапершный, ихный, сегоднешній. Въ сл. набо́с̑ отвердѣніе *н* можно сопоставить съ Ворон. што набуть (Филат., т. 38, стр. 318). Въ словахъ на -нъј и н̑ьј мы имѣемъ различные суффиксы. Ср. у Будде, Къ исторіи, стр. 197 и въ другихъ говорахъ. То-же и въ сл. давны́шнъј, которое произведено не отъ да́вн̑ьј, а отъ да́внъј, ср.: давно́ давны́м (въ такомъ порядкѣ словъ это выраженіе извѣстно описываемому говору) и пр. *н* твердое въ ихнъј ср. съ чешскимъ ny въ словѣ wšechny, первоначально = общій, принадлежащій всѣмъ.

н̑ въ тăрака́н̑и (пѣ.) см. въ Морфологіи.

к и *г*. Старыя сочетанія кы, гы перешли въ к̓и, г̓и, но въ глаголахъ на -кывать, -гывать твердыя задненебныя сохранились, причемъ *ы* частью сохранилось, частью перешло въ *ъ*: патта́лкъвът̓, пад̓д̓о́ргъвът̓ и др. Въ сл. кы́скă, м. б., сохранилось первоначальное кы, а, б. м., уже возстановлено потомъ. Рядомъ съ этимъ произношеніемъ—также: к̓и́скă, с̓е́рӑ к̓и́сӑн̓кă (пѣ.) (кыска, кыш отм. также у Филат. Ворон. т. 38, стр. 274; у Будде, Къ діалектологіи, 61 и др.).

Твердыя задненебныя въ сл. Гара́с̓им, кърас̓и́н (кърас̓и́нъј=керосиновый), лъгаря́ и лъгар̓и́. Всѣ перечисленныя слова — заимствованы. Отвердѣніе *к* и *г* въ нихъ — различнаго происхожденія. О „Гара́сим“ см. Шахм. Изсл. 24; остальныя два слова — недавнія.

с̓е́р̓гъв де́н̓ при с̓е́р̓г̓ъј (имя святого), Сир̓д̓е́ј. Ср. *г* въ С̓иро́га.

к̓: з̓е́р̓т̓ил̆ă изъ з̓е́р̓к̓ълă, при зе́ркълă. *к* здѣсь смягчается, хотя необязательно, подъ вліяніемъ предшествующаго мягкаго звука (или предшествующихъ мягкихъ звуковъ?). Но въ другихъ словахъ такого смягченія не бываетъ: ма́льн̓къј, де́н̓гъми, папи́р̓кă и пр.

к̓ис̓т̓ин̓т̓и́н, но чаще: къс̓т̓ин̓т̓и́н. к̓ въ этомъ имени слышится въ очень многихъ великор. говорахъ и, вѣроятно, вызывается мягкостью слѣдующихъ согласныхъ.

Губныя. Смягченіе губныхъ посредствомъ л̓ распространеннѣе, чѣмъ въ литерат.: блъславл̓е́н̓јь, успл̓е́н̓јь, успл̓ин̓јо́, приплавл̓е́н̓јь, заржа́влин̓ăј и др. Такое же л̓ въ глг. купл̓я́т̓, купл̓я́ю при пъкупа́т̓, пъкупа́ю (см. въ Морфол.). Въ глаголахъ на -плю, -блю, -млю, -влю это л̓ въ 1-мъ л. ед. сохраняется: куплю́, таплю́, люблю́, кар̓млю́, гото́влю, ста́влю и пр.; формъ 1 л. ед. отъ такихъ глаголовъ безъ л̓ нѣтъ. Вѣроятно, по аналогіи съ этими глаголами л̓ выпалъ во 2-мъ л. глаг. тре́ъьссă при 1 л.: триплю́с, но: ме́р̓ьн трав̓у́ с̓и́пльт и т. п. Въ концѣ словъ это л̓ отпало: руп, кара́п, жура́ф или ру́п̓, кара́п̓.

Мягкія губныя: чир̓в̓о́нъј, пръмихну́лъс, м̓ьргану́т̓ (ср. литер. моргнуть), Ниф̓о́т (род. Ниф̓о́да), пъздаро́вицъ (=по-

здороваться), рѣдко: Васили́са при обычномъ: Въсили́сӑ. Но правильно: высо́кӑј, высако́ и др. Въ сл. чир̆во́нъј звуки *р* и *в* смягчились, п. ч. стали производить это слово отъ „червь". Въ сл. Васили́са, извѣстномъ въ такомъ видѣ во многихъ великор. говорахъ, можетъ быть, дѣйствовала аналогія со сл. веселиться, поддержанная и мягкостью слѣдующихъ слоговъ. Шахматовъ (Мосал., стр. 185) видитъ здѣсь только ассимиляцію гласной гласнымъ послѣдующихъ слоговъ. Въ сл. „пъздаро́вицӑ" — другой суфф. Ср. тотъ же глаголъ, но въ другомъ значеніи въ литер. языкѣ.

Твердыя губныя. Пъладе́й (см. Шахм. Изслѣд., 24), бълабо́кӑ („саро́кӑ бълабо́кӑ" въ одной прибаюткѣ), вы́шня̆, графы́н, графы́ня̆. Обычное названіе сороки — „бѣлобока", но здѣсь, очевидно, другое слово, ср. балаболка". Въ „графы́ня̆" тотъ же суфф., что въ барыня, сударыня, боярыня, княгиня, гусыня и пр.

Зубныя: дю́жъ — „аво́з дю́жъ харо́ш" и пр., Нестьр (см. Шахм. Изсл. 28), ми́лъстинкӑ („ми́лъстинку Христа̀ ра́ди"), наоборотъ: студо́нъј, студяно́, хотя, кажется: стюдьн; дыра́; тапе́р, тапе́рьчь, тапе́рьшнъј и пр., рядомъ съ типе́р, типе́ря̆ и пр. У Миши Байкова: теперь (нѣсколько разъ) и типерича, но одинъ разъ: таперешный часъ. Въ сл. „ми́лъстинкӑ" — суфф. -ин- (ср. Шахм. Мосал. 208). О „дюжъ" и „студо́нъј" см. Собол. Лекціи, 121; о „тапе́р" и „типе́р" — тамъ-же, стр. 93.

с твердо въ окончаніи возвратн. глаголовъ *-с* и *-са*. Прим. пя̆тилӑса, бря́кнуласа, раста́цца, абнима́юс, ганю́са, го́ница, ни жыни́са, же́нисса, ни дакли́калас, казалъса и пр. (Примѣры взяты изъ пѣсенъ, но то-же и въ сказкахъ и разговорномъ языкѣ). с мягкое сохранилось только въ выраженіи нибос и набо́с, почти утратившемъ первоначальное значеніе. Но въ 5 в. къ востоку отъ Парфенокъ, въ дер. Мазиловѣ въ этомъ случаѣ — с, ся.

Въ другихъ влкр. говорахъ чаще -с, -си, -ся, также -се́ (послѣднее преимущественно въ сѣв.-влкр.) (см. Шахм. Изсл., 209) и -со, но нерѣдко встрѣчается и окончаніе

-с, *-са*, *-съ* съ твердымъ *с*. Повидимому, послѣднія формы чаще въ сѣв.-влкр. говорахъ (ср. Матеріалы 21, 35, 36, 37, 38, 39, 40 -са; 22, 41 -сэ; 28 -сы), чѣмъ въ ю.-влкр. Впрочемъ, *-с* и *-са* отм. у Филатова (т. 38, стр. 319), а *-с* и *-съ* у Будде въ Тул. губ. (Изв. II Отд., т. III, кн. 3 и 4) и пр. По мнѣнію А. И. Соболевскаго, твердое *с* здѣсь изъ фф. на -ца, -цы въ 3-мъ л. ед. и мн. и неопр. накл. (Лекціи, 120).

суда́ и суды́. Миша Байковъ пишетъ: „иди суда“. Ср. старослав. сѫдоу (см. Соболевск. Лекціи, стр. 120).

Лабіализація согласныхъ.

Нѣкоторыя твердыя согласныя въ положеніи въ неударяемомъ слогѣ могутъ получать лабіализацію передъ *у*, *ъ*, *ъ* (т. е. глухая открытая гласная) или послѣ этихъ гласныхъ. Такой лабіализаціи подвергаются главнымъ образомъ губныя согласныя и *л*, нѣсколько менѣе — задненебныя. Зубныя согласныя тоже иногда лабіализуются передъ *у* или если въ сосѣднемъ слогѣ являются губныя. Гласныя въ положеніи послѣ и передъ такими лабіализованными согласными, находясь не въ ударяемомъ и не въ непосредственно предшествующемъ ударяемому слогѣ, болѣе или менѣе лабіализуются, но можетъ происходить и обратное явленіе, т. е. лабіальная гласная, диссимилируясь съ сосѣдней лабіализованной согласной, переходитъ въ гласную нелабіальную. Примѣры [1]: п̊ъ^{у}лсапо́шки, п̊ъмура́вицц̊ъ („че́м ьт ана́ јаму̀ п̊ъмура́вилъс?“ = понравилась), буɣачо́wу; штўп пас̊пе́ли, шшъ^{у}бъ wо́лк ни утащи́л, думавни́чъ̊т, тубаре́ткӑ; ӑкъ̆лубине́лӑ зимля́; кузначе́јствӑ; мажучо́к, дабавы́и (послѣдніе два случая только въ пѣ.). Къ сожалѣнію не могу теперь привести примѣ-

---

[1]) Лабіализація согласныхъ, если гдѣ подмѣчена мной въ записяхъ, обозначается черезъ ° надъ буквой; въ остальныхъ случаяхъ объ ней можно догадываться по измѣненію гласной.

ровъ на всѣ извѣстные мнѣ случаи лабіализаціи. *у* въ положеніи послѣ лабіализованныхъ согласныхъ выговаривается нѣсколько болѣе открыто, чѣмъ послѣ нелабіализованныхъ согласныхъ. Странный случай лабіализаціи — въ сл. ко́кўф = како́въ въ одной пѣснѣ.

Переходъ глухихъ въ звонкія и обратно.

Правила перехода этого — тѣ-же, что и въ литературномъ языкѣ, т. е. звонкія шумныя въ положеніи передъ глухой шумной переходятъ въ соотвѣтствующія глухія; глухія же шумныя въ положеніи передъ слѣдующей звонкой шумной, но не передъ *в*, за которымъ слѣдуетъ гласная, и не передъ *ј* переходятъ въ соотвѣтствующія звонкія, а передъ *в* съ послѣдующей гласной и передъ *ј* остаются безъ измѣненія. Но передъ *в*, которое само — передъ звонкой согласной шумной, глухая переходитъ въ звонкую. Поэтому: н̑и тро́к во̆зит, но: н̑и тро́г в дире́вни пъжыво̆т. На концѣ слова всѣ звонкія переходятъ въ глухія, если за ними не слѣдуетъ такая согласная, передъ которой по правиламъ глухая должна перейти въ звонкую. Поэтому: Бох мој, уш вы збо́ры (въ пѣснѣ), дру́к мој, во́с ује́хъл, го́луп ул̑ите́л (или: го́лўп̑ул̑ите́л) и пр., но: во́з бал̑шо́ј и т. п. Что касается предлоговъ, то они, за немногими исключеніями, такъ тѣсно примыкаютъ къ слѣдующему слову, что не подчиняются правиламъ конца слова. Поэтому: пъд акно́м, чӣриз р̑е́ку, надна́ми, бъз ръзгаво́ру, биз̑ м̑ин̑а́ и пр. Исключеніе составляютъ нарѣчія въ роли предлоговъ, ср. бл̑ис̑ акна́, супрат̑иф м̑ин̑а́ и пр.

Передъ сонорными согласными, передъ *в* съ послѣдующей гласной, передъ *ј* и передъ гласными степень звонкости или глухости согласныхъ остается та-же. Предшествующая согласная тоже сама по себѣ не вліяетъ на степень звонкости или глухости послѣдующей согласной. Но въ единичныхъ случаяхъ являются звонкія согласныя вмѣсто глухихъ.

э́дък, э́дъкъј вм. э-так, э-такой. ну дък wо́т, но также: и: та́к, ну тък што́жъ и т. п. Ср. Рѣзан. Курск. Обоянск. 105.

чирни́гӑ, бруsни́га и пр., рядомъ съ: чирни́кӑ и т. п. (ср. Будде, Къ исторіи, 185; Колосовъ, Замѣтки, 299 и др.), к ъ̂лшнягу́ (имен. алшня́к. Ср. у Будде, Къ исторіи: „дубнягу́“ — стр. 348), га́нтьк, грыжо́вник (ср. у Чернышева, Краткія свѣдѣнія о нѣк. говв. Дмитров., Богород. и Егорьев. у., 2). Въ дѣтской игрѣ въ макъ макъ называется: магави́стај и макави́стај.

ачуди́лъс (=очутилась. Сказк.). Можетъ быть, здѣсь— другой корень. Ср. у Даля и у Подвысоцк. очуди́ть въ знач. изумить.

У Дуни Максимовой въ одной пѣснѣ: лендай. М. б., такъ иногда и произносятъ (ср. Рѣзан. Курск. Обоянск. 105: „ленда“ и др.), но я обыкновенно слышалъ: ле́нтъчкӑ.

Союзъ „если“ произносится: је́сли, је²жли и: је́зли (также — је́ли).

жинтари́чкӑ (въ пѣ., Курово) = непонятому шинкарічка.

мя́γък по аналогіи съ ло́γък (и сва́дьп? Впрочемъ, ф. сва́дьп и сва́дьпкӑ мной не подмѣчены. Прилагат. — сва́дбишнъј; род. множ. можетъ быть сва́рп и сва́тп).

Ли́зъ, Лизаве́тъ, =греч. Ἐλισαβέθ. Въ такой формѣ это имя извѣстно во всемъ русскомъ языкѣ. Вѣроятно, оно попало въ русскій языкъ откуда-нибудь съ запада, потому-что съ греческ. мы получили бы Олисаве́фь (ср. въ Остр. ев. Єлисавеѳь) или что-нибудь въ этомъ родѣ. Впрочемъ, при заимствованіи этого имени съ запада, несовсѣмъ яснымъ было бы здѣсь *в* вмѣсто *б*. Рядомъ съ этимъ обычнымъ произношеніемъ отмѣтимъ полуцерковное: Лисафе́т (с. Васильевское), гдѣ, наоборотъ, звонкая *в* перешла въ глухую *ф*.

Въ 9 верст. къ сѣв. отъ Парфёнокъ въ дер. Поповкѣ Клинск. у. Спасъ-Нудальской вол. существуетъ произношеніе: іеᵃло́жьчки, но: карто́шьчки. Въ говорѣ Пар-

фёнокъ въ обоихъ случаяхъ — *ш* (ср. у Филат. Ворон. мальчижычкя, т. 38, стр. 273).

Глухія вмѣсто звонкихъ: пара́тнъј (пара́тнъјь крыл̑цо́), во́тъчкă, на ко́ръп̑и (имен. ед. ко́ръп = коробъ. Загадк.), нимно́шьчкă (Васильевское). Произношеніе во́тъчка, гдѣ *т* заимствовано изъ во́тка, очень распространено въ великор. говорахъ. Ср. у Филат. Ворон. т. 38, стр. 272—273 и у мн. др. Филатовъ, кромѣ вотачки, приводитъ еще лотачкя и два заимств. слова: лиманату и скыпитаръ. Какъ произносятся эти слова въ Парфёнкахъ, мнѣ неизвѣстно.

в передъ глухими и въ концѣ слова правильно переходитъ въ *ф*.

Переходъ взрывныхъ во фрикативныя.

г передъ гласными обыкновенно = латин. g. Фрикат. γ постоянно — въ слѣдующихъ словахъ: Бо́γă, γаспо́т̑, γо́спъд̑и, арγа́н, γъспажа́, мя́γък, л̑о́γък, пăляγо́нёчку, γаγо́чьт, баγа́т [1]), и-γо-γо́ (междом.) и производныхъ отъ тѣхъ же основъ; рѣже: пираγа́ми. Въ легендѣ о Николаѣ угодникѣ: уγо́дн̑ик (нѣсколько разъ): здѣсь — церковное произношеніе церковнаго слова. Въ пѣсняхъ, записанныхъ мною со словъ Дарьи Арсеньевой: арγа́н, цыγа́нкă и одинъ разъ: ма̀γи́лу, но чаще: мад̑и́лу.

Отсюда и въ концѣ словъ то *к*, то *х:* запр̑о́к, ув̑о́к, в̑е́р̑ьк, паро́к, но: Бох и т. д. У Миши Байкова въ сказкахъ: запрегъ, запрекъ двѣ лошади, запрехъ лошадь.

Передъ согласн. отм.: γл̑ижу́, л̑иγла́, γрусна́ (и грусна́. Всѣ три примѣра изъ пѣсенъ). Обычно здѣсь *г:* лигла́, глижу́.

---

[1]) Ср. Брандтъ, Лекціи, 112. То-же различіе существуетъ и въ другихъ говорахъ. Ср. у Будде, Къ исторіи, стр. 181, примѣры изъ дер. Акулова.

Сравнительно рѣдкое произношеніе *г*, какъ γ, роднитъ описываемый говоръ съ московскимъ и сѣв.-влкр. Впрочемъ, надо замѣтить, что и среди ю.-влкр. встрѣчаются такіе, гдѣ *г*—взрывное. Ср. Будде, Тул. и др. Быть можетъ, эти говоры смѣшанные.

Задненебныя взрывныя *к* и *г* переходятъ во фрикативныя *х* и γ передъ задненебными и зубными взрывными, т. е. передъ *к*, *г*, *т*, *д*:

л̇óхкъј, мя́хкъј, х каму́, х ка́мню, х ку́му и пр.; хто́, н̇ихто́, трахт̇и́р, нъдихта́нти, ф трахт̇и́р̇и, кара́хт̇ьр, х т̇ибе́, до́хтур.

γ го́ръду, γ га́ду и пр.; γд̇е́, γ до́му, γ д̇е́р̇иву, γ ду́бу, фс̇иγда́, н̇икаγды́ и пр.

Этотъ переходъ обязателенъ передъ задненебными, но передъ зубными могутъ сохраняться и *к* и *г* взрывныя, хотя не во всѣхъ словахъ: к т̇и́гри (сказк.), ля́кт̇и (не: ляхт̇и!), ло́кт̇и (и: ло́хт̇и), гд̇е́ (ср. выше), г друго́му и пр., но всегда, наприм., — трахт̇и́р, кара́хт̇ър и пр, съ *х*.

Кажется, вмѣсто *х* изъ *к* въ такомъ положеніи могутъ являться придыхательныя: кһ, гһ. По крайней мѣрѣ мнѣ слышалось иногда произношеніе: кһто́, гһд̇е́ и др. Примѣры: кһто́, кһто́-тă, кһто́-жъ—нѣск. разъ, гһ до́му—въ пѣсняхъ; кһто́ там и гһд̇е́ бъ — въ сказкахъ. Быть можетъ, эти аспиранты явились подъ вліяніемъ чередованія взрывныхъ и фрикативныхъ въ такомъ положеніи; въ такомъ случаѣ, аспираты можно ждать только передъ *т* и *д*, а не передъ *к* и *г* (т. е. нельзя сказать: гһ го́ръду, кһ каму́?).

Миша Байковъ передъ *т* пишетъ орѳографическое *к:* кто, некто, въ трактиръ, трактирщикъ, по трактирамъ и др.

х въ соотвѣтствіи съ литерат. *к:* хр̇о́снъј, хр̇е́с̇н̇ьк, хр̇ис̇т̇и́т̇, хрищо́нъј, хрис̇ја́нскъј, ахрис̇ти́л, хре́с[т]. Но также: кре́с[т], крис̇ти́ццъ, пир̇крис̇ти́лса, не́крис̇(т̇). У Миши Байкова: хрестъ, крестьянка. Въ другихъ говорахъ въ этихъ словахъ — и *х* и *к*.

х=*к* другихъ говоровъ: х'wе́лъj и х'wи́лъj=слабый, болѣзненный, хилый. Въ другихъ говорахъ въ томъ же значеніи мнѣ извѣстно кwе́лъj (Тамб. губ., Козловск. у.) и кво́лāj (Тульск. губ., Веневск. у. Косяевск. вол.). Ср. у Соболевск. Лекціи, стр. 31 и 126 и у Ляпунова, Ж. М. Н. Пр. 1900, ноябрь. Переходъ *к* въ *х* въ этомъ словѣ могъ быть фонетич. Ср. у Будде, Къ исторіи, 187, такіе прим. какъ цэрьхве́й, хварте́ра; Тул. Кал. хвято́къ (стр. 895).

Старое *к* сохраняется въ сл. мя́кчй (сравн. ст.), но также и мя́хчй при положит. ст. мя́хкъj, мя́γък.

к=литературному *х:* кара́хтър, къраво́т, кле́ф (ф кливе́ и пр.). Въ первомъ словѣ *к*, вѣроятно, — для диссимиляціи съ послѣдующимъ *х* фонетич. происхожденія или восходитъ къ нѣмецкому (и французскому) произношенію этого слова; во второмъ *к* общерусское; литературное: хороводъ обязано своимъ *х* ложной этимологіи этого слова [1]). Отмѣтимъ, что *в* въ этомъ словѣ служитъ признакомъ сѣв.-влкр. или московск. говора, такъ какъ въ южновлкр. говорахъ, даже тамъ, гдѣ въ окончаніи род. пад. муж. р. прилагат. и мѣстоим. — *в*, въ словѣ корогодъ γ или *г* сохраняется. Ср. *Будде*, Къ діалектол., стр. 165, 172, 177 и т. д., Тул. Калуж. 833, Тул. 1300, 1305, 1311 и др.; *Рѣзановъ*, Курск., Обоянск., стр. 104; *Филатовъ*, Ворон. 281 и др. и мн. др. По происхожденію же это *в* восходитъ къ γ и, слѣдовательно, аналогично съ влкр. *в* въ оконч. род. пад. един. ч. муж. р. прилаг. и мѣстоим. Старое γ, не *г*, предполагаетъ въ этомъ словѣ и А. И. Соболевскій (Лекціи, стр. 113). Въ словѣ кле́ф (клѣвъ) *к*,

---

[1]) Впрочемъ, у Даля есть и *хороводъ*, довольно подозрительное, потому-что фонетическій переходъ *к* въ *х* въ русскомъ языкѣ существуетъ только передъ согласными, слово-же хоръ въ простомъ народѣ мало извѣстно. Вообще, этимологія слова *корогодъ* неясна. Отмѣтимъ, что въ сѣв.-влкр. говорахъ рядомъ съ корово́д и короγо́д чуть ли не чаще слышится карaво́д, карево́д и т. п.

можетъ быть, старое. Мѣну *к* и *х* въ этомъ словѣ въ разныхъ говорахъ ср. съ подобнымъ же чередованіемъ въ сл. хло́поты, хлопотать при старорусск. клопоты, всклопотить; клобукъ и нахлобучить и т. п. (см. Соболевск. Лекціи, стр. 127).

Губныя. *п* вм. *ф*: Осип, 'Стипа́н, шкап, Капка́с. Въ первомъ словѣ замѣчу чередованіе *п* и *ф* въ легендѣ о Николаѣ Чудотв.: „въ Осипъвъм мънъстырé", „Óсйпъф мънастыр" — это обычное, народное названіе, вполнѣ установившееся, но Óсйф и даже Иóсйф — книжное имя, п. ч. говорится не о простомъ Осипѣ, а объ святомъ. Здѣсь *п* въ имени, б. м., уже было получено такимъ если не отъ грековъ (ср. Ιωσηπ, Ιωσηππου и т. п. написанія въ ср.-греч. ркп.), то отъ южныхъ славянъ [1]).

Капкас съ *п* извѣстно и въ другихъ говорахъ. Ср. у Филат. Ворон., т. 38, стр. 291; я слышалъ такое произношеніе у жителей Пронск. у. Рязанск. губ.

б вм. *в*: Абра́м, губярна́нка (= гувернантка) и губярна́тка. Послѣднее въ пѣ. „Саушка по сѣнюшкамъ похаживаетъ", въ такомъ стихѣ: „взял бă губярна́тку, — та ма́ткă мая́". Такимъ образомъ „губярна́ткă" здѣсь названіе какой-то птицы (?), но по происхожденію, б. м., = гувернантка. *б* здѣсь изъ болѣе знакомаго крестьянамъ: губернаторъ. Ср. у Филат. Ворон., т. 38, стр. 291 и у др. Въ имени же Абра́м *б* вм. *в* очень старинное, являвшееся въ древнемъ русскомъ (и въ ю.-славянскихъ) яз. во многихъ именахъ, взятыхъ у грековъ. Подобно тому, какъ изъ Ιωσήφ, Εὐστάφιος, ('Αραφαρ, Σιναριφ въ пов. объ Аки-

---

[1]) Ср. у Лаврова, Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей болгарскаго яз., стр. 91; въ Вукановомъ ев. начала XIII в. (Кульбакинъ, Изв. Отд. русск. яз. и сл. III, 1162); въ сборн. Срећковића XIII—XIV в. по текстамъ, напечатаннымъ у М. И. Соколова въ Матер. и Зам. I—V: пилософь, Леопирій, Рапаилъ. Епрѣмъ и др.; въ пов. объ Акирѣ по сп. Общ. Ист. и Древн. № 189, XV в.: Синагрипъ и Арапаръ. Послѣднему въ семитскихъ текстахъ соотвѣтствуютъ имена на -far, у Bar-Bahlul'a — 'Arâfar.

рѣ?) являлось: Осип, Остап (Арапар, Синагрип въ пов. объ Акирѣ), такъ и изъ Αβραάμιος являлось Абра́м. Впрочемъ, возможно, что Абрамъ явилось по аналогіи со сходнымъ именемъ: Абра́м или Амбра́м = греч. Ἀμβράμ и Ἀμράμ, и другими именами на Аб-, какъ наприм. Аббаку́м или Амбаку́м (въ такомъ видѣ это имя извѣстно въ современныхъ говорахъ и въ древнихъ памятникахъ русской письменности), имѣвшими *-б-* еще въ діалектахъ греч. языка даже въ концѣ Византійской эпохи [1]). Ср. Лавровъ, Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей болгар. яз., стр. 92; Соболевскій, Статьи по славяно-русскому яз., стр. 24; его-же: „Изъ исторіи...“ (Ж. М. Н. Пр. 1897, т. 314, ноябрь), стр. 64—65 (зам. XV).

ф вм. *п* въ сл. Аграфе́на—обще-влкр. Ср. сѣв.-влкр. Огрофе́на, но млр. γорпи́на съ *п*.

в вм. *б*? ба́ушка при ба́ба, ба́бу позволяетъ предположить переходное ба́wушка. Условіемъ для такого перехода взрывной во фрикативную могло быть ласкательное произношеніе этого слова съ усиленной лабіализаціей всѣхъ согласныхъ (причемъ такому переходу способствовало *б* сосѣдняго слога и *у*, слѣдовавшее за вторымъ *б*, которое такимъ образомъ ассимилировалось слѣдующему *у*, диссимилируясь съ *б* перваго слога).

Шипящія согласныя.

Шипящія *ш* и *ж* мягки только передъ т̑ и д̑; мягко также ж̑ въ сл. пре́ж̑нь; передъ *е́* звуки *ж* и *ш* — среднія, въ остальныхъ случаяхъ — тверды.

Одной изъ особенностей разбираемаго говора является его шепелявость, но эта шепелявость сильно отличается отъ шепелявости сѣв.-влкр. говоровъ и нѣкоторыхъ

---

[1]) Такого-же происхожденія въ пов. объ Акирѣ имена Анабугилъ и Абекамъ или Амбекамъ, въ которыхъ *б* и *мб* восходятъ къ греч. ββ или μβ.

изъ ю.-влкр. Сложныя аффрикаты *щ* и ж(д)ж у большинства лицъ въ описываемомъ говорѣ произносятся, какъ с̑с̑ (и с̑) и з̑з̑ (и з̑) съ шепелявымъ оттѣнкомъ; рѣже слышится шепелявое ц́ мягкое вмѣсто *ч; с* и *з* вмѣсто *ш* я совсѣмъ не слыхалъ. Наоборотъ, с̑ и з̑ у нѣкоторыхъ лицъ произносятся съ шепелявымъ оттѣнкомъ. Въ Куровѣ, подсмѣиваясь надъ парфенковцами, говорятъ, что въ Парфёнкахъ нѣкоторые выговариваютъ даже „глажо́к" и т. п., но я слышалъ *с* и *з* твердые шепелявые только у одной старухи, у которой такое произношеніе могло быть просто физическимъ недостаткомъ.

Шепелявое произношеніе шипящихъ и, отчасти, свистящихъ согласныхъ въ разбираемомъ говорѣ — явленіе не всеобщее и распространено въ разной степени только на нѣкоторыя семьи, но можно думать, что прежде оно было болѣе распространено. Незамѣтно шепелявое произношеніе именно въ тѣхъ семьяхъ, члены которыхъ часто бывали въ Москвѣ, ходили въ школу и пр. или же тамъ, гдѣ бабы, взятыя не изъ шепелявящихъ деревень, могли оказать вліяніе на говоръ другихъ членовъ семьи. Наоборотъ, въ наиболѣе консервативныхъ и, если такъ можно выразиться, наиболѣе туземныхъ семьяхъ, какова напримѣръ семья Опенковыхъ, произношеніе сильно шепелявое.

Примѣры изъ крестьянскихъ записей: 1) У Аннушки Акимовой: дозикъ, уизяитъ (2 раза), присисливай, прасяйти. Въ написаніи „уизаитъ" (одинъ разъ) могло быть просто пропущено *ж* по ошибкѣ. Въ остальныхъ случаяхъ пишетъ правильно.

2) Миша Байковъ, равно какъ и Дарья Арсеньева, обыкновенно произносятъ всѣ шипящія и свистящія вполнѣ чисто; тѣмъ не менѣе въ правописаніи шипящихъ у М. Б. находятся такія особенности, которыя указываютъ на шепелявость. Именно, онъ пишетъ (не во всѣхъ своихъ записяхъ) вмѣсто *ща* обыкновенно *щя* и *сщя*, какъ наприм.: сщиплетъ, просщяй, сщеголь, сщипалъ, пусщяй

и др.; разъ прощяется, прощяй, ни прощю и т. д., и наконецъ: сказн, вещь за коптелый.

Пѣсни онъ записывалъ со словъ своей бабушки, произношеніе которой, какъ и всего старшаго поколѣнія нашей деревни,—шепелявое.

Примѣры изъ моихъ записей:

а) Нешепеляв. 1) Миша Байковъ (сказки, записанныя съ его словъ): нихрищо́нъјь, јищо́, к свище́ннику, свищённиг гъвари́т, пъјижжа́јти, пъјижжа́ј.

2) Дарья Арсеньева: пращá јти, пращá ј, щислúвăј, нищáснăй, малóччьк и пр. У одного мальчика: патóщьм, и др. Произношеніе шипящихъ у этихъ лицъ слѣдующее (о *ш* и *ж* см. выше): *ч*—очень мягкое; *щ*=ш+ч мягкія, причемъ взрывный элементъ (т) въ *ч* довольно слабъ; ж(д)ж = ž = ǧ слитныя, очень мягкія, причемъ вторая часть этого сочетанія (ǧ) почти=простому ж очень мягкому. Въ нѣкоторыхъ положеніяхъ вм. *щ* и ж(д)ж является *ш* неудвоенное твердое, о чемъ см. ниже. ш мягкое можетъ являться въ словѣ шьчáс (см. ниже).

б) *Шепеляв.*: ц вмѣсто *ч* рѣдко: аццивó, нипарóцнај, кричáлă и крицялă (всѣ примѣры изъ пѣсенъ) и др., но: пă пличáм, калéчйк, урóчнăј, óпчий, чаwó, и пр. Почти всегда въ пѣніи: ты́сиця: ты́сицю (въ одной новогодней пѣснѣ), ты́сицяф („Въ чистомъ полѣ посѣемъ"). Послѣднее при мнѣ пѣли всегда (разъ двадцать или больше) одинаково съ ц. Разговорное только: тыссся или тыщă. Кажется, въ сл. ты́сиця зв. ц слѣдуетъ отличать отъ ц вмѣсто *ч* въ другихъ случаяхъ и видѣть въ немъ вторую часть разложеннаго дифтонга сс, такъ какъ *с*+*ц*=*сс*, а с+ц=сс (см. ниже). Что условія для перехода *ч* въ ц въ этомъ словѣ болѣе удобныя, чѣмъ въ другихъ, видно изъ нѣкоторыхъ говоровъ, не смѣшивающихъ *ч* и *ц*, но тѣмъ не менѣе имѣющихъ тысяца (ср. у Собол. Діалект., стр. 36 — Владим. губ. Ковров. у.). Ср. ниже о шьчáс и чижалó.

щ=сс: ссясјйм, сс'óгълнă, тъпари́ся, росю, иссо, этъ муссйнă, жéнсйнъ, сс'якóлды (у дверей), тавáрис и др.,

ме́рьн траwу си́пльт. Ср. также въ пѣсняхъ: иссо́, прася́лис, ро́сси, рапси́, нисся́снъвъ, ся́сицă, сситáдт, иссипáли и даже: иссыпáли (=исцапáли?: „мали́нăвы атро́стачти иссипáли или иссыпáли мајé ко́стъчти") и пр.

ж(д)ж = зз: приизвя́ј, до́ззик и др.

У нѣкоторыхъ лицъ, напр. у Опенковыхъ, Анны Акимовой и др. въ произношеніи *щ* и ждж очень послѣдовательно замѣняется свистящими.

с шепелявое: с^ш'о́ = всё и т. п. я слышалъ у очень немногихъ. Такое шепелявое произношеніе передаетъ и написаніе „вещь" вмѣсто „весь" у Миши Байкова.

с = литерат. *ш:* сипи́т. У М. Б. сипитъ (въ пѣ.) про змѣю, ср. литерат. шипитъ. Вѣроятно, здѣсь другое слово. Ср. литературное: сипота, оси́пъ, сиплый и пр. („сипить" = литерат. шипитъ также у Филат. Ворон., т. 38, стр. 308 и др.).

Твердыя шипящія и свистящія никогда ни у кого не произносятся шепеляво; *ж*, *ш* и *ц* всегда чисты.

Явленія въ области шипящихъ, не стоящія въ связи съ шепелявостью.

Русское *ч* (изъ о.-слав. tj) = литер. *щ:* о́пчьј и производн.: вапчé, сапчá, о́пчьствă и апчиство́; свичо́нъј, по́мъч, паху́чьј, дража́чьј (въ одной пѣ.: дража́чью руко́ю) и т. д. Въ заимствованныхъ книжныхъ словахъ встрѣчается *щ:* свиссе́нъј (только въ пѣ.: „вакру́к свиссенъвъ нало́ю" и т. п.), свищéнник, ни рапси́ (только въ пѣ.).

зря́цьј (— тотъ, кто дѣлаетъ зря, т. е. кое-какъ) не стоитъ въ связи съ причастіями на -чій (ср. зря́чьј = не слѣпой), ст.-слав. -щии, а имѣетъ *щ* другого происхожденія.

Русское *щ* само по себѣ, если не переходитъ въ сс, остается безъ измѣненій: щи (не: шти!), кладби́щă, тъпари́ссă, пу́си (= пу́ще) и пр.

ж общерусское = *жд* литер. или другихъ говоровъ: Р̇ъжаство́, дапр̉е́ш, прам̉е́ш, ража́т̉, уража́ј, ӑ́бижа́т̉, чужо́ј, сажа́т̉, ръзбу̣жу́, угажу́, го́жъ, ад̉о́жӑ и пр. Но: м̉ижду (энкл.) или м̉ѐжду, Ръжд̉иство́, ражд̉е́н̉јь, ад̉е́ждӑ, Над̉е́ждӑ̀, пръбужда́ццӑ, нъслажда́лйс (въ пѣсн̉ѣ), пръклаждаццӑ. Въ записи у Миши Байкова отм. одежу и по ражденью. Въ другихъ русскихъ говорахъ извѣстны также и другія слова съ *жд* вм. *ж* (абиждать, постраждай, ураждай, досаждать, пригождаться и др.). Появленіе *д* въ этихъ словахъ объясняется различно. Въ такихъ словахъ, какъ: между, Рождество, адежда, Надежда — *жд*, несомнѣнно, книжное. Но въ остальныхъ случаяхъ, по мнѣнію А. И. Соболевскаго, *жд* можетъ быть самородное. Ср. Лекціи, стр. 21 и 126—127. Мнѣніе Соболевскаго усвоено Р. Ө. Брандтомъ (Лекціи, стр. 125), затѣмъ повторяется почти безъ оговорокъ Филатовымъ (т. 38, стр. 300). Это мнѣніе Соболевскаго весьма вѣроятно, п. ч. въ говорахъ замѣтна тенденція провести *д* по всѣмъ формамъ словъ, имѣющихъ въ большинствѣ формъ это *д;* такія слова, какъ: урождай, проклаждаться и проч. совершенно неизвѣстны современному литературному языку и не встрѣчаются въ старинныхъ памятникахъ. Но А. А. Шахматовъ въ Лекціяхъ (стр. 42) проводитъ совсѣмъ другое толкованіе этого явленія. Въ виду неизвѣстности такихъ народныхъ словъ, какъ обиждать, урождай, литературному языку не только современному, но и старинному, Шахм. думаетъ, что этими словами русскій яз. обязанъ не только литературѣ и болгарскому духовенству, но и менѣе культурнымъ элементамъ болгарскаго народа, нахлынувшимъ на Русь въ X и сл. вѣкахъ (стр. 41—42). Противъ такого объясненія образованій съ -жд- можно сказать, что 1) литературный яз. былъ подъ болѣе сильнымъ вліяніемъ болгарскаго яз., чѣмъ народный, однако до XV вѣка строго отстаивалъ русское *ж* и не усвоилъ старослав. *шт;* 2) въ современномъ народномъ языкѣ мы тогда должны бы были ждать широкаго употребленія звуковъ *щ* и *шт* вм. русскаго *ч*, однако *шт* въ takомъ зна-

ченіи вовсе неизвѣстно (*шт* вм. русскаго *щ* есть), а употребленіе *щ* (вм. *ч*) ограничивается нѣсколькими новообразованіями, гдѣ его не совсѣмъ удобно возводить къ старослав. *шт*. Изъ перечисленныхъ мною словъ въ описываемомъ говорѣ *жд* такого происхожденія только въ пръбуждáццъ и пръклаждáццъ, а слово нáслаждáлис — книжное.

Общерусское жд̑ж, если не переходитъ въ з̑з̑, сохраняется безъ измѣненій, какъ мягкая шипящая. Прим.: дaж(д̑)жя́ или даз̑зя́, дъж(д̑)жавój, дóз̑з̑ьк (ср. дозикъ у Аннушки Акимовой), jéж(д̑)жю, уjиз̑зя́йш (или: уиз̑зя́йш), вож(д̑)жи, забрéж(д̑)жьлă, пóж(д̑)жй, важ(д̑)жя́ццъ и пр. Тотъ же звукъ и въ сл.: иж(д̑)жóга (= изжога) и т. п. жд̑ вмѣсто этого сочетанія, являющееся въ нѣкоторыхъ говорахъ (ср. аналогичное шти вм. щи), въ описываемомъ говорѣ неизвѣстно.

с̑ вм. ж(д̑)ж (?): брéс̑ът въ одной дѣтской считалкѣ.

Твердое *ш* въ нѣкоторыхъ случаяхъ замѣняетъ *щ*, какъ первоначальное, такъ и изъ ж(д̑)ж въ концѣ слова. Это же *ш* имѣется въ суфф. -шык вм. употребл. въ литер. -щикъ, нприм.: jимшы́к, из̑мéншицă и др. У Миши Байкова: емшикъ, трактиршикъ, что можно читать, какъ: трахт̑и́ршык. У него-же: „набаршину“. Произношеніе этого послѣдняго слова на живомъ говорѣ мнѣ не удалось провѣрить. Въ концѣ слова: тавáр̑йш, дóш и даже: тавáр̑йшы (им. мн.), но также и: тавáрис̑; остальные косв. падежи: тавáр̑йщя, тавáр̑йщю или тавáр̑йс̑я, тавáр̑йс̑ю, даж(д̑)жá, даз̑зя́, доз̑з̑ьк и пр. Миша Байковъ въ словѣ товарищъ во всѣхъ случаяхъ пишетъ правильно *щ*.

Иногда у нѣкоторыхъ лицъ слышится твердое *жж*: дрóжжи, вожжи, но у большинства выговоръ этого звука мягкій.

Въ твердомъ *ш* (и *жж*) вм. *щ* (и жд̑ж) можно усматривать слѣды твердаго произношенія этихъ шипящихъ, т. е. *ш* и щ̆ въ описываемомъ говорѣ, вѣроятно, восходятъ къ различнымъ діалектамъ.

ч передъ *т* переходитъ въ *ш*, кажется, только въ мѣстоим. што́ и сложныхъ съ нимъ: н̊е́штъ, пашто́ и пр., но: по́чтӑ, пачта́р̊, паччи́ (изъ почт̊и).

ч передъ *н* перешло въ *ш*: кума́шнъј, клю́шн̊йк, разлу́шн̊йк, памо́шн̊йк, ску́шнъј, скушня́ю (глг. скушня́т̊), ʾисо́шнъј, разлу́шнъј, п̊ишно́ј, зап̊е́шнъј, с̊ир̊д̊е́шнъј, пълуно́шнъј, кан̊е́шнӑ, нашно́ј и пр. Но: начну́, качну́ и пр., а также (книжныя?): н̊ипаро́ч̊нъј, ве́ч̊нӑ, уро́чнъј (всѣ 3 въ пѣснѣ), начпо́ј сто́ръш; всегда: то́чнъ. У Миши Байкова: нопишной столбъ, клюшникъ, но: точно.

шн изъ *щн*: то́шнъ, ташно́, ташн̊и́т̊, ср. таска́, тъскава́т̊.

ш вм. *ч* (нефонетически) также въ словахъ: кре́пшъ и ле́хшъ (и: ле́хчй, также: ле́кшъ), но: шы́пчь, мя́хчь или мя́кчь и пр. *ш* въ этихъ словахъ ср. съ *ш* въ шы́ршъ, дли́н̊шъ, да́л̊шъ или до́л̊шъ, вы́шъ и пр.; *ж* въ глы́бжъ при полож. ст.: кре́пък, л̊о́γък, шыро́к, дал̊о́к, до́лък (долгій), высо́к, глубо́к и пр.

Наоборотъ *ч* = литер. *ш*: лу́ччь рядомъ съ лу́чшь.

Шипящія въ чередованіи со свистящими.

ч = литер. *ц* въ сл. ачиря́пъ̊т̊, чиря́пкъццъ. Въ другихъ говорахъ на мѣстѣ *ч* — *ц* и *к*. По всей вѣроятности, всѣ три основы: царап-, каряб-, черяп(б)- были уже въ общерусск. языкѣ.

ч вмѣсто *с*: чьча́с, па́чпърт.

ц́ вм. *ч*: ты́с̊йц́я (см. выше).

ш вм. *с*: шьшна́ццъ̊т̊, шьшна́цътъј, но: шасто́ј; страшна́јь ниде́л̊я̊; шпито́нък — шпита́ты; шьча́с (рядомъ съ: с̊ича́с, чьча́с, щчя́с и т. п.).

ж вм. *з*: дражни́т̊ (ср. Соболевск. Древн. црк.-слав. яз., стр. 117). Наоборотъ: друз̊ја́, какъ и въ литер. (вмѣсто: дружја́, существующаго и до сихъ поръ въ русскихъ говорахъ. Ср. дружја́ въ нешепел. говорѣ дер. Окулова

Пронск. у. Рязан. губ.; у Филат. Ворон. т. 38, стр. 302 и во мн. др.).

с̓ вм. *ш:* сипи́т (см. выше).

з̓ въ чередованіи съ *ж:* же́нчук, же́нчьк и з̓е́нчук, з̓е́нчьк, но всегда: жыле́зъ и пр., какъ въ литерат.

Изъ приведенныхъ примѣровъ въ сл.: страшна́јь *ш*, вѣроятно, не изъ *с*, но вмѣсто неупотребительнаго страсно́ј (страстной) поставлено другое прилагательное: страшно́ј = литер. страшный. Слово страшной въ послѣднемъ значеніи и съ удареніемъ на концѣ извѣстно во многихъ говорахъ. Отм., что самое слово: стра́с̓т̓, стра́с̓т̓и въ описываемъ говорѣ обозначаетъ то, что страшно, а не страданія. Въ словѣ „дру̓зја́" з̓ вм. *ж* нефонетич.; оно возникло діалектически въ общевеликор. яз. еще въ ту эпоху, когда говорили: нозѣ, друзѣ, друзи и т. п. (См. Собол. Лекц., стр. 129. Шахм. Энц. Слов., полутомъ 55, стр. 577 и др.). Въ словѣ женчук, з̓е́нчук и т. д. ж и з одинаково стары. См. Собол. Лекціи, стр. 129. Въ словахъ ш̓ьча́с, чьча́с, ты̓сиця, шьшнаццът̓ шипящія вмѣсто свистящихъ и ц вм. *ч* явились по ассимиляціи съ сосѣдними шипящими и с̓. При этомъ въ ш̓ьча́с ассимиляція 1-го слога согласной 2-го слога та-же, какая явилась бы при отсутствіи гласной 1-го слога: с+ч = щ = ш̓+ч̓, слившимся въ одно цѣлое; так. обр. въ ш̓ьча́с имѣется какъ бы разложившійся звукъ *щ*. Аналогичная, но только прогрессивная ассимиляція согласныхъ въ ты́с̓иця и шьшна́ццът̓ (при отсутствіи гласной между ассимилирующимися согласными прогрессивная ассимиляція невозможна). Впрочемъ ты́с̓иця удобнѣе объяснять, какъ разложеніе по требованіямъ ритма разговорнаго ты́с̓ся; другая форма: ты́щ̆а дала бы: ты́ш̓чя. Слово шпито́нък—изъ взпитонокъ (взпитомокъ)—спито́нок. Почему *с* перешло въ *ш*, неясно. Ср. нѣм. sp=*шп*: Spiegel, spielen и пр., но русскій яз. этого перехода не знаетъ.

Въ положеніи передъ слѣдующимъ *с* (не другого слова) шипящая *ш* ассимилируется этому *с:* н̓и нахо́дисс̆а,

ӥи намо́йсса, же́нӥсса, пӥриме́нӥсса и пр. Это *сс* можетъ упрощаться въ одно: варо́тӥсй и т. д.

ц изъ *ш*+*с*—Калу́цкъј, муцку́ю адо́жу. Вм. муцку́ю также: муску́ю или мусӥнскъю. Здѣсь *ц* непосредственно изъ *сс* передъ *к*, ср. пло́цкй.

Остальные случаи появленія шипящихъ.

ч изъ т̓: чижо́лъј, чӥжало́, чиже́лшъ при тя́ш, тя́шкй, тя́шкъј. Въ говорахъ въ этомъ словѣ *ч* очень распространено, хотя не повсемѣстно. чичве́рк, чӥчвирта́к, но также (и, кажется, чаще) читве́рк, чӥтвярта́к; паччи́. *ч* во всѣхъ этихъ случаяхъ—по ассимиляціи съ сосѣдней шипящей. О сл. чижо́лъј см. зам. Булича въ Р. Фил. Вѣстн. 1889, т. XXI, стр. 241, и у Шахм. Отч. о присужд. Ломон. преміи въ 1897 г., стр. 42.

прачкну́лй (о нарывѣ и т. п.)=по значенію: проткнула. Но здѣсь *ч* не изъ *т*. Слово прачкну́т восходитъ къ корню чьк—чик. Отсюда глг. „прочкнуться", употребляемый въ Арханг. нарѣчіи о листьяхъ на деревьяхъ и о травѣ: начать распускаться, пустить ростокъ; „прочика"—тамъ-же: первый листокъ, ростокъ (Подвысоцкій. Словарь обл. Арханг. нарѣчія). Отъ того-же корня, вѣроятно: почка (на деревѣ). У Даля въ томъ же значеніи, какъ и у насъ: „нарывъ прочкнулся". Ср. сербск. прочкати, прочачкати—прокалывать, протыкать и др.

т и т̓ въ положеніи передъ *ч* ассимилируется ему, и такимъ обр. получается одно усиленное *ч*.

щ—*ск*: пуща́ј, пуща́т, и: пуска́ј, пуска́т, причемъ фф. съ „*ск*", вѣроятно, заимствованы изъ литер. языка. У М. Б. „непускаетъ".

г—*ж*. Всегда: пуга́т, испуга́ццъ; также: бягу́, бягу́т (при бижы́*ш* и пр.) съ *г*, а не *ж*.

Въ глаголахъ тку́, жгу́, во всѣхъ формахъ *к* и *г* сохраняются: тко́т, жго́т, (рѣже: ж(д)жо́т), тки́, жги́ и пр. Отъ другихъ глаголовъ съ *к* и *г*: пико́т, тико́т, сико́т ря-

домъ съ ӥичо́т, т̂ичо́т, с̑ичо́т. При этомъ, кажется, различается: „ана́ ӏико́т (и ӥичо́т) ӏираги́", но „со́нцъ ӥичо́т". Всегда: ӏики́, т̂ики́, с̑ики́ и пр.

т̂ вм. *ч* въ сравн. степ. баγа́т̂и=богаче.

Согласныя назализованныя и склонныя къ *л*.

Назализованными являются, какъ и въ литературномъ говорѣ, согласныя зубныя взрывныя передъ *н*, т. е. такія сочетанія, какъ т+н, д+н, т+н̂, д+н̂, и губная взрывная *б* (губная *п* въ такомъ положеніи мнѣ неизвѣстна) передъ *м*, какъ наприм. въ сл. аб̂ме́н. Рѣже является *б* назализованное передъ *н*, но, кажется, только передъ *н* твердымъ и притомъ въ слогѣ, удаленномъ отъ ударенія. Именно, такое *б* мнѣ извѣстно въ сл. на́дъб^{м}нъ, гдѣ это б^{м} можетъ переходить и по большей части переходитъ въ *м* (ср. надамна у Рѣзанова, Курск. Обоянск., стр. 108 и др.). Наконецъ б^{м} или *м* слышится не передъ носовой въ выраженіи: далжно́б^{мъ}г̂ и далжно́м^{ъ}т̂=должно-быть.

Всѣ перечисленные случаи извѣстны и литературному говору. Особенностью, неизвѣстною литературному говору, является *в* назализованное передъ *н*, на мѣстѣ котораго въ литер. говорѣ — *м* или *в* чистыя. Именно, *м* передъ *н* обыкновенно переходитъ въ *в* назализованное, а *в* чистое въ томъ же положеніи становится назализованнымъ. Впрочемъ, въ произношеніи нѣкоторыхъ лицъ *м* и *в* передъ *н* могутъ сохранять свой первоначальный видъ. Очень рѣдко *в* назализованное переходитъ въ *м* (можетъ быть, *м*, склонное къ *в*), но такое произношеніе я подмѣтилъ только у двухъ лицъ; наоборотъ, чаще *в* назализованное можетъ терять носовой оттѣнокъ.

Прим.: в^{м}но́гă, гув^{м}но́ (въ этихъ двухъ словахъ почти никогда не слышится *м*), по́в^{м}н̂и, папо́в^{м}н̂и, нъда в^{м}но́ј

и др. Въ пѣсняхъ: то́м^{в}наю но́ч, уны́внăј, ко́м^{в}нъты, то̀внъ но́чи, са м^{в}но́ј, том^{в}нă то́м^{в}нă тим^{в}ната́, па wно́гу. Ср. Будде, Къ исторіи, 159—160.

м вм. *в* только въ сл.: мну́чкъ, кро́мнъј = кровной и ро́мнъ = ровно, съ *м* близкимъ къ переходу въ назализированное *в*. Въ Куровѣ это явленіе рѣдко, и тамъ смѣются надъ Парфенковскимъ произношеніемъ: „кро́мнъй мађе́“. Переходъ *м* въ *в* и обратно передъ *н* извѣстенъ въ различныхъ, какъ сѣв.-влкр., такъ и ю.-влкр. говорахъ.

Интересно отмѣтить сл. „загу́вьнјь“; гдѣ *в* изъ положенія передъ *н* перешло и въ такія формы, гдѣ оно фонетически не могло развиться.

Другого, нефонетическаго происхожденія *в* вм. *м* въ сл. афша́ник вм. омшаникъ. Быть можетъ, здѣсь играла какую-нибудь роль аналогія со сл. овесъ или овца.

Тоже нефонетическія причастія на *-мшы*. Это — морфологическія новообразованія, объясняемыя А. И. Соболевскимъ, а вслѣдъ за нимъ и другими учеными аналогіей съ такими образованіями, какъ вземши и т. п. Дѣепричастія на *-мши* извѣстны главнымъ образомъ ю.-влкр. говорамъ, а изъ нихъ проникли также и въ сѣв.-влкр. и бѣлор. (см. Шахм., Энциклопед. Словарь, полутом. 55, стр. 579). См. также выше, 19. Изъ того, что дѣеприч. на *-мши* образуются нерѣдко отъ другой основы, чѣмъ дѣепричастія на *-вши* и притомъ во многихъ говорахъ существуютъ рядомъ съ послѣдними, не смѣшиваясь съ ними, ясно видно, что они являются чисто морфологическими новообразованіями, и что въ звукѣ *м* никакъ нельзя видѣть простую замѣну *в*.

Подобно тому, какъ передъ *н* мягкимъ и твердымъ являются *т* и *д* мягкія и твердыя назализированныя (но не *н*!), такъ и передъ *л* мягкимъ и твердымъ являются *т*, *д* и *н* твердыя неполнаго образованія, склонныя къ *л* (л). Прим.: ад^{н}на́, ад^{н}не́, ат^{н}ня́т ат^{н}нису́, ат^{н}на́с, д^{л}ли миня́, по́д^{л}ли, ът^{л}лами́т, ат^{л}ли́т, пад^{л}ло́мют, пригля́д^{л}ливăя, тала́н^{л}ливăй (пѣ.).

Въ записяхъ назализація согласныхъ и склонность

ихъ къ *л* (л̆), по большей части не обозначена, п. ч. зубныя передъ *н* всегда назализированы, а передъ *л* всегда склонны къ *л*.

ПЕРЕХОДЪ СОГЛАСНЫХЪ.

А. **Такъ называемое переходное смягченіе.**

Переходъ мягкихъ средненебныхъ въ зубныя взрывныя.

Переходъ этотъ необязателенъ. Чаще всего сохраняется к̆ и г̆ тамъ, гдѣ оно поддерживается аналогіей другихъ формъ, такъ наприм., въ окончаніи -к̆и чаще слышится именно -к̆и, не -т̆и. Иногда вмѣсто к̆и́, к̆е́ слышится переходный звукъ: ќᵀ'и, ќᵀ'е. Въ моей транскрипціи я обозначаю такой звукъ черезъ ќ или т́. Замѣчу, что при т̆, д̆ вм. к̆, г̆ мнѣ ни разу не слышалось к̆, г̆ вмѣсто т̆, д̆, кромѣ заимствованнаго слова: ќия́тры. Переходомъ к̆ въ т̆ вызывается употребленіе имени ʼКита́j, ʼКита́jьф вмѣсто и рядомъ съ ʼТи́т, ʼТито́ф (не: ʼКит!). Переходъ средненебныхъ мягкихъ въ зубныя взрывныя встрѣчается, какъ въ ю.-влкр., такъ и въ сѣв.-влкр. говорахъ. Объ исторіи этого перехода см. А. И. Соболевскій, Изъ исторіи русскаго яз. III (— Ж. М. Н. Пр. 1897, май, стр. 48—49); Погодинъ, Къ вопросу о смягченіи гортанныхъ и пр. Послѣдній приводитъ примѣры аналогичнаго перехода изъ другихъ индоевроп. яз. Добавлю, что въ нѣкоторыхъ діалектахъ соврем. греч. яз. тоже слышится t′ вм. k′: t′é[2] вм. καί, при tᵉé = τὲ.

Прим.: Ӑвдат̆и́м, ʼМит̆и́тк̆ӑ (рѣже: ʼМик̆и́тк̆ӑ), т̆ирпи́ч, ʼМит̆и́фър (и ʼМик̆и́фър), мад̆и́л̆ӑ, зад̆и́бушки (пирожки съ творогомъ) Jивд̆е́ньj, Пълад̆е́jь, с̆т̆и́нут̆, с̆т̆и́н картýс, „с̆т̆и́н парк̆и́, заткн̆и́ акно́“ (поговорка); „Ни́т̆т̆и jе́с?“—ʼНи́так? Кат̆и́х н̆и́тък?—„Пъдн̆ибе́снъвъ ц̆вéту“ (разговоръ въ мѣлочной лавкѣ въ Покоевѣ). Окончаніе -т̆и вм. -к̆и: „ʼЛи-

сави́к, лисави́к, у тваје́ј жыне́ ти́тти как паду́шти", хло́пълти (трава), жырибо́нти, де́цтих (Савельево), ба́тюшти, ма́тушти и пр., но рядомъ: ма́хънких и пр.

Прим. изъ сказокъ (М. Б. и Дарья Арсеньева): тати́м ро́дъм, шырити́н, в ру́ти, но: у де́душки, ма́хънки брати́шки.

Изъ пѣсенъ: мади́лӑ, а́ндьл, типжа́л; тиле́ницӑ; сирде́йву, 'Сирде́я̆, но: де́ушки, дали́нушки, палти́нушки; высо́тии, но: ба́тюшки, ма́тушки; андил, андьл, к мади́ли, тиркo̍ј, на ру́чти, пади́бнут, ф ка́тарди, но: го́ркими; ва свито́лачти, в бы́стрӑј ре́чти; у галу́пти, но: на јимшы́цких; ф кабачте́ мужучти́, но: гу́лки, лю́лки, и пр. (Слова разбиты на группы по пѣснямъ). Тамъ-же: тисе́л, тисиля́, де́нди; с тиле́ди; вы́тинула; кул мути́, зе́ртилъ; тида́йт; не́[2] с ким, ки́санкӑ.

Въ записяхъ самихъ крестьянъ:

1) У Дарьи Арсеньевой: дароди, китайти; мадилу; мадила; нестимъ (=не съ кѣмъ), съ тѣмъ (вопр.: „съ тѣмъ ты ночку прогуляла"); цвѣточти; въ остальныхъ случаяхъ — *к:* лавки, неубытки и пр.

2) У Миши Байкова. Обыкновенно правильно: дѣдушки, тетки, печки, дѣвки, старики, мужеки, веревки, скуки, руки, рекѣ, денги, помоги, по волгѣ, домогилки, и пр., но: латея и тидалса.

Б. м., сюда же слѣдуетъ относить и сл.: тве́т съ производными = русск. литерат. и ю.-слав. цвѣтъ, зап.-слав. квѣтъ. Въ описываемомъ говорѣ слово тве́т употребляется въ значенiи цвѣтка, = ἄνθος, flos; въ значенiи же χρῶμα, color говорятъ: цве́т (но: „тве́тнӑј платјь"). Послѣднее могло быть заимствовано, какъ мнѣ указалъ Р. Ѳ. Брандтъ, у торговцевъ, такъ какъ употреблять это слово въ такомъ значенiи приходится почти исключительно при сношенiяхъ съ торговцами.

Прим.: тве́т, твято́к, твяты́, твито́т, тве́тнӑј платјь, но: „нитти пъднибе́снъвъ цве́ту". Очень рѣдко въ этомъ словѣ слышится с: мој све́тнъј платјь. Въ одной пѣснѣ: ди-

т̓я „с̓в̓éту áлăвă“. Рядомъ съ рас̓т̓в̓óл, ръс̓т̓витáі̯т чаще: „рас̓с̓в̓óл“, рас̓с̓в̓éс̓.

Въ крестьянскихъ записяхъ:

1) Анн. Аким. При болѣе частомъ написаніи: цветъ цветокъ и пр. съ орѳографическимъ *ц*, два раза: твитётъ (*ѣ* здѣсь ошибочно), тветочикъ.

2) Миша Байк.: тветочекъ, тветъ.

Слово твѣтъ извѣстно съ *т*, а не *ц*, чуть ли не большинству влкр. говоровъ и тѣмъ изъ бѣлор., въ которыхъ *ц* не является вмѣсто всякаго т̓. Въ чакающихъ говорахъ говорятъ чвѣт; попадается произношеніе свѣт и даже квѣт.

По аналогіи съ тѣми случаями, гдѣ въ говорахъ русскаго языка имѣется т̓ вмѣсто к̓, можно бы думать, что и въ словѣ т̓вѣт т̓ такого же происхожденія. Это мнѣніе и было высказано нѣкоторыми учеными [1]). Другіе изслѣдователи, наоборотъ, выводятъ это т̓ изъ *ц* [2]). Мнѣ кажется, что говоря о словѣ цвѣтъ, нельзя отдѣлять его судьбу отъ судьбы словъ квѣлый, квѣлить. Сохраненіе задненебнаго или средненебнаго звука въ этихъ послѣднихъ во всѣхъ говорахъ русскаго языка съ одной стороны говоритъ за то, что русскимъ языкомъ было получено изъ общеслав. сочетаніе *квѣ*, вопреки мнѣнію, высказанному акад. Шахматовымъ въ Отч. о прис. Ломон. преміи въ 1897 г., съ другой стороны за то, что т̓вѣт врядъ ли восходитъ непосредственно къ квѣт, потому-что *к* въ такомъ положеніи въ русскомъ языкѣ или сохранялось или переходило въ *х*. Поэтому я вслѣдъ за Соболевскимъ, Шахма-

---

[1]) Колосовымъ, акад. Шахматовымъ (Лекціи, 121) и др.; того же мнѣнія придерживается и акад. Ф. Ѳ. Фортунатовъ.

[2]) Акад. А. И. Соболевскій (Лекціи, 118), ак. Шахматовъ (Отч. о прис. Ломон. пр. въ 1897 г.), Ляпуновъ (Живая Стар. 1894, стр. 159). Шахм. и Ляпун. объясняютъ переходъ *ц* въ этомъ словѣ тѣмъ, что ц̓ здѣсь въ эпоху отвердѣнія *ц* въ большинствѣ говоровъ не могло сохраняться въ такомъ видѣ передъ в̓ и упрощалось въ т̓ въ однихъ и въ с̓ въ другихъ говорахъ.

товымъ и Ляпуновымъ возвожу ̓твѣт къ старому цвѣтъ. Существованіе же рядомъ съ цвѣт, твѣт и пр. словъ квѣлый, хвѣлый и т. д., я думаю, слѣдуетъ объяснять или тѣмъ, что слово квѣлый было заимствовано русскимъ языкомъ изъ другого слав. языка еще въ общерусскую эпоху, или тѣмъ, что русскимъ языкомъ были получены эти слова съ двоякимъ произношеніемъ, т. е. квѣтъ и цвѣтъ и цвисти (безъ параллельной формы квисти, не существовавшей уже въ общеслав. яз. [1]); квѣлыи и цвѣлыи, квѣлити и цвѣлити (форма цвилѣти, вѣроятно, русскимъ языкомъ совсѣмъ не была получена). Затѣмъ, въ послѣднихъ двухъ словахъ формы съ *к* вытѣснили другую форму. Въ словахъ же цвѣтъ и цвисти, благодаря тому, что при цвисти не было парной формы съ *к*, а при квѣтъ была парная форма съ *ц*, возобладали формы съ *ц*, которыя почти вытѣснили форму съ *к* [2]). Въ западнославянск. языкахъ наоборотъ *к* изъ квѣтъ (полученнаго тамъ только съ *к*) перешло и въ другія образованія отъ того-же кор- Ср. польск. kwitnąć.

Параллельная квѣлить форма цвѣлити, повидимому, существовала еще въ древнерусскомъ языкѣ, ср. Слово о полку Игоревѣ; съ другой стороны и форма квѣт сохранилась еще до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ русскихъ говорахъ (частью съ переходомъ *к* въ *х*), гдѣ ее не совсѣмъ удобно объяснять польскимъ вліяніемъ. Слѣдуетъ замѣтить, что при формахъ съ *квѣ* въ русскомъ языкѣ почти неизвѣстны формы съ *гвѣ:* γвя́зда въ Олон., вѣроятно, заимствовано съ польскаго [3]).

---

[1]) Принимая гипотезу акад. Ф. Ѳ. Фортунатова объ измѣненіи звуковыхъ сочетаній *кв*, *хв*, *гв* въ общеслав. яз передъ старыми мягкими гласными и передъ *ѣ* изъ стараго oį.

[2]) Приблизительно такое-же объясненіе даетъ и акад. Ф. Ѳ. Фортунатовъ. Онъ предполагаетъ, что нѣкоторые говоры русскаго языка получили изъ общеслав. въ этихъ словахъ сочетаніе *квѣ*, которое въ словѣ квѣтъ было замѣнено сочетаніемъ *цвѣ* подъ вліяніемъ глагола цвисти.

[3]) Несовсѣмъ ясно *х* въ русскомъ діалектич. хвилый, хви-

Въ рас̀с̀во́лъ с̀ непосредственно изъ ц̀. Форма рас̀т̀во́л образовалась по аналогіи съ т̀ве́т, т̀во́л и пр.

Б. Ассимиляція и диссимиляція согласныхъ.

Ассимиляція согласныхъ выражается: 1) въ смягченіи согласной передъ слѣдующей мягкой и отвердѣніи ея передъ твердой согласной, 2) въ переходѣ звонкой въ глухую передъ глухой и обратно, 3) въ переходѣ полномъ или неполномъ согласной шумной въ сонорную передъ слѣдующей сонорной (*н*, *л*), 4) въ переходѣ зубной несвистящей (шипящей или взрывной) въ свистящую передъ свистящей и зубной нешипящей въ шипящую передъ шипящей, и 5) въ нѣкоторыхъ другихъ, не такихъ общихъ явленіяхъ. Первые 3 вида ассимиляціи разсмотрѣны выше. Что касается 4-го вида ассимиляціи, то онъ сводится къ появленію усиленныхъ *ш*, *ж*, *ч*, *с*, *ц* и простыхъ аффрикатовъ т͡ш (*ч* твердое), дж и *ц*. Именно, сочетаніе *ш* + *с* въ серѐдинѣ словъ даетъ *сс:* д̀ирѐо́сса, с̀мијо́сса, но то-же сочетаніе сохраняется въ видѣ *шс*, если обѣ согласныя принадлежатъ двумъ словамъ; *ж* въ концѣ одного слова + *з* въ началѣ другого сохраняется тоже въ видѣ *жз*. *т* + *ц* при всякомъ положеніи даетъ усиленное *ц* (*цц*). Сочетанія *з* + *ж* и *с* + *ш* при всякомъ положеніи даютъ *жж* и *шш;* *т* и *д* передъ *ш* и *ж* переходятъ въ слитныя аффрикаты т͡ш и д͡ж, т. е. т + ш и д + ж = т͡ш + ш и д͡ж + ж = т͡шш, д͡жж (какъ бы čš и ǧž) твердыя. *т* передъ *с* переходитъ въ *ц*, твердое передъ *с* и мягкое передъ с̀. Прим.: ацса́дӑ, ацсу́дӑ, ацсу̀л, пъцсав̀и́т̀, ац̀с̀е́ливӑ, пъц̀с̀ирпо́м и пр. Съ своей стороны *цс* мо-

---

ля, хвилин и (правда, очень рѣдкомъ) хвист, ср. чешск. chvístati. Нельзя ли предположить, что въ нѣкоторыхъ діалектахъ общеслав. яз. сочетанія глухая задненебн. + *в* передъ мягкой сохранялись безъ измѣненія задненебной въ свистящую? Тогда и въ польскомъ kwitnąć, kwiść зв. *k* можетъ быть старый.

жетъ переходить въ усиленное *ц*, какъ напр. аццéдă (не ацсéда!). Того-же происхожденія формы возвратныхъ глаголовъ: баúццă, с̓мијóццă, д̓иро́ццă, н̓и с̓пиццă и пр., ба́яццъ, катáццъ, дрáццъ и пр., гдѣ *цц* по указанному правилу—изъ *цс*. *цц* въ этихъ формахъ является и въ другихъ влкр. говорахъ, и притомъ, даже въ ю.-влкр., гдѣ форма 3 л. кончается на т̓, а возвр. мѣстоим. въ возвр. глаголахъ звучитъ: с̓и и ся, — *цц* часто — твердое. Въ этомъ *цц* изъ *цс* мы имѣемъ ассимиляцію прогрессивную, явленіе сравнительно рѣдкое. *д* передъ *з* переходитъ въ аффрикату д͡з, которую я для сокращенія изображаю славянской буквой ѕ (зѣло), напр. паѕáйшнйк (грибъ), пъѕ забóръм и пр.

т+*ч* даютъ *чч* (т. е. само *т* переходитъ въ *ч* и затѣмъ сливается съ послѣдующимъ *ч*); *с* + *ч* само по себѣ = *щ* (т. е. *с* переходитъ въ ш̓...), которое въ описываемомъ говорѣ можетъ являться въ видѣ с̓с̓. Въ сочетаніи *с* + *ц* является прогрессивная ассимиляція, т. е. *ц*, ассимилируясь предшествующему *с*, переходитъ въ *с* (т. е. между двумя *с* выпадаетъ *т*), причемъ *с* такого происхожденія остается твердымъ при всякомъ положеніи. Прим.: с сыпóм (= с цѣпóм), ис сэ̓р̓кви и пр., inf. нéссă (= нестись) и пр. Кажется, при этомъ иногда какъ будто сохраняется очень слабое *т* между двумя *с*.

т передъ *щ* переходитъ въ *ч*; *с* + *щ* = *щщ* (или ш̓щ).

Случаи ассимиляціи согласныхъ 5-го изъ перечисленныхъ мною видовъ частью указаны выше. Это — такіе случаи, когда согласная ассимилируется не съ непосредственно слѣдующей согласной, а съ предыдущей (прогрессивная ассимиляція) или отдѣленной отъ нея какой-нибудь гласной, причемъ опять таки ассимиляція можетъ быть регрессивной и прогрессивной, и нѣк. др. Кромѣ перечисленныхъ раньше примѣровъ, сюда относится н̓ вм. *м* въ сл. жéн̓чьк и нѣкоторые случаи ассимиляціи плавныхъ.

Диссимиляція согласныхъ — явленіе очень рѣдкое; кромѣ перехода взрывныхъ задненебныхъ во фрикативныя передъ слѣдующими задненебными и зубными взрыв-

ными и случаевъ диссимиляціи плавныхъ сюда можно отнесть:

н вм. *м* передъ губными:

анбáр, канпáний, кýнпъл (и кýмпъл = литерат.: куполъ), лáнпъчкă и пр. Но при встрѣчѣ *м* съ *б* и *п* въ незаимствованныхъ словахъ *м* остается: нáм бă, ты там бýдьш?, сéм падрýк и пр. Не непосредственно передъ губной: 'Нифóт (род. 'Нифóдъ, т. е. Меѳодій).

Быть можетъ, диссимиляціей вызвано р въ сл. сварбă (= свадьба). Что касается сл. слабóдьн, ăслъбанит и т. д., то здѣсь *л*, кажется, старое.

Ассимиляція и диссимиляція плавныхъ.

н ассимилируется предыдущему л въ сл. ăлляноj.

Наоборотъ, *н* рядомъ съ носовымъ, диссимилируясь съ нимъ, перешелъ въ л въ сл.: 'нéсълник, силник, сóтьлнъj, сумлявáццъ, пъсумлявáлсă, рѣдко: пóмлиш (Васильевское; чаще: пóмниш), но: свúщéник (и: свищéнник).

л вм. н другого, нефонетическаго происхожденія въ сл. щевъл, щéвъль (= щебень). Ср. Будде, Къ исторіи: присталéй (194).

Диссимиляція *р* и *л*: прълубóк, прóлуп, стълавéр, кълидóр, флúгър, фиврáл. У Миши Байкова: упралупку, изъ леворвѣрта.

н вм. *р*: ярмънкă, никрутá, нéкрут, — частью, б. м., по диссимиляціи съ *р* слѣдующаго слога, частью по народной этимологіи. Фонетическая диссимиляція сама по себѣ могла произойти только въ ф. рекрутá, такъ какъ въ ф. рéкрут *р*, находящійся въ ударяемомъ слогѣ передъ ударяемой гласной, долженъ былъ быть устойчивѣе второго *р*. См. А. И. Соболевскій, Изъ исторіи русск. яз., V (Ж. М. Н. Пр. 1897, май, 50—51).

В. Остальные случаи перехода согласныхъ.

ф всегда произносится чисто и не переходитъ обыкновенно въ другіе звуки, кромѣ: 'Хи́мкă, 'Химу́хă, уменьш. отъ Афи́мjă (= Евфимія). Также: Григо́рйјъ'хре́мъч. Но правильно: Афре́м, 'Фо́дър, Фаде́ј, 'Филип, сърафа́н.

Наконецъ, сочетанія *кв*, *хв* и т. п. никогда не переходятъ въ *ф*. Говорятъ: квартéрă.

Новое л изъ ј послѣ губной: муравли́ и муравји́ (и то и другое сравн. рѣдко), но: въравји́, сълавји́ и пр. всегда съ *j*, а не л.

л изъ *в* въ сл.: слабо́дьн, ăслъбани́т и пр., б. м., еще діалектически общеслав. Ср. срб. слободан, слобода, слободити; блгар. сло́боден, слободия, слободник. Впрочемъ, *л* могло развиться изъ *в* и на русской почвѣ (по диссимиляціи со слѣдующей губной), ср. сѣв.-влкр. *л* въ въ колды, толды непосредственно изъ *в* (а послѣднее восходитъ къ γ). Въ описываемомъ говорѣ въ сочетаніяхъ γд и *вд* согласныя γ и *в* сохраняются безъ перехода въ *л:* Ăвдати́м, Ивде́ньј, фсиγда́ и пр.

Наоборотъ, *в* вм. *л* — хвъстану́т рядомъ съ хлъстану́т: Ты миня́ хвъстану́лă = устегнула, хлестнула.

н передъ *б* и *п* см. выше; *н* въ сл. же́нчьк, зе́нчьк (-чŭк) — см. выше. Кромѣ этихъ случаевъ *н* вм. *м:* 'Нифо́т (род.: 'Нифо́дъ; т. е. Меѳодій). Наоборотъ, *м* вм. *н:* 'Мико́лă, 'Мйкала́ј, 'Мики́фър, 'Мики́та и производн. Впрочемъ, извѣстно и произношеніе 'Нйкала́ј, преимущественно о святомъ.

см изъ *скн* и *згн?* въ словахъ тусме́т, пътусме́лъ и пр., змузда́т рядомъ со: згнузда́т.

н въ иностранныхъ словахъ также въ шланбо́ј (изъ γ) и 'инжа́к (изъ *д*). Въ послѣднемъ *н*, б. м., нефонетич. Впрочемъ, ср. бѣлор. *н* изъ *т* передъ *ц*, болгар. пендеся́т и др. (см. Соболевск. Изъ исторіи русск. яз. XV. Ж. М. Н. Пр. 1897, ноябрь, стр. 64—65).

ц вм. литер. *с:* плóцка (=плоска, техн. терм. о положенiи брошенной бабки бокомъ, т. е. когда бабка лежитъ на землѣ своей плоской стороной), ср. выше муцкóј, Калýцкъј; царáј. Впрочемъ, послѣднее произношенiе я слышалъ отъ прикащика, уроженца Тамб. губ. Мѣстные уроженцы говорятъ: сарáј.

Суфф. *-ик-* = литерат. *-иц-*: чьчивúкă (= чечевица). Ср. вúкă—кормовой или мышиный горошекъ. Въ другихъ словахъ, гдѣ въ литер. яз. суфф. *-иц-*, въ описываемомъ говорѣ тоже *-иц-*.

р въ сл.: скрóс, пиỉрисáдньк или присáдньк, свáрбă рядомъ со свáдбă. Въ первомъ изъ нихъ—*р* старое, еще общеслав. Ср. срб. скроз. Быть можетъ, это слово даже и не родственно литер. сквозь, ст.-слав. сквозѣ. Въ сл. „пирисáдник“ *р* нефонетич., а благодаря народной этимологiи; значенiе слова: небольшой садикъ при домѣ или передъ домомъ и т. п. Въ свáрбă, вѣроятно, р фонетическое, но причины его появленiя неясны. дб въ другихъ случаяхъ сохраняется: судбá, клядба и пр. Быть можетъ, здѣсь сочетанiе дб диссимилировалось со сходнымъ сочетанiемъ *св* въ началѣ слова.

г вмѣсто *б* (?) въ словѣ: чургáшкă въ пѣ: „тéла мóртвăй валялса, кáк чургáшка нă зимлé“ — нефонет.

Въ сл. стълавéр, отмѣч. выше, *л* могло быть и нефонетич.

Перестановка звуковъ.

Перестановка согласныхъ: видмéт, видмéдь (очень рѣдко), при обычномъ: мидвéт, мидвéдь; пръстъwакáшъ (=простокваша). Въ заимствованномъ словѣ: трухмáлнъи варóты. Въ 5 верст. къ ю.-вост. отъ Парфенокъ, въ дер. Семенковѣ той же вол. говорятъ: тварýшкă = ватрушка [1])

---

[1]) Объ этомъ словѣ см. между прочимъ замѣтки А. И. Соболевскаго въ Русск. Фил. Вѣст. т. XIV и XV, стр. 364.

(лепешка, намазанная сверху творогомъ, тертымъ картофелемъ или творогомъ съ крупой), вѣроятно, подъ вліяніемъ слова творогъ. Въ Парфенкахъ въ этомъ смыслѣ употребляется только слово липо́шкӑ.

Перестановка гласной: барку́ю, бъркава́т̓ (слово заимствованное), с̓ин̓д̓и́рюшка (снигирюшка; пѣ.).

Удвоеніе согласной.

Удвоенныя или вѣрнѣе усиленныя согласныя вообще рѣдки и являются по большей части отъ сліянія двухъ одинаковыхъ или ассимилировавшихся согласныхъ, между которыми выпало ъ или ь. Но есть нѣсколько случаевъ, гдѣ произошло вторичное удвоеніе.

Въ сочетаніяхъ съ предлогами *из, вз, без, роз, от, об* согласная предлога возстановлена, чѣмъ и объясняются фф.: аттва́р̓и́т̓, аттво́р̓ (ср. зътвари́т̓, притво́р̓ и т. п.), о́п пъл, ап̓ п̓е́чку, аб ба́т̓ки, бижжала́нъј, рашшы́п и пр.; также: ръззари́т (вмѣсто: роз-орить). Ср. Соболевск. Лекціи, стр. 131. Но ишо́л, если только оно изъ: из-шьлъ, а не другого происхожденія (см. выше), ра̓зи́ну̓т, ра̓зин̓я̆, ръзява́ј ро́т.

У Миши Байкова въ записяхъ являются такія начертанія, которыя какъ бы указываютъ на двойное *л* и *ц* вмѣсто простыхъ: польлилъ, нальлилъ (нѣск. разъ), зальлила; постоянно пишется: литцо, девитца, дѣвитца, львитца, царитца, темнитца, улитца, водитцею, медвѣдитцу, птитца и т. д. Такое произношеніе дѣйствительно существуетъ въ другихъ говорахъ, но въ Парфенкахъ самъ Миша Байковъ въ этихъ словахъ произноситъ всегда простыя (неудвоенныя) л̓ и *ц:* на́л̓ил, де́вӣца̀, пти́цӑ, и его написанія — только искусственная орѳографія.

Другого происхожденія *цц* въ окончаніи возвратныхъ глаголовъ. Здѣсь *цц* не изъ *ц*, а изъ *цс*, которое и въ другихъ случаяхъ въ положеніи между гласными можетъ переходить въ *цц* (см. выше).

Усиленіе согласной иногда бываетъ очень слабое, такъ что при записываніи нерѣдко затруднительно бываетъ рѣшить, писать ли двѣ согласныхъ или вѣрнѣе будетъ поставить одну.

Въ окончаніи возвратныхъ глаголовъ на -ццӑ въ положеніи не непосредственно послѣ ударенія можетъ слышаться *ц* простое: -цӑ: ката́ицӑ, ду́мъицъ мне́, тру́дьцъ и пр. Говорятъ иногда: аца́, ацу́ рядомъ съ ацца́, аццу́. Согл. *ш* и *с* (*ж* и *з*) въ положеніи передъ согласной въ началѣ слова не удвояются: сваје́ј (= съ своей), чаще: съ сваје́ј, но: с сабо́ю. Отм. также въ одной пѣснѣ (записанной не съ голоса): „вдрук шу́мъм две́ри рътвари́лйс“ и др.

При пѣніи усиленная согласная можетъ сокращаться послѣ сильнаго ударенія, связаннаго съ удлинненіемъ гласной.

Въ написаніяхъ Анн. Акимов.: „натабой“ и Миши Байкова: „одахнуть“ слѣдуетъ видѣть простыя ошибки. Но „своей родины бѣжалъ“ (М. Б.) соотвѣтствуетъ выговору.

Въ прич. на -нъј правильно слышится одно *н* простое, но это простое *н* перешло и въ нѣкоторыя образованія, въ которыхъ получалось *н* удвоенное. Ср. плато́чьк имяно́ј, ка́минај (въ пѣ.), часто: плимя́ньк и пр. Наоборотъ, одинъ разъ я слышалъ: стикля́ннъј (гдѣ первоначальное только одно *н*). Въ сл. „свище́нньк“ можетъ слышаться усиленное *н* вмѣсто простого (и рядомъ съ нимъ,) п. ч. это слово получено съ *-нн-* изъ литературнаго говора. Ср. священьник другихъ говоровъ.

Вставка согласныхъ.

д: ндра́ф, пандра́вицць, при но́ръф, снаро́фкӑ. У Миши Байкова: непонравилось и пондравилса. Но Миша Байковъ пишетъ *д* въ словахъ: кузднецъ, кузднецы, вокуздпецы, любездный, гроздный и пр. Этого *д* въ произноше-

ніи нѣтъ, и оно, вѣроятно, заимствовано имъ изъ орѳографическихъ написаній такихъ словъ, какъ: праздникъ, поздно, наѣздникъ (у М. Б.: поездникъ, поздно, попраздничкамъ), гдѣ *д* тоже не выговаривается.

Въ сл. пъднама́р̑ вставка *д* нефонетич. Такъ какъ пономарь — одна изъ нижшихъ должностей, то нашли болѣе удобнымъ первый слогъ осмыслить, какъ предлогъ *под*. Быть можетъ, даже слово пъднама́р̑ получилось непосредственно не изъ пономарь, а изъ парномарь (греч. παραμονάριος). Въ влкр. говорахъ существуетъ также произношеніе: подомарь.

т: стра́м, стража́цдъ, истру́п (=срубъ), но: сруби̑т, с̑ре́зъ̑т и пр.

плант, крант: па пла́нту, ис пат кра́нту; у Миши Байкова: изъ леворвѣрта.

Ар̑се̑н̑тьј, вѣроятно, по аналогіи съ болѣе частыми именами на *-нтій:* Терентій, Инноке́нтій... Но: Јив̑де̑н̑ьј.

ъкал̑е́тлъј. У Миши Байкова: акалетлую собаку. Здѣсь *т* — нефонетич. Въ говорахъ рядомъ съ: околѣлый извѣстно и околѣтый (акалетай).

зънав̑е́стъчкӑ, ръзнаве́стъчки или пъднаве́стъчки (у серегъ). Вставка *т* нефонет.; объясняется тѣмъ, что обычно слова на -ска имѣютъ основу на -стӑ (рѣже: -здӑ, -знӑ), уменьш. -стъчка (рѣже: -здъчка и др.): н̑ив̑е́ска — н̑ив̑е́стушкӑ, в̑е́скӑ — в̑е́стъчка, капу́скӑ — капу́ста — капу́стъчкӑ; ластъчкӑ, ко́стъчкӑ... Такія слова, какъ кра́скӑ, к̑и́скӑ, па́скӑ (какъ бы производн. отъ пасӑ; = литератур. пасха) [1]), съ основой на *с* (ср. па́съчкӑ) — рѣже.

к въ сл. здаро́фкъцъ (=здоровкаться=здороваться) — не вставное, а принадлежитъ суфф. -ка- производныхъ глаголовъ.

---

[1]) Произношеніе „паска" довольно распространено. Появленіе здѣсь *к* легче всего объясняется сближеніемъ съ многочисленными словами на *-ска*. Впрочемъ, возможно и первонач. паска. То же въ болгарск. Ср. Лавровъ, Обзоръ, стр. 94. Въ греч. яз. *φάσκα, πάσχα*.

г: згнуздáт (рядомъ со змуздáт).

с въ прилаг. на -тъј: крылáстъј, бърадáстъј, вълаcáстъј и пр. принадлежитъ суфф. -ст- (-а-ст-). Ср. также: гарлáстъј, шыгáстъј и пр.

х: стрипихнýццъ, трйпихтáт, умаря́хнут, ачхнýццъ, прачхнýццă, — вѣроятно, во всѣхъ случаяхъ не вставное. Въ ачхнýццъ и прачхнýццъ сохранилось старое коренное *х*, выпавшее въ литерат. языкѣ (см. Соболевск. Лекціи, стр. 103). Въ трипихтáт и стрипихнýццъ *х* могло быть вставлено по аналогіи съ тѣми глаголами, гдѣ это *х* — коренное (рихнýццă, пархнýт, скълыхнýццъ, ʾiхáт и пр.), но, скорѣе всего, тоже коренное (ср. у Филат. Ворон., т. 38, стр. 313: стрипыхнулся. Существуетъ глг. стрепёхывать). Въ сл. умаря́хнуццъ зв. *х* принадлежитъ суфф. *-ях-*.

ј: кóјнйчьк. Здѣсь, вѣроятно, ј не вставное, а изъ н, диссимилировавшагося со слѣдующимъ н (изъ кóннйк).

Въ сл. плутáт, зъплутáццъ *л*, конечно, коренное; тотъ-же корень - въ сл. плýт (=литер. плутъ). Ср. греч. πλανάω — блуждаю, плутаю. (Отм. эти сл. потому, что Рѣзановъ — Курск. Обоян., стр. 108 — видитъ въ нихъ вставку *л*).

в возстановлено послѣ предлога *об* въ сл. ăввязáт, аввя́зънъј, аввя́зънъст', не только въ непереносномъ, но и въ переносномъ значеніи: „Мужукй кóсют нóнчй у γаспóт паввя́зънъсти“ (см. Соболевск. Лекціи, стр. 131).

н (изъ *м*): кýнпъл. Не было-ли это слово заимствовано откуда-нибудь съ *мп* или двойнымъ *п*? (ср. удвоенное *р* въ нѣм. Kuppel). Тогда литер. куполъ — вторичное заимствованіе.

р: щьрлушыт (орѣхи), шьрлушóнй или щьрлýшъны, ср. литер. шелушить.

Въ сл. ты́ркът, тырчкй и пръздравля́т, праздрáвйт — *р* — не вставное. О первыхъ см. выше, стр. 23, а въ праздрáвйт имѣется предложная приставка *про*.

О выраженіяхъ: в éфтим, с éстим, па éстих пóр и

т. п. см. въ Морфологіи, равно какъ и о мѣстоим. указат. э́нтът (=ille, ἐκεῖνος).

Сл. спака́йцџъ (= покаяться), спако́ј, спъ̑кида́йт, спъдыма́т — сложныя съ предлогомъ *с* (съ).

Цѣлый слогъ приставленъ въ сл.: м̑илю́с̑ти́н = люстринъ. Здѣсь дѣйствовала какая-нибудь народная этимологія.

Выпаденіе согласныхъ.

т послѣ *с* выпадаетъ въ концѣ словъ передъ паузой и передъ начальной согласной слѣдующаго слова, кромѣ *р*, *в* и, кажется, *л*, но передъ гласной и этими согласными сохраняется. Впрочемъ, отпаденіе *т* при указанныхъ условіяхъ въ концѣ слова, кажется, не вполнѣ обязательно. Прим.: гара́с (=гораздъ), хво́с, к̑ре́с сир̑е́бр̑инъј; „он был гърма́ни́ст, и...“, „и п̑ир̑ит̑и́н хре́сᵗ. Ну п̑рихо́д̑ьт...», „п̑ир̑ити́нул на ни́јо̀ хре́ст. Ана́...“ и пр.

т и *д* послѣ *с* и *з* въ серединѣ слова выпадаютъ передъ всѣми согласными кромѣ *р* и *в* (слѣдовательно, передъ *л*, *н*, *с* и *з* тоже выпадаютъ). Прим.: капу́скӑ, из̑во́скӑ, в̑е́скӑ, н̑ив̑е́скӑ, γру́снӑ, в̑иссов̑и́снъј, че́снӑ, н̑и ра́дъснӑ, „хажу̀ хо́лӑс н̑и жана́т“ (отм. выше); загво́скӑ, изба́ (изъ: истъба́ = istŭba), и пр. Но при пѣніи, если появляется вторичный глухой, *т* возстановляется: „капу́стъку“ (въ одной пѣснѣ: „Я къпу́стъку сажу́“). Вѣроятно, такого же происхожденія и до́стка у Рѣзанова, Кур. Обоян. (ср. 110), такъ какъ едва-ли въ Обоянскомъ говорѣ въ этомъ словѣ является *т*, но въ пѣснѣ записыватель могъ слышать до́стᵸка.

Сюда-же слѣдуетъ отнести: по́знӑ при по́здӑ (употребляются обѣ формы). Въ первомъ случаѣ — правильное фонетическое выпаденіе *д*, а во второмъ — не выпаденіе *н*, а отсутствіе суфф. То-же отсутствіе суфф. въ ка́ждъј, рядомъ съ ка́жнъј, въ которомъ фонетически выпало *д* послѣ *ж* передъ суфф. *н* (*жд* здѣсь не книжное

и не вторичное, а изъ общеслав. *жьд*, которое по-русски должно было сохраниться). Объясненіе Будде, будто мы имѣемъ здѣсь переходъ *д* въ *н* (Къ исторіи, стр. 145), мнѣ кажется совершенно невозможнымъ, п. ч. рѣшительно никакихъ фонетическихъ причинъ для такого перехода не было (ср., напр., вы́ждать и пр.). Это слово въ ф. ка́ждъј преобладаетъ въ Куровѣ, въ Парфенкахъ же чаще: ка́жнъј. У Миши Байкова: во каждноимъ, поздно, но онъ пишетъ *д* и въ сл. гроздный.

т̑ послѣ с̑, какъ и д̑ послѣ з̑ отпадаетъ передъ паузой и передъ всѣми согласными (въ томъ числѣ и передъ *j* и въ концѣ слова передъ *р*, *в* и *л* мягкими и твердыми), но можетъ сохраняться при тѣхъ-же условіяхъ, какъ и *т* послѣ *с*. Прим.: ше́с̑ л̑е́т, у́чъс̑ маю́, пу̑с̑ папла́чьт, ра́дъз̑ дӑрага́й, мо́лӑдӑз̑ гул̑бу́, гру̑с̑ в̑ил̑и́кӑ, у́чиз̑ го́р̑кӑй и пр. (всѣ прим. изъ пѣсенъ); передъ паузой: ра́дӑс̑, п̑ир̑ине́с̑, кали́нушку је́с̑, нит̑т̑и је́с̑? и пр. Иногда даже передъ гласной: је́с̑ и та́м. Но: је́с̑т̑ у бра́ццъ, кһто тӑ је́с̑т̑ у акна́, пу̑с̑т̑ умру́ (всѣ прим. изъ пѣсенъ) и даже передъ согласной: ра́дъс̑т̑ мая́.

У Миши Байкова: „почесь ксвоей" (почесь=паче́с̑—infin. въ знач. нарѣчія), „запась туда" (запа́с̑=запасти). Но обыкновенно М. Б. въ этихъ случаяхъ пишетъ ороографическое *т*. У Аннушки Акимов.: „прасяй жисъ радасъ мая".

Въ серединѣ слова т̑ и д̑ послѣ с̑ и з̑ выпадаютъ передъ всѣми согласными, передъ которыми они могутъ являться; наприм.:

На́с̑кӑ, Ко́с̑кӑ; пра́з̑н̑ик, трис̑ня́к, наје́з̑н̑ик; щис̑л̑ивъј, м̑и́лъс̑л̑ивъј; ща́с̑јь, н̑ина́с̑јь, хрис̑ја́нкӑ, хрис̑ја́нскъј и др. (Отм., что приведенное у Филатова, Ворон., т. 38, стр. 300: ляслиф объясняется тоже выпаденіемъ *т* передъ л̑; причемъ послѣднее является суфф., какъ въ счаслив).

т послѣ *р* (и т̑ послѣ р̑) выпадаетъ передъ *к* (и другими согласными?): парк̑и́, па́п̑ир̑ка̀, чирка́ццъ (отъ сл. че́т̑т̑и) и пр.

Въ сл. тала́н̓л̓ивъј *т*, вѣроятно, никогда не было. Ср. тала́н вм. талантъ.

т между двумя *с* выпадаетъ (см. выше). Выпаденіе это позднее и относится къ тому времени, когда *ц* уже отвердѣло.

д послѣ гласной выпало въ: дваю́ръиъј (*ъ* здѣсь стало бѣглымъ, а затѣмъ въ ф. дваю́рднъвъ *д* выпадало фонетически).

Выпаденіе *д* (и *т*) въ приставкѣ *пред* въ такихъ словахъ, какъ п̓ристая́т̓, п̓риста́н̓ и пр. — нефонетическое и объясняется другимъ пониманіемъ приставки.

д отпало передъ *м* съ послѣдующей гласной въ словахъ: 'Ми́т̓р̓ьј, 'Ми́т̓кӑ и произв.; сямо́ј или с̓имо́ј (рѣже: с̓ид̓мо́ј съ сохраненіемъ д̓). Въ послѣднемъ выпаденіе *д* нефонетич., а подъ вліяніемъ ф. с̓е́м̓ или же еще діалектич. обще-славянское, восходящее къ обще-индоевроп. чередованію saᵉbdmaᵒs и saᵉptǫmaᵒs (см. Фортунат. Лекціи по фонетикѣ ст.-слав. яз.). Ср. въ Остром. Ев. семжѭ.

Въ сл.: мат̓р̓и́, матря́ј, рядомъ со: сматря́ј, ко́л̓кӑ рядомъ со: ско́л̓кӑ *с* не отпало, а, вѣроятно, никогда не было. Въ другихъ формахъ глаг. смотрѣть обыкновенно является съ приставкой *с*. Ср. срб. яз., гдѣ этотъ глаголъ употребляется и безъ приставки: смотрити и мотрити, мотритељ.

в или *ф* выпадаетъ въ началѣ слова передъ *з* или *с* + согласная шумная, но необязательно. Впрочемъ, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ имѣется это выпаденіе, не всегда можно рѣшить, есть ли здѣсь *с* изъ *вс* (въз) или первоначальное (-съ): нас̓т̓р̓е́чу, спо́м̓н̓и, с̓т̓р̓е́нут, с̓т̓рича́йт, „скачи̓л ме́с̓ьц нӑ гряда́“, згнузда́т̓, зду́мът̓, згрусну́ццъ, спо́м̓н̓йт̓, скълыхну́ццъ, с̓т̓р̓ипихнуццъ и пр. Если не во всѣхъ, то въ нѣкоторыхъ изъ этихъ случаевъ можно видѣть въ началѣ слова или предложную приставку *с*, а не въз, или отсутствіе приставки. У Миши Байкова въ этихъ случаяхъ обыкновенно орѳогр. *в:* всталъ, встрѣчаласа и пр., но иногда *в* не пишется: здумалъ, здумали, згруснулса.

Сюда же можно отнести и шпито́нък, шпита́ты изъ вспитонокъ (вспитомокъ?).

Въ серединѣ слова *в* (ф) обязательно выпадаетъ въ окончаніи прилагательныхъ на „-вской": Аликса́ндраски, Парфо́нкъска, Ку́ръскај, Саве́лиски рибя́ты, Пятро́скаjя загво́ска и пр. У Анны Аким.: ва иванаскимъ садочки. Кажется, *в* выпадаетъ и передъ другими группами согласныхъ, начинающимися съ *с*, наприм.: бъластво́.

Передъ однимъ *с* *в* можетъ выпадать въ словѣ: фсо́, фсиво́ и т. д., но можетъ и оставаться (въ видѣ *ф*); напр. „Люби́л миня́ ми́линкај да ни до́лга, ни до́лга, ни ма́ла, сиво́ три гадо́чка" (пѣ.), „со ба, со ба ничаво́" (приб.), „у тибя мая Марја́нка, со падви́таи глаза́" (пѣ.) и проч.; всегда: со́тъки (=все-таки). У Миши Байкова: повсемъ, а все недаехали, и проч., но: „а конъ (чит.: конь) се выше".

в (ф) передъ *ш*: кушы́н. То-же — въ другихъ ю.-влкр. говорахъ (ср. Рѣзан. Курск. Обоян. 104; Филат., Ворон. т. 38, 313; Чернышевъ, Матер. 41[1] и др.). Въ сѣв.-влкр. чаще въ этомъ словѣ является *к:* кукшы́н.

Въ нѣкоторыхъ глаголахъ на -нут послѣдняя согласная корня не возстановлена передъ *н*; а именно: стреньт, стре́нут (3 мн.); ка́ньт (= капнет; inf. ка́нут); зги́нут, но заимствов.: пади́бнут (пѣ.); глану́т, глану́л (= глотнулъ); то́рнуццъ („но́съм то́рнийцца" при то́ркът). Ср. утану́т (извѣстное и въ литер.) при уто́п (прош.). Въ сѣв.-влкр., частью въ ю.-влкр. такихъ глаголовъ извѣстно больше, но въ описываемомъ говорѣ они, по большей части, замѣнены новообразованіями на -ану́т.

Здѣсь же отм. еще нѣкоторые глаголы, съ *н* вм. послѣдней согласной корня: зина́т (= сгибать), аслъбани́т (=освободить). Оба слова извѣстны во многихъ другихъ влкр. говорахъ. Къ слову зина́т аналогіей могло служить сагну́т.

л фонетически можетъ выпадать при какихъ то условіяхъ передъ н: аста́нинкај — уменьш. отъ аста́лнъј. Въ

другихъ случаяхъ лн или сохраняется или переходитъ въ іл. См. выше, стр. 97.

р выпало въ сл. патрéт. У Миши Байкова: на потретѣ.

т въ концѣ сл. не произносится въ сл. шыкалá (въ пѣснѣ), но род. шыкалáду, канфéтка шыкалáднъјь.

н въ концѣ слова послѣ *з* выпадаетъ, причемъ звонкая з, очутившись сама въ концѣ слова, переходитъ въ глухую, въ сл. жыс, балéс, род.: жы́зни (не: жысти), балéзни.

н послѣ *с* (изъ *з*) передъ согласной: балéска (=балезнка?), при прилагат. балéзнъј.

н послѣ гласной передъ группой согл. отпало въ сл. Къстинти́н (или ʼКистинти́н), Кóска изъ Костянти́н (ср. рязанск. Кыстянти́н и ʼКистянти́н). Но этого *н* нѣтъ и въ ю.-слав. язз., ср. срб. Коста, Костадин; болгар. Костадин, Костандина. Вѣроятно, русскимъ яз. это имя было получено безъ *н* еще отъ ю. славянъ.

Здѣсь же отм. отсутствіе *н* послѣ предлоговъ въ косв. падд. мѣстоим. 3 л.: јивó, јамý и т. д. и въ сложныхъ отъ „имать". Впрочемъ, у мѣстоименій 3 л. употребительны формы какъ съ н, такъ и безъ него (прим. см. въ Морфологіи). Сложн. съ имать: атымáт, примáт, вымáт, пъдымáт, сымáт, зајмáт, пымáт, и пајмáт (послѣднія два — въ знач. соверш. вида), но: унимáт, дънимáт и пр. (см. выше, стр. 55). Но отъ сложныхъ съ -ят (ати) въ infin. н — во всѣхъ сложныхъ: атня́т, падня́т, сня́т, приня́т, заня́т, паня́т, уня́т и пр.

к отпало: „неженетская" (Миша Байковъ). Здѣсь М. Б. или его бабушка не поняли слова и отожествили его по смыслу со словомъ холостецкая и т. п.

та выпало въ выраженіи: ну к штó ш = ну такъ что жъ. По смыслу выраженіе почти = все ровно, безразлично. Отм. интересное употребленіе этого выраженія во фразѣ: „Он јијò лю́бит, анá јивò ну к штó ш", т. е. — а она къ нему совершенно равнодушна, ей до

его любви и дѣла нѣтъ. Ср. у Филат. Ворон.: кцо́шъ (т. 38, стр. 312), и у Чернышева, Мещов. 82 (Мат. 41[1]).

Другія сокращенія:

мо́жбъ̑т = можетъ быть (рѣже: мо́жъд бъ̑т).

хо́ццӑ=хочется. Въ пѣсняхъ есть и: хо́чьцӑ. У Миши Байкова въ сказкахъ: хотьца, хотца по нѣск. разъ.

ты́щӑ, ты́щю, но въ пѣснѣ также и ты́̑сица и пр.

је́ли при јѐ̑сли, јѐ̑зли и јѐжъли = если.

Въ словѣ што́, што́бъ звукъ *т* иногда переходитъ въ *ш* или совсѣмъ выпадаетъ: ̑стириди́ дитѐј шшъубъ wо́лк ни утащи́л; шъб аре́шки щ́о́лкъли (приб.), шо́ ш вы де́ф̑ти де́лъти (приб.), ну к шо́ ш и т. д.

д̑ между гласными иногда выпадаетъ (при какихъ условіяхъ?): ло́шъи, глии́т, дя́д̑. Наприм.: „а он глии́д, глии́т, мяку́д̑т, мяку́д̑т“. Слово „дя́д̑“ только въ обращеніи или при собств. именахъ (см. выше). Ср. итал. fra. Для обозначенія родства употребляется несокращенное: дя́д̑ь, наприм.: „ѐтъ мој дя́д̑ь“.

ма́ = мать, зв. пад., но также и ма́т̑.

бале́ — съ нѣсколько растянутымъ, но не долгимъ *е* = бале́скӑ, только въ обращеніи: да́ј къ бале́ напи́т̑ и т. п.

Въ такихъ случаяхъ, какъ: ну к што́ ш, мо́жбъ̑т, дя́д̑, ма́, бале́ и т. п. сокращеніе слова вызвано условіями его употребленія: это—вводныя слова или частицы. Ср. у Ляпунова, Жив. Стар. 1894 г. и у Потебни—Отзывъ о сочин. А. И. Соболевск., Изв. Отд. русск. яз. и слов., т. I (1896), кн. 4, стр. 814 слл.

УДАРЕНІЯ.

Проклитическое удареніе предлоговъ.

по́ въду, на́ стъръну, на́ ̑спину, ку̑чь на́ кучу, по́д руку, за́ руку, за́ вѝрсту, на́ скъ̆вѐръ̆ду, на́ въс (= на возъ), на́ лъшъ̑т, на́ нъч, говорить „про́ щи“, на́ пълдни̑, по́ пълу, по́ кругу, по́ пълю, по́ мѝру, по́ льсу, по́ лбу,

по́ гри̂зи, о́т ръду, и́спълу, ис по́т пълу, и́здъли, по́д бъкъм; въ 5 в. отъ Парѳёнокъ къ сѣв.-зап., въ дер. Чудцевѣ той же волости я слышалъ: за́ лъшъд̂ју̂...

из гро́бу, ис пат кра́нту, за са́дъм, за ле́съм, пад до́мъм, пад у́трӑ, за де́лъм, у де́лӑ, на мо́ри (загадк.) [1] и друг.

Чередуются ударенія: бе́з гъду и биз го́ду, ме́сьц со́ днъм и са дно́м и др.; отм.; по́д гъру, но: пад го́рку; на́ стину, но: на сте́нку и т. п.; на́ вър̂х (=кверху) и на ве́р̂х (слово ве́р̂х здѣсь въ значеніи: верхній этажъ).

Во всѣхъ перечисленныхъ случаяхъ удареніе перенесено на предлогъ съ 1-го слога слова. При этомъ удареніе на предлогѣ сохранилось преимущественно въ стереотипныхъ выраженіяхъ, частью уже получившихъ значеніе нарѣчій, ср. чередованіе ударенiй въ выраженіи на́ вър̂х и на ве́р̂х, также выраженія по́д гъру, на́ гъру, гдѣ понятіе горы почти утрачено. Въ формѣ испо́тпълу вторая часть предлога настолько тѣсно слилась со слѣдующимъ словомъ, что образовалось новое существ. по́тпъл. Различіе въ удареніяхъ по́д гъру и пад го́рку, на́ стину и на сте́нку, вѣроятно, восходитъ еще къ общеслав. различію въ характерѣ ударенiй этихъ словъ (общесл. го̑ръ и го́ръкъ?).

Тамъ, гдѣ удареніе въ словѣ не было на 1-омъ слогѣ, оно не переносится на предлогъ.

нъ палу́, нъ кругу́, нъ баку́, нъ миру́, нъ виду́, на лбу́, нъ зимле́, нъ спине́, нъ стине́, нъ стъръне́, нъ гаре́, нъ лъшъди́, зъ вадо́ј, път руко́ј, нъ паля́х, нъ людя́х, пъпала́м, пъ дяло́м, пъ свааму́; издали́ (пѣ.), пъ палу́ (пѣ.), зъ садо́м (пѣ.), биз ватру́ (пѣ.), нӑ расу́ (пѣ.), и т. д.

Съ мѣстоименій удареніе на предлогъ не переносится: у на́с, за на́ми и т. д., но въ пѣ. удареніе съ мѣсто-

---

[1]) Слова: „пѣ.", „заг.", „ск." и т. п., поставленныя въ скобкахъ послѣ какого-нибудь примѣра, указываютъ, что этотъ примѣръ съ такимъ удареніемъ я слышалъ только въ пѣснѣ, загадкѣ, сказкѣ и т. п., но не въ разговорной рѣчи.

именія можетъ переноситься на предлогъ для́: я́ ни для́ тибя сади́ла, ни для́ пăлива́ла.

Предлогъ че̏рьс̓ имѣетъ самостоятельное удареніе: че̏рьз̓ го́т, че̏рьз̓ до́м, че̏рьс са́т, ср. за́ гът, на́ дъм, за са́т. При этомъ предлогъ че̏рьс̓ можетъ отдѣляться отъ того слова, къ которому относится, другимъ словомъ и даже употребляться безъ имени, какъ нарѣчіе.

Удареніе на предложной приставкѣ: вы́нул, вы́гнул, вы́пьл, вы́шъл, и мн. др. На этой приставкѣ удареніе очень устойчиво и переносится на нее даже не съ перваго слога корня: вырбътът̓, вы́кусил, вы́тъщил, вы́съдит̓, вы́гъню, вы́мълъчу, вы́хъдит̓ и т. д., но въ глаголахъ несовершеннаго вида (съ сильнымъ видомъ корня) удареніе на корнѣ: вытá скъвът̓, выганя́т̓ или въганя́т̓, въмалáчивăлă и пр. На другія предложныя приставки удареніе съ перваго слога переносится только въ немногихъ словахъ и не во всѣхъ формахъ, да и тамъ, гдѣ оно переносится на приставку, по большей части существуютъ тѣ же формы съ удареніемъ на корнѣ.

Примм. по́мьр, у́мьр, за́мьр (удареніе всегда на приставкѣ; ро́зда́л [1]), про́да́л, за́да́л, о́ддъл, по́дъл, ни до́да́л; ро́здънъ, про́дънъ, но прида́нъјь; у́ня́л, за́ня́л, ни при́ня́л, ...до́ньл, по̀ньл, по́дньл и падня́лсă..., за́ньт, при́ньт...; за́пьр, о́т̓ìьр, ро́с̓ìо́ртă, о́т̓ìо́ртă, при̓ìо́рт; нача́л, уча́л, пача́л, за́ча́л, на́чьт; про́кля́л, про́кл̓ьт; за́гна́ты, загна́л, прагна́л и пр.; про́рвълъ, изо́рвън, ато́рвън, но нарва́л, ътарва́л и пр.; про́жыл, за́жы́л, о́джыл и пр., но: пажы́тки; за́пйл, про́пил, на́пи́лса́ и т. п.

при́гъвър (чаще: пригаво́р), за́ръбътки и т. д.

Существительныя.

а. Удареніе на корнѣ: же́нчьк, ле́днйк, ту́чă, па́шнй, сва́дбă, кля́дбă и пр., ве̏рбă, ро́дйнă, ко́ршун, варо́ты̆, и пр.

---

[1]) Т. е. ро́здъл и разда́л и т. п.

б. Удареніе на суфф. или окончаніи: ухо́, нъ плимя́, диӈга́, сасна́, с̑іина́, слъбада́, ал̑ха́, ручéј, кабéл̑, балéс̑ (с̑ изъ з̑н; слово бóлес̑ другихъ говоровъ — изъ бóл̑есть), случáј—случáю, сил̑ни́к, рачáк (ср. рóчьх въ Тул., Тамб., Ряз. и др.), т̑ирóм (пѣ.), ф т̑ириму́ (ф тиряму́) (пѣ.), суд̑би́нă, дълина́ (=длина).

в. Слова съ двоякимъ удареніемъ: згóвър (ср. при́гъвър)—згавóр, ръзгавóр; вéчьр (вéчьрă, в̑éчьръм и пр.)—в̑ичóр (только въ знач. нарѣчія), вичóръс̑, вичарóм (пѣ.); твóрък (твóръгу и пр., обыкнов.)—тварóк (твърагу́ и пр., рѣдко); мóлъд̑ьц (мóлъццă и пр.) — мълад̑éц (мълацца́ и пр.); мóлън̑јь—мълан̑ја́ (пѣ.); т̑рóплъ — тряплó; усплéн̑јь, усплéн̑јьв дéн̑ — усплин̑јó; асóтă — ъсака́; слóвьчкъ—славéчкъ; óпчьствă—апчиствó [1]); кóл̑и́сăм (пѣ.)—къл̑исó; пóлнъч — ф палнóч (пѣ.); дали́нă — дълина́ (въ пѣ.: Шóл Ванюша далинóю) [2]); клáд̑бищь—клад̑би́щь; дéвъчкă—дявóчкă; сéмьны (только въ выраженіи: на с̑éм̑ьны̆ дъ на јéм̑ьны̆)—с̑имяна́, с̑éм̑ьн — с̑имя́н, с̑имянóф (въ един. числѣ обыкнов.: нъ симя́, но: ăлля́нóјь сéм̑ь); и́м̑ь—имя́ (пѣ.).

Отмѣчу удареніе въ суфф. -ота, -овин(а): рабóтă, забóтă, но сирата́, бидната́, тимната́, мъгута́ и пр. (безъ переноса ударенія въ вин. ед. ч.); штукóвинă, хрянóвинă, но: дъмави́нă (=гробъ), бъкави́нкă.

Подвижное удареніе въ падежныхъ формахъ.

Переносъ ударенія въ словахъ съ односложными (съ общеслав. точки зрѣнія) основами въ извѣстныхъ падежныхъ формахъ съ окончанія на основу въ разбираемомъ

---

[1]) Удареніе на концѣ, кажется, древнѣе. Ср. въ Лѣчебникѣ русской ред. XVII в. (1665 г.), б-ки Пискарева № 631, л. 79 об.: к̓ послушеству̀, хорошество̀ и др. (Языкъ этого лѣчебника — сѣв.-великорусскій).

[2]) Объ этомъ словѣ см. акад. Корш. О русскомъ народн. стихосл. II — Изв. Отд. русск. яз. и сл. II, 2. 498. Ср. слово дълина́ въ другомъ значеніи.

говорѣ соблюдается приблизительно съ той же послѣдовательностью, какъ и въ литературномъ языкѣ. Поэтому отмѣчу только нѣкоторыя особенности сравнительно съ литературнымъ произношеніемъ:

со́сну, во̕сну, до́ску, тра́ву, о́фцу, гу́бу (и губу́?), и́збу, и др. (въ остальныхъ падд. един. удареніе на падежной флексіи); бо́д̕ју отъ имен. бад̕ја́. Вѣроятно, болѣе старое удареніе въ этомъ словѣ было бадью́; переносъ ударенія произошелъ уже въ акающемъ говорѣ.

Родит. множ.: до́съкъ, чаще: дасо́к, аве́ц, и́сп (=избъ), со́сьн и т. д.

скъвърада́, -ы́, -е́, -о́ю; вин. ед. ско́вър̆ъду, множ. ско́вър̆ъды и пр.

стърана́, дат. ед. стъране́, но: къ сто́ръни; обыкновенно удареніе съ окончанія на основу въ дат. пад. ед. не переносится; вин. сто́ръну.

късчи̕рга́, -и́, -е́, -у́ и пр.; множ. ко́чьрги (между прочимъ въ значеніи: игра въ чехарду).

Косв. падд. множ.: с̕о́стръми чаще, чѣмъ сястра́ми (послѣднее между прочимъ въ пѣ.: с̕ сястра́ми сваје́ми; иногда въ разговорѣ); з̕ д̕е́н̕гъми, но чаще: з̕ дин̕га́ми; со́снъм, о́фцъм, но, кажется, и: афца́м и т. д.

wо́лк, род. ед. валка́; ко́л, кала́, -у́, твор. ед. ко́лъм и кало́м, множ. ко́л̕јă; подъ вліяніемъ мѣстн. на -у́ (нъ палу́, на те́м с̕вяту́, ф саду́, нъ дубу́ и пр.) явилась форма мѣстн. нъ дубе́ съ удареніемъ на концѣ, между тѣмъ какъ обыкновенно въ мѣстн. на *-ѣ* удареніе совпадаетъ съ удареніями другихъ косв. падд. един. Обычное склоненіе слова ду́п: ду́бу (род.-дат.), дубу́ (мѣстн.) и т. д.

мы́ш — муж. р., род. мыша́ и т. д.

Отъ существ. пиро́т твор. един.: пирядо́м (употребляется между прочимъ въ значеніи нарѣчія: ити́т̕ пирядо́м = итти первымъ, впереди); път пирядо́м = подъ образами въ переднемъ углу (ср. пътпиро́т—передній уголъ). Но всегда: за́дъм.

мазо́л̕, род. мазо́ли, множ.: м̊ъзали́, м̊ъзале́ј. Отъ слова гъсуда́р̕ имен. множ.: гъсудари́.

нъ людя́х, w людя́х, людя́м и лю́дьм, людя́ми и лю̀дми. де́тьм и дитя́м, дитя́ми. у́ши, уша́м, ушми́ и пр.

јиле́ј (загадка: мижду дву́х јиле́ј виси́т Пъ̀нтиле́ј.— ушатъ); въла̀сте́ј, рӑда̀ст̀е́ј (са вили́ких рӑда̀ст̀е́ј—пѣ.).

кро́ф, род. кро́ẁи, мѣ. ф краẁи́.

Въ пѣсняхъ ударенія нѣсколько отличаются отъ разговорныхъ. Между прочимъ встрѣчаются слѣдующіе случаи: по́ въду ваду́, нӑ чужу́ю стӑрану́, нӑ быстру́ ряку́, ру̀су касу́, нӑ расу́, биз̀ вятру́ (род. пад.), к су́ду придала́ (ср. род. су́ду въ выраженіи: су́ду не́т), пъ палу́ (дат. пад.!), зӑ садо́м, ва са́ди (удареніе для этой формы совершенно правильное, но въ разговорной рѣчи употребителенъ лишь мѣ. ф саду́), издали́. Впрочемъ, послѣднее слово, кажется, возможно и въ разговорномъ языкѣ рядомъ съ и́здъли по аналогіи съ правильнымъ вдали́ (мѣ. пад.).

Подвижное удареніе прилагательныхъ.

дубо́въј — дӑбавы́и сундуки (пѣ.); з̀ил̀о́нъј -- зилянó ј (пѣ.); ми́лъј — мило́ј (пѣ.); мо́днъј — мадны́х (скороговорка.), ни́скъј — ниско́ј пакло́н, но́въј — пӑ навы́м (пѣ.), ро́днъј (пѣ.) — радно́ј, ста́ршъј — старшо́ј; стра́шнъј — страшно́ј (страшна́я̆ иде́ля̆); тре́т̀ј—сам трит̀е́ј, трит̀о́въс̀; ча́стъј— часто́ј; че́снъј — ма́ч часна́я̆.

шо́лкъвъј — шалко́въј (пѣ.).

гря́знъј, гу́стъј, жа́ркъј, ка́минӑј, ме́лкъј, пе́р̀въј, пухо́въј, т̀о́мнъј, то́лстъј, т̀е́снъј и т. д.

бал̀шо́ј, мин̀шо́ј, мъладо́ј, плахо́ј и т. д.

Причастія: пракля́тъј—пръклято́ј (приб.).

нико́шъnъј — никашо́нъј, сло́мътъј — слама́тъј, упло́чьны—уплачо́ны, щьрлу́шъньи — щьрлушо́ньи; ат̀по́рты— зъпярта́, то́птънъ — тъптана́, нали́тъ — нълита́, приуби́тӑ (пѣ.) — прибита́ (пѣ.), ули́тӑ (пѣ.) — улита́ (пѣ.).

нагна́тъ, ни убра́тӑ (пѣ.), зна́тъ и пр.

Иногда является различіе по ударенію между членными и безчленными формами прилагательныхъ; вили́къј—

вили́к, вилика́; висо̂лъј — ве́сьл, висяла́; дало̂къј — дало̂к, дъляка́; ло̂хкъј — ло̂гък, ляхка́; нали̂тъј — на́ли̂т, нълита́; пракля́тъј и пръклято́ј, но только: про́кльт, пръклята́; ро́внъј — равна́, но: ро́вьн и фсо ро́внӑ, рѣже равно́ (литерат. всё равно́); то́птънъј — тъптана́; чижо́лъј — чижо́л, чижала́; шыро́къј — шыро́к, шырака́ и т. п.

Ударенія въ нарѣчіяхъ.

ве́сьлӑ — висяло́, высо́кӑ — высако́, глубо́кӑ — глубако́, (дало́кӑ) — дъли^я^ко́, зе́льнӑ — зиляно́, ло̂хкӑ — ляхко́, то̂мнӑ — тямно́, то̂плӑ — тяпло́, сравн. степ. те́пли, хо́лъднӑ — хъладно́ и т. д.

во̂зли, зафсо́гдъ и зафся́гды — зъфсягда́ (чаще), кро́ми — ъкрамя́, апо́сли — ъпасля́, про́ти, насу́пръти — (нъ)супрати́ф, спе́рва и др.

Ударенія въ глаголахъ.

до́йт, по́йт, приде́лйт к ме́сту; идо́т, иду́т и и́дут; при́дьт и придо́т; прапа́дьт и пръпадо́т; уго́стити — угастити; сло́тъј (пѣ.) — слята́ј; ды́шьт — дышы́т; прикати́т, катя́т и пр. Переносомъ ударенія въ формахъ глаголовъ вызывается переходъ ӑ въ *о:* пато́щьт, пако́тьт и пр.

падня́лсӑ — пъднялса́, у́вили (пѣ.) — увили́ (пѣ.); нача́лъ — нъчала́; пате́плилӑ (стало теплѣе), зържала́ и т. д.

два́ дни, три́ дни и три дня́.

Дополненія и поправки къ фонетикѣ.

Дополненія и поправки дѣлаются на основаніи матеріала, собраннаго лѣтомъ 1900 г. Часть ихъ была внесена въ статью при печатаніи.

Т. 44, стр. 158—160 (отд. отт. 6—8).

бо́д̑ју (вин. отъ бад̑ја́), сида́к, а́̆пьртă.

нама́тънă, взва́ж̑жьнă и др. причастія немногократн. вида страд. зал. при формахъ многокр. вида съ а́.

разра́вньwъ̆т (при прилаг. ро́wнъј) и др., но также: пье̊р̥рабо́тъwу (1 л. един.).

Въ словѣ сида́к звукъ а́ принадлежитъ старому суфф. *-ак*. То же слово и нѣсколько другихъ, имѣющихъ въ литерат. суфф. *-о́к*, встрѣчаются въ говорахъ русскаго языка и въ нѣкоторыхъ славв. язз. (наприм. въ польск.) съ суфф. *ак*, какъ наприм. хода́к, ѣда́к и др. Ср. также литер. суда́к при діалектич. и старорусскомъ судо́к. Не знаю, почему ак. Шахматовъ видитъ здѣсь фонетическій переходъ *о* въ *а* подъ вліяніемъ переноса ударенія (Мосал., стр. 191). Вѣдь въ имен. пад. един. удареніе всегда было на суфф.

Въ фф. нама́тънă, взваж̑жьна, ака́пнътă при ако́пнътă, ср. рязанск. ла́маный, зака́панъ (=закопанъ), во́жжы зама́таны (Будде, Къ діал., 21), касим. дака́ньцына (Будде, Къ истор., 47—48) и др. а́, конечно, взято изъ фф. несоверш. вида тѣхъ же глаголовъ, образованныхъ отъ сильнаго вида корня или по аналогіи съ ними. Ср. въ нашемъ говорѣ: нама́тъwъ̆т, выла́влйвъ̆т, выла́мъwъ̆т, зака́пъwъ̆т, зака́шъвъ̆т, дака́̆нчьвъ̆т и др. [1]), причемъ такія фф., какъ пьр̥рабо́тъwу, рѣдки. Вліяніе такихъ фф. глаголовъ на образованіе причастій соверш. вида особенно легко уже потому, что эти причастія по ударенію совпадаютъ съ такими фф. несовершеннаго вида, не всегда совпадая съ формами соверш. вида (ср. нама́тана при нама́тывать, но мота́ть).

Эти случаи даютъ возможность дополнить и поправить сказанное нами о причинахъ появленія *о́* вмѣсто *а* и *а́* вмѣсто *о́* въ глагольныхъ формахъ. Несомнѣнно, тѣ

---

[1]) Причемъ, конечно, *а́* въ дака́̆нчйвъ̆т, абраба́тъwъ̆т и нѣк. др. вторичное, по аналогіи съ такими глаголами, какъ нама́тъwъ̆т, выла́влйвъ̆т и пр.

глаголы, гдѣ имѣется о́ вмѣсто *а*, имѣли первоначально, если не всѣ, то въ большинствѣ случаевъ неподвижное удареніе не на корнѣ и получили о́ вмѣсто *а* неудар., конечно, не безъ вліянія аналогіи со стороны глаголовъ съ переноснымъ удареніемъ. Если эти глаголы имѣли переносное удареніе искони, то почему при давлю́, травлю́ не получилось до́виш, тро́виш? Странно, что на этотъ фактъ не обращаетъ вниманія ак. Шахматовъ въ Мосал. (стр. 191—192).

Извѣстныя въ говорахъ формы ла́виш, ла́миш (ср. польск. łamić) нельзя объяснять такъ же, какъ во́риш, то́щит и т. п., а слѣдуетъ предполагать вліяніе со стороны образованій отъ тѣхъ же глагольныхъ корней въ ихъ сильномъ видѣ, причемъ это явленіе могло быть очень старымъ. Такъ, лавить, ламить съ *а* могло явиться еще до появленія аканья подъ вліяніемъ аналогіи со стороны лавля́ти, ла́вливати и пр. [1]) съ одной стороны, и давити, травити и т. п. — съ другой. Ср. обратное явленіе въ нашемъ правописаніи и въ сѣв.-влкр. говорахъ, гдѣ помогать и т. п. формы съ *о* вмѣсто *а* нерѣдки [2]). Замѣна сильнаго вида корня слабымъ и обратно могла перейти даже туда, гдѣ такого чередованія не было. Такимъ путемъ можно объяснять нѣкоторые глаголы, гдѣ о́ замѣнило не *а* безударное, а а́, какъ напр. плотиш.

Въ словахъ натра́пит̑, притра́пиццӑ и пр. при тро́пъчкӑ имѣется сильный видъ корня.

Стр. 162 вверху (отд. отт. 10): зафся́ɣды (у одной старухи) рядомъ съ зафс̊о́ɣды при обычномъ зъфсиɣда́. Здѣсь а́ вм. о́ вызвано переносомъ ударенія.

Стр. 163 (о. о. 11), абзацъ 5-й, добав. аттэ́л̑. *е́* того же происхожденія въ атке́дӑ, атке́львӑ. Это *е́*, повидимому, не изъ стараго *е* и не изъ *ѣ*.

---

[1]) Могло быть и старое лавити при ловити.

[2]) Замѣчу, что въ старорусскихъ богослужебныхъ ркп. XV—XVI в. даже съ очень невыдержаннымъ правописаніемъ различіе между сильнымъ и слабымъ видами корня въ глаголахъ обыкновенно строго соблюдается.

Стр. 164 (12), стрк. 6. Также: ѐ е́тим.

стрк. 24, добав. Јифи́м.

Стр. 165 (13), стрк. 3. Послѣ „Малка" точка съ запятой лишнія.

стрк. 7. Добав. Въ имени Јизо́т или Изо́т слогъ *ји* или *и* приставной (=Зотикъ); чѣмъ вызвана эта приставка, неясно.

стрк. 11. Добав. мунде́р (ср. Будде, Къ ист. 96, Колосовъ, Замѣтки 320, Обзор 118 и др.).

стрк. 14—16. Произносятъ јии́ц и я́іц. Вѣроятно, написаніе яец у М. Б. передаетъ второй выговоръ.

стрк. 17—18. Въ тихаме́рнъј *е́*, вѣроятно, изъ стараго *ѣ*. Въ сми́рнъј *и* не старое, а взято изъ словъ мир, ми́рнъј. Ср. обратное явленіе: ме́р, ме́рной въ нѣкоторыхъ сѣв.-влкр. говорахъ (Колосовъ, Обзоръ 117 и др.) и еще въ древнихъ русскихъ памятникахъ, наприм. въ Галицк. еванг. 1266—1301 г. (Соболевск., Очерки, 24 и 100). Съ этой мѣной *ѣ* и *и* въ этихъ словахъ быть можетъ въ связи слово *мира* вмѣсто мѣра, встрѣчающееся иногда въ тѣхъ сѣв.-влкр. и смѣшанныхъ влкр. говорахъ, которые не знаютъ *и* вмѣсто *ѣ* передъ слѣдующей твердой согласной (такое произношеніе я лично слышалъ отъ нѣкоторыхъ крестьянъ Рязанской губ. не знаю, какого уѣзда).

стрк. 18—19. Ср. форму прош. плате́л въ нѣкоторыхъ сѣв.-влкр. говорахъ (матеріалы).

Стр. 166 (14), стрк. 1-я. Добав.: Одинъ разъ въ одной сказкѣ даже: аде́жу, но рядомъ въ той же сказкѣ постоянно: адо́жу.

Абзацъ послѣдній. Добав.: Но въ Куровѣ я также слышалъ: нидало́чкӑ, гдѣ *о́* такого же происхожденія, какъ въ кульо́чйк, дружо́чйк при куле́чйк, дру́же́чйк (*нидало́чй и т. п. и тамъ не скажутъ).

Стр. 167 (15), стрк. 2—3. Слово „ве́щӑ" (не „ве́щ"!) употребительно и въ разговорномъ языкѣ.

стрк. 6. Въ большей части влкр. говоровъ *щ* произносится, какъ *шш* твердое. Если допустить, что въ нѣ-

которыхъ діалектахъ отвердѣніе *щ* почти такъ же старо, какъ и отвердѣніе *ш*, то *ó* въ то̂щă въ средневлкр. говорахъ можно считать взятымъ изъ тѣхъ говоровъ, гдѣ оно являлось фонетически въ то̂шша.

стрк. 5 снизу. Добав.: бис̂смортнъј, но: такáį рыжьн̂ка ше́²рс^т^ка.

Къ тому же и къ слѣдующему абзацу: wъддале́ннъс̂ти (разговорн.).

168 (16), стрк. 2. Къ слову нив̂óснъј добав.: (ср. род. множ.: нив̂óс — погов., загад.).

стрк. 15. Послѣ „одновременно“ добав.: „если не раньше“.

стрк. 17. „13 сл. Григорія Богосл. XI в.“ Ссылка невѣрна. Въ Лекціяхъ А. И. Соболевскаго приводится это выраженіе изъ Словъ Кирилла Іерусал. XI—XII в., л. 117 об. Въ послѣднихъ въ сл. беседьла между *д* и *л* стоитъ буква, наполовину стертая, которую можно прочесть за *ъ*, но, пожалуй, также и за *ь* (*ъ* въ этой ркп. пишется съ небольшой горизонтальиой черточкой вверху слѣва; та-же черточка — и въ другихъ буквахъ; въ б. *ь* эта черточка немного длиннѣе и по большей части заканчивается крючкомъ). Впрочемъ, это написаніе не имѣетъ особаго значенія, п. ч. ркп. списана съ оригинала (южнослав.), гдѣ *ь* и *ъ* смѣшивались, ср. на л. 118: ѧзыкъ гоугьнивыихъ.

стрк. 4 снизу. Добав.: паже́с̂с̂и (=пожеще).

Стр. 169 (17), стрк. 9. Добав.: мал̂óн̂ьчкă, хотя всегда: мал̂е́н̂кă, палне́н̂кă (между прочимъ, въ произношеніи той же дѣвушки, отъ которой запис. мал̂óн̂ьчкă). Въ п̂óр̂јй звукъ *ó* изъ п̂óрушкȁ (во многихъ сѣв.-влкр. говорахъ наоборотъ: пе́рышко, неясно, по какимъ причинамъ, какъ и ре́брышко), въ л̂óн̂кă — изъ Ал̂óхă.

стрк. 19, добав.: но: ацсе́кли (вѣроятно, говорятъ и ацсе́к, но мнѣ не приходилось слышать. При муж. един. ацс̂óк въ фф. жен. р. и множ. ч. удареніе было бы на концѣ). При в̂óк, бяглá прилаг.: бе́глъј, забе́глъј.

Стр. 170 (18), стрк. 8. Въ ше́ст звукъ *е* неяснаго происхожденія.

стрк. 20. Странное ни в даме́к извѣстно и въ другихъ говорахъ, ср. рязан. — Будде, Къ діал. 50.

стрк. 22. Къ слову но́бă добав. примѣръ изъ разговора: „Вы што́?—но́бъ капти́ть, жыво́тй“.

Стр. 171 (19), стрк. 7—10, добав.: спо́хъwъдтй, патпо́хъwът. Здѣсь *о́* не фонетическаго, а морфологическаго происхожденія, а именно, въ этомъ глаголѣ форма несоверш. вида образована отъ корня пъ/ьх въ его слабомъ видѣ. Эти формы, вѣроятно, вызваны аналогіей съ другими образованіями отъ слабаго вида того же корня. Но какія это образованія? Корень *пъх* являлся въ пьхати, пьхнѫти (пьнѫти), но въ обѣихъ удареніе не на корнѣ (и, слѣдовательно, *ъ* выпадалъ). Любопытно, что какъ разъ эти послѣдніе глаголы нашему говору извѣстны только съ сильнымъ видомъ корня: пиха́т, пихну́т.

Стр. 172 (20), стрк. 1. Добав. примм.: а ји́м по̀б знако́мъј, о'н ијо́..., ии́чкъ, ираwо́ј, двух јиле́ј (примм. изъ сказокъ и загадокъ) и др.

Пѣслѣ абзаца 2-го добав:: *и* вмѣсто *ѣ*: хwи́лъј и хwе́лъј = квѣлый. Вѣроятно, въ первомъ случаѣ имѣется корень въ его несильномъ видѣ, а *х* вмѣсто *ц* взято изъ ф: хвѣлой [1]). Въ другихъ говорахъ это слово мнѣ лично извѣстно въ видѣ: кwе́лъј (Тамбовск. Козловск.), кво́лăј (Тульск. Венёв.) и кво́лыј (Калуж. Медынск.). См. также Словарь Даля. *'о* вмѣсто *е* въ этомъ словѣ (въ сѣв.-влкр. и ю.-влкр. говорахъ) аналогично съ *'о* въ гнёзда, вёдра и пр. Сходное *и* вмѣсто *ѣ*, но не старое,—въ словѣ сми́рнъј (см. выше).

Стр. 173 (21). Къ буквѣ *о* добав.: тро́жжи=литер. трижды. Объ этомъ словѣ см. Морфологію.

---

[1]) Впрочемъ см. выше. Намъ неизвѣстно ни одного слова, начинавшагося въ о.-слав. съ глухой задненебн. + *в* передъ старой мягкой гласной, которое бы во всѣхъ славв. язз. имѣло вмѣсто этой глухой свистящую.

Стр. 174 (22). Послѣ стрк. 6: ў = литер. ы́ въ сл. Кабушкă (=кубышка? Прозвище).

стрк. 12. „глъбък“. Чит.: „глъбокъ“ (Болон. псалт. и др.). Съ влкр. глы́пкă и пр., ср. млр. глибокий.

стрк. 1 снизу. Добав.: графы́н. Въ словѣ графы́ня *ы* другого происхожденія. Со словомъ давны́шнъј ср. давно́шнъј въ одной мѣстности Венёв. у. Тульск. губ.

175 (23), 3 снизу: „србск.“, слѣдуетъ читать: „исконное србск.“

176 (24), стрк. 7—14 и примѣч. Кромѣ адн̑ъјо́ не въ самихъ Парфёнкахъ, но по сосѣдству съ ними (верстахъ въ 5 къ сѣв.-зап.) встрѣчается и ф. т̑ъјо́, см. ниже, стр. 193 (41). стрк. 4—9. Надо думать, что этотъ глухой звукъ тотъ же, что въ Ворон. адные, тые, и что онъ получился изъ того звука, который подъ удареніемъ теперь произносится въ бѣлор. и нѣкоторыхъ влкр. (сѣв. и южн.) говорахъ, какъ *э*, т. е. *е*, несмягчающее предыдущей согласной, рѣже, какъ ö или звукъ, который я, между прочимъ, слышалъ въ произношеніи одного Рославльскаго уроженца, и качество котораго я затрудняюсь опредѣлить (что-то среднее между *ы* и *э*).

Стр. 178 (26). Вмѣсто двухъ послѣднихъ строкъ (начиная съ „такъ какъ“) — „или ä“.

Стр. 180 (28), стрк. 9. Одна дѣвка (та-же, отъ которой я слышалъ и адн̑ъјо́) произносила: пъцыᵉлу́ю, но надъ этимъ произношеніемъ, занесеннымъ изъ Москвы, другія дѣвки смѣялись.

П. 5-й, добав.: нъ шастке́.

Стр. 181 (29), стрк. 14. Предлогъ че́рьс̑ почти всегда имѣетъ на себѣ удареніе и употребляется довольно самостоятельно, отдѣляясь иногда отъ управляемаго имъ слова другимъ.

Стр. 182 (30), стрк. 2. Относительно аканья слѣдуетъ добавить. Въ говорѣ самихъ Парфёнокъ въ предударномъ слогѣ — большее разнообразіе гласныхъ, чѣмъ я указалъ на стр. 176—182 (24—30). Именно, кромѣ *а* и *и* изъ *а*, *о*, *е* являются также звуки eⁱ или iᵉ между

двумя мягкими (такимъ образомъ, прѐдударныя *е* и *'а* передъ мягкимъ звукомъ не всегда совпадаютъ въ произношеніи съ *и*) звуки е^{i} (і^{e}) и ӓ [1]) передъ твердымъ звукомъ изъ *'а* или *е* и, наконецъ, глухіе звуки (*ъ*, *ь* и т. п.) въ нѣкоторыхъ словахъ (преимущественно въ положеніи между двумя шипящими).

Съ такимъ характеромъ аканья является говоръ коренныхъ жителей Парфёнокъ. Но въ говорахъ сосѣднихъ деревень бываютъ иногда крупныя отличія въ характерѣ аканья; тѣ-же отличія приносятъ съ собой и молодыя бабы, взятыя оттуда, или мужики, только недавно приписавшіеся къ обществу дер. Парфёнокъ.

Въ Ку́ровѣ (1 в. отъ Парф. на востокъ) нѣсколько менѣе половины дворовъ въ общемъ говорятъ такъ-же, какъ въ Парфёнкахъ. Другая, бо́льшая половина происходитъ отъ крестьянъ, вывезенныхъ лѣтъ 40 или больше тому назадъ изъ Орловской губ. (отъ того времени осталось только 4—5 мужиковъ да столько же старухъ, остальные родились уже послѣ). Говоръ ихъ отличается болѣе умѣреннымъ аканьемъ, ближе къ Московскому, и въ остальномъ замѣтныхъ отличій отъ говора Парфёнокъ не представляетъ.

Дер. Го́рки и с. Васи́льевское (см. стр. 155, отд. отт. 3) прежде принадлежали одному помѣщику. Говорятъ тамъ приблизительно такъ-же, какъ въ Парфёнкахъ.

Въ дер. Семёнковѣ (б. помѣщич., 5 верстъ къ востоку отъ Парф., той же вол., Савельевск. прихода) аканье сильнѣе. *Примм.*: рӑшчашу́, рябя́ты (постоянно), нябо́ѕ, ляжу́, но: лижа́т, биз го́ду, ни зна́ю.

Алексѣйково, Клинск. у. Спасъ-Ну́дальской вол.: зъпряжо́ны, но: ни зна́ю и пр.

Дер. Попо́вка, Клинск. у., Спасъ-Ну́дальской вол.

---

[1]) ӓ — звукъ, болѣе открытый, чѣмъ е^{2}. Обыкновенныя *е* открытое и закрытое въ предударномъ слогѣ вообще не встрѣчаются.

(10 верстъ къ сѣв. отъ Парф.): пъва́жа́л, лӑю́жьчки, ти-пято́к, карто́шьчки, нӑ зна́ю, но: эизе́ц.

Хохла́тчина или Укра́инскія Слобо́дки, Клинск. у., Спасъ-Нудальск. вол. (около Поповки). Жители ея лѣтъ 40—50 тому назадъ переселены сюда изъ Малороссіи. Теперь по-млр. говорятъ почти только старики, но и въ говорѣ молодёжи сохранились малорусскія слова (напр.: моторный, нехай и др.) и гортанный характеръ произношенія.

Въ дер. Тили́хтинѣ, Клинск. у., Спасъ-Нудальской вол., Поджи́городскаго прихода, въ 8 в. къ сѣв.-вост. отъ Парфёнокъ ($1^1/_2$ в. отъ Ака́товскаго дѣвичья монастыря), заселенной экономическими крестьянами, жители окаютъ.

Стр. 182 (30), послѣ стрк. 2 добав.: *ʼа (я)* вмѣсто *и* въ одной пѣснѣ въ словѣ биз вяны́ и въ одной шуточной дѣтской частушкѣ: нӑ пяру́: „хто не́ бӑл нӑ пяру́, съмаво́ аддяру́". Но въ остальныхъ случаяхъ въ словѣ пир *и* сохраняется какъ подъ удареніемъ, такъ и безъ него. Для этого слова можно указать на имен. пер въ нѣкоторыхъ сѣв.-влкр. говорахъ (Колосовъ, Обзор, 117 со ссылкой на Онежскія былины Гильфердинга; Матеріалы, 30, Олон. Петрозав.).

стрк. 4. Между двумя w въ предударномъ слогѣ можетъ слышаться *о* открытое или *а̊*.

стрк. 11 снизу, добав.: Ива́н Бъγусло́ф.

стрк. послѣдн., добав.: брўсле́ты=браслеты. Здѣсь *у*, можетъ быть, нефонетич.

183 (31), стрк. 18, добав.; су́се́т.

Въ концѣ этого отдѣла добавить:

а вм. *у*. страга́дт и струга́дт при существит. стру́к, струга́. Въ этихъ словахъ *а* и *у* изъ старыхъ *ъ* и *у;* вѣроятно, страга́дт — нефонетич. при inf. страга́т (= старому, обще-слав. стрътати, ср. србск. стргати, старорусск. строгати) по аналогіи со струга́дт при струга́т (=о.-сл. стругати, ср. србск. стругати).

туб*а*ре́ткӑ, к*а*бушкӑ.

ѣ вмѣсто *а:* прѣмыка̑іт (=промакаетъ; мы ошибочно пишемъ: промокаетъ, внося сюда *о* изъ слабаго вида корня). Здѣсь *ѣ* нефонетич. по аналогіи со словами, имѣющими въ слабомъ видѣ корня *о* изъ стараго *ъ* и въ сильномъ — *ѣ*, нпр. сохнуть — засыхать и т. п.

184 (32), стрк. послѣдн. и слѣдд. Кажется, вѣрнѣе будетъ признать, что въ разбираемомъ говорѣ гласныя *а* и *е (о)* въ концѣ словъ въ положеніи послѣ мягкой согласной, кромѣ ј (или і̯), фонетически переходятъ въ *и* глухое открытое. Поэтому: да́јти, идо́ти, мища́ни, бо́ли изъ о.-русск. дат̑ӓ, идет̑ӓ и пр. Въ тѣхъ влкр. говорахъ, гдѣ изъ *е* въ концѣ словъ имѣется *а*, говорятъ: да́јтя, идо́тя, мища́ня, пабо́ля и т. д. Въ такомъ случаѣ, въ такихъ словахъ, какъ по́ля, мо́ря, въ нашемъ говорѣ *а* нефонетич., а по аналогіи съ параллельными формами именъ средн. рода съ основой на твердую согласную (и на ј, і̯?), какъ наприм. се́нӑ, салӑ и т. д., а болѣе открытое произношеніе этого *а*, чѣмъ въ се́нӑ, вызвано уже фонетическими причинами.

184—185 (32—33) *а* вполнѣ ясное послѣ твердыхъ согласныхъ изъ старыхъ *а*, *о* въ концѣ словъ встрѣчается рѣдко, подъ вліяніемъ реторическихъ условій, преимущественно на концѣ фразы, рѣже въ серединѣ ея во всякихъ словахъ. Чаще всего чистое *а* на концѣ словъ слышится въ коротенькихъ вопросныхъ и отвѣтныхъ фразахъ, состоящихъ изъ двухъ-трехъ словъ.

Стр. 186 (34), стрк. 5, добав.: изъ бе́лах ру́к.

Стр. 187 (35), стрк. 8 снизу, добав: „взы́скаваит“.

Къ стр. 186—188 (34—36). Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что звуки, которые у меня изображаются буквами *ъ* и ъ, слабѣе другихъ неударяемыхъ звуковъ. Слабость ихъ состоитъ не только въ глухомъ (полушопотномъ) [1]) произношеніи, но и въ томъ, что они короче

---

[1]) Названіемъ „глухой гласный звукъ“ я обозначаю, впрочемъ, не только шопотное произношеніе, но и другія качества, придающія звуку характеръ неопредѣленности, неясности.

другихъ неударяемыхъ гласныхъ. Степень шопотности и количество такихъ звуковъ неодинаковы и зависятъ, между прочимъ, отъ положенія ихъ относительно ударенія и отъ качества сосѣднихъ звуковъ; такъ что въ нѣкоторыхъ сочетаніяхъ съ шипящими и съ плавными глухіе гласные бываютъ короче такихъ шипящихъ и плавныхъ и могутъ терять слоговой характеръ.

Стр. 190 (38), стрк. 2—1 снизу. мя́кушкӑ при мя́кйш позволяетъ думать, что смѣшеніе суфф. *-ушк-* и *-ышк-* началось еще до окончательнаго перехода сочетаній *кы*, *гы*, *хы* въ *ки*, *ги*, *хи*. Съ этимъ переходомъ ср. переходъ *-ыш-* въ *-уш-* въ косв. падд. отъ чалы́ш. Подъ удареніемъ -ы́шк- сохраняется, ср. маклы́шкӑ.

Стр. 191 (39), стрк. 5—4 снизу, начиная со слова „вы́гнут̊ слѣдуетъ выдѣлить въ особый абзацъ.

стрк. 3 снизу, добав.: чи́жёк (съ *е* глухимъ) — въ дѣтской частушкѣ.

195 (43), стрк. 18, добав.: глы́пка̀ при глубо́кӑ или глыбо́кӑ. Здѣсь суфф. *-ок-* замѣненъ болѣе употребительнымъ суфф. *-ък-*.

стрк. 11 снизу, добав.: ще́бьля̆ (род. отъ ще́бьл̊ = литерат. щебень); ӑтпяру́, стяру́, тяру́, нпр. „тири́ Кат̊к та́м“ (т. е. три...), при infin. тирé̊т, ӑтпирé̊т и пр. Эти формы, между прочимъ, очень распространены какъ въ сѣв.-влкр., такъ и въ ю.-влкр., но встрѣчается и обратное явленіе. Ср. въ Рязан. infin. вы́тре̇ть — Будде, Къ діал., 47.

195, стрк. 2 вн. — 196—стрк. 8 вн. (43—44). См. ниже, въ Морфол. (о глагольныхъ основахъ).

196, стрк. 6 снизу. Въ глану́т̊ отмѣт. отсутствіе *т*; вѣроятно, ф. безъ *т* древнѣе, чѣмъ литератур. глотнуть, гдѣ *т* возстановлено изъ другихъ формъ. Въ такомъ случаѣ, въ прачхну́ццъ, прачкну́т̊ звуки *х* и *ч*, быть можетъ, возстановлены, хотя и давно, а не сохранены.

198 (46), стрк. 13—22, добав.: влада́т̊, плато́к, пре́жди (ср. древнерусское переже, нынѣшн. Венёв. пере́ш).

стрк. 9—4 снизу. Добав.: по́лъмя̆ и др.

Стр. 200—201 (48—49). Объ словѣ ишо́л. Второе изъ приведенныхъ мною объясненій принадлежитъ, кажется, Даничичу (Rad, VI, 65) и раздѣляется Р. Ѳ. Брандтомъ (см. Миклош., Сравн. Морфол., перев. Н. Шлякова, стр. 311) и др. Миклошичъ самъ думаетъ, что *и* здѣсь изъ пришьлъ, что мало вѣроятно. Быть можетъ, употребленіе формы ишьлъ въ значеніи=шьлъ восходитъ даже къ діалектамъ общеслав. языка, ср. кромѣ србск. и польск. малор. ішо́ў, словен. išel и išal, чешск. (словацк.?) išel (у Миклош. со ссылкой на Sušil. Moravské národní pisně. Обыкнов. просто šel), верхнелужицк. zajšoł при šoł.

Мои замѣчанія по поводу гипотезы акад. А. И. Соболевскаго (ишол = из+шьлъ, раздѣляемой также акад. Ф. Ѳ. Фортунатовымъ) невѣрны. Общеслав. ишьлъ = из+шьлъ имѣло удареніе, вѣроятно, на корнѣ. Но предложная приставка *из* вносила въ глаголъ значеніе совершеннаго вида и, кромѣ, еще два свойственныхъ ей значенія (одно изъ этихъ значеній сохранилось въ южнослав. язз., а другое, между прочимъ, — въ русскомъ языкѣ).

201 (49), послѣдн. абзацъ. Отсутствіе *и* въ ми̊ни̊ни̊к и *в* въ сложныхъ съ предлогомъ в(ъ)з, вѣроятно, — въ связи съ общеслав. подвижностью *и* и *въ* въ основахъ имен-, игра- и др. и въ предлогѣ въз.

202 (50), стрк. 6 снизу. „но“, чит. „н̊о“.

203 (51), пунктъ 6. Прибав. примѣры: н̊и за́м ана стайт; кън тибя̊ ръзарва́лӑ.

204 (52), стрк. 5 сл. Приведу нѣсколько примѣровъ изъ сказокъ: нахо́тникъ, Гри́шапя́т, толкадну́, зака́зий (=за оказія), пади́н лицо́, с̑те́рвана́, вы́шьлана́.

На *ъ*+*у* прим.: я услыха́лутибя (=я услыхала у тебя).

стрк. 9 снизу, добав. Впрочемъ, также: ня̄дда́ш-ли (*а* послѣ н̊ долгое).

205 (53), стрк. 1, исправ.: вы́мюфсе́х

стрк. 6: „по сваму́“, чит. „п̊ъ сваму́“.

206 (54), стрк. 15, поправ. ана̊пят̊

207 (55), абзацъ 3. Прибав.: при ит̊ (приј̊тит̊ и

приттит); выгънтијо (хотя здѣсь, быть можетъ, изъ выгънт ијо). Рѣдко въ такихъ случаяхъ й: Госпъдисуси.

208 (56), стрк. 13, добав. примм.: толкъщь пашу, wзашол в этузбушку.

209 (57), стрк. 6—11. Винит. третю, быть можетъ, изъ третју, но можетъ быть также безчленной формой.

стрк. 13, добав.: пајдош, мы пајдом. Отсюда видно, что выпаденіе ј въ падомти и т. п. обусловливается не только мягкостью д, но и особымъ положеніемъ формъ повел. наклоненія въ рѣчи, хотя, конечно, мягкость согласной способствуетъ этому выпаденію.

210 (58), стрк. 4. Вмѣсто „Тамб. Шацк.“ слѣдуетъ читать „Ряз. Ряз.“

стрк. 10 снизу, добав.: Ливонъвă.

211 (59), стрк. 20. Вмѣсто „группой зубныхъ“ слѣдуетъ читать: „группой согласныхъ, начинающейся съ зубной, преимущ. *зг*, *зд*, *зм* и т. п.

21—22, добав.: па wногу (=по многу).

24, добав.: згнуздат или змуздаг.

25. Вмѣсто „девушк“ слѣдуетъ читать „девушки“.

Стр. 210—11 (58—59). Къ пункт. 2 и 3 добав.: Въ словѣ вербъвъј=гербовый, звукъ *в* вмѣсто *г* не аналогиченъ съ *в* въ кърavот и въ род. пад. муж. р. ед. ч. мѣстоим. склоненія, а явился, вѣроятно, нефонетически по аналогіи съ „вербъвъј“=вербовый (вѣрнѣе, вербный).

214 (62), стрк. 13—14. Отъ порося род. ед., конечно, былъ поросяте. Можно предполагать развѣ только родство прусен съ основой поросен-, являющейся въ словѣ поросёнок. Съ другой стороны, по аналогіи съ другими словами, какими призываютъ животныхъ, здѣсь скорѣе всего слѣдуетъ видѣть звуковое подражаніе телячьему мычанью.

„прупрунда“ слѣд. читать: „пру, прунда“.

МОРФОЛОГІЯ.

А. Склоненіе и спряженіе.

I. СКЛОНЕНІЕ.

Имена муж. рода съ основой на о.-слав.

ъ/о, ь/е и ъ/у.

Род. и мѣ. ед. на -у. Формы род. и мѣ. на *-у* стоятъ въ зависимости одна отъ другой, хотя встрѣчаются не въ однихъ и тѣхъ же случаяхъ. Эти формы не образуются отъ названій отдѣльныхъ лицъ и животныхъ и, слѣдовательно, образуются только отъ nom. abstracta и concreta, обозначающихъ неодушевленные предметы или собирательные. Въ этомъ, между прочимъ, отличіе средневлкр. говоровъ отъ нѣкоторыхъ ю.-влкр., гдѣ встрѣчаются такія формы, какъ: ат жыниху (Караулов. Говор палѣх Жиздрин. у. Р. Ф. В., т. 43), при отцу, на Василью Ильичу (Чернышёвъ, Мещовск. 93) и др. Но при этомъ одни слова имѣютъ род. на *-у* при мѣ. на *-ѣ*, другія — мѣ. на -ý при род. на *-а* (хотя бо́льшая часть словъ, имѣющихъ мѣ. на -ý, имѣетъ и род. на *-у*). Поэтому я разсматриваю обѣ формы отдѣльно.

Род. на -у: 1. Отъ словъ, обозначающихъ дѣлимое вещество, пространство, количество и т. п. и отъ словъ

собирательныхъ, независимо отъ качества (твердости или мягкости) послѣдней согласной основы и независимо отъ мѣста ударенія, особенно въ значеніи родит. раздѣлит.

Примм. са́хъру, со́лъду, тво́ръгу, во́ску, ве́су, до́лгу, ды́му, ква́су, по́ръху, тава́ру, ве́тру [1]) и мн. др.

ча́ю, ко́фию, хме́лю, у́глю, ка́мню (преимущ. въ собират. смыслѣ, рѣже въ мѣстн. знач.: у ка́мню и у камня̆).

ъ̑ду́ [2]), иъ̑ну́ или ъ̑ну́, щьвьлю́, пяску́, биз агню́, агню́, ъгаӈку́ и др.;

отъ собирательныхъ, обозначающихъ собраніе людей: лю́ду, наро́ду, ми́ру (с ми́ру, но у ми́рӑ?), и даже: палку́ (и палка́).

Но отъ аво́с—афса́; отъ хле́п—хле́бӑ. Такимъ образомъ, правило проведено не вполнѣ послѣдовательно.

2. Отъ односложныхъ словъ, обозначающихъ nomina abstracta или неодушевленные предметы, имѣющихъ удареніе въ падежныхъ формахъ ед. ч. (кромѣ мѣ. на -у́) на основѣ, кажется, независимо отъ качества послѣдней согласной основы [3]). Отъ нѣкоторыхъ изъ этихъ словъ встрѣчается и родит. на -ӑ [4]).

Изъ словъ съ основой на мягкую примм.: кра́ю, ла́ю, ра́ю, ро́ю и т. п. Слова: ча́ю, хме́лю и пр. имѣютъ род. на -*у* уже по первому правилу.

Отъ двусложныхъ и многосложныхъ словъ род. на -*у* рѣже; между прочимъ, употребляется отъ словъ, имѣю-

---

[1]) Въ свад. велич. пѣ. даже: биз вятру́, гдѣ у́, быть можетъ, перенесено изъ мѣстн. въ зависимости отъ предлога.

[2]) Въ одной плясовой припѣвкѣ сохранилась старая форма род. пад. отъ этого слова: ъ̑о́ду. См. выше, т. 44, стр. 195 (отд. отт. 43).

[3]) Перечислю нѣсколько употребительныхъ род. на -*у*: с̑ ви́ду, во́зу ни бу́дьт, с во́зу, ве́ку (до́ вику), биз гла́зу, бе́з гъду и биз го́ду, з ди́ву, и́з дъму, ис кру́гу, до́ льсу и да ле́су, и́з нъсу, и́спълу, о́т пълу, о́т ръду, но и: ӑт ради́, из за са́ду, до́ с̑виту, со́ с̑виту, сле́ду не́т и мн. др.

[4]) Наприм. у ду́бӑ, о́къъ̑ дубӑ, ис-пад ду́бӑ, но и: о́къъ̑ ду́бу. вра́гӑ, хле́бӑ и др.

щихъ удареніе на послѣднемъ слогѣ основы: расхо́ду, дахо́ду, ръзгаво́ру, Ру́зъскъw уjе́зду, приjе́зду, саве́ту, приве́ту, дл̆я фсякӑвӑ случа́ю (пѣ.) и др., главнымъ образомъ въ значеніи род. раздѣл. или съ предлогами для обозначенія мѣста и времени, но также и въ другихъ значеніяхъ. Сюда же можно отнести такое выраженіе, какъ: и́зъ дн*ю* в де̑н, но подъ удареніемъ — дня́.

3. Не подходитъ подъ эти правила „упралупку" (Миш. Байк.). Другихъ подобныхъ случаевъ род. на -у́ отъ словъ съ удареніемъ на падежныхъ окончаніяхъ, если эти слова не собирательныя и не обозначаютъ количества, пространства, протяженія времени, вещества и пр., я не встрѣчалъ. Всегда: сатка́, палка́, бйришка́ (у б—ка́), канца́, рисца́ и др.

лба́, у́ ртӑ, сна́...; о́къл̑ э́тъў пня́, гры́ба́, жаха́, кала́, куста́, рубля́, стала́ (отъ: сто́л; слово: сту́лӑ — средн. р.), халста́, шаста́, куля́ и т. д.

Отъ двусложныхъ словъ, имѣющихъ и въ род. два слога съ удар. на основѣ, род. обыкновенно на *-а:* ко́рня̆.

Род. на *-у* въ указанныхъ положеніяхъ—очень древній. Въ русскихъ памятникахъ онъ попадается отъ основъ на ъ/о уже съ XI в. Въ другихъ славянскихъ языкахъ употребленіе его сходно. Въ словинскомъ род. на *-ú* — отъ односложныхъ словъ, притомъ кромѣ sinu и tatú въ остальныхъ случаяхъ — отъ словъ, обозначающихъ неодушевленные предметы. Въ польск. и чешск. — преимущественно отъ словъ, обозначающихъ неодушевленные предметы. Повидимому, тенденція распространить род. на *-у* на односложныя (такъ какъ *ъ* въ концѣ словъ еще въ о.-сл. = ъ̥) слова, обозначающія неодушевленные предметы (или, по крайней мѣрѣ, не лица), идетъ еще изъ діалектовъ общеслав. яз. Эта тенденція обусловливалась отчасти тѣмъ, что въ общеслав. слова съ основой на ъ/у всѣ были односложныя.

Мѣстный на -у́ образуется только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ этотъ падежъ сохраняетъ значеніе мѣстнаго въ тѣсномъ смыслѣ слова, такъ что, наприм., съ предлогомъ

об форма мѣстнаго на -у́ обыкновенно не встрѣчается. Она употребляется:

1. Отъ односложныхъ словъ, имѣющихъ въ род. и дат. ед. -*у* съ удареніемъ на основѣ.

Примѣры: нъ вазу́, на те́м ѕ҄вяту́, ф квасу́ и мн. др. чью́, на те́м краю́, ф хмилю́...

Сюда же можно отнести и: нъ вятру́, ср. род. ве́тру; хотя въ имен. ед. это слово является тоже двусложнымъ, но нѣкогда звучало: вѣтръ.

Отъ нѣкоторыхъ изъ такихъ словъ встрѣчается и мѣстн. на -*ѣ*, наприм.: в даму́ и в до́ми, в раду́, но ф тако́м ро́ди (съ немѣстн. значен.), ва фся́към ра́зи (тоже), ф хле́би, ва вра́ги (см. ниже) [1]. Нѣсколько странны по ударенію: ф к л и в е́ и н ъ д у б е́ (ск.), вмѣсто ожидаемыхъ: ф кле́ви, на ду́би. Здѣсь, по всей вѣроятности, удареніе взято изъ другой употребительной формы мѣстн.: н ъ д у б у́, ф к л и в у́.

2. Отъ словъ (какъ односложныхъ, такъ и неодносложныхъ), имѣющихъ въ род. пад. ед. -у́, наприм.: на і҄ду́, ва і҄ну́, нъ пяску́ (и: нъ пяске́), в агню́ (и: в агне́), нъ прълупку́, ф палку́. Такихъ словъ немного; большая часть словъ съ удареніемъ въ косвен. падд. на флексіи имѣетъ род. -а́, мѣ. -е́: в гаршке́, нъ пъталке́, нъ шасᵀке́ и проч.

3. Отъ нѣсколькихъ односложныхъ и двусложныхъ словъ при родит. не на -у́: ва лбу́, в рату́ (не было ли старыхъ формъ лѣ́бу или ло́бу, ръ́ту?), каᵖню́ (лошадь „ф каᵖню́", хлѣбъ или лѣсъ „нъ каᵖню́"), в углу́ (рѣже: в угле́; род. угла́, быть можетъ, вмѣсто древняго: у́гъл, у́гъла), лактю́, нахтю́, нъ калу́, на дню́ и, быть можетъ, нѣкоторыя другія, но: ва ѕ҄не́, на пне́, куле́ и пр.

4. Слова съ двусложной основой, представляющей полногласную форму, имѣютъ тѣ же чередованія ударенія въ падежныхъ формахъ, что́ и слова съ односложны-

---

[1]) Въ пѣ. также: как ва са́ди са̊лаве́ј.

ми основами, и потому должны бы образовать формы аналогично съ ними. Поэтому бе́рьк, род. бе́рьгу, мѣ. бирягу́; тво́рък, род. тво́ръгу, мѣ. твърагу́; кажется, такъ же образуются род. и мѣ. отъ слова во́ръх. Отъ слова чиро̑т (дат. чир^я/иду́) мѣ. чир^я/иду́. Отъ словъ ве́рьт, во́рът и жо́лъп мѣ. мнѣ не встрѣчался. Отъ остальныхъ: во́лос, го́лос, го́род, ко́роб(п), мо́лот, по́рох, со́лод; моро́з, огоро́х, поро́г, поро́м и др. мѣстный образуется только на *-ѣ*. Отъ слова те́рйм или тиро̑м, употребляющагося только въ пѣ., мѣстн.: ф те́рими или ф тиряму́.

5. Отъ сложныхъ словъ (кромѣ тѣхъ, которыя имѣютъ и род. на -у́) мнѣ извѣстенъ мѣстн. на -у́ только въ двухъ словахъ: нъ пъваду́, отъ слова по́вът, род. по́въду и ф пълагу́, отъ по́лък, род. по́лъгу. Здѣсь, вѣроятно, дѣйствовала аналогія съ полногласными словами въ родѣ бе́рьк и тво́рък.

Отъ остальныхъ сложныхъ словъ употребляется обыкновенно только мѣстн. на *-ѣ*. Наприм.: ѕје́ст—на ѕје̑зди; схо́т, род. схо́ду, мѣ. на схо́ди (при неслож. хаду́), также: ује̑зди, прије̑зди, саве́ти и пр. Слово вра́к (= оврагъ) склоняется, какъ сложное: вра́гӑ, ва вра́ги.

Слово суд является съ двоякимъ удареніемъ и сообразно съ этимъ имѣетъ двоякія формы: су́т, су́ду не́т, дат. су́ду (въ пѣ.: ты миня̑ згуби́лӑ, к су́ду придала́), мѣ. нъ суду́; кажется, есть и твор. су́дъм. Съ другой стороны: су́т, суда́ (би́с суда́ и пр.), дат. суду́, мѣ. нъ суде́, твор. судо́м, вин. съ предлогомъ: на су́т, пац су́т (ср. на́ пъл, по́т пъл)

Распространеніе формы мѣстн. ед. на *-у* на склоненіе основъ на ъ/о началось еще, быть можетъ, въ общеслав. яз., но въ какомъ направленіи оно шло, сказать трудно, потому что въ нынѣшнихъ славв. язз. условія, при которыхъ встрѣчаются мѣстн. на *-у* и мѣ. на *-ѣ*, неодинаковы. Въ памятникахъ русскаго языка XII—XIII в., судя по примѣрамъ, приводимымъ акад. Соболевскимъ въ Лекціяхъ, мѣстн. на *-у* употреблялся преимущественно отъ словъ со старой основой на ъ/у, т. е. правильно

(впрочемъ и отъ этихъ словъ уже въ памятникахъ XI—XII в. мѣстн. часто на *-ѣ*). Потомъ въ нѣкоторыхъ памятникахъ эта ф. мѣстн. встрѣчается очень часто, какъ отъ именъ неодушевленныхъ предметовъ, такъ и отъ именъ одушевленныхъ предметовъ, главнымъ образомъ послѣ гортанной, какъ и теперь въ малорусскомъ. Въ ю.-влкр. говорахъ мѣстн. на *-у* нерѣдокъ и тоже не зависитъ отъ тѣхъ условій, при какихъ онъ является въ средневлкр. (и сѣв.-влкр.?). Въ нынѣшнихъ средневеликор. говорахъ эта форма бываетъ только подъ удареніемъ и не отъ именъ одушевленныхъ предметовъ, притомъ преимущественно отъ односложныхъ словъ. Имѣя въ виду, что слова съ основой на ъ/у въ общеслав. были односложныя и въ мѣстн. пад. един., вѣроятно, имѣли удареніе на концѣ, можно думать, что въ этомъ отношеніи средневлкр. говоры архаичнѣе тѣхъ ю.-влкр., въ которыхъ мѣстн. на *-у* отъ неодносложныхъ словъ нерѣдокъ и притомъ можетъ не имѣть на себѣ ударенія.

Зват. форма этого склоненія замѣтныхъ отличій отъ формы имен. не представляетъ (развѣ только по качеству ударенія). Зват. Бо́жă рѣдокъ и иногда понимается, какъ именительный. Въ пѣ. „Зачѣмъ ты, безумная, губишь" вмѣсто „Богъ-же съ тобой" поютъ: „Бо́жă с табо́ј". Встрѣчается также зват. γо́спъди, γо́спъди Ису́сй.

Двойств. Съ числит. два, три и четыре говорятъ: два рида́, два вала́ и т. д., но кромѣ этихъ двухъ словъ форма существ. при тѣхъ же числительныхъ всегда совпадаетъ по ударенію съ формой род. един. на *-а:* два во́зă (множ. ваза́), два го́дă, три до́мă и пр. Отъ слова ра́с (разъ) при всѣхъ числит. употребляется форма род. множ. (=имен. ед.) ра́с: два ра́с, три ра́с, какъ: пя̆т ра́с, но также и: два́ ра́зă, три ра́зă (а въ одной вьюношной пѣ.: два раза́). Вѣроятно, остатокъ стараго имен. двойств. представляетъ слово рукава́, быть можетъ, также: бирягá, бака́, глаза́, жърнава́, ăкърака́, рага́. По мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, именит. множ. именъ муж. рода на -а́ и въ другихъ случаяхъ восходитъ къ старому имен. двойств.

Правильнѣе здѣсь видѣть результатъ разныхъ аналогій. Слѣдуетъ замѣтить, что форма на -á съ числит. совпадаетъ съ формой имен. множ. только въ одномъ словѣ рукавá, потому-что отъ словъ ряд, вал имен. множ. риды́, валы́.

два рубля́, рѣже: два рубли́; двá дни, три́ дни и: два дня́, три дня́.

Множеств. число. Имен. на -á образуется въ общемъ отъ тѣхъ же словъ, какъ и въ литературномъ [1]). См. у Миклош., въ перев. Н. Шлякова и Р. Брандта, 409—410, у Ягича, Критич. зам. по ист. рус. яз., 115.

Къ перечисленнымъ внизу примѣрамъ добавлю. Отъ жóрнъф кромѣ обычнаго жърнавá въ одной сказкѣ записано: жóрны; род. отъ титиривá на -óф; отъ словъ бóръф, бурáф, вéрьт, вéк, кýзъф, мóт, стрýк, фли́гър, клéф имен. множ. мнѣ неизвѣстенъ. При пъисá отмѣчу паáси, -иј — соломенные жгуты (свя́сла на южновеликор. нарѣчіи) для увязыванья сноповъ. Отъ снéк имен. множ. только въ пѣ. снéги бéлы или снигú. Отъ твéт имен. множ. твяты́.

Изъ всѣхъ словъ, имѣющихъ въ именит. множ. -á, только рукавá имѣетъ то же удареніе въ един.; остальныя въ един. (кромѣ мѣстн. на -ý) имѣютъ удареніе на основѣ. Это — одно изъ условій образованія имен. множ. на -á. Но чѣмъ объясняется, что слова съ одинаковыми

---

[1]) бирягá, бакá, вичарá, в а з á, въласá и вóлъсы, върахá, глазá, гадá, гъласá, гърадá, грабá, дамá, дъхтарá, жълабá, жърнавá, ж а х á и ж а х и́, к л и в я р á, к ъ н д а л á (пѣ.), кълкалá, к у н п а л á, кучарá, лугá, лясá, мъстярá, н и к р у т á, ӑбразá, ӑкъракá, пъварá, пъгрябá, пътрахá, пъисá (и паяси), пъяздá, приставá, п у т á и п у т ј á, рагá, р а з á, рукавá, с т ъ л я р á, стъражá, тиримá, титиривá, търмазá, ф и р ш а л á, хлябá и хлéбы, хъладá, јистрибá.

краяя́, виксиля́, с т и б и л я́... но: чий́, слýчьи пр.

л ъ г а р я́ и л ъ г а р и́, п и с а р я́ и п и с а р и́, ј и г а р я́ (=егери), но: гъсудари́, судари́, (къпари́, сухари́...) и пр.

учитиля́..., но: риндáтили.

фонетическими и другими условіями образуютъ именит. множ. различно, выяснить трудно. Можно замѣтить, что этотъ имен. встрѣчается главнымъ образомъ отъ именъ съ непроизводными основами и отъ нѣкоторыхъ именъ съ суфф. ар (яр, быть можетъ, ер), ар̊, ал (ол), ел̊ и отъ иностранныхъ словъ со сходными окончаніями (т. е. по аналогіи съ учитиля́, с̊тибиля́, также виксиля́; писаря́— лъгаря́, јигаря́; стъляра́ — мъс̊тяра́ и пр.) [1]). Отъ слова рукав сохранилось старое двойств.; кажется, и другія слова на -ав и -ов образуютъ имен. множ. на -а́.

Перечислю нѣкоторые имен. множ. на *-ы* и *-и:* валы́, вясы́, далги́, дубы́, духи́, круги́, насы́, палы́, ряды́, сады́, сляды́, т̊вяты́, тарги́; ко́р̊ни, ка́мни и пр. Понятно: лъскуты́, л̊ны́, афсы́, халсты́ и пр. по общему правилу.

Множ. на -ја извѣстно въ тѣхъ же случаяхъ, какъ и въ литературномъ. Отмѣчу только пут̊ја́ при пута́ и друз̊ја́, какъ въ литерат., вмѣсто дружја́. Наоборотъ, лӑскуты́ въ плясовой припѣвкѣ: „...Атхади́ти лӑскуты́, к нам приду̊т ар̊ти́сты“, при ласку́т̊ји не о людяхъ.

Множ. на *-и:* сасе́ди, че́р̊ти, пая́си, родит.: сасе́д̊иј, чир̊те́ј, пая́сиј и т. д. — мягкость послѣдней согласной основы проведена по всѣмъ падд. множ. Въ пѣснѣ (частушечной): тӑрака́н*и*.

Существ. съ суфф. *-ин-*, обозначающимъ единичный предметъ, въ единств. числѣ, образуютъ множеств. не отъ этой основы, а отъ той основы, къ которой былъ присоединенъ суфф. *-ин*, какъ и въ литературномъ. Такъ, отъ мищини́н, хрис̊јанин, бая́рин, тата́рин множ. мища́н*и* (у Миши Байкова: месщане), хрис̊ја́н*ы*, бая́р*ы* (ср. у Миши Байкова: бояры), тата́р*ы*. Отъ хазя́ин множ. хазя́йва. Вмѣсто балга́рин говорятъ въ един. балга́р (между прочимъ, Балга́р—прозвище одного мальчика). Къ слову ба́-

---

[1]) Различіе въ образованіи имен. множ. между писаря́ и къпари́ вызывается тѣмъ, что въ послѣднемъ удареніе въ ед. числѣ — на окончаніи.

рин множ. служитъ γъспада́ или гъспада́, родит. гаспо́т (един. γъспади́н рѣдко).

Слова женск. р. съ тѣмъ же суфф. (нпр. я́гъдинӑ, ка̑нфе́тинӑ и т. п.) могутъ образовать множ. и отъ той же основы (я́гъдины̆, ка̑нфе́тины и пр. при я́гъды, ка̑нфе́ты).

Имена на -ͻ́нък имѣютъ во множ. -ͻ́ты: тиͻ́нък — тиля́ты и пр., гълуͻ́нък — гълубя́тки и т. п. Конечно, это — множ. къ утраченному един.: теля́, порося́, голубя́ и т. п. См. ниже.

Отъ щиͻ́нъчьк, щиͻ́нък множ.: щиня́тъчки, щиня́ты. При щино́к соотвѣтств. множ. отъ основы щѧт- нѣтъ. При множ. чиртиня́ты, -я́тъчки един. только: чирͻ́нък.

Къ слову раͻ́нък или риͻ́нък множ. можетъ служить: де́ти, ръвито́нки и т. п., а множ. рибя́ты обозначаетъ взрослую холостёжь и по значенію является множ. къ слову па́ри̑н, род. па́рня̆ (множ. па́рни не употребляется).

Отъ слова апо́нък, родит. апо́нкӑ, множ. апя́ты и аͻ́нки.

По аналогіи со словами на -ͻ́нък образуется множ. отъ шпито́нък (=вспитомокъ), род. муж. и имен. жен. р. шпито́нкӑ, — шпита́ты.

Встрѣчаются и образованія отъ словъ на -ͻ́нък по общему правилу: жыриͻ́нти — жыриͻ́нкъф, цыпͻ́нки, щинки́ и пр., также аͻ́нки, аͻ́нкъф. Ср. множ. ривиͻ́нки, въласͻ́нки, глаͻ́нки и пр.

Родит. множ. — на -о́ф, рѣже = имен. ед.: сапо́к и съпаго́ф, чуло́к и чулко́ф и пр., вало́с („для́ я ијо̀ вало́с нърасти́ла“), гла́с (биз гла́с и пр.), з у́ п не́т (у грабель, у человѣка) и зубо́ф, также р а́ с: пя́т ра́с, но не съ числит. и т. п.: р а з о́ ф. Отъ го́т, множ. гада́, род. гадо́ф (=лѣтъ, ср. сказки). Тѣ же родит. сохранились и въ ю.-влкр. говорахъ, несмотря на то, что тамъ род. на -овъ пріобрѣлъ большое распространеніе.

Отъ словъ съ основой на мягкую согласную родит. множ. — на -еј, ͻф и -јоф. Постоянно род. на -јоф отъ

словъ, оканчивающихся въ имен. един. на ј съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ: крајо́ф, чьјо́ф, сълавјо́ф, върабјо́ф, сара́иф и т. п. Далѣе отмѣчу сынавјо́ф (Миша Байковъ пишетъ: сыновьевъ — ск. про Копченаго), путјо́ф, зитјо́ф, братјо́ф, у́гълјьф, каме́нјьф, каре́нјьф и пр.

рубле́ј и рублŏф. М. Байковъ всегда пишетъ: рублей.

Но обычно: камне́ј, карне́ј, лакте́ј, гасте́ј и пр.

гăраде́ј — въ новогодной (подблюдной) пѣ.: „сиди́т вăрабе́ј нă пити̇̀ гăраде́ј". Это — не мѣстный, а родит. въ зависимости отъ числит. пять. Такое согласованіе разговорному языку не свойственно, да и самая форма гăраде́ј въ разговорномъ языкѣ неизвѣстна.

Винит. множ. и двойств. отъ именъ животныхъ муж. и женск. рода иногда = имен.: загна́л два върабја́, купи́л три̇̀ кабы́лы, две́ ло́шъди или дву́х лъшъде́ј.

Остальные падежи оканчиваются на -ам, -ами, -ах.

По этому же склоненію склоняются слова:

1. го́луп, гос̊т', зят, ле́бьт, ло́кът, ло́с (муж. р.), мидве́т, мазо́л, мыш (родит. мыша́), но́γът и нѣкоторыя другія, имѣвшія въ общеслав. основу на ь/и. О словахъ звер, пут, лю́ди см. дальше.

2. ка́мьн, ко́рьн и, отчасти, ден, о которомъ см. ниже.

3. уменьшит. кале́чик вмѣсто и рядомъ съ кале́чкă и т. п., я́блък.

4. можетъ быть, стату́ј, извѣстное мнѣ изъ насмѣшливаго прозвища „папуга́ј ляснóј, стату̀ј гли́нинај"- Ср. у Чернышева, Московск. у., стр. 29.

Слова средняго рода на *-о*, *-е*.

Эти слова въ большей части падежей склоняются такъ же, какъ и слова муж. р. съ тѣмъ отличіемъ, что родит. и мѣстн. един. на *-у* отъ нихъ совсѣмъ или почти не встрѣчаются, а род. множ. часто не имѣетъ окончанія (т. е. кончается на послѣднюю согласную основы), между тѣмъ какъ въ склоненіи словъ муж. р. такая фор-

ма родит. множ. рѣдка. Въ мѣстоименномъ склоненіи совпаденіе между формами муж. и средн. рода еще больше. Благодаря этому, явилось стремленіе еще больше сблизить склоненіе словъ средн. рода со склоненіемъ словъ муж. р., сходство въ остальныхъ падежахъ вызвало появленіе имен.-винит. множ. на *-ъі*, *-и* и родит. множ. на *-ов*, который и въ самихъ именахъ муж. рода по большей части вторичный. Сперва имен. множ. на *-ъі*, *-и* въ словахъ средн. рода явился отъ основъ съ суфф. *-к* (-ък, -ьк и т. п.), а род. множ. на *-ов* — отъ тѣхъ же основъ и, быть можетъ, также отъ нѣкоторыхъ основъ на j. Дальнѣйшее сближеніе склоненій словъ муж. и средн. рода могло привести къ переходу словъ средн. рода въ муж. Дѣйствительно, съ одной стороны мы видимъ такія формы, какъ я́ б л ъ к, к а л е́ ч и к, съ другой, - сохраненіе флексіи имен.-вин. пад. средн. р., но съ прилагат. и мѣстоим. въ муж- родѣ. Такъ, въ Парфёнкахъ говорятъ про яйцо (jицо́), что „он сыро́j"; другіе примѣры: „тво́j кал̑цо́ вы́скъчит", „он нябо́с̑ ве́с̑ по́ль зъwали́л, и у миня́ jѐс̑ jaʷо́" (про навозъ), на своj ме́стӑ, мòj с̑ве́тнъj пла́т̑jь, на̄ди́н лицо́ (и: надно́ лицо́), „свой именной кольцо" (въ сказкѣ, запис. Мишей Байковымъ), „я́ бъ у Ма́шки вес̑ се́нъ ад̑би́лӑ ба", се́нъ ве́с̑ ако́пнътӑ, вѐс̑ лицо́ апцапа́ла. При этомъ сказуемое можетъ быть въ средн. родѣ: аказа́лас мòj кале́чик. Ср. подобныя согласованія у Чернышева, Мещовск., 103—104 и др. [3]). Такое смѣшеніе родовъ, кажется, нельзя ставить въ связь съ аканьемъ.

Наоборотъ, въ тѣсной связи съ аканьемъ стоитъ вин. един. на *-у* отъ нѣкоторыхъ словъ средн. р. съ удареніемъ въ един. числѣ на основѣ, причемъ прилагательныя и мѣстоименія ставятся въ формѣ женск. рода: сваю̀ во́jску, фсю̀ симе́jству, кал̑о́сти ф кал̑о́ску (отъ именит.

---

[1]) Совсѣмъ другого происхожденія средній родъ сказуемаго при подлежащемъ муж. рода въ такомъ выраженіи, какъ „у на́с и каза́к пахо́*жъ* нъ каза́к". Здѣсь — явленіе чисто синтаксическое, восходящее еще къ общеиндоевроп. эпохѣ.

калоска=колёско). Другіе примѣры мнѣ неизвѣстны. Смѣшеніемъ родовъ вызвано такое согласованіе: в адну прикраснъјь времь (ск.). Въ южновеликор. такое смѣшеніе формъ средн. рода съ формами мужск. и женск. родовъ повлекло за собой зачастую совершенное уничтоженіе средн. рода [1]). Въ разбираемомъ говорѣ, какъ и въ другихъ сѣв.-влкр. и средневлкр. средній родъ въ большинствѣ случаевъ сохраняется.

Во множ. — окончаніе -а́ только подъ удареніемъ; не подъ удареніемъ -*ъг*, послѣ мягкихъ и гортанныхъ -*и* и пр.; встрѣчается собирательное множ. на -ја. Отмѣтимъ отъ пличо́ имен.-вин. множ. плича́: плича́ ни прајду́т, нъ плича́ и пр., отъ се́нъ — сяна́ (другіе падежи множ. отъ этого слова не употребляются), отъ де́рьва — дирява́, диэо́ф и дире́вја; отъ пяро́ — іо́рјй, іо́рјйф.

ъг и *и* не подъ удареніемъ въ имен. множ. именъ средн. рода — не фонетич., а по аналогіи съ именами муж. и женск. рода.

Отъ именъ съ суфф. -*к*- (ък, ьк и т. п.) имен. мн. — на *и*, даже подъ удареніемъ, какъ и въ литерат. (сюда не относятся такія слова, какъ аблака́, гдѣ нѣтъ суффикса -к).

Слово нобă (обыкновенно средн., рѣдко женск. рода) во множ.: нибяса́, нивос, впрочемъ, только въ поговор-

---

1) Ср. Чернышевъ, Мещовск., 103—104; Будде, Къ діалект., 103—104; Филатовъ, Ворон., т. 39, § 39. Насколько Будде и Филатовъ правы, трудно сказать. Дѣйствительно ли въ обслѣдованныхъ ими говорахъ слова средн. рода во всѣхъ косв. падежахъ един. сочиняются съ прилагат. и мѣстоим. въ женск. родѣ, или же только въ имен. и вин. падд. един., а въ остальныхъ падежахъ склоняются такъ же, какъ слова муж. рода и потому сочиняются съ прилаг. въ формахъ=формамъ муж. р.? Сколько я знаю изъ своихъ личныхъ наблюденій надъ ю.-влкр. говорами, въ нихъ встрѣчается какъ полный переходъ словъ средн. рода въ женск., такъ и замѣна только нѣкоторыхъ падежныхъ формъ формами склоненія словъ женск. рода. Ср. также примѣры, приводимые Чернышевымъ изъ Мещовскаго говора.

кахъ и загадкахъ: „Ма̂т̂ талста́, до́ч краçна́, сы̂н хит̂о́р, пъд нибяса́ ушо́л“ (печь); „се̂л̂ во̂рз дъ нибо́с, дъ фс̂о̂ ле́съм“, и др., ср. также пѣсни. Въ разговорномъ это множественное не встрѣчается. сло́ва — имен. множ. слава́ и пр.; отъ имен. множ. кал̂о́сы един. кълясо́ и т. д.

Родит. множ. иногда оканчивается на *-ов:* дяло́ф, място́ф, з̂о́рнӑф (ср. новогодн. пѣсню) и з̂о́р̂ьн, я̆блако́ф, я́блъʸкъф, кал̂о́скъф, с̂то́клушкъф, з̂о́рнушкъф и т. д.; отъ именъ съ суффиксомъ -к-, -ышк-, -ушк- и т. п. употребляется исключительно эта форма родит. множ.; точно также отъ основъ, кончающихся во множ. на ј: каре́н̂јьф, дире́в̂јьф, пла́т̂т̂ьф и пла́т̂јьф и т. п. Отъ остальныхъ словъ чаще старая форма родит. множ. Въ южновлкр. родит. множ. на *-ов* распространенъ значительно больше.

Старая форма дат. на -омъ удержалась, какъ и въ литерат., только въ выраженіи пъдяло́м.

Остальные падежи не представляютъ особенностей. Отмѣчу нѣкоторыя отдѣльныя слова:

јицо́, множ. я́ɪ̯цы, род. јии́ц и я́ɪ̯ц, я́ɪ̯цъм и пр.

ухо́, множ. у́ши. Объ остальныхъ падежахъ множ. отъ этого слова — ниже.

Такъ же, какъ остальныя слова средн. рода, склоняются и слова средн. р. на мя̆, образуя только множ. отъ основы па -мен- (да и то не всѣ).

Слова съ основой на -ят- склоняются во множ., какъ и другія имена средн. и женск. рода.

Слова женск. рода на *-а (я).*

Къ этому склоненію принадлежатъ, между прочимъ, и нѣкоторыя слова, принадлежащія въ литерат. къ другимъ склоненіямъ: ве́щя̆, вряда́ (=вредъ), тигрӑ, иногда (рѣдко) плуга́, кажется, халма́, ср. въ пѣ.: „и на вазвышанаи̂ халме“ (Анн. Аким.), и, частью, во́шӑ и ро́ш (въ нѣкоторыхъ падежахъ). Сюда же, быть можетъ, принадлежитъ и слово симе́јствӑ.

Слово гъспадá стало имен. множ. Быть можетъ, такого же происхожденія множ. стъражá; въ такомъ случаѣ въ этомъ словѣ удареніе на концѣ или же удареніе въ словѣ старóжӑ женск. рода вторичное.

Въ звательной формѣ послѣдняя неударяемая гласная отпадаетъ: дéдʼшк, Вáнюшк, Мáш, Кáтк, бáўшк, Натáш, Дуня́х, дя́ј и т. д. Миша Байковъ обыкновенно пишетъ въ имен. пад. един. такихъ словъ *-а*, а въ зват. формѣ *-ъ*, рѣдко *-а*. Примѣры: батюшкъ (нѣсколько разъ; сказка про Капчён.), баткъ (тамъ же), машкъ, мамкъ, ванюшкъ (нѣсколько разъ), но въ имен. ванюшка и др. Въ сказкахъ, записанныхъ мною, иногда гласная въ концѣ словъ въ зват. формѣ слышалась, но рѣдко; изрѣдка встрѣчается именит. пад. безъ гласной на концѣ. Встрѣчается и другая звательная форма (при другихъ условіяхъ и гораздо рѣже) — на *а* чистое растянутое.

Родит. пад. единств. на -ѣ очень употребителенъ, какъ отъ твердыхъ, такъ и отъ мягкихъ основъ, но почти исключительно съ предлогами *у*, óкъл и т. п.: у графéни Паѡлъвнъј или Пáѡлъвни, у Пятрóвни, у вдавé, у чиртé, у ʼПóтри, у тваје́ј жынé и т. п. Въ другихъ случаяхъ, а частью и послѣ этихъ предлоговъ, употребляется родит. на *-ъі*, *-и*, такъ что, можетъ быть, форма род. пад. на *-ѣ* послѣ предлоговъ (означающихъ мѣсто и время) частью сохранилась, частью образовалась вновь по аналогіи съ употребленіемъ формъ на *-ѣ* послѣ другихъ предлоговъ, наприм. послѣ предлоговъ *в*, *к*, *на* (ср. смѣшеніе падежей послѣ предлоговъ въ мѣстоименномъ склоненіи).

Дат. пад. единств. отъ словъ этого склоненія, какъ съ твердыми, такъ и съ мягкими основами, всегда на *ѣ*, т. е. *é* подъ удареніемъ и *и* безъ ударенія.

Въ сѣв.-влкр. и ю.-влкр. говорахъ смѣшеніе родит. и дат. падежей един. ч. словъ женск. рода пошло еще дальше. Сохраненіе стараго родит. на *-ѣ* и дат. на *-и* въ словахъ съ основой на мягкую согласную вызывало въ словахъ съ основой на твердую новообразованія —

род. на *-ѣ* и дат. на *-ы*, и наоборотъ, въ словахъ съ основой на мягкую по аналогіи со словами съ основой на твердую согласную являлись родит. на *-и* и дат. на *-ѣ*. Поэтому, съ одной стороны, встрѣчаются говоры, гдѣ род. един. отъ словъ на *-а (я)* — всегда на *-ѣ*, а дат. — на *-ы*, *-и*. Таковы нѣкоторые сѣв.-влкр. говоры, а изъ ю.-влкр., можетъ быть, Мещовскій (изъ сообщенія Чернышева несомнѣнно только, что въ Мещовскомъ есть родит. на *-ѣ* и дат. на *-ы*). Въ другихъ говорахъ употребляются формы на *-ѣ* и *-ы*, *-и* безразлично для обоихъ падежей (хотя, можетъ быть, и существуетъ различіе въ употребленіи той или другой формы въ зависимости отъ предлоговъ или другихъ условій). Наконецъ, въ большей части говоровъ дат. на *-ы* совсѣмъ неизвѣстенъ, а родит. на *-ѣ* употребляется только при извѣстныхъ условіяхъ.

Въ винит. пад. большая часть словъ съ удареніемъ на падежныхъ окончаніяхъ и съ односложной основой переносятъ удареніе на основу: изба́, и́збу, на́ избу или нъ избу́. Нѣкоторыя слова, какъ слиза́ и др. сохраняютъ и въ винит. удареніе на концѣ. Это различіе между такими словами, какъ изба́, душа́, нога́, рука́... съ одной стороны и слеза́ (игла́, игра́?)... — съ другой — еще общеславянское. Въ великорусскихъ говорахъ это различіе зачастую утрачено, и подвижное удареніе замѣнено неподвижнымъ, ср. сѣв.-влкр. имен. со́сна, южновлкр. винит. сасну́, ряку́. Средневлкр. говоры въ этомъ отношеніи консервативнѣе другихъ (впрочемъ, и здѣсь ср. па́шнй вмѣсто пашня́ и др.).

Творит. пад. оканчивается на *-oj* и *-ою* съ ихъ фонетическими измѣненіями не подъ удареніемъ. Форма на *-ою*, кажется, — только при удареніи на о́: з гълаво́j и з гълаво́ю, с руко́j и с руко́ю, с кабылъj, зъ дире́вньj. Также: ро́жъj (=рожью).

Двойств. число. Сохранилась архаическая форма творит. пад.: абе́мӑ рука́мӑ, но обыкновенно говорят обе́ими рука́ми.

Въ зависимости отъ числительныхъ 2—4 въ им.-вин.

пад. ставится форма слова = формѣ родит. единств. При числит. абе́и или або́и употребляется множ. число.

Множеств. число. Имен.—на *-ѣ*, *-и* съ переносомъ ударенія съ конца слова (если оно въ единств. на концѣ) на основу. Въ остальныхъ падежахъ множ. удареніе такихъ словъ частью — на основѣ, частью — на флексіи: рука́м, жана́м, слиза́м, дирівня́ми, нъ ваѕзя́х и пр., но: ко́пнъм и др.

Въ одной святочной дѣтской пѣсенкѣ—винит. множ. женск. р. на -а́: „Каляда́, каляда́, Скачи́л ме́сьц нӑ гряда́". Этотъ винит., извѣстный, кажется, нѣкоторымъ сѣв.-влкр. говорамъ, у насъ встрѣчается только въ этой пѣснѣ.

Родит. множ. обыкновенно не имѣетъ окончанія (т. е. оканчивается на послѣднюю согласную основы): капо́н, капо́шък, кле́тӑк, па́лък, сло́с и пр. Отъ словъ на *-ня* въ родит. множ. — -н, если удареніе въ этой формѣ на послѣднемъ слогѣ, и *н*, иногда очень слабое, въ другихъ случаяхъ: дириве́н, но ба́сьⁿ, пе́сьⁿ и пр. Встрѣчается родит. на *-еј*, наприм. ваѕзеј (отъ ваѕжя́) и др. Родит. на *-ов*, *-ев* встрѣчается отъ слѣдующихъ словъ: ѕво́здӑф (пѣ.: Wно́гӑ ѕво́здӑф, wно́гӑ ча́стых) и ѕво́ст, са́мъх кля́чьф (ск.), „затехъ дядѣвъ" и „задядѣвъ" — у Миши Байкова (ск.) и нѣк. др. Въ послѣднемъ случаѣ форма род. на *-ев*, вѣроятно, вызвана тѣмъ, что дядя — муж. р.

Творит. множ. на -ми́ вмѣсто -а́ми — свичми́, слизми́ — пѣсни (не разговорн.!). Остальныя слова, имѣющія творит. на -ми́, не принадлежатъ къ этому склоненію.

Кромѣ перечисленныхъ выше, къ этому склоненію принадлежатъ также 1) такія слова, какъ мальчи́шкӑ, ба́тюшкӑ и пр. (род.-дат.-мѣ. -и· твор. -ъј), 2) уменьшит. на *-я* и *-а:* Ва́ся̆, Ми́шӑ и пр., принадлежавшія прежде къ склоненію именъ на -ѧ.

Имена съ общеславянской основой на ь/и.

Слова муж. рода этого склоненія по большей части перешли въ склоненіе основъ на ь/е муж. рода, въ томъ

числѣ и слова мыш и ле́бьт̑ (ср. пѣсню: Либиди́н моj, либиди́н, ле́бид̑ бе́лаj маладо́j... Вабира́j ка либид̑и́ха сибѐ ле́бидя). Отъ мыш родит. един. мыша́ и пр., множ. мы́шы, мыше́j и пр.; отъ ле́бьт̑ — ле́бьдя̆, множ. ле́биди, либид̑е́j и пр.; твор. множ. мыша́ми, (либидя́ми). Наоборотъ, слово го́лът̑, го́лъди — женск. рода.

Отъ слова пут̑ уцѣлѣли только нѣкоторыя формы этого склоненія: нъ пути́, пъ пути́, с пути́, обыкновенно это слово склоняется, какъ и остальныя слова муж. рода на *-ъ:* путя́, путю́, пут̑о́м; только мѣстн. всегда на -и́ (не на -ѣ или -ю!). Иногда слово пут̑ переходитъ въ женскій родъ. Миша Байковъ пишетъ въ пѣ.: „широкая путь дороженка“ и „вдальній путь дороженку“. Любопытенъ творит. пут̑о́j даро́гъj, какъ бы отъ имен. путя́ (творит. пут̑jу́ не встрѣчается).

Во множ. числѣ отъ этого склоненія сохранился только творит. на -ми́ и то отъ очень немногихъ словъ: з̑вир̑ми́, люд̑ми́ (един. не сохранилось; лю́т, лю́ду — другого склоненія) рядомъ со з̑виря́ми, людя́ми. Слово „звѣрьми“ — у Миши Байкова (ск.). Отъ слова пут̑ множ. число не встрѣчалось. Родит. множ. отъ словъ этого склоненія всегда на -еj.

Слова женскаго рода этого склоненія имѣютъ, какъ и въ литературномъ, родит.-дат.-мѣстн. *-и,* причемъ въ мѣстн. обыкновенно удареніе переходитъ на окончаніе, твор. *-jю.* Мѣстный на *-ѣ* (е́) я слышалъ только отъ уроженцевъ другихъ губерній, живущихъ въ Парфёнкахъ. Твор. на *-ей* вмѣсто *-ью* очень рѣдокъ; я могу привести только одинъ примѣръ: ро́жъj = рожью. Другіе падежи этого слова: ро́жы и ржы́, всегда: ва ржы́. Слово вош можетъ склоняться, какъ слова на *-а:* во́шӑ, во́шы̆, во́шў, во́шъj. Слово вещь: имен. ве́щя̆, вин. ве́щю (наприм. „я апя́т̑ тибе́ зъгада́ю ве́щю з̑де́лът̑» — сказка). Слово кънапе́л̑ встрѣчается только въ пѣсняхъ и загадкахъ: пу́к пучня́, кънапе́л̑ ручня́, лучи́нъ пале́нъ, сало́мы биремй, а въ разговорн. — кънапля́.

Старинное окончаніе дат. и мѣстн. множ. на -ʾом,

-̕ох сохранилось только въ формахъ: лъшыдо́х, лъшыдо́м и сано́х, сано́м, но чаще: лъшыдя́х, саня́х [1]) и пр., которыя мало по малу вытѣсняютъ старыя формы; молодежь такъ уже почти не говоритъ.

Въ твор. множ. окончаніе -ми́ почти вездѣ замѣнено окончаніемъ -а́ми: дитми́, двирми́, лъшъдми́, людми́ и: двиря́ми, лъшыдя́ми, людя́ми; всегда: кастя́ми, саня́ми и т. д. Творит. слизми́ встрѣчается въ записи Аннушки Акимовой: „заливалася панемъ слизми" (пѣ.) и въ передѣлкѣ Пушкинскаго Узника: „слизми́ х аблита́"; въ разговорной рѣчи не употребляется. Эта форма отмѣчена во многихъ влкр. говорахъ и потому вызываетъ вопросъ, не было ли когда нибудь существ. слезь, отъ котораго и произведенъ этотъ твор. Ср. у Филатова Ворон. слезью — твор. един. (т. 39, стр. 183) [2]). Къ этому же склоненію принадлежитъ слово у́шы, родит. уше́ј, дат. уша́м, твор. ушми́. Можно думать, что ушми́ — старая форма творит. множ. отъ слова уши, если только въ общеслав. существовали формы множ. числа отъ этого слова. Если эта форма не общеславянская, то во всякомъ случаѣ очень старинная. Въ малорусск. ушми́, очми́, ср. словинск. ośtí. Изъ древнерусскаго языка форма ушми́ мнѣ извѣстна по рукописямъ съ XVI в., но, вѣроятно, существовала гораздо раньше этого времени. Быть можетъ, первоначально въ русскомъ языкѣ рядомъ съ очи́ма, уши́ма существовали формы очьма́, ушьма́ (въ памятникахъ незасвидѣтельствованныя), здѣсь *-ъ-* по аналогіи съ другими сло-

---

[1]) Что са́ни принадлежатъ къ этому склоненію, а не къ склоненію основъ муж. рода на ь/е, видно изъ влкр. твор. множ. санми́, ср. у Филатова, Ворон., Чернышева, Мещовск.; мнѣ извѣстно такое произношеніе въ Тульск. Венёвск. и др. По мнѣнію Р. Ѳ. Брандта, са́ни — множ. отъ сань, употребл. въ Паремейникѣ 1271 года въ значеніи *δράκων*, змій; ср. чешск. saň — драконъ.

[2]) Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ говорахъ встрѣчаются твор. на *-ми* и отъ другихъ словъ съ основой на *-а,* ср. душми́ — Будде, Къ діалект.; свѣчьми—Чернышевъ, Мещовск. и др.

вами родственныхъ склоненій, а эти творит. двойств. повліяли на образованіе твор. множ.

Отъ слова про́луп уменьш. — прълубо́к, упралупку (Миша Байковъ), какъ бы отъ слова муж. рода.

Слово де́н склоняется подобно другимъ существит. муж. рода на *-ъ:* дня, дню, дном; мѣстн.: дне́ и дню́ (на дню́). Ме́сьц со́ дньм и са дно́м. Но: два́ дни, три́ дни, впрочемъ и: два дня́, три дня́ (и два́ дня). *Родит. множ.* до́н, дат. дня́м и пр. Слово по́лдьн, род. по́лдня и проч., употребляется обыкновенно во множ.: по́лдни, палдо́н, палдня́ми и пр. Отъ слова бу́дни родит. множ. будне́ј, мѣстн.: нъ будня́х и т. д.

Слова съ общеслав. основой на *-ъв.*

Въ имен. един. только -оф или -оф: кроф, свякро́ф, марко́ф, любо́ф, це́ркъф и пр. Отъ кроф род.-дат. кро́ви, мѣстн. — ф крави́, творит. кро́вју; въ словахъ свякро́ф и марко́ф *о́* сохраняется во всѣхъ падежахъ. Въ словѣ любо́ф гласная правильно выпадаетъ въ род.-дат.-мѣстн. ед. (любви́), но въ пѣсняхъ также: к любо́ви я ијо склaнял, биз любо́ви жыт ја ни бу́ду; рядомъ: балят но́ги ад даро́ги, бе́лы ру́ти ат любви́. Впрочемъ, и въ разговорномъ языкѣ — колебаніе.

Слово це́ркъф обыкновенно переходитъ въ склоненіе основъ на *-а:* це́рква, це́ркву, за це́рквъј; це́ркви, цырква́м и пр. Но родит. един. почти всегда це́ркви. Миша Байковъ пишетъ: въ церковь, вцерковъ, вцеркву (2 раза).

Склоненіе словъ *мат* и *доч.*

Имен. един. мат, до́ч. Въ *зват.* формѣ кромѣ мат также м а (см. сказки). *Родит.-дат.-мѣстн.*: ма́тьри, до́чьри; *творит.*: с ма́тирию (сказк.), но также: ма́тирју, до́чирју. Во *множ.*: ма́тири, до́чири; въ остальныхъ падежахъ удареніе на окончаніи.

Слова съ общеслав. основой на *-ен-*.

Мужескій родъ. Слова ка́мьн̑ и ко́рьн̑ склоняются, какъ и другія слова муж. рода (см. выше). Слово по́лъмй — средн. рода, склоняется, какъ вы́мй, биремй и т. п.

Средній родъ и́мй, се́мй, те́мй, пле́мй, вре́мй, бире́мй, вы́мй, по́лъмй и ј́емьны (множ. число). Послѣднее извѣстно въ выраженіи: на се́мьны, дъ на ј́емьны. Слово бире́мй извѣстно мнѣ только изъ загадки (см. выше, подъ словомъ къ̑напе́л̑). Слово племя—почти исключительно въ выраженіи: пустить, оставить, взять и т. д. „нъ плимя́". Остальныя въ единств. обыкновенно склоняются, какъ слова средн. рода на *-е:* имен.-вин.-родит. се́мй, дат. се́мю (мѣстн. се́ми), творит. се́мьм. Ср. у Миши Байкова: много время (ск.), восколько время (ск. про Копчён.), черезъ годъ время (тамъ-же). Во множ. числѣ они принимаютъ наставку *-ён-* и склоняются, какъ слова средн. р. на *-о:* имяна́, симяна́, вримяна́ и т. д. съ удареніемъ во всѣхъ падежахъ на окончаніи. Также: се́мьны, ј́емьны. Родит. множ.: имо́н (имяно́ф), вримо́н, а отъ се́мьны и симяна́ — симяно́ф, се́мьн, симя́н и рѣдко симо́н. Множ. отъ остальныхъ словъ этого склоненія мнѣ неизвѣстно.

Въ един. ч. старыя формы этого склоненія почти не сохранились. Я могу привести только: не́скъл̑къ пъгуля́ли вре́мьни — въ сказкѣ, и: па и́мьни (разговорн.; рѣдко).

Въ выраженіяхъ: нъ плимя́ и нъ симя́ являются формы съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ. Это—или множ., образованное по аналогіи съ такими словами, какъ по́лй — паля́ и т. п., ср. сѣмя́ въ значеніи множ. у Будде, Къ діалект., 105, или же — формы единств., ср. малорусск. імя́. Въ пѣснѣ: „Как на го́рки, на гаре́" встрѣчается слово имя́ въ един. ч.: „как тваjо имя́ заву́т" и дат. па име́ню, но эти ударенія, вѣроятно, перенесены изъ малорусск. оригинала пѣсни (ср. Чубинск., т. 5, стр. 201, № 407 и стр. 917, № 485 и 486).

Слова съ основой на -ѧт.

Слово дитя́ обыкновенно является въ имен. падежѣ въ видѣ дито́, род. дитя́, вин. дито́ и дитю́, твор., кажется, дито́ј, мѣстнаго не слыхалъ. Въ моихъ записяхъ это слово встрѣчается только въ пѣсняхъ: дитя́ і мајо ди́тятка, дито́ ча̀да ми́лая. Миша Байковъ пишетъ: „дѣтель мое дитетка“, „дитю родила“. *Множ.*: дѣ́ти, дите́ј, дитя́м, дитми́ и дитя́ми и пр.

Остальныя уменьш. на *-я* (только собственныя имена) склоняются, какъ слова женск. рода на *-а (я)*: Ва́ся̆, Ва́ря̆, Ната́шӑ, Пара́ня̆, Гри́шӑ и т. п. Уменьшительныя имена нарицательныя этого склоненія въ единств. ч. не употребляются. Мнѣ извѣстны только у́тя̆ въ пѣсняхъ и пърася́ въ одной поговоркѣ. Въ поговоркѣ „Ласкавое теля...“ и пр. вмѣсто теля́ говорятъ: тиля́ткӑ. При этомъ у́тя̆ въ пѣ.—женск. р., наприм.: „Хади́лӑ у́тя̆ па бало́ту, Иска́лӑ у́тя̆ паклява́ї“ (приб.) и „Мая̆ у́ть-т во́ду мути́т“ (Жилъ я у пана); пърася́—средн. рода. Во *множ. ч.* жыребя́ты, пърася́ты, рибя́ты, утя́ты и проч. склоняются, какъ и другія слова средн. рода (наприм. варо́ты и т. п.). Можетъ быть, отъ уменьш. на ѧ образованы вторичныя уменьш. на -ятка, наприм. Васятка (въ говорѣ Парфенокъ очень рѣдко), но скорѣе всего послѣднія восходятъ не къ нимъ, а къ именамъ на -ѧта, ср. старорусскія Путята, Вышата и т. п.

МѢСТОИМЕННОЕ СКЛОНЕНІЕ.

Родит.-винит. личныхъ мѣстоименій кончается на -я́: миня́, тибя́, сибя́; дат.—мне́, тибе́, сибе́; въ творит. ед. *-ю* въ концѣ сохраняется, хотя можетъ и отпадать. Въ одной пѣснѣ встрѣчается винит. мня́: „Што́п ана́ мня̀ ни ждала́“. Дат. ти рѣдокъ: Сла́въ ти Христу́; што́ ти до́мъ гъваря́т (приб.), о́н ти зада́сᵀ, я́ ти да́м и пр. Изъ этихъ формъ род.-вин. личныхъ мѣстоименій на -я́ составляетъ

принадлежность только сѣв.-влкрус. и средне-влкрус. говоровъ.

Въ мѣстоименіи 3-го л. (его и пр.) *н* послѣ предлоговъ необязательно: при jо́м, за jо́м, у и́х, у jаво́, с jим, нъ jиjо́, въ иjо́; с̑ н̑о́м, за ни́м, у ни́х, у ниво́ и проч. Въ записяхъ крестьянъ: у Аннушки Акимовой: панемъ, из них, панемъ; у Миши Байкова: снихъ (ск. про Копч.), къ нему (тамъ-же), отнихъ, унихъ, наней, снимъ, ноего, (нѣсколько разъ), у ихъ, уихъ, къ ему, заей, по ей, къ ей, за ее, къ имъ (сказки) и др.

j можетъ отпадать въ формѣ иjо́, затѣмъ въ формахъ на *и*: их, им, и́ми рядомъ съ jих, jим, jи́ми, рѣже: иво́, иму́ при jаво́, jаму́ и jиᵉво́, jиᵉму́.

Род.-вин. един. муж. рода въ склоненіи мѣстоименій всегда — на *-во́:* jаво́, таво́, маво́, съмаво́, ӑднаво́, чаво́, каво́ и пр.

Творит. един. женск. рода — на *-jу*, кажется, чаще, чѣмъ на *-j:* с не́ю, сваjе́ю, то́ю, се́ю или сию́, адно́ю и пр. и за не́j, сваjе́j, адно́j, е́тъj и пр. У Миши Байкова: „за ей“.

Родит.-винит. един. женск. рода отъ мѣстоим. 3 л.: иjо́ или jиjо́. Послѣ предлога *у* можетъ стоять общая для остальныхъ косвенныхъ падежей форма jеj: у ниjо́ или у иjо́ и у не́j, у jе́j.

Въ зависимости отъ предлоговъ вмѣсто формы твор. един. муж. рода нерѣдко ставится форма мѣстн. единств. муж. рода, наприм.: Бо́х с н̑о́м, за н̑о́м, пад н̑о́м, пьрид н̑о́м и пр., хотя говорятъ также и: с ним, за ни́м и пр. Въ записяхъ крестьянъ, къ сожалѣнію, примѣровъ на смѣшеніе падежей послѣ предлоговъ почти нѣтъ. Только у Дарьи Арсеньевой: съ немъ; у Миши Байкова всегда правильно: снимъ, наднимъ; у Анн. Акимовой только панемъ (2 раза) — правильно.

Вин. пад. женск. рода един. ч. на -jо: таjо́, фсиjо́, ӑднаjо́, съмаjо́, но рядомъ съ ними: ту́, фсю́, адну́. Всегда э́ту, э́нту и т. д. Интересны формы: адн̑ъjо́ и тъjо́. Послѣдней изъ нихъ я въ Парфёнкахъ не слыхалъ, а толь-

ко въ с. Пречистомъ въ 5 в. къ сѣв.-зап. отъ Парфёнокъ. Характерно, что всѣ эти формы на -jó, по происхожденію род. пад. женск. рода, употребляются только въ значеніи винит., между тѣмъ какъ родит. совпадаетъ съ дат. Примѣры: у Миши Байкова: однае (ск.), натае (ск.) и друг., в адну́ прекра́снъјь вре́мь (ск.), то̂лкадну́ и проч.

Въ формахъ род.-дат.-мѣстн. и твор. един. ч. женск. рода мѣстоименій, какъ и въ литерат., послѣ твердыхъ согласныхъ всегда ó. При винит. т̊ъјó, адн̊ъјó, отмѣченномъ выше, слѣдовало бы въ остальныхъ падежахъ ед. ч. женск. рода отъ этихъ мѣстоименій ждать ȍ или э́, ср. Мосальск., Мещовск., Ворон. и др., но, какъ сказано выше, эти два винит. собственно говору дер. Парфёнокъ не свойственны, а говоръ с. Пречистаго я не изучалъ.

Въ тѣхъ же формахъ другихъ мѣстоименій, послѣ мягкой согласной — всегда é: фсéј, сваjéј, чјéј и пр.

Отъ мѣстоименія хто (кто, кһто) въ зависимости отъ предлоговъ можетъ употребляться мѣстный вмѣсто творит.: с кóм, за кóм и с кéм (также: с т̕éм), но всегда: на кóм, ап кóм и пр.

Въ мѣстоименіи тот, наоборотъ, въ зависимости отъ предлоговъ форма мѣстн. пад. един. замѣняется формой творит.: на тéм с̑вяту́, на тéм бирягу́, на éтим са́мъм мé̑сти, па éтим пӑ калéчйки (пѣ.), в э̊́фтим и пр.

Въ мѣстоименіяхъ тот и ве̑с, какъ и въ литерат., въ твор. един. муж. рода и во всѣхъ формахъ множ. ч. является звукъ é; это é можетъ быть въ тѣхъ же формахъ притяжательныхъ мѣстоименій и числительнаго ади́н, въ имен. множ. анé, причемъ во всѣхъ этихъ случаяхъ кромѣ формъ мѣстоим. тот и ве̑с можетъ быть и *и́*. Такого же происхожденія é въ творит. вопросит. мѣстоим. кем и чем и въ выраженіяхъ: с кех пóр, па кех пóр, па сех пóр, чаще: па jé̑стих пóр. *Примѣры.* У Миши Байкова: онѣ (2 брата) прослужили (сказка про Копчён.) и затѣмъ тамъ же: онѣ не менѣе 7 разъ (про старика со старухой, солдата и чорта, лошадей и пр.), свое деньги

(3 раза), однемъ (ск.), весели моехъ при радости гостей (пѣ.) и: все свои деньги (ск.), подруженьки мои (пѣ.), они (3 кобылы) и др. У меня записано въ пѣсняхъ: нъд маје́м, вы сасе́ди, сасе́ди мајé, маје со́стры, маје ко́стăчти и друг.

Отъ мѣстоименія што родит. чаwó или чивó, чимý, чем, чóм; въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ является *шо:* ну к шó ш, шшъ'бъ. Мнѣ кажется, что это *шо* и *што* нельзя сближать со *що* другихъ говоровъ; послѣднее, вѣроятно, родит. чьсо, между тѣмъ какъ *шо* могло явиться фонетически изъ *што*.

Въ родит. и дат. един. ч. муж. рода притяжательныхъ мѣстоименій являются слитныя формы: мавó, тваво́, сваво́, мамý, твамý, свамý; отмѣчу выраженіе: пъ мамý, пъ свамý и т. д. = по мо́ему, по сво́ему, срв. въ приб.: „до́чкă де́лът пъ свамý". Неслитныя формы притяжательныхъ мѣстоименій въ разговорной рѣчи почти не употребляются.

Мѣстоименія э́тът и э́нтът склоняются, какъ тот. О произношеніи начальнаго э́ см. выше, въ фонетикѣ, т. 44, стр. 164 (отд. отт. 12). Въ соединеніи съ предлогами *в*, *с*, *из* и *из-за* конечная согласная предлога можетъ повторяться послѣ частицы *э* въ мѣстоименіи этотъ: с э́стим, из за э́стъвъ, из э́стъвъ, из э́стих, в е́фтим, в е́фту и пр. Чаще, впрочемъ, тѣ же предлоги не повторяются: с е́тим, в е́тим, из е́тъwъ и пр. Миша Байковъ, хотя при разговорѣ часто повторяетъ указанные предлоги, но пишетъ: въ этотъ и т. п. Въ письмѣ одного солдáта изъ Парфёнокъ: „съ эстой маркой". Приведу нѣсколько примѣровъ изъ пѣсенъ: са је́стъј дабы́чъј, но: ва је́тъј ва кле́тки (Узникъ); „од жы́с ни милá, ф трахти́ри ни былá, былá дъ ни в е́фтим, гуля́лă дъ ни с е́стим" и др. Смѣшенія предлоговъ, какъ это отмѣчено во многихъ другихъ говорахъ (ср. Филат., Ворон. и др.), не бываетъ. Только по аналогіи съ выраженіемъ: с е́стих по́р говорятъ также: па е́стих по́р, но это исключеніе вполнѣ понятное, такъ какъ е́стих по́р здѣсь превратилось въ та-

кое неразрывное цѣлое, что даже не измѣняетъ падежа послѣ предлога *по*. Предлогъ *к* въ нашемъ говорѣ при мѣстоименіи э́тот не повторяется, что является нѣкоторой непослѣдовательностью. Впрочемъ, въ селѣ Солнечномъ Клинск. у. Московск. губ. у станціи Подсолнечной Николаевской жел. дор. я слышалъ и к е́хтъму. Что касается остальныхъ предлоговъ, то они находятся нѣсколько въ другомъ положеніи, чѣмъ предлоги *с*, *в*, *к*, *из*, составляя полный слогъ, между тѣмъ какъ *с*, *в*, *к* вовсе не составляютъ слога, а въ предлогѣ *из* начальная гласная часто бываетъ неслоговой. Послѣдовательность употребленія вставныхъ *ф* и *с* въ этихъ мѣстоименіяхъ тщательно провѣрена мною путемъ постоянныхъ наблюденій. Что касается тѣхъ говоровъ, гдѣ вставныя *ф* (*в*) и *с* являются и въ положеніи не послѣ предлога, то тамъ такія формы объясняются или вліяніемъ однихъ случаевъ на другіе или совсѣмъ другимъ происхожденіемъ ихъ. Что касается мѣстоименія э́нтът, то оно, несомнѣнно, другого происхожденія и состоитъ изъ частицы э́н(а)+тотъ. Значеніе его опредѣляется значеніемъ начальной частицы, указывающей не на ближайшій предметъ, какъ частицы *э*, а на дальнѣйшій. Поэтому э́нтът не = ὅδε, hicce и т. п., а = ille, ἐκεῖνος и т. п.; в е́нтъм = э́нъ ф то́м [1]).

Мѣстоименіе *тъ* употребляется въ роли постпозитивнаго члена, причемъ отъ него сохранились только формы: *-т*, *та*, *ту*, *ты:* де́ грябли́ дисити́ны ты, на у́лицу-ту. Форма муж. рода члена сохранилась только въ плясовой пѣснѣ: „Moj-*ат* му́ш*ат* го́ркъј пја́ницă“, да и *ту* я слышалъ отъ молодыхъ бабъ, взятыхъ не изъ нашей деревни. Въ нѣкоторыхъ изъ сосѣднихъ деревень (Савельевскаго прихода, можетъ быть, и другихъ) употребленіе члена довольно послѣдовательно: *та* имен. женск. и ср.

---

[1]) См. Лекціи Соболевскаго, стр. 128 (приводимое имъ объясненіе принадлежитъ А. Х. Востокову) и Миклошича Сравн. Морфол. 438, Фортунатова Лекціи 260. И тѣ и другіе, повидимому, правы только наполовину.

рода и послѣ падежнаго окончанія -ă; *тъі* — имен.-вин. множ. и косвенные падежи един. ч. женск. р., *ту* — вин. един. ч. женск. р., но въ Парфёнкахъ такіе примѣры, какъ: диситúны ты, на ýлицу ту, — почти исключеніе; обыкновенно во всѣхъ случаяхъ *тъ* или *та:* нáс и тó мнóгă мъладóжы-та; иссó какý-тъ, и т. д.

Мѣстоименіе *съ* очень рѣдко. Отмѣчу выраженія: ни тó ни сó, ни с тавó ни с сивó и т. д., па сех пóр (чаще: па јестих пóр), сию минýтъю и въ нарѣчіи сичáс (чичáс, щчáс и т. д.). Въ послѣднемъ си = сей, а не сь. То же мѣстоименіе, какъ энклитика, послѣ слова сохранилась только въ нарѣчіяхъ: здéс, фчарáс, вичóръс, лéтъс, анóдъс, авос. Въ нарѣчіяхъ времени оно указываетъ на ближайшее прошедшее.

Мѣстоименіе *чь* въ формѣ чă употребляется, какъ энклитика, въ выраженіи: „штó ітъ такóічă, кhтò такóічă и т. п. и въ образованіи сравнительной степени: ýтрь гwрт мудринéічь (сказка) и т. п.

Отъ числит. адúн всѣ остальныя формы образуются отъ основы адн- (одьн-). Но въ Савельевѣ я записалъ также: трóя надúнъва (= на одного).

Числительныя два, три, читыри въ твор. пад. — двумú, трюмú, чúтырмú и двумя́, тримя́ (трюмя́).

Отъ мѣстоименія *кój* имен. женск. р. един. ч. кóй, имен.-вин. средн. кóй, винит. женск. кóю. Очень употребительно выраженіе: кóјь (или кóі) мéста = гдѣ, куда. Во множ.: с кéх пóр, па кех пóр и с кóих пóр, па кéих пор. У Миши Байкова: докехъ поръ (ск.) и др.

Отъ мѣстоименія *оба* единств. число не встрѣчается. Во множ.: óби (и óбă) для всѣхъ родовъ, чащe абóи, абóя и абéи. *Примѣры:* у Миши Байкова: въ обѣ сараи, онѣ сѣли застолъ обои (сказки); у Дарьи Арсеньевой: „Неабѣимъ (т. е. молодцамъ) явамъ достануся" (пѣ.). У меня записано: (ана) абóи сарáй закáшъwът палнéнкъ.

Такъ же, какъ абóя, склоняются двóя, трóя, но съ удареніемъ въ остальныхъ падежахъ на окончаніи.

По значенію относятся къ мѣстоименіямъ, но склоняются, какъ прилагательныя: какó̆j, катóръj, сáмъj, и́хнъj, фся́къj и др.

какó̆j-та — aliquis, τις не вполнѣ совпадаетъ по значенію съ литературнымъ какой-то, а иногда = по значенію литерат. одинъ, нѣкій, см. сказки.

какó̆j часто соединяется съ безчленной формой прилагательнаго, наприм.: какó̆j харóш и т. п.

катóръj, кромѣ тѣхъ значеній, съ какими это слово извѣстно въ литерат. языкѣ, употребляется также въ значеніи соотносительнаго мѣстоименія: катóръj — катóръj = ἄλλος μέν — ἄλλος δέ, русск. литерат. одинъ — другой.

той употребляется въ значеніи раздѣлительнаго союза: той бýдьт, той нéт и т. п.

ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЯ.

Безчленныя формы прилагательныхъ употребляются только въ имен. пад. всѣхъ родовъ обоихъ чиселъ и въ винит. един. женск. рода. Условія употребленія въ этихъ падежахъ членныхъ и безчленныхъ формъ опредѣлить трудно. Въ качествѣ сказуемаго употребляются не только безчленныя, но и членныя формы. Можно отмѣтить употребленіе безчленныхъ формъ при какой: какó̆j харóш, такá̆j ры́жьнка шéрстка (ср. въ пѣ.: Какó̆j дýшъчка харóш); въ другихъ случаяхъ: а другá гwарт, купи́ мне сирéбрйну карзи́нку и т. д. Чаще всего употребляются безчленныя формы имен. и вин. женск. рода. Можетъ быть, это — не безчленныя, а стяженныя формы. Въ пѣсняхъ безчленныя формы очень часты, причемъ употребляются и другіе падежи, а именно тѣ, формы которыхъ короче формъ членныхъ прилагательныхъ. У Миши Байкова: така разъ красутка, красна дѣвка, бѣлы руки, молода вдова, за серебрену решоточку, люту змѣю, чужу далнею и др.

Отъ названій городовъ употребляются часто членныя формы вмѣсто принятыхъ въ литературномъ языкѣ безчленныхъ въ творит. и мѣстн. падежахъ. Въскрисе́нск (рѣже: Въскрисе́нскă), творит. и мѣстн. Въскрисе́нским, также: Вълкала́мским и проч. (объ употребленіи формы твор. въ значеніи мѣстн. см. ниже).

Имен. множ. безчленной формы прилагат. на *-и* отъ словъ съ основой на твердую согласную: ра́ди; вѣроятно, есть и нѣсколько другихъ такихъ словъ, но немного.

Въ одной пѣсенкѣ встрѣчается форма во́јских: „Вы каро́ны, вы каро́ны маје̂, Вы каро́ны, мы за ва́ми ишли̂, Вы каро́ны, мы и с ва́ми ишли̂; Мы и с ва́ми ваива́ли, внȍга во́јских растиря́ли“. Въ разговорномъ языкѣ этой формы не слыхалъ. Слово войско по происхожденію—прилагательное и потому въ древнемъ русскомъ языкѣ склонялось иногда по сложному склоненію. См. у Срезневскаго, Матеріалы для словаря древнерусскаго яз., столб. 288. Срв. въ спискѣ повѣсти объ Акирѣ Синод. библіотеки № 557 конца XVII в., л. 7: „акирь.... недоѣхавь града со всѣͫ своимъ воскиͫ ста...“. Въ спискѣ Истор. Музея № 1174 (25604) начала XVIII в., л. 61 (59), то же мѣсто: „недоѣхавъ града алевита ста с войскиͫ“, также и въ другихъ спискахъ.

Именит. пад. един. ч. муж. рода прилагательныхъ оканчивается на -ъј, при проясненіи -ъ — на -ăј (въ разговорѣ и въ пѣ.), подъ удареніемъ — -о́ј. Прилагательн. съ основой на мягкую согласную — -ӣј или -ьј; подъ удареніемъ только: сам трите́ј. Примѣры изъ записи крестьянъ:

Миша Байковъ пишетъ обыкновенно -ый, -ій: счастливый, несчастный, любездный, добрый, глупый, небесный, любимый, постылый, на четвертый, гроздный, раздалый, саратовый, перьвый и т. д.; вдальній и др. Но также: милай, добрай, за рижоной и друг. Послѣ *к:* миленькій, купеческій, но также: десятскый, круглоликый, гдѣ *ы* указываетъ на твердость *к*, и: миленькой дружокъ, миленькай и др.

Это -ъј, -ӑј и -ӣј (ӗј) не подъ удареніемъ — непосредственно изъ -ой; въ прилагательныхъ на -кій и -гій твердыя *к* и *г* сохранились потому, что въ эпоху перехода кы, гы, хы въ ки, ги, хи въ тѣхъ говорахъ, къ которымъ восходятъ эти формы въ разбираемомъ говорѣ, послѣ *к* и *г* звучали *о* (ясное или глухое) или какой-нибудь переходный звукъ отъ *о* къ *а*. Окончаніе -ой (изъ -ыи или -ъи) или его фонетическіе замѣстители существуютъ въ большей части великорусскихъ говоровъ, кромѣ нѣкоторыхъ, преимущественно западныхъ сѣв.-влкр. и южновлкр., гдѣ извѣстны, большею частью не подъ удареніемъ, окончанія, восходящія непосредственно къ окончанію -ый (или -ъи) съ ы (ъ) особаго качества. См. Шахмат. Мосальск. и др.

Въ род. пад. ед. муж. рода подъ удареніемъ -о́в̆ (вмѣсто -оγо́); отъ слова тритéј — трито́въс; не подъ удареніемъ — -ъвӑ, -ьвӑ съ ихъ фонетическими измѣненіями (въ -ъў, -ьў при ослабленіи окончанія; въ -уwӑ изъ -въвӑ, наприм.: цалко́уwӑ, здаро́ўwа и т. п. См. выше, т. 43, стр. 210—213, отд. отт. 58—61).

Форма мѣстн. пад. един. ч. муж. рода можетъ замѣняться формой творит. пад., но не наоборотъ. Ср. то же въ мѣстоим. тот и обратное явленіе у мѣстоименій им и кѣм. Примѣры: в јиравы́м, Васи́лиским (= въ Васильевскомъ) и пр. Примѣры изъ записей крестьян: У Миши Байкова: въ зиленомъ, во-сыромъ бору, въ темномъ, въ чистомъ, но: вомоемъ сырымъ бару. У Аннушки Акимовой: ва иванаскимъ, взилянымъ, вчистымъ. Въ моихъ записяхъ въ пѣсняхъ между прочимъ: в зиляны́м саду́, нӑ златы́м пясо́чки и др.

Впрочемъ, не подъ удареніемъ, наоборотъ, можетъ даже и въ твор. пад. (но не послѣ *к* и *г*) слышаться глухой звукъ, склонный къ *а*, при пѣніи и нѣкоторыхъ другихъ условіяхъ проясняющійся въ *а*. Ср. у Аннушки Акимовой: падракитавамъ кустомъ.

Въ един. числѣ женск. рода формы род., дат. и мѣст. падежей всегда совпадаютъ; даже въ пѣсняхъ полныя фор-

мы на -оѣ не встрѣчаются, но твор. на -ю употребителенъ не менѣе, чѣмъ укороченный творит. на -оj (=формѣ род.-дат.-мѣстн. пад.) не только въ пѣсняхъ, но и въ разговорѣ.

Винит. един. ч. женск. р. подъ удареніемъ всегда -у́ю (-ю́ю), не подъ удареніемъ — -ъю, -ăю, -йю. Примѣры: у Миши Байкова: въ теплую, солдатскую (ск. про Копчён.), нашерокую, любезную (пѣ.) и др. орѳографическія написанія, но также: всамою полночь (нѣсколько разъ), невлалою (чит.: не въ малую, пѣ.), незнокомою (пѣ.), шелковою то травушку (пѣ.), котораю (ск.), маленькою (ск.), на родимою (пѣ.), перво(я)ю (пѣ.); чужу далнею (пѣ.), нехорошею (пѣ.), прихожію (ск.). У Аннушки Акимовой: горькаю, шелковаю. Въ моихъ записяхъ въ пѣсняхъ не подъ удареніемъ вездѣ *-аю* и т. п. Объ этомъ винит. я говорилъ уже въ фонетикѣ (т. 44, стр. 189—190, отд. отт. 37—38).

Множ. число. Во множ. числѣ формы прилаг. однѣ и тѣ же для всѣхъ родовъ.

Имен. множ. -ăи, -ыи, -ии, иногда -ый̆, -ий̆; подъ удареніемъ -ы́и, -и́и; рѣдко въ пѣсняхъ -ы́й̆. При пѣніи: -аи, -ыя, -ия и рѣдко -ая не подъ удареніемъ, а подъ удареніемъ -ы́и, -и́и, рѣдко -ы́я, -и́я. У Аннушки Акимовой: все пуховаи маи падушки, сизаи. См. также выше, т. 44, стр. 185—186 (отд. отт. 33—34).

Остальные падежи множ. числа не подъ удареніемъ послѣ твердыхъ согласныхъ (кромѣ г, к, х) имѣютъ гласную не *ъ*, а *ъ̆*, проясняющееся въ *а* (ср. творит.-мѣстн. единств.). Поэтому при пѣніи: висо́лами гла́скӑми, из̆ бе́лӑх ру́к и т. п. Но: саве́лйскиɣ дифчо́нӑк, васи́лиских стару́х, сла́тким мо́лъцу рича́м, ма́линьких и т. д., а подъ удареніемъ во всѣхъ падежахъ—гласныя ы́, и́: злы́х, люцки́м, мъла́ды́ми и т. д. Изъ этого видно, что окончаніе -ăх, -ăми, -ăм не есть остатокъ стараго безчленнаго склоненія прилагательныхъ, а позднее приспособленіе скло-

ненія прилагательныхъ къ склоненію существительныхъ причемъ уподобленіе произошло только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ падежныя окончанія прилагательныхъ представляли уже сами по себѣ наибольшее сходство съ падежными окончаніями существительныхъ, т. е. подъ удареніемъ, такъ какъ звуки *г* и *ъг* близки другъ къ другу.

Прилагательныя, склоняющіяся по образцу мѣстоименія чеј (лисій, заячій, коровій, телячій, поросячій и т. п.) въ общемъ придерживаются этого склоненія. Срв. де́вичјў (вин. един. жен. р.), де́вичји (имен. множ.). Числительное тре́тьј склоняется не по этому склоненію: женск. р. тре́тья, род. тре́тьвă, тре́тьј и т. д., вин. един. женск. р. тре́тю, тре́тйю (и третю́ю). Ср. нарѣчіе три-то́въс. Возможно, что переходъ этого слова въ другое склоненіе совершился сравнительно поздно и вызванъ уподобленіемъ *ј* предшествующему *т*, т. е. тре́тьвă и т. д.— изъ тре́ттеүо и т. п. Ср. пла́ттъ, пла́тицă. Тогда тре́тю, быть можетъ,—не безчленная форма, а = треттю = тре́тју (изъ третьюю). Отъ слова Бо́жъј женск. р. Бо́жъя, но род. муж. Бо́жјъвă; вин. женск. р. Бо́жју и Бо́жъю. Въ одной новогодней пѣснѣ есть дат. един. ж. р.: ка Бажо́ј цёркви паткáтыwуцца (саночки).

Въ одной пѣснѣ: „понивой рекѣ“ (у Миши Байкова) = по Невѣ рѣкѣ.

О согласованіи прилагательныхъ см. выше и ниже въ синтаксисѣ.

Образованіе сравнительной степени.

бо́ли, да́ли, пада́ли, то́ни, ме́ни, зара́ни, вы́шы, ни́жы, бли́жы, пусси, пажéсси (= пожеще, а не пожестче) и др. Примѣры: „прошло болѣ полчаса“ (Миша Байковъ), ф ти́хъм мо́ри чиртéј бо́ли“ (послов.), „ступа́ј ат на́с пада́ли, штоп люди ни вида́ли“, „клубо́г да́ли, да́ли, да́ли, ни́ткъ то́ни, тони, то́ни“ (вьюношная пѣсня) и т. д. Эти

сравнительныя степени восходятъ, вѣроятно, къ общеслав. формамъ средн. рода сравн. степ.: боле, дале, мьне, тъне, ране, пуще, жеще [1]) (щ = ŝtj) и т. п. Звукъ *и* вмѣсто ӑ на концѣ этихъ формъ — или подъ вліяніемъ сравнит. на -ѣе или фонетически (см. выше, дополненія и поправки къ фонетикѣ).

Отъ баүáт сравнит. степень — баүáти. Звукомъ т въ этой формѣ замѣненъ звукъ *ч* подъ вліяніемъ съ одной стороны формы сравн. боүатѣје, съ другой — положит. степ. боүатъ.

длиншый, дóлшый, крéпшый, чижéлшы (рѣдко: чижéли) могутъ восходить къ общеслав. формамъ женск. р. сравн. степ.: дълиньши, крѣпльши, тяжельши.

лýччи, мя́кчи, лéхшый, лéкшый и лéхчи, шыпчи (у Миши Байкова: шибче) и др. При лýччи существуетъ и болѣе старое лýчшы.

Отъ нарѣчія хърашéнкъ сравнит. степ.—хърашéнчй, очень часто употребляется въ томъ же значеніи, какъ и положительная.

Отъ большей части прилагательныхъ сравнит. степ. образуется при помощи суфф. -ѣе (и -ѣй) съ его фонетическими измѣненіями. Изъ новообразованій съ этимъ суффикс. можно отмѣтить: жылчéј (приб.), гарчéј и т. д. (подъ удареніемъ въ этой сравн. всегда — -éй или -éј, никогда — -я́ј и т. п.).

Иногда сравнит. степ. принимаетъ въ концѣ наставку -чӑ: мудринéичӑ, скарéдчӑ и т. п.

Членныя формы прилагат. въ сравн. степ. употребляются слѣдующія: балшóј, миншóј, стáршъј или старшóј, млáтшъј, лýччъј, причемъ слово балшóј часто не имѣетъ значенія сравнит. степ.: балшòј брáт = старшій братъ въ семьѣ, но балшòј дóм — полож. степ.

---

[1]) Образованное, какъ и прочія сравнит. на *е*, непосредственно отъ корня жест-, а не отъ основы жестък-.

Объ представкахъ и суффиксахъ съ увеличительнымъ значеніемъ я буду говорить въ отдѣлѣ о словообразованіи, потому что такія слова, какъ ръзудáлъј, балшýщъј и т. п. не могутъ быть названы формами превосходной степени.

II. СПРЯЖЕНІЕ

3-е л. един. и множ. ч. наст. (и буд.) врем. всегда оканчивается на *т* твердое, и это *т* никогда не отпадаетъ (кромѣ, конечно, фонетическаго положенія послѣ *с* и т. п.). т̑ (мягкое) сохранилось только въ је̑ст' = есть, въ выраженіи Бóзнът̑ и въ словѣ нáдът̑ (ср. у М. Б.: надать; въ ск., запис. мною: стáл ътамáну ка̑лцо̀ дават̑ нáдът̑ и др.); очень рѣдко: Бóх вис̑, но: Бóγ знáјт. Въ нáдът̑ окончаніе т̑ явилось тогда, когда окончаніе 3-го л. глаголовъ было еще мягко; почему эта мягкость сохранилась, трудно сказать. Въ бóзнът̑, быть можетъ, мягкость *т* даже вторичная, благодаря выпаденію ј. У Чернышева въ его описаніи средневеликор. говоровъ Моск. у. — „бóзнатъ“ (стр. 21) съ *т* твердымъ, зато отмѣчено еще „мóжить“ (стр. 27 и др.) въ значеніи „можетъ быть“, но надо думать, что эта форма получилась изъ „можетъ быть“ черезъ стяженіе. Въ Парфёнкахъ: мóжът. мóжъ̆дбът̑, можбът̑ и, иногда, мóжът̑.

т твердое въ окончаніи 3-го л. представляетъ характерный признакъ всѣхъ сѣв.-влкр. и ср.-влкр. говоровъ. Среди окающихъ говоровъ т̑ отмѣчено только въ одной мѣстности. Олонецк. у. (Матер. 29), но этотъ говоръ вообще выдѣляется изъ сѣв.-влкр. и другими чертами: въ немъ послѣдовательно γ вмѣсто *г* (что, впрочемъ, кажется, нельзя считать совсѣмъ несвойственнымъ сѣв.-влкр.), въ нѣкоторыхъ словахъ странно *а* вмѣсто *о*, въ глаголахъ никогда не бываетъ стяженія... Изъ тѣхъ акающихъ говоровъ, которые имѣютъ *г* взрывное и дру-

гія сѣв.-влкр. черты, т̓ въ окончаніи 3-го л. отмѣчено въ разныхъ мѣстахъ Псковск. губ., въ Тамб. Шацк. и нѣк. др. Формы 3-го л. безъ *т* въ ср.-влкр. говорахъ совсѣмъ не встрѣчаются, въ сѣв.-влкр. — преимущественно въ западныхъ (Новгор., Олон., Псков., Арханг.), а въ ю.-влкр. — почти повсемѣстно, кромѣ мѣщанскихъ говоровъ, но только въ един. ч.

Къ окончанію возвратныхъ глаголовъ въ 3-мъ л. *т* никогда не приставляется: б а и́ ц̄ а, с̓ п и́ ц̄ ъ, у́ ч у ц ъ и проч. [1]).

2-е л. множ. оканчивается всегда на *-ти* (безъ ударенія). Формы на *-тя* въ говорѣ самихъ Парфёнокъ, дер. Курова, с. Васильевскаго не встрѣчаются, но въ сосѣдней Спасъ-Нудальской волости Клинскаго у. (дер. Сальково—въ $5^1/_2$ в. отъ Парф. и др.), а также къ югу отъ Парфёнокъ въ дер. Ивакинѣ (верстъ 10 отъ Парф.) составляютъ обычное явленіе. Ср. у Чернышева въ Моск. у. Въ ю.-влкр. почти вездѣ -тя (но возвр. -тися).

Такъ назыв, 1-ое и 2-ое спряженія, какъ и въ литературномъ и почти во всѣхъ ю.-влкр. говорахъ, различаются только подъ ударенiемъ. Въ глаголахъ 1-го спр. изъ е́ всегда—̓о́: и д̓ о́ ш, н и с̓ о́ ш, в и д̓ о́ т и, ж ы в̓ о́ м и пр. е́ въ этихъ формахъ (а въ 1-мъ множ. частью ̓о̆) извѣстно какъ въ южныхъ, такъ и въ сѣв.-влкр. говорахъ, но въ ю.-влкр. это е́ — какъ то чересполосно: въ говорахъ смоленск. и мосальскаго типа и въ говорахъ преимущественно вольныхъ селъ Тульской, Рязан. и др. губ., Донской Обл. и пр.; въ сѣв.-влкр. такое произношеніе сосредоточено преимущественно въ западной части (именно въ Олон.), хотя, кажется, существуетъ и въ Волог. Кадник. Такимъ образомъ, и въ этомъ случаѣ ср.-влкр. нарѣчіе ближе къ восточнымъ сѣв.-влкр. говорамъ, чѣмъ къ западнымъ.

---

[1]) Кажется, это приставное *т* въ окончаніи 3-го л. возвр. глаголовъ рѣдко. Между прочимъ ср. въ Тихон. вол. Калужск. у.: у́чюцют̓, зыба́вля́юцют̓ и т. п.

Въ 3-мъ л. множ. ч. не подъ ударенiемъ всегда *-ут* (или: -ў̆т послѣ мягкой), въ остальныхъ лицахъ, кромѣ 1-го един., гласная окончанiя та, какая должна получиться фонетически изъ *е*, т. е. послѣ шипящихъ — *ъ* или *ъ*, проясняющiйся при пѣнiи въ *а*, послѣ мягкой согласной — *и* или *ь*, а при положенiи послѣ (ударяемой) гласной + j изъ j + гласная личнаго суффикса получается į, составляющее съ предшествующей гласной долгiй дифтонгъ (ср. т. 44, стр. 207). Такимъ образомъ глаголы съ ударенiемъ на основѣ въ нашемъ говорѣ, какъ и въ другихъ ср.-влкр., ю.-влкр. и бѣлор., всѣ принадлежатъ фактически къ 1-му спряженiю.

Примѣры на окончанiе 3-го л. множ. ч. Миша Байковъ пишетъ: ходютъ, ѣздютъ, приходютъ, гонютъ, видютъ, понадобются и гонятъ (4 раза); послѣднее написанiе — орѳографическое.

Въ моихъ записяхъ: ка́тїоца, пъхаро́нїот, саску́чўцъ, заста́вїот, wо́дїот, стано́ўцца, хо́дют, щю́рют, лю́бїот, падло́мїот, бе́гъįўт, игра́ют, ду́муįўт и пр.

Объ формахъ глаголовъ хочу, дышу́, бѣгу, могу́, лягу см. ниже. По ударенiю можно отмѣтить: тащю́, та́щит или то́щит (пато́щит) и тащи́т, та́щют и тащя́т; и́дут и иду́т (но всегда: идо́т); прикати́т, катя́т и ка́тюццă, ко́тют; упа́дьт и упадо́т и т. п.

Стяжёныя личныя формы глаголовъ попадаются только не подъ ударенiемъ, чаще всего въ глаголахъ съ суф. -ыва- или -ива- (-ова, -ева). Къ приведеннымъ выше (т. 44, стр. 205) примѣрамъ прибавлю еще: я ка́шлю, анà ка́шльт, фсю́ ты зъваля́къш руба́ху, зграба́стът, зафся́ɣды страмни́чъ[а]т, я ду́му, што́ ты ду́мъш и пр.; въ приб.: што́ ты де́лаш, я́ ти да́м и т. п., выгля́дыwăт. Формы 1-го л. множ. со стяженiемъ мнѣ не встрѣчались. Въ глаголахъ на -ыва- при стяженiи самый суфф. -ыв- претерпѣваетъ нѣкоторыя фонетическiя измѣненiя, напр.: я бра́ту пажа́луwус, Ало́нъ имъ пака́зуwъ[а]т и пр. (если только пажа́луwус—изъ пожало(ы)ваюсь, а не сдѣлка между этой формой и ф. пожӑлуюсь. Ср. также млр. ў̆ вмѣсто į въ та-

кихъ глаголахъ). Подобное стяженіе наблюдается и въ другихъ влкр., преимущественно сѣверныхъ и среднихъ, причемъ въ первыхъ, а также въ нѣкоторыхъ смѣшанныхъ—даже подъ удареніемъ. Ср. у Чернышева въ Свѣд. о нѣк. говв. Моск. у. стр. 11, 27, 35, 42, 31 и у Будде въ говорахъ средневлкр. типа Тульской губ. Въ ю.-влкр.—рѣдко, ср. впрочемъ у Филатова въ Вор. даже знаш.

Глаголы ѣсть и дать со сложными спрягаются, какъ и въ Московск.: јем, јеш, јес^{т}, јиди́м, јиди́ти, јидя́т; да́м, да́ш, дас^{т}, дади́м, дади́ти, даду́т, причемъ формы отъ дам, какъ и въ Моск.,—въ значеніи буд. соверш. вида. Формы 2-го л. един. даш, јеш, вѣроятно,—не изъ повелит. дажь, ѣжь, а по аналогіи съ другими глаголами [1]). Какими причинами вызвано общерусское дадут вм. дадят, для меня неясно. Ср. мосал. и бѣлор. яду́ть (Колосов. Обзор, 244). Отъ глаг. быть въ изъяв. наст. сохранилась только форма јес̊^{т}' для всѣхъ лицъ обоихъ чиселъ. Отъ глагола вѣмь извѣстна, да и то почти не встрѣчается форма 3 л. ед. ве́с^{т}' въ выраженіяхъ: Бо́х вис̊ (вес̊) и не́виш̊ што́, не́вис̊ хто́. Энклитическое вит̊ или ит̊ (= вѣдь = вѣдѣ) употребляется исключительно, какъ частица. Можетъ быть, остатокъ нетематическаго спряженія имѣется и въ выраженіи Бо́знът̊ (гдѣ знът̊ тогда= знать или знаать), но скорѣе надо думать, что это знът̊ изъ зна́ịт̊ ~~или зна́ịт~~.

Слово „говоритъ“, какъ вводное, для передачи чужой рѣчи, получаетъ форму гъвӑ̊ьт или гwӑр̊т (г̊ўӑр̊т, причемъ слоговымъ является здѣсь скорѣе р̊, чѣмъ *а*), также гъўт, гыт и гът. Въ томъ же значеніи, но съ оттѣнкомъ несогласія говорящаго съ передаваемыми словами — дьскът̊.

---

[1]) Архаичныя формы даси́, ѣси́ теперь сохранились только въ малор., бѣлор. и части сѣв.-влкр. Надо думать, что исчезновеніе ихъ въ другихъ говорахъ сравнительно позднее.

Повелительное наклоненіе.

Конечное *и* неударяемое отпало вездѣ съ сохраненіемъ (по большей части) мягкости предшествующей согласной, а *и́* — только въ трехсложныхъ и многосложныхъ формахъ, причемъ удареніе перенесено на основу. Къ примѣрамъ, приведеннымъ въ 44 т., стр. 202, добавлю: ни тро́ш, ни варо́ш; ты напо́ј, нъкарми́; вы́нис (= вынеси) и пр. Чаще, впрочемъ, это *и́* не отпадаетъ: нъкарми́, принисѝ, пъкажы́, ӑстънави́с паслу́шъј и т. п. Въ двусложныхъ повелит. съ *и́* на концѣ это *и́* сохраняется: ниси́, види́, лажы́с, скажы́, сади́с, глии́-глии́ и пр. Повел. пот (= подь), вѣроятно, изъ по́йди (ср. по́хороны, по́гребъ, по́нялъ и пр.), а въ пади́ или пајди удареніе на концѣ вторичное. гля́ʌ-къ-с не изъ гляди́-ко-сь, а изъ глянь-ко-сь. Впрочемъ, ср. у Чернышева въ Свѣд. о нѣк. говв. Моск. у. пой, дой (стр. 54). Я слышалъ только сложныя: напо́ј, ни до́ј и пр. (односложныя формы могли быть извлечены уже изъ этихъ сложныхъ). Отпаденіе гласной въ формахъ повел. накл. вызывается тѣмъ, что значеніе повел. требуетъ болѣе быстраго темпа рѣчи вмѣстѣ съ усиленіемъ ударенія. Кажется, такія сокращенныя формы повел. въ сѣв.-влкр. (гдѣ вообще гласныя выбрасываются не такъ охотно) рѣже, чѣмъ въ ю.-влкр. (ср. у Чернышева въ Свѣд. о Моск. у., стр. 54 и 61 и др.), но все-таки встрѣчаются, ср. Симб. (Мотовиловъ, Симб. молвь, 12): подь, положь, покажь, затворь и др.

јет, паѫје́т (и падје́т), је́тти и т. п. — повел. отъ глаг. ѣхать, отъ основы наст. врем. То-же — и въ разныхъ другихъ говорахъ, какъ сѣв., такъ и южныхъ.

ӑ б а б р и́, п ъ д а б р и́ с — повел. отъ ъбабри́т, пъдабри́ццӑ.

л я к, л я́ к т и и (п р и) л я́ ш, (п р и) л я́ ш т и; н и т р о́ ш и н и т р о́ к — повел. отъ ля́гу и тро́ну (трогаю) [1]. Ср.

---

[1]) При н и т р о́ к и н и т р о́ ш (только съ отрицаніемъ!),

въ Мещов. ляжь, не трожь; Буйск. не трожь (Мат. 18) и др. Безъ ударенія только: тро́гӑј и трон̑.

Союзы хош (хӑш, хуш) и хот̑ (хӑт̑, хут̑) и частица иш по происхожденію — формы повел. наклоненія = старымъ хочь (отъ глаг. хо́чешь, inf. хочи), хоть (отъ глаг. хоти́шь и пр., inf. хотѣть) и вижь (отъ глаг. вижу).

ни за́м употребляется только, какъ союзъ; впрочемъ, чаще: ни зама́ј отъ глаг. зајма́т̑. Ср. выше, т. 44, с. 209.

Отъ глаголовъ ѣсть и дать повел., какъ въ литерат.— јеш (=ѣжь) и дај (вмѣсто дажь).

Повелит. нерѣдко соединяется съ частицами -ка и -ка-с̑: тро́н̑-кӑ, пака́ш-кӑ или пъкажы́-кӑ, дај-кӑ или да́-къ, да́-къ-с̑ (наприм.: „да́-къ мне́ пис̑мо́-тъ" ск.), гля́-къ-с̑, „пӑлюби́ къ с̑ мин̑я ми́лин̑кӑј" (пѣ.). Въ записи Анны Аким.: паглядика (пѣ.). Ср. дакось у Колос. Зам., новг.; у Черныш. Моск. у., стр. 15) [1]). Такимъ употребленіемъ частицы ка вызвано повелительное (правда, рѣдкое): хърашэ́н̑ при хърашэ́н̑къ. Эта форма получилась изъ такихъ выраженій, какъ: хърашэ́н̑къ ђиво́ и т. п. (чаще въ сравн. степ.: хърашэ́н̑чь).

1-е л. буд. врем. безъ мѣстоименія 1-го лица употребляется въ значеніи adhortat., наприм.: пајду́ къ я схажу́ к ням́у. 1-е л. множ. такого futuri adhortativi употребляется въ обращеніи къ одному второму лицу и обозначаетъ предложеніе совершить извѣстное дѣйствіе (обозначенное основой глагола) совмѣстно съ предлагающимъ: пајд̑ом, ку́пим; схо́дим; пасмо́трим и пр., наприм. въ пѣ.: „Станимъ пити и гуля́т̑" (Как на гор-

---

мнѣ кажется, слѣдуетъ предполагать несохранившуюся форму настоящ. трогу́, тро́жешь при inf. трочи́ или тро́чь, какъ ля́гу при infin. лечь, могу́—мочь. Тогда ни тро́к — изъ не троги́, а послѣднее — вмѣсто не трози́.

[1]) Объ этихъ частицахъ см. акад. А. И. Соболевскаго: Изъ исторіи русскаго языка. Журн. Мин. Нар. Просв. 1901, октябрь, замѣтки VII и VIII.

ки) или: „Пајдо́м, Ду́ня, ва лясо́к..., сарво̀м, Д., лапушо́к.... сашјо̀м, Д., сарафа́н...“ (здѣсь лицъ, отъ которыхъ исходитъ предложеніе, нѣсколько: „Во кузницѣ... молодые кузнецы; они... къ себѣ Дуню приговариваютъ“). Для обозначенія множественности вторыхъ лицъ, къ которымъ обращено предложеніе, употребляется та же форма съ присоединеніемъ окончанія 2-го л. множ. — *ти:* пад̀о́мти, ста́нимти, ку́пимти, пъзаво́мти, сашјо́мти, спајо́мти и пр. Ср. въ величал. пѣ.: „Пајдо́мти мы де́ушки да фсѐ па дали́нушки, збиро́мтис мы де́ушки да фсѐ па палти́нушки“, и пр. [1]). Такимъ образомъ соотношеніе по значенію между пајдо́м и пад̀о́мти = пойди : пойдите и т. п.; пайдёмъ со мною = иди со мною; пойдёмте со мной = идите со мной. Ср. ю.-вр. (Орлов. и др.) пашо́лтя : пашо́л = иди́тя : иди́ = пойдёмте : пойдёмъ.

Такъ же образуется множ. ч. и отъ частицъ, получившихъ значеніе повел.: ну́ — ну́ти, на́ (= бери) — на́ти (берите), напр. въ приб.: „нати ма́ічика маво́, карми́ти с па́лчика яво́“.

Другіе способы выраженія повелит.: 1. формой прош. врем.; только: пашо́л, пашла́, пашли́ и, рѣдко, пајехъл, -ли; 2. формой infin.: малча́т, пазва́т иво́ суды́ и пр.

Описательная форма adhortativi или 1-го л. повел.: дава́ј и дава́јти съ формой 1-го л. будущ.: дава́ј скажу́, дава́ј пъсаве́таим и пр. Рѣдко — дава́ј съ формой 2-го л. един. повел., ср. у М. Б.: довай суши сухарей (ск.).

Форма повелит. можетъ сохраняться и въ придаточныхъ предложеніяхъ: зна́ш што зде́лај и пр. У Анны Аким.: паслушай што скажи (пѣ.).

---

[1]) Въ пѣсняхъ иногда „ти“ не прибавляется, наприм. въ только что приведенной пѣснѣ дальше поется: „Накупим мы де́ушки духо́в да пама́душки“ и пр. См. мою замѣтку: „О нѣкоторыхъ новообразованіяхъ въ русскомъ яз.“ (Мелкія замѣтки... III, Ж. М. Н. Пр. 1902, іюнь).

Основы наст. врем. и повел.

О смягченіи согласныхъ передъ личными окончаніями глаголовъ см. выше, фонет., т. 45, стр. 234 и 251—252.

Въ глаголахъ съ основой 1-го л. един. ч. на старую смягченную согласную эта согласная сохраняется вездѣ въ 1-мъ л. един. ч., кромѣ немногихъ глаголовъ, перечисленныхъ ниже, наприм.: ста́влю, сы́плю, гра́блю, становлю́, куплю́, кормлю́, люблю́ и пр.; ношу́, кошу́, хожу́, грожу́, вожу́ (2-е л.: во́дит и во́зит), кра́шу, ви́жу, плачу́, пущю́, грущю́, пригвожжю́ и пр. Въ остальныхъ лицахъ въ глаголахъ 1-го спряженія съ основой на губную + ј это ј по большей части не сохраняется по аналогіи съ глаголами 2-го спряженія, наприм.: сы́плю, сы́пиш, сы́пют; триплю́с, тре́пьссӑ, тре́пюццӑ, но си́пльт (ср. т. 45, стр. 234). Но у глаголовъ ѣздить, лазить, елозить, полозить, пона́добиться (и др.?) и въ 1-мъ л. ед. ч. въ окончаніи основы является не старая смягченная согласная, а та же, что и въ остальныхъ лицахъ; при этомъ между этой согласной и окончаніемъ 1-го л. един. вставляется *иј:* је̇здию, ла́зию, јило́зию, пана́дъбиюс. Вѣроятно, здѣсь дѣйствовала аналогія съ глаголами на *-ѣтъ*. (См. ниже). Отъ крихте́т (кряхтѣть) 1-е л. един.: хрихчю́ и крихтю́.

Въ глаголахъ 1-го спряженія съ основой 1-го л. ед. на твердую задненебную въ тѣхъ формахъ, гдѣ общеславянскій и общерусскій языки имѣли свистящую согласную, являются исключительно средненебныя согласныя: бириги́, ѐстириги́, ни маги́, биги́ (о ф. бижы́ см. ниже), тики́, пики́, тки́, ляк (вмѣсто лягь изъ ля́ги, ср. црк.-слав. лѧꙁи) и пр., а въ тѣхъ формахъ, гдѣ въ общерусск. имѣлась шипящая, послѣдняя обыкновенно сохраняется, не поддаваясь аналогіи формъ съ основой на задненебную: мо́жъм, бирижо́м, ѐстирижо́м, ля́жъм и пр. (ср. то-же явленіе въ именномъ склоненіи). Но въ глаголѣ жгу и нѣкоторыхъ глаголахъ съ основой на *к* звукъ *г* и *к* можетъ

быть во всѣхъ формахъ настоящ.: жжот, жжоццă и, чаще, жгот, зажгот; пичот и пикот и т. д., причемъ эти г и к въ свою очередь могутъ переходить въ д и т, откуда ждот = жжетъ и ждетъ, питот и пр. Въ глаг. тку —ткош, ткот и пр. и тачом (не тчош!). См. также выше, фонет., т. 45, стр. 251—252.

Съ другой стороны, личныя формы съ основой на шипящую повліяли на другія личныя формы, откуда — ля́жу, ля́жут, рядомъ съ ля́гу, ля́гут, повел. ляш; изрѣдка—3-е множ. мо́жут (но чаще: мо́гут). Что касается повел. бигú и бижы́, то они — отъ разныхъ глаголовъ.

Какъ отмѣчено выше, 1-е л. един. ч. глаголовъ лазить, ѣздить, елозить, полозить, понадобиться образуются отъ распространенной основы (— на -ию); въ остальныхъ формахъ распространенная основа рѣже; обыкновенно: јѐздит, яло́зит, пало́зит, анѐ пана́дъбюццă. Въ загадкѣ: „Ма́льнкъј Ъфана́сьј по́ пълу јило́зит, жо́пу ни зано́зит“. У М. Б. въ пѣ.: „много ходютъ ѣздютъ“. Отъ сложныхъ съ лазить повел.: слас, выла́с. Но встрѣчаются отъ этихъ глаголовъ и образованія съ распространенной основой: ла́зииш или ла́зйш, јѐздиит, јѐздиют, ла́зиют, пало́зиют и пр., повел. јѐзди, сјѐзди (изъ: јѐздиј), ср. у М. Б.: съѣзди, сьѣзди. Иногда встрѣчается повел. сла́зиј въ значеніи, нѣсколько отличномъ отъ слас (1-е — въ значеніи соверш. вида, обозначаетъ направленіе, куда, = полѣзай куда-ниб. и слѣзь обратно; рѣдко въ значеніи = слас, а это послѣднее — несоверш. вида, = слѣзай) [1]. Аналогично съ этими глаголами образуютъ формы отъ распространенной основы на *ij* глаголы мучить, полегчить, саднить: му́чию, му́чииш, мучїюїот, повел. му́чиј или муч; пале́хчиит; ра́ну са́дниит. Впрочемъ, можетъ быть, здѣсь и старыя основы на *ѣ*. Ср. литерат. му́чаю и му́чу (у Пуш-

[1]) Отъ лазить употребляются только сложныя слазить и вылазить = слѣзать, вылѣзать. Съ другими предлогами употребляются только сложныя съ -лѣзать: влязáј, пълязáј и пр.

кина въ „Черни“ — второе: „Зачѣмъ сердца волнуетъ, мучитъ“).

Глаголы тереть со сложн. и сложн. съ переть (отпереть, запереть и пр.) образуютъ формы настоящ. и повелит. отъ инфинитивной основы. См. выше, т. 46, с. 149. Эти формы — новообразованія, вызванныя стремленіемъ къ уравненію основъ.

Глагольныя основы на *ова* и *ыва*, *ева* и *ива*, если удареніе не на этихъ суффиксахъ, не всегда различаются. Ср. завидъwу, пажáлўwус, ане́ по́ччьwут, про́бъwут, (Аͦлонъ јим) пака́зуwът и пр. (ср. выше, т. 44, стр. 189); отъ глаголовъ съ суфф. *ова* и *ева* (не ыва и ива) употребляются и формы на *ую*, *юю* и пр., напр. про́буют, пра́знўют, ͗сле́дуит (и: ͗сле́дуwът) и пр.; *у* въ окончаніи основы можетъ переходить въ болѣе открытый гласный звукъ, можетъ быть, благодаря сближенію съ глаголами на *ать*. Ср.: давај пасаве́таим (приб.). Подъ удареніемъ отъ глагол. на *овать*, *евать* всегда *у́ю*, *юю* (не ываю и т. п.): барнўю, цалўю, таргўю, дивўюс, дивўица, днюит и начуит, грустўитаскўит и т. п.

сава́т (не: сут), сую́, су́јти, ср. кава́т, кую́, ку́јти.

Глаголы на *-ва́ть* (съ общерусскимъ *а*): дава́ть, -става́ть, -знава́ть, скидава́ть (и др.) образуютъ настоящ. только на -аю́ (не: ава́ю!): даю́, фстаю́, дъстаю́, признаю́, скидаю́, дајо́т, фстајо́т, скидајо́т и пр., повел.: дава́ј, -става́ј, скидава́ј.

Точно также образуютъ формы настоящ. врем. безъ суфф. *-ва* глаголъ пъчива́т (быть можетъ: подсѣва́ть въ шепелявомъ произношеніи? обо ржи: просѣивать черезъ рѣшето) и нѣкоторые изъ глаголовъ на *-ъва́ть*: дява́т со сложными, ръзява́т, ӑдълява́т, пъ͗спява́т. *Примѣры:* я ни зна́ю, куда́ ʷон пу́тъ дијо́т; нъдию́, ӑдию́с, ръзијо́т, зъдијо́ш, миня̀ ͗сме́х ӑдълијо́т, я́гъды пъ͗спиют, ана̀ ро́ш пъчијо́т (пъцијот?) нъ гувне́. М. Б. пишетъ: одиюсъ (ск.). Но повел. дява́ј, ръзява́ј, ъдива́јсъ и пр. Отъ другихъ гла-

головъ на *-ѣвáть*, какъ -сѣвáть, -пѣвáть, -грѣвáть и т. п. формы настоящ. — на *вáю:* высявáдти, зъпявáдт.

Отъ глаголовъ на *-ывáть* и *ивáть* (выпивать, выливать, вымывать, покрывать и пр.) настоящее всегда — на *-вáю*.

Отъ глагола одолѣть въ Васильевскомъ я слышалъ форму 3 множ.: клапы́ ăдаля́т. Эта форма образована по аналогіи съ другими глаголами съ основой infin. и прош. на *-ѣ*, наприм.: сидѣть, висѣть, хотѣть, глядѣть и проч.

Объ глаголахъ трепать, стонать, щипать, махать и пр. см. ниже въ главѣ объ образованіи видовыхъ основъ.

Инфинитивъ.

Infin. почти всегда кончается на мягкую согласную (т̑, с̑ и ч), что вызывается отпаденіемъ конечнаго *и* (хотя бы и ударяемаго), а въ двухъ глаголахъ — вторичной наставкой т̑. Къ формамъ infin. возвратн. на -цă окончаніе т̑ не присоединяется (ср. подобныя окончанія въ Касим. и Калуж.). Отъ сложныхъ съ ити́ть встрѣчается иногда и infin. на -ти́. См. выше, т. 44, с. 202. Прибавлю нѣкоторые примѣры. Въ записяхъ Миши Байкова: запась (ск.), почесь (ск.), пройдти, идтить, уйтить (всѣ три примѣра изъ пѣсенъ). Отмѣчу infin. возвратн. наjти́ццă.

Въ окончаніи ти послѣ гласной неударяемое *и* только въ пѣсняхъ, наприм.: „Мне па трáwушки ни хáжывати, мнѐ милá друшкà за рýчиньку ни вáжывати“ и т. п. Изъ другихъ великорусскихъ говоровъ это *и* сохранилось только въ части сѣв.-влкр., а именно, въ арханг., вятской, новгор. (ср. матер. 20) и тоболь. (ср. матер. 21) губ., см. у Колосова, Замѣтки, стр. 229 (Вят.).

Кромѣ ити́т̑ и ит̑ти́т̑ отъ того же глагола встрѣчается и infin. иди́т̑, паjди́т̑ и пр., но рѣдко. Здѣсь *д* — изъ формъ наст. врем. (изъяв. и повел.). Ср. то-же въ Курск. (Колос. Обзор, 240), Мещовск. (Чернышевъ, Ме-

щовск. и Дополн. къ Мещовск.), Калужск., Медынск. и Перемышл. (по моимъ записямъ; въ этихъ 3-хъ уѣздахъ я слышалъ только такое произношеніе). Въ ср.-влкр., повидимому, infin. идить рѣдокъ, а въ сѣв. пока, кажется, совсѣмъ не отмѣченъ.

Отъ жму infin. — жат̑, прош. — жал.

Прошедшее время.

Прошедшее время выражается, какъ въ литер. и другихъ влкр. говорахъ, причастіемъ на *-л* безъ вспомогательнаго глагола. Тѣ-же причастія, но только совершеннаго вида, съ формой средн. рода прошедш. вспомогат. глагола: былъ (или был, гдѣ конечная гласная отпала) употребляются для обозначенія предпринятаго, но не совершеннаго дѣйствія: он был уби́лсă, он был паје́хăл. Средн. родъ прич. прош. вспомогат. глагола бывáлъ съ причастіями на *-л* несовершеннаго вида обозначаетъ дѣйствіе, обычно повторявшееся въ прошедшемъ: он бывáл кáжын де́н туды́ хади́л и т. п. (то же и въ литерат. яз.), а съ личными формами изъявительнаго наклоненія — одно изъ обычныхъ повтореній въ прошедшемъ извѣстнаго дѣйствія, разсматриваемое или въ его длительности (съ личными формами наст. врем.) или, какъ совершившееся (съ личными формами будущ. врем. соверш. вида). То же и въ литературномъ языкѣ.

Для обозначенія начатого въ прошедшемъ дѣйствія употребляются формы прошедш. стал или нáчáл (согласов. въ родѣ и числѣ съ подлежащ.) съ infin. несоверш. вида безъ указанія на продолженіе начатого дѣйствія или частица ну́ съ infin. несоверш. вида, заключающая въ себѣ указаніе на послѣдующую продолжительность или интенсивность начатого дѣйствія: ну́ гъвари́т̑ = началъ усиленно или много говорить, говорилъ. Въ томъ же значеніи: *давáј* съ infin. Ср. у Миши Байкова: „и давай попа ругать“ (ск.), и иногда: *пашо́л*, согласов. въ родѣ и числѣ съ подлежащимъ.

О прошедш. и ш о́ л см. въ 46 т. стр. 150. ишо́л распространено въ малор., бѣлор. и ю.-влкр. говорахъ, встрѣчается, но, повидимому, рѣдко и въ сѣв.-влкр., наприм. Симбир. (Мотовиловъ, 10), новгор. (Колосов, Обзор, 126). и ш ь л ъ со значеніемъ близкимъ къ простому ш ь л ъ попадается уже въ Успенскомъ Сборникѣ XII в.

Глаголы выть, крыть, мыть, ныть, рыть спрягаются, какъ въ литер., т. е. наст. во́ю, кро́ю и пр., прош. выл, кры́л и пр., infin. вы́т̓ и т. д., но сложныя: вы́мъ̆л, вы́ръ̆л (см. т. 44, стр. 187). Одна старуха говорила также: „Гру́шкъ пришла́ тут, во́илъ, во́илă...“, но молодежь надъ этимъ словомъ смѣется. Отъ бит̓, вит̓, лит̓, пит̓, шыт̓ — бју́, вју́ и пр., прош. би́л, вил и пр. Отъ глаг. брит̓ (ъбабри́т̓, пъдабри́ццă) — -брю, бре́иш; брил.

Отъ глагола к л а д у́ употребляются сложные: укладу́, нъ̆кладу́ и пр., ср. сущ. укла́тка = небольшой сундукъ.

Отъ глагола „бѣчь“ употребляются формы: бягу́, бягу́т, повел. биги́, прош. в̓ок, бягла́ (ср. въ ск.: мат̓ убягла́ дамо́ј, а те́ убе'гли́ и пр.), infin. бе́ч. Чаще — формы отъ глагола „бѣжать“: бижы́ш и пр. (1-е л. един. бѣжу́ и 3-е множ. бѣжат неупотреб.), повел. бижы́ (чаще, чѣмъ биги́), прош. бижа́л и пр. (ср. у М. Б.: побежали — ск., и др.), infin. бижа́т̓.

Отъ глагола дышать правильно: дышу́, дышы́ш... дыша́т, повел. дышы́, infin. дыша́т̓, прош. дыша́л; рядомъ употребляется и глаголъ дыхать: ды́шъш, ды́шът,... ды́шут, рѣдко infin. дыха́т̓ (ср. Ягичъ, Критич. сам. 146).

Отъ глагола хотѣть употребляются только infin. хате́т̓ и прош. хате́л; повел. мнѣ не приходилось слышать; формы изъявительнаго: хати́ш и т. п. почти не употребляются и замѣняются формами глагола *хочи́: хо́чьш, хо́чьм, хо́чут. Въ другихъ говорахъ формы изъявительнаго наклоненія образуются отъ обоихъ глаголовъ, причемъ иногда въ един. ч. употребляется одинъ изъ нихъ, а во множ. — другой. Такъ въ литерат. формы един. ч. — по-

1-му спряж., множ. — по второму. Въ говорахъ Калужск. и Малоросл. у. наоборотъ: хати́ш, хати́т̑, но хо́чьм, хо́чут̑. 3-е л. возвр.: хо́ᵗца или хо́ц̑ца (см. т. 46, стр. 133), ср. южновеликор. хо́ц̑а и хо́ца. Форма, по значенію — 2 л. изъявит. х о ш, наприм.: ты дѐ хо́ш и пр., по происхожденію — быть можетъ, изъ хо́чеш или же изъ повел. хочь, ср. частицу х о ш (изъ хочь) и х о т̑ (изъ хоти́).

Изъ глаголевъ съ суфф. н^{e}/$_{o}$ — *ну* (въ различныхъ значеніяхъ этого суфф.) одни имѣютъ этотъ суфф., какъ въ основѣ настоящ., такъ и въ основахъ infin. и прош., другіе же — не во всѣхъ формахъ. Наприм.

1. сту́кну, сту́кнут̑, сту́кнул; по́кну, по́кнут̑, по́кнул, ру́хну, ру́хнут̑, ру́хнул; д̑ви́ну, д̑ви́нут̑, д̑ви́нул; глану́, глану́т̑, глану́л; то́рну, то́рнут̑, то́рнул и т. д., между прочимъ у всѣхъ глаголовъ на *-ану* суфф. этотъ сохраняется во всѣхъ формахъ.

2. стре́ну (=встрѣчу), стре́нут̑; увя́ну, увя́нут̑; утану́т̑; со́хну, со́хнут̑; мо́кну, мо́кнут̑; гло́хну, гло́хнут̑ и т. п. со сложными, прош.: стре́л и стре́нул (см. ск.; между прочимъ въ возвр. всегда: стре́лса, стре́лас и пр.), увя́л, уто́п и утану́л (чаще: утапи́лсӑ), сох, мок, -глох (загло́х, агло́х и пр.) и т. д.

3. ста́ну, ста́ньш, повел. — стан̑, infin. стат̑, прош. стал; де́ну, дет̑, де́л; ръс̑вино́т, рас̑с̑ве́с̑, ра̕ с̑во́л.

Виды.

Остановлюсь на нѣкоторыхъ суффиксахъ, имѣющихъ видовое значеніе, т. е. употребляющихся для обозначенія видовыхъ различій въ глаголахъ.

ова и *ева* со значеніемъ несоверш. вида. Во многихъ случаяхъ въ положеніи послѣ ударенія онъ совпалъ съ суфф. *ъва* и *ива* или замѣненъ имъ (примѣры см. выше), не смотря на то, что по происхожденію и по первоначальному значенію эти суффиксы отличаются другъ отъ друга. Суфф. *ова* и *ева* по преимуществу — суфф. оты-

менныхъ глаголовъ, а суфф. *ыва* и *ива* — отглагольныхъ. Суфф. *ова* и *ева* вносятъ въ основу значеніе несовершеннаго вида, а суфф. *ыва* и *ива* въ глагольныхъ образованіяхъ отъ глагольныхъ основъ несовершеннаго вида вносятъ кромѣ того понятіе кратности.

Замѣна суфф. *ова* и *ева* суффиксами *ыва* и *ива* происходитъ въ формахъ изъяв. настоящ. врем., между тѣмъ какъ въ формахъ infin. и прош. они совпадаютъ фонетически. Тамъ, гдѣ этой замѣны нѣтъ, окончанія личныхъ формъ глаголовъ на *-ую* и пр. смѣшались съ подобными окончаніями глаголовъ на *-аю*, причемъ передъ личными окончаніями и въ тѣхъ и въ другихъ глаголахъ могутъ являться звуки переходные отъ *а(ъ)* и *у*.

Въ глагольныхъ основахъ, образованныхъ отъ существ. на *-ство:* бѣдствовать, рабствовать (глаголъ заимств.) и т. п. суфф. *ов* въ infin. и прош. обыкновенно выпадаетъ, такъ что эти глаголы совпадаютъ съ глаголами на -ать, -аю; наприм.: „ка́к ане бе́цтвъли!“ „он Тра́wїюну ра́пствъл“. Отъ глаг. саве́туюс и саве́тъюс infin. саве́тъццă, прош. саве́туwăл и саве́тъл, напр. „уш ане́ з бра́тъм пъгъwари́ли, пъсаве́тъли“. Также: абра́дуюс, infin. абра́дъццă, прош. абра́дуўлсă и „ўот он абра́дълсъ, ана́ абра́дълъс“.

Въ положеніи подъ удареніемъ суфф. *-ова* и *-ева* сохраняются, не смѣшиваясь съ другими суффиксами.

Приведу нѣсколько глаголовъ съ суфф. *-ова*, неупотребительныхъ или мало употребительныхъ въ литературномъ языкѣ. „ма́т̑ о́чин̑ грусту́итаску́ит, пла́чит“, „пуща́ј пўгўладу́ют“ (глаг. голодовать, ср. существ. голодовка); „так карту́зик и ни п̊ъдару́ити мне?“; „а он глии́т, глии́т, мяку́ит, мяку́ит“ (=смекаетъ; глаг. мекова́ть); „што́, къл̑ пръвину́иссă“ (провиноваться=провиниться).

ава. Этотъ суфф. былъ очень распространенъ въ ст.-славян. языкѣ. Въ русскомъ яз. вмѣсто него употребляются суфф. *ыва* и *ива*. Въ разбираемомъ говорѣ съ суфф. *ава* мнѣ извѣстенъ только глаголъ скидава́ть (см. выше),

вмѣсто котораго чаще употребляется глаголъ скида́ть. Въ глаголахъ дава́ть, -знава́ть и вставать суфф. *ва*, такъ какъ *а* передъ нимъ принадлежитъ корню. Образованіе формъ настоящ. врем. отъ этихъ глаголовъ отличается отъ старославянскихъ.

ва, приставляющійся къ основамъ на гласную, по большей части къ сложнымъ съ предлогами, потому что несложные глаголы съ основой на гласную по большей части сами — несоверш. вида: встать—вставать, дать—давать, знать — знава́ть, сѣять — высѣвать, пѣть — пѣвать, дѣть—дѣвать, одолѣть—одолѣвать, поспѣть—поспѣвать, покрыть—покрывать, налить—наливать и пр., какъ въ литературномъ. Отмѣчу отъ этихъ глаголовъ двоякое образованіе основъ настоящ. — на *ва́* и безъ него съ удареніемъ на окончаніи (такіе глаголы отличаются отъ своихъ непроизводныхъ въ формахъ настоящ. врем. только удареніемъ). Любопытенъ глаголъ нагнува́т -цца̀, гдѣ суф. *ва* приставленъ къ производной основѣ на *ну* (гну, гнёт· — отъ гъб-нж). Отъ того же гну употребляется и другое образованіе несовершеннаго вида: нагина́т и пр.

ыва и *ива* присоединяются къ глагольнымъ основамъ несовершеннаго вида, внося въ нихъ понятіе кратности. Въ соединеніи съ глагольными основами, заключающими и безъ того, это понятіе, эти суффиксы подчеркиваютъ раздѣльность отдѣльныхъ моментовъ повторяющагося дѣйствія. Можно думать, что такія формы, какъ хаживать, важивать и пр., употребляющіяся преимущественно въ пѣсняхъ и не во всѣхъ формахъ, извлечены изъ глаголовъ сложныхъ съ приставками, вносящими понятіе некратности, наприм. похаживать и пр.

Примѣры: Гуля̀ј до́чка да бяла́, Я сама̀ така̀ была́, Сама̀ гу́ливала, Ф полно̀ч ха́жавала, Друшко́в ва́жавала и пр. Обыкновенно съ отрицаніемъ: Я на у́лицу ни ха́жавала, Я с рибя́тыми ни и́гра̀вала. Infin. съ отриц.: Уш и мне́ ли та па тра̀вушки ни ха́жывати, мне́ мила́ друшка̀ за ру́чи́нку ни ва́жывати. Въ духовн. стихѣ про Ла-

заря: кро́шычки падби́рывуют, гнаючи́и ра́нычки зали́завуют и пр.

Въ глаголахъ на *-ъвать* вмѣсто *ъ* обыкновенно — *ъ*, проясняющееся при пѣніи въ *а*, или же *у* (yw изъ ъw). Это измѣненіе, быть можетъ, и нефонетическое, а вызвано смѣшеніемъ съ глаголами на -овать. Надо думать, что оно явилось еще до измѣненія кы, гы, хы въ ки, ги, хи, потому что въ глаголахъ на кывать, гывать, хывать остались твердыя задненебныя. Въ старославянск., частью въ чешск. и др. русскимъ глаголамъ на -ывать соотвѣтствуютъ глаголы на -авати безъ ударенія на суфф. Формы на -ывати, быть можетъ, еще общеслав., судя по польскимъ глаголамъ на -ywać (наприм. widywać и др.). Въ русскихъ памятникахъ они встрѣчаются еще въ XIV в., наприм. въ Лаврент. лѣтоп. (см. Некрасовъ. О яз. Лавр. лѣтоп. въ Изв. Отд. русск. яз. и слов.).

а́ (infin. -а́т̆, наст. -а́ю, непремѣнно съ удареніемъ на *а*) употребляется съ тѣмъ же значеніемъ, какъ и *-ъва*. *Примѣры:* нъклада́т̆ на́ въс, де́фки ба́ню вåклада́ли (приб.), зъклада́т̆ (напр. лошадей), испъвяда́т̆, вътряса́т̆, ръстряса́т̆ (сѣно), скида́т̆, атриза́т̆, згина́т̆, нъгина́т̆ [1]), вына́т̆ [2]); наст. ѝъклада́ю, въклада́ю, зъклада́ю, „ищь ба́рину ни дъклада́ют“ (ск.), испъвяда́ица, вътряса́ю..., скида́ю (ср. скида́ю отъ скидава́т̆), атриза́ю, нъгина́ю, вына́ю = накладываю, исповѣдываю, нагибаю, вынима́ю и пр. Рядомъ съ вына́т̆ употребляется и глаголъ выня́т̆, -я́ю, -я́л (наприм.: „Късти́нти́н Якъвлиич пла́то́к выня́ит“ и т. п.), свойственный сѣв.-влкрус. говорамъ, и вынима́т̆. Тотъ же суфф. у глаголовъ несложныхъ съ предлогами: капна́т̆, вярта́т̆, наст. капна́ю, вярта́ю = окапываю, поворачиваю. Въ пѣ., записанной Мишей Байковымъ: „все про все спрашала“ =

---

[1]) Т. е. нагибать; образов. прямо отъ глагола -гнуть съ усиленіемъ корня по общему правилу, какъ жну—жина́ю, мну—мина́ю, пну—пина́ю, хотя infin. отъ этихъ глаголовъ долженъ былъ препятствовать этой аналогіи. Ср. т. 46, стр. 131.

[2]) Образов. прямо отъ вы́нут̆, какъ -гина́т̆ — отъ гнут̆.

выспрашивала. Этотъ суфф.—тотъ же, что въ глаголахъ слѣзаю, выбѣгаю, подгрѣбаю, сгибаю, стираю, ража́ю и т. п. Въ старослав. этотъ суфф. съ такимъ значеніемъ былъ, повидимому, чаще, чѣмъ въ соврем. русскомъ языкѣ. Въ влкр. говорахъ не только въ приведенныхъ глаголахъ, но даже и въ тѣхъ, которые въ литерат. яз. извѣстны только съ суфф. а́, этотъ суфф. нерѣдко замѣняется суфф. *ыва* и *ива*, какъ наприм. ю.-влкр. угра́живаить и т. п. Ср. у Будде, Къ діалект. и Къ ист., у Филат. Ворон. и др. Съ другой стороны, въ другихъ говорахъ извѣстны нѣкоторые глаголы съ суфф. а́, вмѣсто которыхъ въ разбираемомъ говорѣ употребляются только глаголы съ суфф. -*ыва*, наприм. Калужское (Калуж., Медын., Перемышл., Малояросл., Мещов., Боров. и др.) за̀куса́т, повел. закуса́јтя (у насъ: заку́съвът, заку́съвъјти или ку́шъјти); Углич. замаха́ёсса [1] = зама́хиваешься (наст. время, слѣдовательно, значеніе суфф. а́ не совсѣмъ то, что въ нашемъ замаха́ешь — буд.). Для полноты приведу еще нѣсколько примѣровъ изъ другихъ говоровъ: приклада́ютца—Тул. Крапив. (Будде, Тул.), приклада́ть, уклада́ть, исповѣдаться, склада́ть, починя́ть—Мещов. (Чернышевъ), упраша́ють, спраша́ють—Ворон. (Филатовъ) и др.

Къ приведеннымъ глаголамъ съ суфф. -а́, обозначающимъ кратность, можно указать параллели изъ древнихъ памятниковъ русскаго языка (нѣкоторыя изъ параллелей, быть можетъ, только старослав., а не русскія): въпрашати — Остр. ев. и др., испрашаю — Минеи 1096 г. и др. богослуж. памм.; прашати со сложными нерѣдко въ Лавр. лѣт. Сложныя съ кладати: прикладаѥть—Нест. Жит. Ѳеод. 32 об[б] и др., закладаше— Слово о полку Игор. и Псков. судн. грам. XIV—XV в., докладати—Новг. грам. 1325—26 г., зарѣза́ти, зарѣзаема —поуч. Иліи архіеп. Новгор. по сп. XV в., закусати въ фактитивномъ значеніи, = кор-

---

[1]) Словарь русск. яз., издав. Вторымъ Отдѣл. Имп. Акад. Наукъ, т. II вып. 5. Слово сообщено Н. В. Шляковымъ.

мить — Жит. Іоанна Злат. по сп. XV в. Почти всѣ примѣры взяты изъ Матер. для Словаря Срезневскаго.

Тотъ же суфф., но безъ значенія кратности — въ глаг. владáт̑, -аю, хъладáт̑, -áит (безлично), приблизительно = литерат. владѣть и холодѣть. Глаголъ владáть въ томъ же неполногласномъ видѣ извѣстенъ и въ другихъ говорахъ, ср. Филатовъ, Ворон., т. 37, стр. 201, и, между прочимъ, въ литерат. яз. въ сложеніи съ предлогомъ *об-* (обладать). Встрѣчается и полногласная форма, ср. валадать въ Рязан. (Будде, Къ діалект.) и дер. Ивакинѣ Рузск. у. Литературное „владѣть“, какъ неполногласное, вѣроятно, книжное слово; въ древнерусскомъ ему соотвѣтствовало володѣти. Отношеніе между владать : владѣть = холодать : холодѣть = питать : питѣти (древнерусск.). Повидимому, форма владати въ древнерусскомъ яз. была мало употребительна. У Срезневскаго на этотъ глаголъ только одинъ примѣръ изъ Слова Ипполита объ Антихристѣ. Наоборотъ, на владѣти и володѣти (володати у Срезн. вовсе нѣтъ) примѣры взяты изъ чисто русскихъ памятниковъ XIV в.—изъ лѣтоп., грамотъ, Данилы Заточника.

Нѣкоторые глаголы съ основой infin. и прош. на *а* имѣютъ ту же основу и въ формахъ настоящ. (изъявит. и повелит.) вмѣсто основы на старую смягченную согласную по аналогіи съ другими глаголами, имѣющими основу на *а* во всѣхъ формахъ. Наприм.: т р я п á т̑, триплю́, тре́пьш и пр., но также: тряпáю и пр., „а тó я тибя̑ ръстрипáю“; щ и п á т̑ — щипáю и щиплю́, щипáит и щи́пльт; отъ с т а н á т̑ всегда: станáю, станáит. Ср. Филатовъ, Ворон. 197; Будде, Къ діалект. 124 (не было ли еще общерусск. станáти, станáю при стонати, стоню?); м а х á т̑ — махáю и машу́, махáит и мáшът (наприм.: „дéвицъ и́щьт у тр̑óˠглавнуу̑ з̑мејь и мáшът јиму“) [1]. Отъ глагола м я у́-

---

[1]) Значенія обѣихъ формъ нѣсколько различаются: мáшът — съ цѣлью обратить на себя вниманіе; махáит — безъ отношенія къ цѣли маханья.

кът̊ настоящ. обыкнов. — „ко́шкъ мя́учьт“, отъ паха́т̊ всегда—пашу́, па́шът (ср. сѣв.-влкр. паха́ёт).

Суфф. *já* (т. е. *ѣ* съ общеслав. смягченіемъ предшествующей согласной) глаголовъ несовершеннаго вида (со значеніемъ близкимъ къ значенію суфф. *á*), между прочимъ, — въ слѣд. глаголахъ: с м а т р я́ т̊, сматря́ю или матря́ю, повел. матря́j, сматря́j; з ъ т а п л я́ т̊, зътапля́ю и пр. (наприм. печку); к у п л я́ т̊, купля́ю; п ъ ц ц а б л я́ т̊, пъццабля́ю и пр. Отношеніе этихъ глаголовъ къ сматре́т̊ (т. е. смотрѣть вмѣсто болѣе стараго съмотрити[1])), тапи́т̊, купи́т̊, пъццаби́т̊ = затварять : затворить = (у)лавлять : ловить = (прѣ)ламлять : ломить = укрѣплять : укрѣпить = сажать : садить = наряжать : нарядить и пр. Глаголъ *съматряти* — общеслав., нерѣдокъ въ церковныхъ и древнерусскихъ памятникахъ (ср. съмотрꙗхоу — Нест. Жит. Ѳеод. по сп. XII в. л. 31 об.[а] и др.), извѣстенъ и въ нынѣшнихъ славянскихъ языкахъ, наприм. въ сербск., польск.; изъ русскихъ говоровъ между прочимъ отмѣчено въ Мещов. (Чернышевъ, Дополн. 26), Онеж. (матер. 41), Вятск. (матер. 2), Покров. (матер. 10), Буйск. (матер. 18) в друг.

Глаголъ *куплять* тоже старый. Ср. коупѩхоу (описка вмѣсто коуплѩхоу или вліяніе какого-нибудь южнослав. произношенія)—Нест. Жит. Ѳеод. 11[а] (Сборн. 36[а]), коуплꙗхоу и коуплꙗхомъ — Новгор. 1-я лѣтоп. Въ говорахъ: купля́ць — бѣлор. (Носовичъ, Бѣлор. послов.), коуплеють—Касим. (Будде, Къ діал. 124), купля́ть—Мещов. (Чернышевъ, Дополн. 27) и др. Ср. другіе подобные глаголы въ другихъ говорахъ, напр. рубля́ть (перерублялъ—Колос. Обзор, 241, наруб̆ля́ть—Черныш. Дополн. къ Мещов.; оурублꙗѥмъ — Троицк. Мѣр. Прав. XIV в., л. 35, 18, въ изданіи: Древности, Труды Слав. ком. т. III, стр. 54), отступлять, поступлять (ср. у Черныш. въ Дополн. къ Мещ. 27). Отношеніе между этими глаголами и гла-

---

[1]) Ср. смотрить еще до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ сѣв.-влкр. говорахъ (Матер. 25, 30, 35 38, 40 и др.).

голами: (по)купать, (от)рубать, отступать приблизительно = ламлять : ламать и т. п. Пермское (см. Колос. Обзор, 240), Орловское и пр.: звонять, звоняеть, вѣроятно, — новообразованіе.

Въ глаголѣ скушня́ю, скушня́т̑ (соверш. видъ отъ того же глагола скушни́цă, ср. ску́чниться — Чернышевъ, Моск. у.) — суфф. тотъ же, но присоединенъ не къ корню, а къ именной основѣ (ср. обычное скучаю изъ skukjaję).

Рядомъ со скуча́т̑, скуча́ю употребляется глаголъ скучи́т̑, скучу́, скучи́т, но исключительно о собакѣ = воетъ, визжитъ. скучать : скучить = сажать : садить = куплять : купить и пр.

Отъ глагола бодать — бада́ю, каро́въ бада́ицă, infin. бада́т̑, бада́ццă и пр.; кромѣ того есть нѣкоторыя формы отъ глагола *бости (infin. неупотреб.) : забу́до́т; „два быкà баду́ццъ, ў́ро́с̑ ни ръзајду́ццă“ (загад.).

Къ сказанному объ образованіи основъ такъ назыв. многократнаго и несовершеннаго вида слѣдуетъ прибавить, что если въ образованіяхъ видовыхъ основъ одного и того же глагола чередуются усиленный и нормальный виды корня, то обыкновенно основы съ усиленнымъ видомъ корня или основы, образованныя по аналогіи съ ними, бываютъ въ образованіяхъ того вида извѣстнаго глагола, который является кратнымъ по отношенію къ другому некратному или несовершеннымъ по отношенію къ другому совершенному, причемъ глаголы несложные съ приставками съ такой усиленной основой обыкновенно бываютъ кратными. Но тѣ же сильныя основы, которыя являются въ этихъ образованіяхъ, могутъ быть и въ причастіяхъ страдат. прошедш. времени соотвѣтствующихъ некратныхъ глаголовъ или глаголовъ совершеннаго вида. Это бываетъ въ томъ случаѣ, если въ личныхъ формахъ и въ infin. этихъ глаголовъ (т. е. имѣющихъ слабую основу) удареніе—не на корнѣ и, слѣдовательно, гласная корня для всякаго акающаго говора неизвѣстна. См. выше т. 44, стр. 160 и т. 46, стр. 140.

Такъ какъ различіе между усиленнымъ и нормальнымъ видомъ въ корняхъ, имѣющихъ въ неусиленномъ видѣ *о*, заключается въ томъ, что вмѣсто этого *о* (если оно=общеслав. *о*) въ усиленномъ видѣ корня является *а*, то по аналогіи съ глаголами съ кореннымъ *о*, представляющими дѣйствительное чередованіе двухъ видовъ корня, и въ другихъ глаголахъ съ *о* въ основѣ некратнаго вида, непредставляющихъ такого чередованія, въ кратныхъ основахъ это *о* подъ удареніемъ часто замѣняется звукомъ *а*. См. выше, стр. 8 и 116. Примѣровъ такого измѣненія другихъ гласныхъ корня (не *а*) по аналогіи въ образованіяхъ кратныхъ основъ очень мало. Могу отмѣтить только търыка́т̑ (торыкать) по аналогіи съ засыхать и т. п. Точно также и въ словѣ пъмире́скаваит (померескываетъ) въ одной пѣснѣ е́ вмѣсто ̓о́ могло явиться не только изъ мере́щится и т. п., но и по аналогіи съ какими-нибудь другими глаголами, имѣющими *ѣ* въ сильномъ видѣ корня въ кратныхъ основахъ. Въ глаголѣ пръмыка́т̑ (вмѣсто промакать, отъ соверш. промокнуть), смыка́ццӑ (наприм.: веревка „ни ссо́хниццӑ, ни смо́книццӑ... Заче́м смыка́ццӑ?“) *ы* явилось неправильно по по аналогіи съ глаголами представляющими чередованіе *ъ* и *ы* въ несильномъ и сильномъ видѣ корня, какъ напр. засыхать и т. п. (ср. у Черныш. Моск. у., стр. 39: ни прамыка́имыи). Неясно *ы* въ одной сказкѣ: „ръзмыта́л јао̑ за́ нъги и бро́сил јао̑ туды́“. Впрочемъ, остается рядъ глаголовъ, гдѣ не только нѣтъ вторичной замѣны гласныхъ въ кратныхъ основахъ, но даже старый сильный видъ корня замѣненъ несильнымъ. Къ такимъ глаголамъ, наприм., относятся сложные съ ̓ іо́хъвӑт̑ вмѣсто — пи́хывать (см. выше, стр. 120).

Глаголы совершеннаго вида изъ глаголовъ несовершеннаго вида образуются при помощи предложныхъ приставокъ или суффикса *ну*, но при этомъ не всякая предложная приставка и не во всѣ глаголы вноситъ значеніе вида совершеннаго и, кромѣ того, всякая приставка, какъ

и суфф. *ну*, вносятъ и свои невидовыя значенія, какъ и въ литературномъ.

Суффиксъ *ну* (т. е. н^e/_o—ну) придаетъ глагольнымъ основамъ два значенія: 1) начинательное; въ этомъ случаѣ суффиксъ *ну* самъ по себѣ не вноситъ въ основу значенія основы совершеннаго вида; поэтому могутъ быть основы на *ну* съ начинательнымъ значеніемъ какъ совершеннаго, такъ и несовершеннаго вида. 2) моментальное. Суффиксъ н^e/_o—ну придаетъ глагольной основѣ значеніе однократности. Глаголы съ этимъ суффиксомъ обозначаютъ одно изъ ряда послѣдовательныхъ короткихъ повтореній одного и того же дѣйствія, причемъ такое повтореніе такими основами обозначается, какъ законченное во времени. Примѣры: глану́т̑ (=литер. глотнуть), зыну́т̑ (= зыкнуть), ср. д̑ви́нут̑ какъ и въ литерат. (при ю.-влкр. д̑ви́гнут̑ — Орлов. и др.); но: кы́ркнут̑: уви́дит кы́ркнит (т. е. коршунъ), мътюгну́т̑: а я иwо̆ мътюгну́ (выругаю одинъ разъ по-матерному), он и зъбаи́ц̄а, прачхну́ц̄а, прачкну́т̑ (о нарывѣ и т. п.), стрипихну́ц̄а (ср. встрепехнушесь—Никоновск. лѣтоп. VIII, 94. Срезн.), дътрану́ццă (= дотронуться) и др.

Глаголы на ану́ (съ удареніемъ во всѣхъ формахъ на окончаніи). См. выше, стр. 43—44. Добавлю еще примѣры: ча́шъчку хвътани́, ка́к ја трипану́лсъ аттэ́дă, шыпану́т̑ (шепнуть) и т. п. Такіе глаголы распространены въ ю.-влкр., бѣлор. и ю.-малор. (см. Ogonowski. Studien, § 14, 2 и § 34, 2) [1]), причемъ въ послѣднемъ гласная передъ *ну*—не *а*, а, по большей части, *о:* гукону́ти. крикону́ти, рубону́ти, скубону́ти, стьобону́ти, посипону́ти, швиргону́ти. Въ сѣв.-влкр. они, по-

---

[1]) Замѣчу, что у Миклошича во II т. сравнит. грамм. и въ словарѣ Желеховського тоже есть подобные примѣры изъ малор., но Миклошичъ всѣ примѣры взялъ у Носовича, а Желеховський въ свою очередь—у Миклошича. Поэтому ихъ примѣры не свидѣтельствуютъ объ извѣстности такихъ глаголовъ въ малорусскомъ.

видимому, рѣдки. Могу отмѣтить только: литер. даванýть (акад. словарь), ливанýлъ—Покровск. у. Володимир. губ. (по указанію Чернышева—Моск. у. 35), стегонулъ и бачконулъ [1]) — Олон. Петрозав. (Матер. 30, стр. 260 и 265), колонётъ — Олон. Каргоп. (Колосовъ, Замѣтки, 195), сголзонýл — Олон. (Колосов, Обзор, 173), емконуть, кочконуть, но рѣзануть — Олон. (Куликовскій, Словарь); что касается „дриганýл" въ Псков. (Колосов, Обзор, 240) и „мигануть" тамъ же (Даль), то эти слова могли быть услышаны въ акающемъ говорѣ. Въ виду присутствія *о* въ основахъ такихъ глаголовъ въ Олон. и малор. приходится измѣнить высказанное мною выше (стр. 43—44) мнѣніе, что здѣсь имѣются новообразованія на *-ну* отъ производныхъ основъ на *а*, и думать, что здѣсь гласная *о* — изъ *ъ*, развившагося въ такихъ глаголахъ при стеченіи нѣсколькихъ согласныхъ (появленіе этого *ъ*, быть можетъ, еще въ общеслав. тогда можно относить къ тому времени, когда рядомъ съ двинути появилась форма двигнути съ возстановленной согласной; чтобы удержать это *г*, вставлялся паразитный гласный). Позднѣе въ бѣлор. и ю.-влкр. (а частью и сѣв.-влкр., ср. олонецкое рѣзануть, покровское ливанýлъ?) могло явиться сознаніе связи между такими глаголами и глаголами на *аю*, чѣмъ вызваны различія въ оттѣнкахъ значенія, напр. между махнý и мӑханý (1-е — повидимому, — болѣе мгновенное дѣйствіе, чѣмъ 2-е; по крайней мѣрѣ при зӑмахнýс нельзя сказать: зӑмӑханýс). Есть и глаголъ на -анý, несомнѣнно образованный отъ производной основы на *а*, именно: кáшляну (кáшлину), что̀ дѣлаетъ вѣроятнымъ предположеніе объ образованіи и другихъ такихъ же глаголовъ. Характерно, что въ этомъ послѣднемъ глаголѣ въ великорусскомъ удареніе не на суфф., какъ въ другихъ глаголахъ на *ану* (ср. дьрганý при ӑ́орну), но въ ю.-малорус. этотъ глаголъ не составляетъ исключенія, изъ общаго правила и произносится съ удареніемъ на суфф.: кашля-

[1]) У Куликовскаго „бáцкнуть" — сильно ударить.

нýти (Ogonowski, § 34, 2). Въ старинныхъ памятникахъ русскаго языка въ такихъ глаголахъ пишется и *о* и *а:* въскопанувъ—Георг. Амарт. XIѴ—XѴ в. (Срезн.), копонѹвъ — Жит. Саввы XIII в. (Срезн.). Къ сожалѣнію, я не могъ провѣрить, насколько можно довѣрять показанію этихъ рукописей (можетъ быть, говоръ писца одной изъ нихъ или обѣихъ — акающій?).

Глаголы на *ну* отъ производныхъ основъ: умарáхнулас (въ пѣ.: „Умарилас 2, умаряхнулас" — припѣвъ; *ну* здѣсь не въ моментальномъ значеніи), въжжалáхнуц̄ă (= сжалиться).

Въ глаголѣ зъманýт̊ (=литер. заманить) *ну* — старое. Ср. поманоути — Супр. ркпсь, възманоу — Георг. Амарт. XIѴ—XѴ в. (Срезн.), възманоувъ — Прохор. житіе Іоанна Богосл. Въ соврем. говорахъ ср. между прочимъ Мещовскія: мануть, замануть, пермануть (Черныш., Дополн., стр. 26), а также академическій Словарь русск. языка, т. II, вып. 5.

Аналогіей съ глаголами на *ну*, вѣроятно, вызвано *у* въ глаголахъ: нъкланýлъс и, быть можетъ, вы́гнут̊, вы́гнул, вы́гнули (= выгнать и пр. См. выше, стр. 21 и 39).

Въ глаголѣ спътыкнýц̄ă — сильный видъ корня (тык) вмѣсто слабаго (тък), ср. литерат. споткнуться при спотыкаться. Конечно, *ъг* занесено сюда изъ формы несоверш. вида спотыкаться (спътыкáц̄ă, ср. также глаголъ пътыкáт̊ въ пѣ.).

При глаголѣ хватáт̊ въ сложеніи съ предлогомъ *с* въ значеніи совершенн. вида употребляется схватит̊, какъ въ литерат., но также: схватáт̊ — въ пѣснѣ о бродягѣ: „ȷивò схватáли пъвили́" (Курово).

Залоги.

Формы возвратнаго залога образуются посредствомъ прибавленія *-с* или *-са* къ окончанію. Формы съ мягкимъ *с*

почти не употребляются и, если изрѣдка попадаются въ пѣсняхъ, должны быть объясняемы заимствованіемъ этихъ пѣсенъ у лицъ съ другимъ произношеніемъ или фонетическимъ положеніемъ слова. Впрочемъ мягко произносится *с* въ окончаніи возвратныхъ глаголовъ въ говорѣ нѣкоторыхъ сосѣднихъ деревень, наприм. Савельева (3½ в. къ ю.-в.), Мазилова (4 в. къ с.-в.), Салькова (5 в. къ с.), Попо́вки, Ивакина (около 10 в. къ ю.) и др. (см. также выше, стр. 72—73). Въ ю.-влкр. говорахъ, сколько мнѣ извѣстно, окончаніе сӑ довольно рѣдко, чаще с̕, ся, си (причемъ въ нѣкоторыхъ говорахъ *си* и *сы* — послѣ согласной, *ся* и изрѣдка *са* послѣ гласной, ср. Донск. Матер. 42[2] и нѣкоторые калужскіе говоры). Въ сѣв.-влкр. рядомъ съ *ся* и рѣдкимъ *си* часто — се, сэ, сё, со и са. Въ говорѣ Парфёнокъ *са* — не только послѣ согласныхъ, но и послѣ гласныхъ: баю́са и пр., нприм.: „я ни паjду́, я баю́са, я до́мъ бу́ду сиде́т̕“; „ани сабра́лиса фсѐ тро́я“ и т. п.; окончаніе *с* — только послѣ гласныхъ, а также: ни бо́с̕ при ни бо́jсӑ. На с̕ примѣры: сабра́лися и́дут (мальчикъ; мягкость с̕, вѣроятно, вызвана слѣдующимъ *и*); ӑстънави́с̕ паслу́шӑj (старуха; мягкость с̕, быть можетъ, вызвана предыдущимъ *и*? во всякомъ случаѣ — примѣръ исключительный), но ки́нулсъ, акри́книс сто́j (она же).

Отъ глаголовъ сложныхъ съ ити съ переходнымъ значеніемъ форма infin. возвратнаго залога образуется прибавленіемъ сӑ или къ infin. ити́ или къ новому inf. на -т̕, наприм. наjти́ццӑ, праjти́ццӑ и пр.

Укажу нѣкоторые глаголы, интересные по значенію формы возвратнаго залога.

хва́стать (неперех. — про кого) — лгать, говорить неправду, съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ похвальбы, хвастовства и безъ этого оттѣнка (въ этомъ значеніи „хвастать“ есть и у Даля): он фс̕о хва́стъiт (ему нельзя вѣрить); ну этъ ты сахва́стъл (совралъ, выдумалъ). Въ связи съ этимъ въ глаголѣ хва́статься возвратная форма обозначаетъ, что предметомъ хвастовства является самъ субъектъ, —

хвастать про себя, говорить про себя неправду (конечно, чтобы похвалиться). Такимъ образомъ отношеніе по значенію между „хвастать“ и „хвастаться“ въ разбираемомъ говорѣ близко къ отношенію между „смотрѣть“ и „смотрѣться“ (въ значеніи: смотрѣть на себя) и т. п., т. е. глаголы „хвастать“, „смотрѣть“ и т. п., будучи непереходными грамматически, являются такими по значенію и образуютъ возвратную форму, какъ переходные. Впрочемъ, глаголъ „смотрѣть“ можетъ быть переходнымъ и грамматически, ср. „смотрѣть невѣсту“ и т. п.

Глаголъ у т о п и́ т ь с я, имѣющій въ литературномъ только возвратное значеніе (= утопить себя, т. е. утонуть по собственной иниціативѣ), въ Парфёнкахъ употребляется въ страдательномъ значеніи безъ отношенія къ намѣренности дѣйствія, т. е. по значенію = у т о н у т ь (утапи́лсӑ = утоп, утану́л).

Глаголъ и с к а т ь употребляется иногда въ техническомъ значеніи — искать вшей (гнидъ и пр.) въ головѣ съ винит. лица, у котораго ищутъ: „даj я тибя́ пъищю́“ = дай, я поищу у тебя (въ головѣ), или: „пъищи миня́“. Въ связи съ этимъ значеніемъ невозвратной формы стоитъ употребленіе возвратной формы со взаимнымъ значеніемъ: и с к а ц̑ а, и́ щ ю ц̑ а = ищутъ другъ у друга въ головѣ.

Возвр. р у г а т ь с я — не только въ значеніи дѣйствія, разсматриваемаго въ отвлеченіи отъ объекта дѣйствія, но и со взаимнымъ значеніемъ, наприм.: „стали жить хорошо и неругались“ (Миша Байковъ).

Часты образованія возвратной формы отъ переходныхъ глаголовъ со значеніемъ дѣйствія, разсматриваемаго безъ отношенія къ объекту дѣйствія, наприм.: „ане́ ицъ ни пасе́илис“, ср. также: „ацсе́илис“, „атпахалис“ и др.

Изъ возвратныхъ формъ отъ непереходныхъ глаголовъ отмѣтимъ: „а мы з г л у п и́ л и с“ (=сглупили); „wод ба́бъ ищьт, ш а г н у́ л ъ с: Алонъ, што мне де́лъ?“ (старуха). Впрочемъ, послѣдняя форма не можетъ быть разсматриваема, какъ возвратная къ „шагнула“, потому что значеніе

ея (шагнулась съ цѣлью просить другое лицо) не вносится формой возвратнаго залога (слѣдоват. „шагнуться“ — глаголъ общій).

Съ другой стороны можно указать нѣсколько глаголовъ съ отсутствіемъ формы возвратн.: „мы (вы) фсю дарóгу гнáли“ (sc.? лошадей?); поворáчивать, вертáть и т. п., „ут анѐ з брáтъм пъгъварúли, пъсавéтъли“ (=посовѣтовались); „умнóжълъ нарóду“ (т. е. стало больше народу, умножилось), „дъ мы дóмъ тъ пытáли (= пробовали, пытались) пит“ (ср. у Черныш. Моск. у. 147) и др. Форма „умнóжълъ“, вѣроятно, не отъ „умнóжить“, а отъ „умнóжать“ съ „а“ изъ стараго „ѣ“; это: умнóжать : умножить = веселѣть : веселить = чернѣть : чернить и т. п.

Глаголы попадáться и попадáть кому навстрѣчу употребляются безразлично.

Причастія страдат. могутъ образовываться и отъ нѣкоторыхъ глаголовъ непереходныхъ, наприм.: „он (возъ) у вáс уш упáдьн бы́л“. Ср. прилагат. ăкалéтлъј, нóтъј и др.

Причастія.

Причастія настоящ. врем. дѣйств. залога употребляются только, какъ прилагательныя: зрячьј, хадячьј, пътхадячьј, сидячьј и др.; въ одной пѣснѣ: „дражáчью рукою званóчик пáдалá“. Прилагат. на -учій вмѣсто -ячій: литýчьј агóн (=кропивная лихорадка), мыш, змéј; гарючьј (=способный воспламениться) при гарячьј (=литер. горячій). Ср. у Срезнев. въ Словарѣ: горячій (Сл. о п. Игор., Кир. Тур.), горящь (Іак. жит. Бор. и Гл., Влад. Мон.), горюща (Жит. Ниф., Козм. Инд. и др.), горжще и т. п. (Остр. ев., Нест. жит. Ѳеод.). Слѣдовательно, ф. горючій тоже старая.

щ вмѣсто *ч* — въ причастіяхъ: пьющій, непьющій, нестóющій (безъ дополн. = негодный). Вѣроятно,

здѣсь дѣйствовало съ одной стороны литературное и церковное произношеніе, съ другой — такія слова, какъ злющій, большущій, пущій, работящій, гуля́щій, лядащій, зрящій (тотъ, кто дѣлаетъ зря, см. выше, стр. 83; впрочемъ, въ этомъ значеніи говорятъ и: зря́чъј). См. Соболевск. Изъ исторіи русск. яз. въ Журн. Мин. Нар. Пр. 1897, май, замѣтку II, стр. 47.

Причастія прош. врем. дѣйств. залога совсѣмъ или почти совсѣмъ не употребляются. Вмѣсто нихъ употребляются относительныя предложенія съ мѣстоименіями: хто, каторъј, кој и пр.

Причастія наст. врем. страдат. сами по себѣ встрѣчаются рѣдко со значеніемъ отглагольныхъ прилагательныхъ, наприм.: люби́мъј, зна́мъј дѣ́лă, краса́вицъ такај нипъвиди́мъй (=неповѣдимая) и пр. Слѣдъ ихъ, быть можетъ, остался въ дѣепричастіяхъ на *миш*.

Причастія прош. врем. страдат. оканчиваются на -нъј (непосредственно послѣ ударенія также, но не постоянно: -ннъј) и -тъј (безчленныя формы: *-н*, *-т*). При этомъ, причастія на *т* — не только отъ тѣхъ основъ, отъ какихъ въ литерат. (на плавныя согласныя и старыя ѧ, ѫ, и, ы, ѣ), но и отъ другихъ основъ на гласную, причемъ отъ послѣднихъ есть и причастія на *н*. Примѣры: атюртă, вы́търтă, на́ча́т, взят, заня́тъј, изми́т, наду́тъј, падви́нутă, бит, уби́тъј, вы́мът, шы́ты, наде́тъј, гре́тъј и т. п.; сло́ма́тъј, каро́ѡы загна́ты, пална́ ха́тъ гълубе́ј нагна́тă (заг.), се́нъ убра́тъј, пасте́л ни убра́та (пѣ.), зна́тъј, ɣо́спъди, къбъ зна́тъ та, се́нъ вес ако́пнътă, дата́, ко́лътъј (и ко́лънъј) са́хър, прико́лътă. Отмѣчу здѣсь же прилаг. но́тъј: „ане́ уш тати́и но́тъи" (т. е. любятъ ныть, жаловаться), по происхожденію, быть можетъ, причастіе страд.; *о* вмѣсто *ы*—изъ формъ настоящ. врем.: но́ю и пр. Причастіе страдат. отъ непереходнаго глагола не должно казаться очень страннымъ. Ср. выше упа́дьн и рязан. околѣтый (Будде, Къ діал.). Ср. у Миши Байкова: „околетлую собаку". Причастія страд. на *т* распространены во многихъ

русскихъ говорахъ, кажется, больше въ южныхъ, какъ въ великорусскихъ, такъ и въ малор и бѣлор. Ср. угрорусск. загната корова, выбраты, выдаты, оддата и т. п.

Причастія на *н:* дан, у́брӑн, събрана́, ко́лънӑ, ко́лънъј са́хър (отъ остальныхъ глаголовъ, образующихъ причастія на *т*, причастія на *н* отъ нераспространенной основы мнѣ не попадались); нама́тънӑ, взва́жжьнӑ, ку́плинӑ и мн. др. (причастія на *т* отъ этихъ глаголовъ не образуются). Примѣры см. также выше, стр. 19. Оригинально упомянутое выше причастіе упа́дьн. Въ сѣв.-влкр. говорахъ нерѣдки причастія на *н* отъ тѣхъ глаголовъ, отъ которыхъ въ разбираемомъ говорѣ и въ южновеликор. попадаются только причастія на *т* или же на *н* отъ распространенной основы. Ср. взяно—Колосов, Замѣтки 27 и мн. др.

Нѣсколько причастій на *н* образуются отъ распространенной основы: да́дьны, о́ддъдьны, взя́дьны, э́т ищь ни бра́дьнӑ. Отъ глагола „взять“ образуется также причастіе на *т*, а отъ „дать“ и „брать“ — на *т* и на *н* отъ нераспространенной основы. Въ причастіи „дадьнъј“ распространенная основа могла быть взята изъ формъ множ. наст. врем., а въ остальныхъ образована по аналогіи съ ней и съ основами такихъ причастій, какъ пряденый, краденый, найденый, упаденъ и т. п.

Дѣепричастія.

Наст. врем. только на *я:* любя́, хо́дя̆, по́хъдя̆, и пр., „пад́омти тапер̆ γо́спъду м а л я́ з в зе́млю ру́скъю“ (ск.) и пр. Только въ одной пѣ.: „адин ка́шничик ф пичи́ надарва́лса к и п у ч и́“ (причастіе: кипу́чьј). Тамъ же: к р и к у ч а́, вѣроятно, вмѣсто крикучи́ по аналогіи съ крича́ и другими дѣепричастіями на *а*, а крикучи́ само представляло, быть можетъ, новообразованіе вмѣсто кричачи. Въ дер. Надеждинѣ, въ 7 верстахъ отъ Парфёнокъ, гдѣ

говоръ приблизительно тотъ же, одинъ старикъ говорилъ: „фставáючи, лягáючи [1]), за вáз Бóγу мóлим“.

Дѣепричастія на *я* отъ глаголовъ совершеннаго вида употребляются въ значеніи дѣепричастій прошедшаго времени, наприм.: ни нъпая́, ни нъкарм*ля́*, ни дајдя́, пръижжя́, малéнкъ пъгадя́, ни стирпя́, быть можетъ, и падня́ въ загадкѣ: „Литя́д грачи́, падня́ насти́, кричáт чикаты́, чикаты́“ и т. п.

Дѣепричастія прошедш. врем. (т. е. такія, которыя уже по самой формѣ, независимо отъ вида глагола, заключаютъ понятіе прошед. врем.) всегда оканчиваются на *шы*, а дѣепричастій на „въ“, что должно бы звучать—„ф“, нѣтъ. При этомъ слѣдуетъ различать слѣдующіе виды дѣепричастій на *ши:* 1. на *ши* послѣ согласной отъ основъ на согласную; 2. на *фшы* (вши) съ предыдущей гласной — отъ гласныхъ основъ и, по аналогіи съ ними, отъ нѣкоторыхъ согласныхъ основъ; 3. на *мшы* съ предыдущей гласной — отъ тѣхъ и другихъ. Первые два вида дѣеприч. образуются отъ тѣхъ же основъ, отъ которыхъ и причастія прошедш. врем. на *л* (т. е. отъ инфинитивныхъ основъ), а третій, повидимому, — отъ основъ причастій страд. залога. Примѣры:

1. прашóч уш три гóдъ, ни дашóччи вóрсту, влéшшы (= влѣзши) и т. п.

2. дáфшы, купи́фшы, задýмъфшыс, ни јéфшы (или: јемшы вмѣсто ѣдши), сéфшы и др.

3. „ни пајмáмшы, ни вóр, ни падня́мшы, ни бля́т“ (погов.); ни пимшы, ни јемшы; пришол разýмшы, раздéмшы; спилянáмшы ни узнáлă (молитва); саврáмшы; дажáмшы; катáмшы; „ни дагнáмшы к ручијóчку... слы́шу, вижу...“; литáмшы; въсплакнýмшы (пѣ.); спишы́мшы, и др.

жынóмшы; најдóмшы (пѣ.); пъмалóмшы; пăкурóмшы (приб.); падајóмшы (пѣ.); нăцыжóмшы (пѣ.); нăпајóмшы

---

[1]) лягáючи, вѣроятно, — отъ глагола лѣгáю, ср. старосл. възлѣгаѭ, прилѣгаѭ, русское: налѣгáю и проч. У Даля „легать“ — „юж“, примѣровъ не приведено.

(пѣ.); идо́мшы, жыво́мшы, хадо́мшы, ни прасо́мшы, и др. асидло́мшы (пѣ.).

У Миши Байкова: ни догнамши (пѣ.), незарывамши (ск.), вышемши (пѣ.), ниужинамши (ск.). У Анны Акимовой: слимши, растамши смилинкимъ дружечкамъ (2 раза). У Дарьи Арсеневой (Горки): не дапѣмше, не дажимши. У нихъ же попадаются и дѣепричастія на *вши:* простоявши, живши, покончивши — Миша Байковъ; даживши Анн. Аким.

О дѣепричастіяхъ на *мши* см. Сравнит. Морфол. славянскихъ языковъ Фр. Миклошича, перев. Н. Шлякова подъ ред. Р. Брандта, стр. 372, 455—456 и 825; также у Буслаева, Истор. Грамм. II, 114; у Шахматова въ статьѣ „Русскій языкъ" въ Энциклоп. Слов. Брокгауза, полут. 55; у Соболевскаго, Лекціи[2], стр. 234 и др. Попробно разсматривается вопросъ о происхожденіи и распространенности этихъ дѣепричастій въ моей статьѣ: „(Южно)великорусскія дѣепричастія на *мчи* и *мши*" [1]). Тамъ приведены примѣры и изъ другихъ великорусскихъ говоровъ.

Дѣепричастія на *мши* въ говорѣ Парфёнокъ употребляются не только въ дѣйствительномъ, но и страдательномъ значеніи; дѣеприч. на *мши* отъ возвратныхъ глаголовъ никогда не принимаютъ окончаніе *с* или *са.*

Б. **Словообразованіе.**

Имена существительныя.

Глагольный видъ корня съ „е" вмѣсто именного съ „о" — въ словѣ „вы́бьр", „па вы́бьру" = выборъ, по выбору. Это—новообразованіе подъ вліяніемъ глагола „беру". Ср. Мещовское, Боровское, Владимирское и Московское „тёкъ" и „стёкъ" вмѣсто токъ, стокъ (Черныш. Моск. у. 46), Мещовское и Московское „зарёкъ" вмѣсто зарокъ (Черныш. Мещовск. 66, Моск. у. 10) и т. п. при

---

[1]) Р. Ф. В. т. 48 (Сборникъ статей, поднесенныхъ Ф. Ѳ. Фортунатову).

„теку“, „зарекусь“. Въ другихъ словахъ обыкновенно коренное „о“ сохраняется: вы́ходъ, вы́носъ, зано́съ, вы́водъ, бродъ, гробъ, по́логъ, про́воды, обро́къ, поно́съ, вы́гонъ, заго́нъ, прого́нъ и пр. Въ нѣкоторыхъ словахъ еще въ общеславянскомъ могло быть „е“, наприм. въ словахъ „по́гребъ“ при „гробъ“, „омётъ“ или „обмётъ“ при „мото́къ“. Ср. еще старослав. „текъ“.

Суффиксы именъ существительныхъ.

ъ — суфф. непроизводныхъ именъ; примѣры: воз, сон, памо́л, спако́ј и пр. Нѣкоторыя слова, имѣвшія первоначально суфф. „ь“, склоняются, какъ слова съ суфф. „ъ“, наприм.: мыш — мыша́ и пр.; з̉ве́р̉ — дат. з̉ве́рю, „у го́луб*а*, у сизо́ва залата́я галава́„ (пѣ.) и: „у го́лубя̆“ и пр.

ь—суфф. частью непроизводныхъ именъ, частью имёнъ образованныхъ отъ прилагательныхъ и причастій; производныя имена съ суфф. „ь“ обозначаютъ отвлеченныя понятія и, иногда, неодушевленные предметы. Второе значеніе, вѣроятно, позднѣйшее. *Примѣры:* бля̆т̉ (=meretrix; значеніе, вѣроятно, непервоначальное, но извѣстное изъ очень старыхъ памятниковъ русскаго яз.; въ старослав. блѧдь— отвлеч. понятіе. См. у Срезневск. словарь), гар̉, го́рьч, грут̉, гряс̉, дал̉, ду̉, яла́н̉ (открытое мѣсто около лѣса или въ лѣсу, ср. Потебня, К исторіи звуков, IV, 63), жут̉ (жу́ти нагна́л=испугалъ), за́льш (залежь), за́ръс̉ (заросль), знат̉ (собир.=знакомые), и́змъръс̉, кас̉те́р̉ (—трава), мо́ч, не́късъ̉ (некошенное мѣсто), не́мъч, о́брът̉ (оброть), о́буф, о́зим̉, о́дур̉, пе́рьгут̉ (трава, не скошенная во время и т. п.), по́мис̉, ф про́гълът̉, про́сыр̉ (что-нибудь „с про́сы̉ју“ = не совсѣмъ спѣлое или не совсѣмъ сухое; слѣдовательно „просыр̉“ — недоспѣлость, отъ прилагат. сырой), рус̉ (свобода, открытое мѣсто), сту́дьн̉, тал̉ (почти = оттепель, отъ прилаг. талый), твар̉, тем̉, у́жăс̉ (множ. у́жъс̉ти — страхъ), у́дъл̉ (удаль) и мн. др. Но: гры́жă (ср. ю.-влкр. грызь); также обыкновенно: „абу́жă“ или „абу́вă“ вмѣсто обувь, „за́нъвис“ муж. р. при „зънаве́ска“.

а: пандра́вă („яму́ ни ф пандра́ву“), гры́жа, абу́жă, вряда́ и пр.

ея́: вържыя́ (=ворожея), кълия́, тълчия́, вирия́ (только въ пѣ.). Уменьш.: въраже́jкă... Суфф. „ея́“ очень рѣдокъ. Миклошичъ неправильно относитъ большую часть словъ съ этимъ суфф. къ словамъ съ суфф. ija (стр. 69—72), хотя ниже въ сербскихъ (только?) названіяхъ лихорадокъ видитъ все-таки суфф. еjа (стр. 84).

ия: баꙉjа́, мълаꙥjа́, ѕвиꙥjа́, сва́тjă, пъпаꙉjа́, спърыꙥjа́ и др. Между прочимъ, этотъ суфф. употребляется для образованія именъ лицъ женскаго пола, отъ существительныхъ, обозначающихъ лица мужеск. пола, напр. отъ существ. на -ун: балту́ꙥjă, хвасту́ꙥjа и пр. Уменьш. на -еjка: баде́jкă и др.; вѣроятно, тотъ же суфф. въ шубе́jкă („плису на шубе́jку, атласу на шупку“. пѣ.), куцаве́jка. По Беличу, суфф. ейка — только въ русск. языкѣ.

аjка: лазаjкă.

ие (jо): сыꙑjо́, каꙑjо́ (= ивнякъ и корьё), трицjо́, въраꙥjо (собир.: во́роны)... Сложныя съ предлогами съ этимъ суффиксомъ обыкновенно обозначаютъ мѣсто, опредѣляемое сочетаніемъ предлога съ именемъ: зале́ѕjь, загу́виꙥjь, заре́чjь, пъдбире́ѕjь; но съ тѣмъ же значеніемъ употребляются и образованія безъ этого суфф.: пътпиꙑо́т (-дă; мѣсто на лавкѣ подъ образами), по́тпъл (мѣсто подъ поломъ, куда складываютъ провизію) и патпо́ꙉjь въ загадкѣ: „(ф) по́тпъли патпо́ꙉjи лижа́т пираги́ с марко́вjу“; за́двърки (мѣсто за дворами), пъччиꙑо́вък (= подчеревокъ — matrix) и пр.

ак и *як*; суфф. первоначально, кажется, отыменный: сида́к (и: сядо́к), хада́к, ринда́к (или: ринда́тиꙉ), рыба́к, дура́к, гуса́к, руса́к, суда́к...; вирста́к, кула́к, пята́к, чура́к...; бидня́к, зимля́к, сваяк, паля́к, чужа́к, пустя́к, чиꙑвя́к и др. Ср. у Шахмат. Мосаль. 191 и Отч. о Ломон. прем. 38 и у меня выше, стр. 116. Всѣ слова съ этимъ суфф. въ косвенныхъ падежахъ имѣютъ удареніе на концѣ. Нѣкоторыя изъ словъ съ этимъ суфф. встрѣчаются

въ русскомъ и другихъ славянскихъ языкахъ также съ суфф. о́к (род.: -ока́), наприм. литерат. (и сѣв.-влкр.?) „сѣдо́къ“ (ср. у Колосова, Замѣтки: сѣдока — новгор.), „ходо́къ“ (ср. жиздрин. „хода́къ“); казан. и сѣв.-влкр. „судо́къ“ (то-же въ грамотахъ XV в.; см. Шахмат. Отч. о Ломон. пр. стр. 38). Ср. у Черныш. Моск. у. „прайда́къ“ (= пройдоха, стр. 6). Въ хада́к и „сѣдак“ (кромѣ Парф. также Мещов. и др.). вѣроятно- суфф. „ак“ явился вмѣсто болѣе стараго „ок“ по аналогіи съ другими словами.

о́к; въ остальныхъ падежахъ удареніе на окончаніи; примѣры: сядо́к, игро́к, яздо́к. Въ литерат. яз. кромѣ этихъ словъ употребляются съ тѣмъ же суфф. слова: ѣдо́къ, ходо́къ; въ сѣв.-влкр.: судо́къ (= литер. суда́къ); ср. также поль. widok. Кажется, всѣ эти имена — отглагольныя.

а́ка и *я́ка*. По Миклошичу это — „Suffix, der die durch das Thema bezeichnete Handlung energisch oder oft oder in vorzüglichen Grade ausführt“. Примѣры: гуля́кă, зъбия́кă, писа́кă, ръскаря́кă и т. п. не вполнѣ соотвѣтствуютъ Миклошичеву опредѣленію. Скорѣе этотъ суфф. вноситъ ухудшительное значеніе (deteriorativbezeichnung нѣмецкихъ или „уничижительное значеніе“ русскихъ грамматикъ). То-же значеніе этотъ суфф. имѣетъ и въ малорусскомъ.

ня́к: три̑сня́к или тра̑сня́к, -ника́ или -няка́; ивня́к, дубня́к и пр. Обыкновенно вмѣсто этого суфф. является суфф. ня́г, наприм. а̑лшня́к, -га́ и др. См. ниже.

ик — ласк.-уменьш. суфф. Примѣры: гла́зик, гро́бик, дво́рик, до́мик, кане́чик, карма́шык, ло́мтик и ламо́тик, мо́̑стик, мы́шык, но́сик, пёсик, пру́тик, ро́тик, са́дик, сако́лик, сухарик, ̑твéтик, хлю́пик, чи́жык; агуре́чик и мн. друг. Въ такихъ словахъ, какъ карма́шык суфф. -ик замѣнилъ болѣе старый -ек (изъ -ьк). Что теперь въ этихъ словахъ именно суфф. -ик, а не -ьк, видно изъ такихъ примѣровъ: „у них ниднаwó там мы́шыкă не́ту“, „пъ кане́чи̑ку“, „ис карма́шыкă аре́шки“... Отъ многихъ изъ

словъ, имѣющихъ уменьшит. съ суфф. „-ик“, употребляются также уменьш. съ суфф. „-ък“ и „ьк“, наприм. глазо́к, дамо́к, ис карма́шкă, масто́к, мышкă (жен. р.), насо́к, съкало́к, ꙋвято́к. Суфф. „-ик“ съ уменьшит. значенiемъ сохранился преимущественно въ западно-славян. языкахъ, а въ южныхъ въ этомъ значенiи почти неизвѣстенъ.

ник — отыменный суфф.; по происхожденiю онъ разлагается на „-ьн“ — суфф. отыменныхъ прилагательныхъ + „-ик“ — суфф. существительныхъ, но безъ уменьшит. значенiя. Суфф. „-ник“ употребляется въ различныхъ значенiяхъ: а) для образованiя именъ лицъ, имѣющихъ отношенiе къ предмету: дво́рник, ма́итник (ма́ятникъ — тотъ, кто мается, наприм. очень хвораетъ или принужденъ много работать и т. п.: „набо̂з ду́мът: wот ма́итник“), пло́тник, рабо́тник, я́бидник, у́мник и пр.; б) для образованiя названiй предметовъ, находящихся въ извѣстномъ отношенiи къ предметамъ, обозначеннымъ основой, къ которой присоединяется суффиксъ, наприм. названiй вмѣстилищъ извѣстныхъ предметовъ, названiй ягодныхъ растенiй и пр. Примѣры: гаꙋчишник, касни́к (ленточка, которой перевязываютъ косу), приса́дник, рушни́к (полотенце), чи́слиник (=календарь), афша́нник, павојник, по́лдник (ѣда около 5 час. вечера), баля́сник, силник; каро́вник, ꙋвиня́тник; куста́рник, бруснишник, зимлини́шник, чирни́шник, мидуни́шник, бабо́вник; аре́шник, бире́зник, аси́нник, трисни́к (= тростникъ) и пр. в) для образованiя отвлеченныхъ понятiй: дъмавни́к (вечеринка, которую дѣвка устраиваетъ у себя въ отсутствiе родителей), пра́зник и пр.

ико: ли́чикă, кале́чикă; пле́чики...

ика: чичиви́кă, чимири́кă, но пъисни́цă. Названiя ягодъ, имѣющiя въ литер. и южно-великор. суфф. „ика“, въ говорѣ Парфёнокъ имѣютъ сѣв.-великор. суфф. -ига, см. ниже. Слово „чечевика“ съ тѣмъ же суфф. извѣстно и въ ю.-влкр., ср. медын. чучуви́кă. Вмѣсто суфф. „ика“ употребляется съ тѣмъ же значенiемъ и суфф. „ица“ (см. ниже), ср. литерат. чечевица, поясница. Обо всѣхъ

этихъ суфф. см. у Будде, Къ исторіи, стр. 185 и Тул.-Кал. 881 и у Шахмат. Отч. о прис. Ломон. прем., стр. 34—35.

ук и *юк* — уменьшит.; очень рѣдко; только барчу́к и барсу́к (послѣднее неуменьшит.). Въ Калужской губ. „барчу́к“ — обычно и, кромѣ того, употребляется слово „прасу́к“ = поросёнокъ“. Очень употребительны суфф. „ук“ и „юк“ въ малор., часто, какъ суфф. nominum patronym. Изъ другихъ славянскихъ языковъ у Белича указаны примѣры съ этими суфф. только въ польскомъ и чешскомъ (§ 41, 42).

ука и *юка:* з̊лю́кă. Змѣя гадюка подъ Волоколамскомъ называется „ме́дницă. Суфф. -ука и -юка часты въ малорусскомъ.

ък; суфф. уменьшит.; примѣры: гърадо́к, гадо́к, дамо́к, глазо́к (между проч. — ласкат. обращеніе къ человѣкр), витяро́к (вмѣсто: вѣтро́къ), къзило́к (въ свадебной пѣснѣ: „маиwо́ казилка́ думаро́ссинава“), рато́к (колыб. пѣ.), цылаwо́к (поцѣлуй), кусо́к, пало́к, пято́к, хлябо́к и мн. др.

ьк; уменьшит.: бычо́к, дружо́к, куј̊о́к, пърино́к, цаз̊о́к, аре́шык и мн. др.

ъка; уменьш.: кры́нкă, кашо́лкă, го́ркă, де́фкă и мн. др.; собств. имена: Ве́ркă, Мико́лкă, Фяко́лкā и др.

ька; уменьшит.: симе́л̊кă, ниде́л̊кă, по́л̊кă (стричься подъ польку); Ва́с̊кă, Ва́н̊кă, Пе́т̊кă, Мико́л̊кă, Гри́н̊кă и мн. др.; тотъ же суфф. въ шејкă, тро́јкă, но есть и тро́ј̊цă, напр. группа въ три бабки при игрѣ въ бабки.

ъчък и *ьчьк* — уменьшит. Въ этомъ суфф. первое *ъ* и *ь* всегда является въ видѣ *„о“* и *„е“*, причемъ въ имен. пад. эти гласныя явились по аналогіи съ другими падежами. Суфф. „ъчьк“ и „ьчьк“ — сложные = ък + ьк и ьк + ьк и приставляются только къ тѣмъ словамъ, отъ которыхъ есть уменьшит. съ простыми суфф. „ък“ и „ьк“ (не „ьц“!). Уменьшительныя съ суфф. „ьчьк“ образуются только отъ именъ съ основою на задненебную или плавную. О произношеніи суфф. -ьчьк см. выше, стр. 17.

Примѣры. 1. бантóчик, гваздóчик, гадóчик, гърадóчик, листóчик, ѣвятóчик, насóчик, кусóчик, въратóчик, хлябóчик и пр.; 2. гаршéчик, дружéчик, калéчик, кулéчик, мишéчик, пучéчки, кърищóчик, царóчик и пр.

ъчъко и *ьчъко* — уменьш.; эти суфф. тоже сложные = ък + ько и ьк + ько, и при нихъ по большей части есть уменьшит. съ простымъ суфф. „ъко“, „ько“ или „ьце“. Примѣры: 1. видóръчкă...; 2. врéмьчкă, лéтичкă, лукóжьчка, мистéчкă, слóвичкă и славéчкă, калéчкă и калéчик и пр.

ъчъка и *ьчъка* — уменьшит., = ък + ка и ьк + ька; при нихъ есть уменьшит. съ простымъ суфф. „ъка“ или „ька“: 1. вóдъчкă, гóръчкă, дéвъчкă и дявóчкă, пóлъчкă, игóлъчкă, дóстъчкă (только въ пѣ.; въ ю.-влкр. обычно разговорное: дастóчка) и пр. 2. дащéчкă, дýшьчкă, милáшьчкă, трóичкă.

ъчик — уменьш. = ьк + ик. При словахъ съ этимъ суфф. есть уменьш. съ простымъ суфф. „ьц“. Уменьшительныя съ суфф. „ьчик“ образуются отъ тѣхъ словъ, отъ которыхъ не образуются уменьш. съ суфф. „ьчьк“ (см. выше). При этомъ „ь“ въ суфф. „ьчик“ фонетически выпадалъ еще въ общерусскомъ, но можетъ возстановляться въ видѣ „е“ по аналогіи съ формой именит. пад. един. соотвѣтствующихъ уменьш. съ простымъ суфф. „-ьц“. Примѣры: галýпчик, купчик, малóччик, майчик, кóпчик, пайчик; канéчик (наприм. въ канéчьку), агурéчик (род.: агурéчикă). Быть можетъ, въ послѣднихъ двухъ „е“ явилось не только подъ вліяніемъ имен. пад. канéц, агурéц, но и по аналогіи съ уменьш. на „ьчьк“.

Уменьшит. съ суфф. „-ьк“ могутъ образовываться ся и отъ словъ съ другими суффиксами.

ичъка, уменьш.: вадúчкă (уменьш. отъ вадица) и пр.

ица. Этотъ суфф. по происхожденію тотъ же, что „ика“ (см. выше). Значенія его различны: а) уменьшит.: вадúцă, падлáвицă, ýлицă; въ послѣднемъ словѣ уменьш. значеніе утратилось; б) этотъ суфф. употребляется для образованія именъ лицъ женскаго пола отъ именъ суще-

ствительныхъ и, частью, прилагательныхъ: де́вицӑ, мид̆ве́дицӑ, мълади́цӑ, цари́ца; в) слова съ этимъ суфф., образованныя отъ прилагательныхъ, обозначаютъ людей обоихъ половъ, но преимущественно женскаго, обладающихъ признакомъ, обозначеннымъ основой прилагательнаго: краса́вицӑ (отъ прилаг. красавый; въ русскомъ яз. это прилагательное не употребляется, ср. сербск. красави, красава), люби́мицӑ, пја́ницӑ, прикраса́вицӑ, у́мницӑ и др., ср. въ приб.: „У Ва́си фа́брика свая́; фа́брика да куз̆ница, — како́ј Вас̆о́нка у́ м н и ц а“ и: „Я за пја́нава папала; наплява́т̆ што п ј а́ н и ц а, на лицо к р а с а́ в и ц а“; въ сказкѣ: „был пры́ниц, п р и к р а с а́ в и ц ӑ“. Въ большинствѣ случаевъ слова съ этимъ суфф. обозначаютъ только лицъ женскаго пола, а для лицъ муж. пола употребляются отъ тѣхъ же основъ прилагат. имена съ суфф. „ьц“ и „ик“: краса́виц, мирза́виц, мо́лъдиц и мъладе́ц; учини́к, у́мник и пр.; мълади́цӑ, учини́цӑ и пр. — названія лицъ только женскаго пола. г) этимъ суфф. можетъ обозначаться единичный предметъ или одна изъ составныхъ частей цѣлаго: пълави́цӑ (доска въ полу), пълаз̆ни́цӑ (одинъ изъ полозьевъ у саней), тисни́цӑ; суфф. „ица здѣсь присоединенъ къ основѣ отыменныхъ прилагательныхъ. д) съ суфф. „ица“ образуются въ нѣкоторыхъ сѣв.-влкр. говорахъ названія ягодныхъ и нѣкоторыхъ другихъ растеній (см. выше о суфф. „ика“); въ парфёнковскомъ говорѣ въ этихъ случаяхъ — суфф. „ига“ (тоже сѣверный) или „ика“ (южный), а „ица“ — только въ „п ј а́ н и ц ӑ“ (= пьяника, голубика, гонобобель).

ница; по происхожденію и значенію — въ близкомъ родствѣ съ суфф. „ник“; разлагается на „ьн“ — суфф. отыменныхъ прилагательныхъ + „ица“ съ неуменьш. значеніемъ; образуетъ: а) названія лицъ преимущественно женскаго пола, имѣющихъ отношеніе къ предмету, обозначенному основой, къ которой присоединенъ суфф.: пја́ницӑ, умницӑ (см. выше), учини́цӑ (=ученица, но въ Мазиловѣ и: учительница), учи́ти̇льницӑ, рабо́тницӑ и пр.; между прочимъ, на „-ница“ образуется женскій родъ

отъ всѣхъ именъ на „тель“: радйтиіница, ръззарйтиініца, пъгубйтиіница и др.; б) названія предметовъ, находящихся въ извѣстномъ отношеніи къ предметамъ, обозначеннымъ основой: брусница (ящикъ для бруска, которымъ точатъ косы), жытница (амбаръ; помѣщеніе для хлѣба), митйпница (помѣщеніе для мякины), сўдница (лавка, на которую ставятъ посуду, въ чуланѣ, около печки), и др.; в) отвлеченныя понятія: навóзница (время, когда возятъ навозъ), тимнйца — не только въ значеніи темнаго помѣщенія для преступниковъ, но и въ значеніи „темнота“ въ одной сказкѣ, записанной мною отъ старухи: „Јéхъли туд два брáтă..., јéхъли днóм и здéлълъс тóмнъ, ни видат слéду. Ане кричáд друг дрўшку: брáтьц рóднъј, штó дтъ такóј случйлъс?... што такóј: тóмнъј тимнйцъ, ни видáт слéду?“

ице — уменьш.: мăслицă, здарóвјицă, плáтицă и др.

ъц: аристáниц (род. -áнцă; арестантъ), красáвиц, мирзáвиц, мóлъдиц и мъладéц (род. мóлъца и мълацá), канéц, купéц, агурéц и мн. др. Тотъ же суфф. — въ словахъ: зáиц, род. зáјцă, и калóдиц, род. калóццă. Въ этихъ двухъ словахъ суфф. „ьц“ явился сравнительно поздно вмѣсто старыхъ „яц“ и „язь“ по аналогіи съ другими словами на „ец“. Отъ слова „калóдиц“ прилагат. — „калóдьшнъј“. Старое „колодязь“ сохранилось въ различныхъ русскихъ говорахъ, между прочимъ въ Туль. (см. Будде, Туль., стр. 1292, 1300 и 1325), Калуж. (по моимъ наблюденіямъ въ Калуж. и Медын. уу.), гдѣ оно звучитъ, какъ „калóдис“ (и -дяс), род. „калóдйзя“. Ср. ст.-слав. кладязь. У Срезневск. въ Матер. для словаря — только: кладязь и колодязь.

ъце — уменьшит.: виритóнцъ, зéртилцă, винцó, карыццă, мисцó (мясцо), пифцó, писмицó, мылцă, силцó и мн. др. Беличъ сюда же относитъ слова: здоровьеце и платьеце (парф.: здаровјицă, плáтицă), въ которыхъ, можетъ быть, суфф. — не „ьце“, а „ице“ (см. выше).

ъца. Этотъ суфф. — въ словѣ „троіцă (о бабкахъ; группа въ три бабки). См. выше, суфф. „ька“.

г (?): чурга́шкă (чурка, короткій обрубокъ толстой палки), наприм. „телă мо́ртвая валя́лса, как чурга́шка на зимле́“ (пѣ. про Ходынку) или: „иш ты, чурга́шъчкъми грáит“, ср. чу́ркă, чура́к и пр.

яг: бучáк, род. бучагá (глубокое мѣсто въ рѣчкѣ; небольшое вмѣстилище воды въ оврагѣ, низинѣ и т. п.).

няг: дубня́к, ивня́к, алшня́к, род. дубнягу́, алшнягу́; мѣ.: в ълшниге́ и пр. Этотъ суфф. — въ близкомъ родствѣ съ суфф. „няк“, ср. трисня́к, -ку и др. Повидимому, суфф. „няг“, какъ и суфф. „ига“ вмѣсто „ика“ — сѣверновлкр., ср. „ельнягомъ“ — Вологод. Кадник. См. также выше, стр. 75.

ага и *яга:* диля́гă (кажется: мѣлочной человѣкъ. У Даля и Булича въ Изв. II Отд. кн. 1 наоборотъ: дѣловой человѣкъ), сизмя́гă, ватáгă, кулáгă (кушанье), бидня́гă, брадя́гă, хълостя́гă (холостой человѣкъ, съ унизительнымъ оттѣнкомъ) и др. Суфф. „яга“ вноситъ унизительный оттѣнокъ значенія и стоитъ въ родствѣ по значенію съ суфф. „ака“ и „яка“. См. также уменьш. на „ашка“ и „яшка“.

яг-ус: линтягу́с = лѣнтяй.

ига и *нига.* Съ этимъ суфф. образуются названія ягодъ: брусни́гă, зимлини́га, јижыви́гă, клубни́гă, къстини́гă, чирни́гă, но: пја́ницă (см. выше, суфф. ика и ица). Суфф. „ига“, кажется, болѣе свойственъ сѣв.-влкр. и, частью, средне-влкр. говорамъ. Ср. сѣв.-влкр. Муром. (Колосов, Зам. 299 и Обзор 173), Том. (Колосов, Обзор, 173), Владим. (Покров. и Киржач. у.—Черныш., Моск. у. 9, 13), Моск. у. (ibid.) и др. Въ другихъ сѣв.-влкр. въ этихъ словахъ—суфф. „ица“ (наприм. Яросл. Пошехон.), иногда въ чередованіи съ „ика“ (напр. Новгор., Устюж., матер. 28). Въ ю.-влкр. въ этихъ словахъ обыкновенно „ика“ (см. выше этотъ суфф.). Ср. чередованіе по говорамъ суфф. „няк“ и „няг“ въ названіяхъ кустарниковъ или группъ деревьевъ.

Тотъ же суфф. „ига“ — въ кули́га, уменьш.: кули́шка — небольшой уголъ земли подъ покосомъ, лужайка

(ср. у Черныш., Моск. у., въ словарѣ, гдѣ „кули́га“ показано съ другимъ значеніемъ — „бочагъ“).

ѣга. См. ѣшка.

уга и *юга:* вју́гӑ, дирю́гӑ. См. также „ушка“ и „юшка“.

ыга: матыгӑ, зъбулдыгӑ. См также „ышка“.

аха и *яха“* — суфф. собств. именъ: Ната́хӑ, Пара́хӑ; Дуня́хӑ, Груша́хӑ; Дамахӑ (= Домна).

уха и *юха:* а) суфф. собств. именъ: Васю́хӑ, Ваню́хӑ, Гришу́хӑ, Матю́хӑ (Матвѣй), Пашу́хӑ (муж. имя), Машу́хӑ, Марфу́хӑ, Настюхӑ, Пятру́хӑ, Палю́хӑ (= Пелагея), Сашу́хӑ, Сяму́хӑ (Семёнъ), Филю́хӑ, Химу́хӑ и др.; б) нариц. именъ женскаго пола: мъладу́хӑ, стару́ха, талсту́хӑ; в) неличныхъ именъ: гуду́хӑ, гъладу́хӑ, сяму́хӑ, асму́хӑ, свину́хӑ (грибъ), с л и п у́ х ӑ (сырыя ягоды, пустоцвѣтъ, мужскія особи растеній), чиро́муха (вмѣсто: черемъха), „гарю́хи на́шъму Андрю́хи“ (поговорка) и пр. См. также суфф. „ушка“. Значеніе суфф. „уха“ не уменьшит., какъ думаетъ Беличъ, а скорѣе увеличительное, хотя послѣднее могло развиться потому, что при словахъ на „уха“ часты уменьшит. на „ушка“, въ которыхъ уменьшительное значеніе очень ослабло. Суффиксъ „уха“—изъ общеслав. „ūсһа“, ср. поль. „usia“.

иха. Этотъ суфф. образуетъ а) имена лицъ и животныхъ женскаго пола: бъɣачи́хӑ, кърали́хӑ, либиди́хӑ, валчи́хӑ, јистриби́хӑ, зајчи́хӑ, партни́хӑ, купчи́хӑ и пр.; въ одной свадебной фаллической пѣснѣ припѣвъ: „чумачи́ха, чумачи́ха, чумада́ниха мая́“ и т. д.; очень часто этотъ суфф. — при фамиліяхъ: Бу́рчихӑ (Бурцева), Въраку́лихӑ, දими́дихӑ, Каря́жыхӑ (Карягина), Чу́чилихӑ, Силичи́хӑ (Селичова), Фи́шырихӑ (m-me Фишеръ) и проч.; б) бали́ха или ъбали́хӑ (ржаной кисель).

еха — суфф. собств. именъ, а также названій лицъ и предметовъ; значеніе, приблизительно, то-же, что суфф. „уха“: а) Матро́хӑ, Надо́ха; б) по́хӑ, нискладо́хӑ, тито́хӑ, дуро́хӑ, ма́чьхӑ; в) липо́хӑ. См. также суфф. ешка.

ша (ьша и ъша); этотъ суфф. образуетъ имена лицъ женскаго пола отъ именъ лицъ мужескаго пола, причемъ по большей части имена на „ша" обозначаютъ женъ соотвѣтствующихъ лицъ мужескаго пола; впрочемъ, это значеніе не такъ послѣдовательно, какъ въ литературномъ: до́хтършӑ (жена доктора или женщина-врачъ), д̆ја́къншӑ (жена дьякона), игу́миншӑ (— игуменья), учи́тьлшӑ (жена учителя или учительница) и др.

яш: кудря́ш (кудрявый), кругля́ш (мѣлкія круглыя дрова).

аш: тарга́ш.

Въ косв. падд. имена съ суфф. „аш" и „яш" имѣютъ удареніе на концѣ.

ош: пу́стъш, множ.: пусташа́; ве́тъш — женск. рода; ю́нъш или в̆ју́нъш (юноша) муж. р.: „он ф сад гуля́т ушо́л са в̆ју́нъшъм"; „wот и вју́нъш тъ нъради́лсъ" (ск., запис. отъ старухи).

ыш (всѣ слова на ыш — муж. рода): глупы́ш, крипы́ш, дито́нуш, ку́киш, кърэты́ш (короткій предметъ; бревно, не достигающее надлежащей длины), мя́киш, галы́ш (голый), најдо́нуш, wы́ıграш, камы́ш, патки́душ, пријо́муш, пу́плыш, пупы́руш, сиро́дыш (середняя часть), малы́ш, чалы́ш, чи́руш; „прије́хъли нашы ку́пчики сафсе́м и нагишо́м" (пѣ.) и пр. Въ большинствѣ случаевъ суфф. „ыш" вноситъ понятіе объ очень небольшомъ размѣрѣ лица или предмета, обозначеннаго именемъ съ этимъ суффиксомъ. Кромѣ русскаго языка, суфф. „ыш" извѣстенъ, кажется, только въ поль., наприм. gołysz и др. О произношеніи именъ съ суф. „ыш" см. выше, стр. 38—39 и 125. См. также суфф. „ышьк", „ушьк", „ышка" и „ушка".

шък — уменьшит. отъ словъ на „н": бара́шык, род. -шкӑ, грибишо́к (род. -шка́), ка́мушык, кършо́к (уменьш. отъ „ко́рень"), кънишо́к (отъ „коча́нъ"), куришо́к (отъ „куре́нь" — группа деревьевъ среди полянки или въ сторонѣ отъ остального лѣса), карма́шык (род. не только: „карма́шкӑ", но и „карма́шыкӑ", ср. аре́шки и аре́шыки

и проч.). О произношеніи слова „камушык“ см. выше, стр. 38—39. По мнѣнію Белича, въ камышькъ суфф. -шькъ замѣнилъ болѣе старый -чькъ, но мнѣ кажется, что могъ быть и старый суфф. -шькъ, приставлявшійся прямо къ основѣ: камы-шькъ.

шько и *шька:* търакáшкă и пр.; другія уменьш. на „шка“, быть можетъ, произведены отъ именъ съ суфф. „-х-“, наприм. капóшка (изъ копна или копёха?), рибитóшки (ср. рибитóнки), чургáшкă (изъ чургáха?) и пр.

ашька, яшька и *ажька, яжька*—уменьш. Эти суфф. не всегда можно различить, потому что при словахъ съ этими суфф. не всегда сохранились ихъ основныя формы на -аш, аха, ага. То-же слѣдуетъ сказать и ниже о суфф. ишка, ёшка, ушка, ышка, ѣшка. Примѣры: Натáшка, Парáшка, Микалáшка (уменьш. отъ Натахă, Парахă, *Микалáхă, а не отъ ласкат. на -ша), Дуняшка, зъмарáшка, кълабáшкă, чургáшкă, дваяшкă, траяшкă, дурáшкă; милáшкă (ж. р. отъ милáш?); бидняшка (уменьш. отъ бѣдняга), кулáшкă (отъ кулагă), сатняшкă (отъ сатняга), пуняшкă (чуланчикъ; отъ „пуняга“?) и пр.

ишько, ишька и *ижька:* дамúшкă, бърадúшкă, братúшкă, малчúшкă, трусúшкă, кулúшкă (отъ кулига), рибитúшки и пр.

ешька и *ешько:* капóшкă, рибитóшки; Матрóшкă, но Надéшкă или Надю́шкă.

ушък: салóвушык или салóвјушык; слово варóбушык, вѣроятно,—изъ воробышекъ, а послѣднее—уменьш. отъ воробышъ — воробьиный дѣтёнышъ.

ушька, юшька: Пятру́шкă, Палю́шкă, Вáнюшкă, Сóмушкă (уменьш. отъ именъ на „уха“, а не отъ ласкат. на -уша), Кабу́шка (жен. прозвище), малóдушка (ср. мъладу́хă), мáтушка (ср. млр. матухна), жóнушкă, вдóвушкă, зя́тюшкă (собств.: зятюшко), дéдушкă, гáлубушкă, хлéбушкă, кладу́шкă, избу́шкă, ватру́шкă, балту́шкă, васму́шкă (ср. асму́хă), рату́шкă (то, что можно положить въ ротъ за одинъ пріемъ), касу́шкă, свину́шкă, валну́шкă (ср. свину́хă, валну́хă), лягу́шкă (ср. южное „люгáшка“),

сирде́чушкă, сиро́тушкă (только въ пѣ.: „между вдовушык сиро́тушык“), сирати́нушка, рибинушкă и мн. друг. О произношеніи см. выше, стр. 38—93. Въ большинствѣ случаевъ формы на -ухă и т. п., отъ которыхъ производились первоначально уменьш. на -ушька, утрачены. Позднѣе уменьш. на -ушька стали образовываться прямо безъ посредствующихъ формъ на -уха и т. п.

южъка: пјинчу́шкă, дирю́шкă. Благодаря употребительности уменьш. на ушка явилось „у“ въ „де́нюшки“ при де́ньшки. См. выше, стр. 40.

ыгшъкъ: чи́рушык, пупы́рушык, кѣртышо́к, пу́плушык, по́нушык, варо́бушык. О произношеніи „у“ вмѣсто „ы“ см. выше, стр. 38—39. Слова съ суфф. -ышьк всѣ — уменьшит. отъ именъ на „-ыш“.

ыгшъко, ыгшъка и *ыгжъка:* ро́брушкă, ю́рушкă, до́нушкă (если только здѣсь не старое ушько); мя́кушка (уменьшит. отъ „мякишъ“ съ измѣненіемъ рода), малы́шкă (ж. р. отъ малы́ш); нъ шърамы́шку (отъ „шарамыга“), зъмухры́шкă (отъ „замухрыга“?), лады́шкă (отъ „ладыга“, ср. фамилію Ладыженскій), маклы́шкă (отъ „маклыга“?).

жъка: сураве́шкă (отъ суровѣга? ср. малор. суровика).

ежъ — суфф. собират. именъ женск. рода, обозначающихъ лицъ, обладающихъ свойствомъ, выраженнымъ основой прилагательныхъ, къ которой присоединяется этотъ суфф.: мълadóш, хъла́стош.

ежъ — суфф. отвлеченныхъ именъ муж. рода, образованныхъ отъ глаголовъ: граво́ш, пadóш, мне ни ф тиэ́йош, дило́ш и пр., ср. вало́жник отъ *валёжь.

ище — отыменный суфф., образуетъ: а) имена увеличительныя: дами́щă, чаще: дами́нă; ручи́щă, чу́дищă, къбыли́щă и пр.; слово де́тищă (ск.), можетъ быть, заимствовано (старослав. дѣтищь); б) имена предметовъ, связанныхъ по мѣсту съ предметами или дѣйствіями, обозначенными основой, къ которой присоединяется суфф., а именно: 1) названія мѣста, на которомъ происходитъ извѣстное дѣйствіе или находятся извѣстные предметы: па́збищă (отъ *„пасьба“; мѣсто, гдѣ пасутъ скотъ), гу́лбищă

(мѣсто, гдѣ происходитъ гулянье — „гульба“), пълдни-ви́щӑ (мѣсто, гдѣ отдыхаетъ скотъ въ полдень, въ лѣсу), ӑржыни́щӑ (мѣсто, гдѣ росла рожь), жниви́щӑ (мѣсто, на которомъ жнутъ или съ котораго сжали хлѣбъ; отъ „жниво́“), пажа́рищӑ (погорѣлое мѣсто) и пр. 2) названіе части предмета, за которую держатъ предметъ, обозначенный основой, къ которой присоединяется суфф.: граби́лищӑ (длинная палка у грабель), тъпари́щӑ (ручка топора = калуж. руканя́ть), кнутави́щӑ (суфф. -ов-ище; палка у кнута), уди́лищӑ (прутъ, къ которому привязываютъ удочку), но: касјо́ (деревяная палка у косы).

ищъ — суфф. именъ муж. рода; только: тава́рищ или тава́риш.

щик — суфф. именъ муж. рода. О произношеніи см. выше, стр. 85. Примѣры: мълате́лшык, плате́лшык, луди́лщик, краси́лщик, пи́лшык, ните́лшык (= метельщикъ), къните́лшык, паjо́нщик, jимшы́к, изме́ншык (= измѣнникъ), ру́пщик или ру́пшык (=рубщикъ) и др. Съ ними нельзя смѣшивать именъ, гдѣ „щик“—изъ „счик“ и т. п.: прика́щик, во́щик и т. п.

ич — суфф. исключительно nominum patronymic. и притомъ почти только отъ собствен. именъ; несобствен. только: царе́вич, кърале́вич и каро́ливич (пѣ.) и, рѣдко, папо́вич. Въ старорусскомъ и, частью, въ нынѣшнихъ говорахъ кое гдѣ, этотъ суфф. употребительнѣе. Такъ, въ старорусскомъ суфф. „ич“ носили названія родни: дядичъ, отчичъ, братаничъ, сестричъ и сестричичъ, прилаг. дѣдичъ, и названія народовъ: русичи, вятичи, дреговичи, радимичи и пр.

т — вставное, по аналогіи: плант, крант, „изъ леворвѣрта“ (М. Б.); Арсе́нтьj; зънаве́стъчкӑ, ръзнаве́стъчки, пъднаве́стъчки; до́стъчкӑ (только въ пѣ.), но: дасо́к или до́сък и, обыкновенно: даще́чкӑ. См. выше, стр. 102.

от — гро́хът (рѣшето, черезъ которое просѣваютъ землю).

ота — первоначально суфф. именъ, обозначавшихъ отвлеченныя понятія; теперь въ Парфёнкахъ значеніе это-

го суфф. то же, что въ литерат., биднатá, высатá, лъматá, мъгутá („у“ изъ „ó“?), пáхътă, кръснатá, забóтă, рабóта, тимнатá, сухатá и мн. друг. О словѣ мъгутá см. выше, стр. 30. Можетъ быть, въ этомъ словѣ — суфф. „ута“. Объ удареніяхъ въ словахъ съ суфф. „ота“ см. выше, стр. 112 и у акад. Корша „О русск. нар. стихослож.“, 112—114.

отъ: хабóт̑ — ж. р. (количество сѣна, соломы, мякины и пр., какое укладывается въ крошню. Отъ этого слого слова — производный глаголъ: охабáчивать. Корень — тотъ же, что въ хоботъ и охабка), щипóткă (отъ щепоть).

ътъ: нóγът̑, кóγът̑, лóкът̑, лáпти, кóпът̑, ламóт̑ и пр.; лахмóт̑jи.

ута? мъгутá; ни в мъгутý и пр., ср. сѣв.-великор. прилаг. могутной. Отъ именъ лицъ съ суфф. „-ута“ сохранились только уменьшит.:

утка и *ютка:* Васютка (только женск. имя), Мишýткă, Гришýткă, Машýткă, Марфýткă; малюткă и, можетъ быть, красутка, „разъ красутка“ (у Миши Байкова). См. выше, стр. 22. Въ бѣлорусск. суфф. „ут“ употребляется въ образованіи прилагательныхъ, какъ и въ западнославян. язз. По Беличу, въ общеслав. „ūt“ былъ суффиксомъ прилагательныхъ.

тух: пятýх, пастýх.

тель — отглагольный суфф. nominis agentis: радúтил̑, риндáтил̑ (= арендаторъ, ср. Волог. Кадник., матер. 31), пъкупáтил̑, пъгубúтил̑; имена лицъ женскаго пола отъ именъ на „-тель“ образуются съ помощью суфф. „ниц“, ср. въ свадьбишной прибауткѣ дружка: „крáснъи дивúцы (удареніе на „úцы“ вызвано желаніемъ рифмовать слово съ „мас̑тирúцы“), пирóжнъи мъс̑тирúцы, калáшнъи зъдибáтил̑ницы, рибя́т прижымáтил̑ницы, к с̑тéнки притыкáтил̑ницы“ и т. д.

остъ; суфф. именъ, обозначающихъ отвлеченныя понятія, произведенныхъ отъ именъ прилагательныхъ: бéднъс̑, дýрăс̑ (дурость, дурачество), глýпăс̑, гóрдъс̑, мóлъдъс̑, стáръс̑, ъддалéннъс̑ (см. выше, стр. 119), притвóр-

нъс̑ (притворство: „адне́ притво́рнъс̑ти“ = одно притворство), ско́ръс̑ (наприм.: па ско́ръс̑ти, ф ско́ръс̑ти) и др.; во́лъс̑ [1) волость; 2) волостная контора; первичное значеніе — „власть“ — не сохранилось].

есть: бо́лис̑ (= болесть).

л; суфф. причастій и отглагольныхъ прилагательныхъ, а также и отглагольныхъ существительныхъ, произведенныхъ отъ причастій:

л: нача́л: адда́т̑ пъд нача́л и пр., и нача́лă (=начало), сто́л.

(ла), *лъка:* пало́лкă, шывили́лăчкă, с я в а́ л к ă (ж. р.; лукошко, изъ котораго сѣютъ).

ло: вясло́, рукъмясл̑о́, тро̑плъ или тряпло́ (ругат.), нача́лă, зъчищя́лă (тотъ, кто зачищаетъ доски) и мн. др.

ъл: масо́л, род. масла́.

ълъ: каз̑о́л, ар̑ол, кат̑о́л.

ъла: па́клă (= пакля).

елъ (?): ве́р̑тьл.

✗ *л'* — суфф. именъ женск. рода, обозначающихъ, по большей части, отвлеченныя понятія и произведенныхъ отъ причастій и прилагательн. на „л“. Собственно суффиксомъ существ. здѣсь является только „ь“ (см. выше). Примѣры: за́ръс̑(л̑), п р и́ с т ă і̑ (=литер. пристань), па́дъл̑, тал̑, у́быі̑, у́дал̑ и пр.

✗ *оль:* то́пъл̑, со́бъл̑, мазо́л̑, род. мазо́ли, множ. музали́. (Въ нѣкоторыхъ говорахъ въ этомъ послѣднемъ словѣ суфф. „оль“ замѣненъ суффиксомъ „ъль).

ель: каше́л̑ (род. къшыля́; уменьш. къшыл̑о́к, с̑ т е́ б ь л̑, щ е́ б ь л̑ (литер. щебень). Что въ словѣ „с̑тебьл̑“ — суфф. „ель“, видно изъ примѣровъ: „мали́нъ фся ф с̑ т и б и л я́ х“; „мн̑от іjo с̑тибиля́ми“ и пр.; въ литературномъ языкѣ въ этомъ словѣ — суфф. „ьль“. Отъ слова „ще́бьл̑“ родит.: „ще́бълю“ и т. п. Въ другихъ говорахъ отмѣчены у Даля: щабли́на, щебло́, щебли́ть безъ гласной между „б“ и „л“.

ъль — муж. рода: ка́шыл̑ и др.

✓ *ѣлъ* — отглагольный суфф. именъ женск. рода: мъладе́л̑ (молодой лѣсъ), капе́л̑ (дождевая вода), ги́бьл̑ (=много), куде́л̑, пича́л̑, пасте́л̑, чаще: пасте́ля̆, каче́ли (вмѣсто кача́ли, или здѣсь е?), кълубе́л̑ (уменьш. кълубе́лкӑ; только въ пѣ.; обыкнов. лю́лкӑ), мите́л̑ (отсюда: мите́лицӑ), щиве́л̑, жыде́л̑ (что-ниб. жидкое); также: жыве́л̑ или жживе́л̑ — ж. р. (т. е. eau de javelle — составъ для стирки бѣлья; въ Петербургѣ: о́дживель. См. Буличъ, Матеріалы для русск. словаря. Изв. Отд. русск. яз. и слов. I, 312).

✝ *ылъ;* суфф. именъ муж. рода: гарбы́л̑, род. -я́ (горбушка, остающаяся при распилкѣ кряжа на доски), касты́л̑, -я́.

уля: бару́ля̆, ръзрагу́ля̆, хаду́ли. Ср. свисту́лкӑ. Этотъ суфф. нерѣдокъ въ малор., гдѣ употребляется, какъ ласкательный, напр. мамуля и пр.

ельник: брате́лникъ или брате́јник (двоюродный братъ).

ар и *яр* — отыменный суфф. именъ существ.: сталя́р..., кама́р (род. къмара́); тотъ же суфф. сознается и въ заимствованномъ: мастир, ср. множ. мъстяра́. Слова съ суфф. ар и яр въ великор. мало употребительны, но распространены въ малор.

ър (?): ви́хър (вмѣсто: вихрь).

арь — суфф. по большей части личныхъ именъ: зълата́р̑, зна́хър̑, капа́р̑ (землекопъ), гъсуда́р̑, пе́кър̑, пи́сър̑, ле́кър̑, пачта́р̑ (почтмейстеръ и почтальёнъ), сле́сър̑, стала́р̑, су́дӑр̑; глуха́р̑, писка́р̑; каса́р̑ (только ножъ), суха́р̑. Тотъ же суфф. сознается и въ заимствованныхъ словахъ: је́гӑр̑, ла́гър̑ (множ. јигаря́, лъгари́). Отъ слова кама́р есть формы другихъ падежей съ „р̑“: къмаря́, къмари́. Отмѣтимъ удареніе въ „гъсудари́“, а также формы имен. множ. отъ словъ съ суфф. „арь“.

ырь: пусты́р̑, валды́р̑ и друг., ср. также пупы́рушы̆к (отъ: *пупырь), прилаг. кълаты́рнъј.

ара — отыменный суфф.: чищара́ (отъ „чаща́“: мѣсто, заросшее очень густымъ лѣсомъ; „забра́цӑ ф чищару́ ф са́мъю“), бухмара́, мушкара́ (собират.: мошки).

ура — отыменный суфф.: кънура́, къжура́, нимчура́, дачу́ркӑ (ср. поль. có́rka), пичу́ркӑ (небольшое углубленіе въ печи, куда кладутъ спички и т. п.), Шу́ркӑ и пр., ср. глаголъ „чипури́цӑ“.

ора: дитвара́.

ин — отыменный суфф., для обозначенія единичнаго предмета или лица: ба́рин, гъспади́н, двърини́н, либиди́н (пѣ.), мищини́н, тата́рин, хрисја́нин и пр., но: балга́р, цыга́н. Во множ. числѣ суфф. „ин“ откидывается.

ина — отыменный суфф. 1) увеличит.: дами́нӑ (большой домъ: „экъю дами́ну вы́стръил“); тотъ-же оттѣнокъ слышится и въ „детина“ (М. Б.) и „мълаччи́на“, обозначающихъ единичныя лица; 2) отвлеченныхъ именъ: зау́тринӑ, ми́лъстинӑ (см. выше, стр. 43; можетъ быть, здѣсь суфф. „ина“ — въ 3 мъ значеніи), но́винӑ (впервые поднятое поле, отъ „новь“, ср. „сѣять на нови́“; какая ниб. новость; и здѣсь суфф. „ина“, быть можетъ, въ 3-мъ значеніи), тъни́на́, глубжына́, дълина́ (= длина), пасту́шынӑ,察дися́ччинӑ (исполненіе обязанностей десятскаго); сюда же можно отнести pluralia tantum на „ины“: имини́ны, христины, ради́ны; 3) суфф. вноситъ понятіе единичности: виршы́нӑ, зано́зинӑ, канфе́тинӑ, ре́пинӑ, сало́минӑ, скати́нинӑ, тиси́нӑ, трави́нкӑ, штани́нӑ, ще́пинӑ, чиря́пинӑ, я́гъдинӑ и т. п.; въ пѣсняхъ: ваззи́нка, гужы́нка, детина (М. Б.), крави́начка (ласкат.: пајдо́м мая крави́начка па ле́тниј па трапи́начти), малчи́на, сирати́на, слезина (М. Б.), судби́на, хмилина (М. Б.), частинушка и пр. Множествен. число отъ такихъ словъ (3-ей категоріи) съ сохраненіемъ суфф. „ина“ можетъ употребляться для обозначенія раздѣльной множественности, наприм. му́хины, сто скати́нин, ко́лкъ канфе́тин, две ре́пины, кати́и кру́пнъи я́гъдины и пр. При этомъ основныя существительныя безъ суфф. „ина“ употребляются 1) или какъ собирательныя только въ един. ч.: ре́пӑ, скати́нӑ [1]), сало́мӑ, тос, трава́, щапа́ (или щипа́; но ще́пкӑ—

[1]) Впрочемъ, изрѣдка и не въ собират. смыслѣ; между прочимъ, въ бранномъ значеніи.

не собират.), кроф, хмел̑; 2) или только во множ.: с̑лóзы, вóззи, штаны́; 3) или какъ собирательныя въ обоихъ числахъ: я́гъдӑ (ср. въ пѣ.: урадилас си́л̑на я́гада в бару́) и, чаще, — я́гъды: па я́гъды и пр. Наконецъ, нѣкоторыя слова употребляются въ единств. не въ качествѣ собират., наприм. кан̑фéткӑ (не: кан̑фéтӑ), мýхӑ, сиратá (послѣднее слово нѣкогда въ един. ч. имѣло собират. значеніе, ср. теперь биднатá, нищатá въ такомъ значеніи), суд̑бá. Въ этихъ случаяхъ суфф. „ина“ усиливаетъ понятіе единичности.

от-ина: бливóтинӑ (отъ блевота), жывати́на (отъ животъ).

ов-ина для обозначенія единичныхъ предметовъ: бъкави́нкӑ, лугави́нкӑ (пѣ.), штукóвинӑ, хрянóвинӑ, дъмави́на (= гробъ). См. выше, стр. 112.

щина: бáршынӑ, пад̑óн̑шынӑ, дививéн̑щинӑ, дъраф-щи́нкӑ (даровщинка), дися́ччинӑ (изъ: десятщина?).

ан: стригáн (двухлѣтній жеребенокъ).

ун; суфф. nominum agentium: виртýн, варчýн, быг дристýн, капýн, сапýн, с̑вистýн, фарсýн, хъхатýн, хвастýн (тотъ, кто хвастаетъ, т. е. лжетъ), шалýн и пр.

унъя — суфф. именъ женск. рода, отъ именъ на ун: варчýн̑јӑ, фарсýн̑јӑ, хвастýн̑јӑ и пр.

ын: палы́н (полынь).

ынъя: спърын̑јá.

н̑: рýгӑн̑ и пр., но щéбъл̑, при́стӑл̑.

ынь, суфф. именъ женск. рода: тяплы́н̑, прóстын̑ (и: пръстыня́), пýстын̑.

ен-ън-икъ: щ̑ибрéник: „у нас нави́ни (на овинѣ) три сибрéникӑ“; „щ̑ибрéнити — эт у нас называ́юцъ малóтют, с̑ кéм малóтити“ (сябрéнниками другъ другу приходятся хозяева одного овина; обыкновенно, на одномъ овинѣ молотятъ отъ 2 до 4 сябренниковъ, т. е. одинъ овинъ приходится на 2—4 двора. См. Потебню, К исторіи звуков IV, 28—29) и др.

ена; суфф. съ унизит. (?) значеніемъ: гул̑óнӑ, сласт̑óнӑ. Отсюда — уменьш. на енъка съ унизит. значеніемъ.

енъкъ. Объ этомъ суфф. см. у Карскаго въ Русск. Филолог. Вѣстн. XXII, стр. 179. Карскій неправильно предполагаетъ, что е (ё) въ этомъ суфф. изъ „ь“. Беличъ, не соглашаясь съ нимъ, связываетъ суфф. „ёнок“ съ суфф. „еньць“ другихъ славянскихъ языковъ. Суфф. „енък“ существуетъ только въ русскомъ языкѣ и образуетъ уменьшительныя, иногда съ унизительнымъ оттѣнкомъ, между тѣмъ какъ въ общеслав. имена на „еньць“, повидимому, обозначали только дѣтенышей. По мнѣнію Белича, суфф. „енък“ возникъ подъ вліяніемъ суфф. женск. р. „енька“, когда послѣдній утратилъ мягкость „н“ въ ударяемомъ слогѣ (ср. ручо́нка при ру́ченька). Какъ бы то ни было, но суфф. „енъка“ и „енька“ въ русскомъ языкѣ имѣютъ различное значеніе; кромѣ того, есть основанія возводить уменьшительно-унизительныя на „ёнъка“ къ неуменьшительнымъ унизительнымъ на „ёна“, если только послѣднія не извлечены позднѣе изъ именъ на ёнъка. Если уменьш.-унизит. „ёнка“ не всегда изъ „енька“, то вопросъ о происхожденіи суфф. „енъкъ“ остается открытымъ. Примѣры: жыриво́нък, тило́нък, андило́нък, мило́нък, гълуво́нък, риво́нък, бачо́нък и пр.; тотъ же суфф. присоединяется даже къ основамъ, уже имѣющимъ этотъ или родственный суфф.: щино́нък, бъжыно́нък и бъжыно́нъчик, рибито́нки. Множ. число отъ словъ съ этимъ суфф. обыкновенно, но не постоянно, замѣняется множественнымъ отъ именъ съ суфф. „ѧт“. См. выше, стр. 136.

Къ именамъ, уже имѣющимъ суфф. енък, охотно приставляется суфф. „ьк“ для образованія ласкательныхъ: гълуво́нъчик, бъжыно́нъчик, мило́нъчик, щино́нъчик, ср. айо́нъчик.

енъка. По мнѣнію Белича—фонетически изъ „енька“. См. выше. Суфф. „ёнка“ вноситъ уменьшит.-унизительное значеніе: гуво́нки, изво́нкă, лъшыдо́нкă, лафчо́нкă, къраво́нкă, лысо́нкă, ручо́нки, шуво́нкă и мн. др. Ср. выше суфф. „ена“.

ня — суфф. ласкат.-уменьшит. собств. именъ: Гри́нă, Грунă, Ма́нă, Ната́нă, Пара́нă, Про́нă, Санă, Со́нă, Се́нă.

нька — уменьш.: Гри́нкă, Ната́нкă, Пара́нкă, Пронкă (только отъ Прокофій, а отъ Прохоръ — только Про́шкă) и проч.

ъня — суфф. именъ неодушевл. или отвлеч.: гълавня́, квашня́, пучня́ (заг.), ручня́ (заг.; бѣлор. руцня́ — горсть вытрепанной и очищенной пеньки), заимств. у калужск. брихня́ (лганьё), Съкулня́ (прозв.) и пр.; ба́снă, вы́шнă, па́шнă, пе́снă и пр. Объ удареніи см. у Корша.

от-ъня: бигатня́, пискатня́, ругатня́, тълкатня́ и др.

ън-ъка; уменьшит. отъ именъ на „-ъня". Въ этомъ суфф. „н" не непосредственно послѣ ударенія отвердѣло: ба́сьнкă, ба́шънкă, ви́шънкă, пе́сьнкă и пр,; непосредственно послѣ ударенія: диривенкă, но квашо́нкă. Если думать вмѣстѣ съ Беличемъ, что нѣкогда „н" передъ „к" отвердѣвалъ непосредственно послѣ ударенія, сохраняя мягкость въ другихъ положеніяхъ, то придется допустить, что въ „деревенька" удареніе перенесено.

еня. Только множ.: чиртиня́ты, щиня́ты.

ен-ъка — ласк.-уменьш.: но́жёнка (пѣ.), ру́чинки, Ва́синкă, Ка́тинкă и проч. „н" въ этомъ суфф. сохранило мягкость, въ противоположность „н" въ суфф. „ънька". См. также выше, стр. 66.

оня: тихо́нă.

анъка: кы́сънкă и пр.

ыня вмѣсто „ыни", образуетъ: а) имена, обозначающія лицъ и животныхъ женскаго пола: ба́рынă, бая́рынă, графы́нă, гусы́нă, књиги́нă и пр.; б) имена неодушевл. или отвлеч.: пръстыня́, ср. касы́нкă, но: ми́лъстинă.

енъцъ: мъладе́ньц, род. мъладе́нцă. Это слово, вѣроятно, заимствовано русскимъ языкомъ изъ южнослав.

ѧ — суфф. уменьшительныхъ именъ и названій дѣтенышей. Имена нарицательныя съ этимъ суфф. сохранились только во множ. ч.: жыриба́ты, тиля́ты, гълуба́ты, риба́ты, утя́ты и пр. См. также выше, стр. 136 и 148. Имена собств. съ этимъ суфф. склоняются, какъ имена на -а: Ванă, Варă, Ва́сă, Мико́лă, Полă, Сиро́жă (уменьш. отъ Сирогă), Гриша, Сашă, Мишă и т. п., и имѣютъ зна-

ченіе ласкат.-уменьшит. Тотъ-же суфф., вѣроятно, въ именахъ на -ша, представляющихъ ласкат.-уменьшит. къ именамъ на -хă: Дуняшă, Ната́шă, Пара́шă, Матро́шă, Микала́шă, Ма́шă и пр. Уменьшит. на „шька" образованы не отъ этихъ ласкательныхъ, а прямо отъ именъ на „ха". Уменьшит. на -атка: Вася́ткă (почти исключительно въ пѣ.), Груша́ткă (ср. ю.-влкр. Варятка, Ванятка и проч.), вѣроятно, образованы тоже не отъ этихъ именъ, а отъ именъ на -ѧта, ср. съ одной стороны старорусскія Вышата, Жидята и пр., съ другой—имена на -утка=общеслав. „ŭtъka".

ятъка: Вася́тку, Груша́ткă; гълубя́тки, чиртиня́тъчки и пр.

ово и *ево* — отглагольн.: ва́рьвă, хло́бъвă.

овъ: дъраго́ф (=дороговизна), биряго́ф (сбереженье): „де́ник ат этуў и не́т, штъ биряго́wи им не́т; пре́жди их ма́лъ бы́лъ, а биряго́w была̀ балша́я" (т. е. ихъ берегли; Васильевское), и пр.

ов-ик и *ов-ник* — отъ прилагательныхъ съ суфф. „ов": лисави́к (=лѣшій), пърави́к (паровозъ); дъмавни́к, бълавни́к и пр.

ивъ-чъка: вирви́въчкă (= веревочка) — пѣ. и разговорн. (отъ „вервь" — уменьш).

во: жниво́, мало́зивă и пр.

тва: жа́твă, дра́твă, но кля́дбă и пр.

ъство: б ъ ж ы́ с т в о́ (религіозность; „въ божество удариться" — сдѣлаться богомольнымъ), бъластво́, връаство́, купе́чьствă (званіе, занятіе), *апчиство́*, ă з ъ р н а с т в о́ (ср. Черныш. Моск. у. 136), удалство́, хрисја́нствă (напр. заниматься крестьянствомъ, приписаться къ крестьянству), цигалство́, кава́лствă (коварство) и мн. др., но притво́рнъсти. Объ удареніи см. выше, стр. 112.

ъба — отглагольный суфф.; образуетъ б. ч. названія дѣйствій: бъранба́, гърадба́ (огораживанье), гулба́, казба́, малба́, мъладба́, ризба́, судба́, хадба́, вържба́, учба́ (вмѣсто „ч" слѣдуетъ читать соотвѣтствующую звонкую аффрикату; учба — ученье); ве́рбă, дру́жбă, сва́рбă (род. мн.

сва̑рбе́ј), слу́жбӑ, уса́д̑бӑ. Суфф. -ьба присоединяется къ глагольной основѣ, но въ двухъ именахъ — къ формѣ infinit.: кля́д̑бӑ (=клятва) и жыни́д̑бӑ. Послѣднее слово, повидимому, еще общеславянское, такъ какъ попадается въ старослав. и, кромѣ того, существуетъ въ южнославянскихъ языкахъ (сербск. же̏нидба, болг. жени́тба). Въ послѣднихъ извѣстны и другія образованія съ суфф. „ьба" отъ infin., ср. сербск., болгар. и словен. коситба, сербск. резитба, словен. млатидба при млачба; у Миклошича (стр. 217—218) указаны старославянск. гоститьба, оратьба. Слово клятьба есть въ чешск. и малор. Объ удареніяхъ въ словахъ на „-ба" см. у Корша, О русск. нар. стихосл. 90—92.

ешънък — ласкат.-уменьш. суфф. именъ прилагательныхъ и мѣстоименій; но съ помощью этого суфф. можетъ образовываться также и ласкат.-уменьш. къ слову „день": „ве̑з дин̑о́шъньк". По звуковой сторонѣ можно предполагать вліяніе аналогіи со стороны ӑдин̑о́шъ̑ньк (одинёшенекъ).

Суффиксы именъ прилагательныхъ.

ј — суфф. именъ прилагат., образованныхъ отъ существит. и обозначающихъ принадлежность чего-нибудь предмету (лицу), обозначенному основой существит. (adjectiva possessiva). Сюда принадлежатъ прилагат. отъ именъ на ѧ, икъ, ица, ецъ и нѣк. др.: а) куря́чъј, ѕвиня́чъј, питуша́чъј (отъ *„пѣтуша́": „избу́шкъ нъ питуша́чйγ гало́фкӑх"), лигуша́чъј, пърася́чъј, рибя́чъј и проч.; пти́чъј, за́ичъј, де́вичъј, ку́пчъј и пр.; сюда же можно относить и „прибли́жничъј сасе́т" въ одной пѣснѣ (отъ ближникъ? впрочемъ, значеніе здѣсь не притяжательное); в) питу́шъј, ры́бъј и пр. Въ томъ же значеніи употребляются производныя съ суфф. „ин" (см. ниже); г) дале́чъј: „ф пу̑д̑ дале́чиј ми́лај мо́ј" (пѣ.); это прилагат. образовано отъ прилагательнаго же, вѣроятно, по аналогіи съ нарѣчіемъ дале́че.

ак и *як;* этотъ суфф. образуетъ прилагательныя отъ мѣстоименій: ъдина́къј (= одинаковый), наприм.: „фсе в ъдина́кйх пла̊тјьх“ и т. п.; два́якъј, тра́якъј, фся́къј. Суфф. „ак“ или просто „к“, быть можетъ, является въ ф. „рыдако́“ въ приб.: „мајд го́ря рыдако́, ујеха л милај далико́“. Это прилагательное—отглагольное.

ок и *ек* — суфф. отыменныхъ прилагательныхъ: высо́к, глубо́к, дало́к и пр.

еч (изъ ек): дале́чьј. См. выше.

ик: суфф. прилагательныхъ отыменныхъ (образов. отъ прилагат.): вили́к, чаще съ отрицаніемъ: нивили́к.

ък: суфф. отыменныхъ прилагательныхъ: ниско́ј и ни́скъј, ло́хкъј, мя́хкъј, ме́лкъј и пр.; также: глы́пкă (см. т. 46, стр. 149).

ък: го́ркъј,

нич (изъ ник): „прибли́жничьј сасе́т“ (пѣ.). См. выше.

ъск: суфф. прилаг., образованныхъ отъ именъ и мѣстоименій; прилагат. съ этимъ суфф., образованныя отъ существит., означаютъ принадлежность предмету, обозначенному основой существ.: ба́рскъј, гаспо́цкъј, ца́рскъј, хриѕја́нскъј, люцко́ј, мирско́ј, дириве́нскъј, купе́чьскъј; же́нскъј, муско́ј или муцко́ј, мус́и́нскъј (наприм. „муси́нскъю адо́жу“) и пр.; фся́чьскъј, нитако́скъј и проч. Часты образованія съ этимъ суфф. отъ прилагат. притяжательныхъ на „ов“:

ов-ъск; обыкновенно „в“ въ этомъ суфф. выпадаетъ: аццо́скъј, питро́скъј и пр. (см. выше, стр. 43); на „овскій“ оканчиваются прилагат. отъ названій городовъ и деревень на „ово“ и „овское“. Интересно „Рузовскаго уѣзда“ (письмо), разговорное: „Ру́зъскъј“ и пр. Интересно отсутствіе суфф. „ьск“ въ пѣ.: Саратовый: „былъ саратовый женатъ“ (Миша Байковъ). Ср. съ этимъ: „ф Пятро́вым до́ми“ = въ домѣ Петрова.

ющ — суфф. увеличительныхъ именъ прилаг.: злю́щьј, балшу́щьј“. См. выше, выше, стр. 160.

ящ — унизит. (?) суфф. отглагольныхъ прилагательн.: гуля́щьј, зря́щьј (и зря́чьј).

ащ: лядáцьј (суфф. унизит.?).

ъющ — увелич. суфф.: бъүатéющьј. Ср. въ другихъ великорусскихъ говорахъ: малѣющій, первѣющій и др.

яч (ѧtj): — отыменный суфф. притяжательныхъ прилагательныхъ. См. выше, стр. 214.

ѧч (ѧtj), *уч* и *юч* (жtj и jжtj) — суфф. отглагольныхъ прилагательныхъ и причастій: гаря́чьј, зря́чьј, сидя́чьј; гарю́чьј, лату́чьј, кипу́чьј, магу́чьј, пиву́чьј и пр. См. выше — о причастіяхъ.

т — суфф. отглагольныхъ прилагательныхъ и причастій: нъжытóј, пръклятóј, улитóј и пр. См. выше, о причастіяхъ.

ат; этотъ суфф. образуетъ отыменныя прилагательныя, означающія обладаніе предметомъ или качествомъ, обозначеннымъ основой существительнаго: баүáт, брюхáтӑ, рагáтъј и пр. Сходное, но не тожественное съ этимъ суфф. значеніе имѣютъ суфф. „аст“ и „ист“.

ит: сир̆ди́тъј, знъмини́тъј; первоначальное значеніе этого суффикса, должно быть, то же, что и суфф. „ат“.

ов-ат и *ев-ат* — уменьшит. суфф. именъ прилагательныхъ образованныхъ отъ именъ существительныхъ или прилагательныхъ: рибавáтӑј, късавáтӑј (т. е. нѣсколько рябой, косой; погов.), шыл̆мавáтъј, кудривáтъј (не отъ „кудрявый“, а отъ „кудри“?) и пр.

ов-ит: кръсави́тъј (довольно красивый, видный), дъмави́тъј. Ср. литерат. и церк.-слав. даровитый (въ литерат.— „богато одаренный отъ природы“, „получившій много даровъ“ отъ Бога, отъ природы и пр.; въ церк.-сл.— „подающій много даровъ“, наприм. „даровитыи Богъ“).

аст — суфф. отыменныхъ прилагательныхъ, означающихъ обладаніе предметомъ или качествомъ, обозначеннымъ основой существительнаго, и притомъ — въ значительной степени: бърадáстъј (съ большой бородой), вихрáстъј (съ большими вихрами), въласáстъј (обросшій длинными волосами), крылáстъј (съ большими крыльями), рагáстъј (съ большими рогами, ср. Черныш., Моск. у. 100; между тѣмъ, какъ „рогатый“ — всякій имѣющій рога),

хаjла́стъj (кто много хаетъ), шага́стъj (кто ходитъ большими шагами).

ист — приблизительно съ тѣмъ же значеніемъ, какъ и „аст": ками́ст (напр.: „э́каj по́люшка ками́с, нилзя́ иwо барнава́т", т. е. на полѣ много большихъ комьевъ), касти́стъj, разбо́ристъj, пригаво́ристъj (пѣ.) и пр.

л — суфф. а) отлагольныхъ прилаг. и причастій: быва́лъj, лижа́лъj, пасты́лъj, уме́лъj и пр.; б) отыменныхъ прилаг. (ъл, ьл и пр.): по́длъj, све́тлъj и пр.

т(ъ)л: акалетлую собаку (Миша Байковъ).

н, ен и пр. — а) суфф. причастій: рва́нъj, кашо́нъj, привизо́нъj, свичо́нъj, мачо́нъj, сало́нъj, жала́ннъj, бижжала́ннъj и пр.; б) суфф. отыменныхъ прилаг.: со́лънъj, сълана́ (общеслав. solnъ).

ън: и́хнъj. Ср. твердое „n" въ чешскомъ všechen, -chna; „н" твердое въ этомъ словѣ, между прочимъ, отмѣчено въ Олон. (Колос. Зам. 188, 329).

ън: суфф. прилагательныхъ, образованныхъ отъ именъ и, частью, отъ мѣстоименій и нарѣчій: бли́жнъj, дре́внъj („жы́ли были стари́г дъ стару́хъ, дре́внъи, ста́ръи" — ск., запис. мною отъ старухи), гружо́виннъj, кажнъj (также: ка́жын ча́с), к а л о́ д ь ш н ъ j (отъ „колодецъ"; „ш" изъ „ч" передъ „н"; кало́дьшнъй вада́), ӑзимно́j, пре́жнъj и пре́жньj, аста́лнъj и ӑстално́j и мн. др. См. выше, стр. 70. У Колосова въ Обзорѣ примѣры съ твердымъ „н" въ тѣхъ прилаг., которыя въ литер. яз. имѣютъ „н", приводятся почти исключительно изъ сѣв.-влкр. (Ирбит, Тотем,, Кадник,, Арханг., Новгор., Владим., Ярослав., Олон.), но одинъ примѣръ: „ближному" — Мосаль. Въ Олон. есть и наоборотъ, формы на „нё" отъ прилагат., имѣющихъ въ литер. „н" твердое (Колосов, Обзор, 161—162). „н" твердое въ такихъ прилаг. — и у Черныш. въ Моск. у. (стр. 15, 46).

См. также прилаг. на „чьн", „шьн" и т. п.

ьн: ве́шньj, пре́жньj, далньj и далнъj, виче́рньj и пр. См. выше, стр. 233.

ин; суфф. отыменныхъ прилагат. притяжательныхъ, образованныхъ отъ именъ (личныхъ) на „-а“: дя́дин, же́нин, се́стрин, Ро̄ткин, Ми́шкин, „я ни тя̄ткин, ни ма́мкин сын“ (пѣ.) и пр.

ян; суфф. прилагат., произведенныхъ отъ именъ существительныхъ, представляющихъ названія неодушевленныхъ предметовъ; этимъ суфф. предметъ, означенный основой существ., обозначается, какъ матеріалъ, изъ котораго сдѣланъ предметъ, опредѣляемый прилагательнымъ: би̊р̊стяно́ј (изъ бересты), вълсяно́ј (изъ волосъ), дръвяно́ј, жы̊стяно́ј, къ̊стяно́ј, кръвяно́ј, липяно́ј (липовый), лубяно́ј, ӑфсяно́ј и афся́нъј, ӑлляно́ј, ӑржано́ј, пръсяно́ј (изъ проса), скъбяноj, търфяноj, шыр̊стяно́ј и пр.; ко́жънăј, сире́бринăј и пр.; непосредственно послѣ ударенія „н“ можетъ удваиваться, не ясно, при какихъ условіяхъ: каля́нъј, афся́нъј, ̊стикля́нъј и ̊стикля́ннъј, дирива́ннъј и даже: шыр̊стянна́й̆.

мян: слухмя́нъј (съ хорошимъ слухомъ). Ср. у Чернышева, Доп. къ Мещов.: я слухмёна (25), у него же, Москов. у.: сухмяннаи (стр. 41), Орловское: сухме́ннай (сухой).

ошън: ле́тъшнъј (бывшій въ прошлое лѣто, прошлогодній; ср. сербское летошњи = нынѣшняго лѣта). Ср. ю.-влкр. давно́шній съ „н̊“ мягкимъ.

ѣшън: вичо́ръшнъј (вчерашній). Ср. сербск. вечерашњи (этого вечера) съ „н“ мягкимъ.

ъшън: за́фтрьшнъј, тапе́ришнъј, сиво́днишнъј и пр., ср. старослав. дьньшьнии, сербск. данашњи. Въ другихъ русскихъ говорахъ тѣ же слова чаще съ „н̊“ мягкимъ. См. выше, стр. 70 и 72.

ъишън: давны́шнъј. Ср. литер. давнишній, ю.-влкрус. давно́шній, сербск. давнашњи (съ „а“ изъ „ъ“ или „ь“?).

ашън: фчира́шнъј, тада́шнъј (тогдашній), фсиɣда́шнъј; тѣ же прилаг.—и съ „н̊“ мягкимъ. Суфф. „ашьн“ образуетъ прилагат. отъ нарѣчій мѣста на -а.

ачън: дама́шнъј. Что здѣсь суфф. „ачьн“ а не „ашьн“, можно думать на основаніи сербск. домаћи, домаћност.

Ср. домачнаи въ русскомъ Мѣрилѣ Праведн. XIV вѣка, л. 32, стрк. 13 (Древности. Труды Слав. Комм. и пр., т. III, стр. 49), но то же слово въ сербск. спискѣ Шестоднева Іоанна Ексарха — „домашнѣи“.

ичън; суфф. родственъ съ суфф. „ачьн“: свáдбишнъј или свáрбишнъј (или здѣсь суфф. ишьн?).

На -шнъј оканчиваются также прилагательныя, образованныя отъ существительныхъ съ основой на задненебныя и свистящія.

а-л-ън, и-л-ън и т. п. отглаг. суфф. прилаг. распадаются на а-л, и-л и т. п. — суфф. отглагольныхъ именъ существ. + ьн — суфф. отыменныхъ прилагат.: астáлнъј и ӑсталнóј, ахáлнъј, кавáлнъј, мълатúлнъј и мн. др.

ельн — отыменн. суфф.: нúтьлнъј (нúтьлнъи пéтьлки), клю́квилнъј; здѣсь „ельн“ является вмѣсто „ян“ или „еньн“, причемъ „л“ могло явиться фонетически изъ „н“, ср. „силнúк“ и распространенное во многихъ говорахъ „священьникъ“. Впрочемъ, фонетическій переходъ „н“ въ „і“ передъ „н“ твердымъ допустить трудно, ср. ниже прилагат. на „éньн“.

енън; увеличит. суфф.: балшéннъј, высачéннъј, глубачéннъј, здъравéннъј, страшéннъј, шырачéннъј, наприм. въ сказкѣ: „нашóл сибé бирлóгу, я́му балшéннъю“. Ср. у Черныш. въ Доп. къ Мещ. стр. 26; въ Новгор. (скупенный, злéнный) и др. влкр. говорахъ, также въ бѣлор. (Матер. I, 4, Могил.). Это — не суфф. превосходной степ., потому что не показываетъ, что извѣстное качество принадлежитъ извѣстному предмету въ большей степени, чѣмъ всякому другому предмету, и не суфф. сравн. степени. По большей части суфф. этотъ присоединяется къ основамъ прилагат., обозначающихъ величину или силу.

онък; суфф. (уменьшит. и) ласкат.: мáхънкъј, мя́кънкъј, плóхънкъј, множ. плóхънтий; ср. нарѣчія: лягóнкӑ, тихóнкӑ и пр.

енък; суфф. (уменьшит. и) ласкат.: мáльнкъј, аччáјнинкъј, малóдьнкъј (ж. р.: мъладéнкӑ), карóтьнкъј (безчл. ф. ж. р.: кəратéнкӑ), харóшънкъј, длúннинкъј, мúлинкъј,

сла́ти̑нкӑ (напр. вади́чкӑ) и пр. Эти суфф. присоединяются даже къ основамъ такихъ прилагат., которыя не заключаютъ понятія качества, способнаго уменьшаться или увеличиваться, наприм.: аста́ни̑нкаȷ ди̑ночик (пѣ.).

охонък — ласкат. суфф., только въ двухъ подблюдныхъ пѣсняхъ: „Взашла́ пало́ска уз̑о́ха̑нка, сно́пикаф мнаго́ха̑нка" и: „Пало́ска шырако́хъ̑нка"...

ехонък—ласкат. суфф.: пал̑но́ха̑нка (пѣ.), рад̑о́хъ̑нкӑ, уз̑о́ха̑нка (пѣ.); ср. въ нарѣчіяхъ: мал̑о́ха̑нка, паз̑но́хъ̑нкӑ, рав̑но́хъ̑нкъ, и пр. Въ разговорной рѣчи образованія съ суфф. охоньк и ехоньк почти не встрѣчаются.

ошенък — ласкат. суфф.; только нарѣчія въ пѣ.: высако́шъ̑нкӑ, дълико́шъ̑нкӑ.

ёшенък—ласкат. суфф.: мал̑о́шъ̑нкӑ, мил̑о́шъ̑нкӑ (пѣ.), низ̑ошъ̑нкӑ, рав̑но́шъ̑нкӑ, рад̑о́шъньк, чижыл̑о́шъ̑нкӑ (пѣ.); ади̑но́шъньк (пѣ. и разгов.). Этотъ суфф. встрѣчается преимущественно въ пѣсняхъ, но употребляется и въ разговорной рѣчи, чаще при нарѣчіяхъ, чѣмъ прилагательныхъ. Отмѣчу также выраженіе „ве́с̑ тъ ди̑но́шъньк", гдѣ суфф. „ешеньк" является въ образованіи уменьш.-ласкат. существительнаго (см. выше).

О суфф. охоньк—ешеньк см. также у Потебни, К исторіи звуков, III, 107—108. Онъ сопоставляетъ эти суфф. съ сербск. „-ахан", влкр. (?) „яхный", поль. „achny" и литов. суфф. сравн. степ. „ésni-s", откуда выводитъ, что „о" и „е" послѣ „х" („ш") — вставка уже на русской почвѣ (или изъ общеслав. „ъ", „ь"). Значеніе этого суфф. безъ „-ьк', по мнѣнію Потебни — увеличительное.

в — суфф. отглагольн. прилагат.: жыво́ȷ и пр.

ов и *ев* — суфф. прилагат., образованныхъ отъ существ.: бир̑о́зъвӑȷ (сдѣланный изъ березы, состоящій изъ березъ или имѣющій какое-нибудь отношеніе къ б., напр. б., чаще „пъдбир̑о́зъвъȷ" грибъ), вирхаво́ȷ (тотъ, кто сидитъ верхомъ на лошади, также: вѣтеръ верховой, низовой), гърдаво́ȷ, двъраво́ȷ (относящійся ко двору), дъмаво́ȷ (=домашній), биздамо́въȷ (бездомный), „дӑбави̑и сандуки" (пѣ.), но дубо́въȷ (разгов. и пѣ.), яло́въȷ (еловый), зима-

во́ј (=зимній), кляно́въј, ключаво́ј, кърмаво́ј, „кърнява́я“ лошадь (запряженная въ корню), лисаво́ј (=лѣсной, напр. „лисавы́и я́блъки“, чаще, чѣмъ „лясны́и“), аси́нъвъј, пъдаси́нъвъј (напр. грибъ), съдаво́ј (наприм. „мали́нъ съдава́я“), снигаво́ј, тисо́въј (пѣ. и разг., а въ пѣ. также и тисаво́ј), лугаво́ј (наприм. лугаво́я сена), пълhво́ј, гърhво́ј (гърhво́я жытjо́ или го́ркъя ж.) и мн. др.

ав и *яв;* отыменн. суфф.: крава́въј (рѣдко; обычно: кръвяно́ј), лука́въј (почти исключительно = дьяволъ), ла́скъвъј (ср. малор. ласкавий, поль. łaskawy); гуня́въј, дыря́въј, кудря́въј, курчавъј, мълажавъј; ср. краса́вьц или краса́вица (при малор. и частью ю.-влкр. краса́ва). Рядомъ съ ласкавый, можетъ быть, въ русскомъ было и образованіе на „овый“ — ласковый, ср. сѣв.-влкр. „ласковой“, если только здѣсь „о“ не возникло фонетически изъ „а“ вслѣдствіе положенія послѣ твердой гортанной, передъ „в“ и послѣ слога съ „а“.

ляв: виртлявъј, кас(т)ля́въј, пискля́въј (=писклывый), трухля́въј и др.

ив; отыменный суфф.: красивъј, лини́въј, плакси́въј. плишы́въј, фпы́въј.

лив; отыменный суфф.; значеніе — то же, что суфф. „ив“: блудли́въј, гъварли́въј, жа́лъсливъј, жылли́въј (жалостливый), ми́лъсливъј, малчли́въј (молчаливый), пригля́дливая (пѣ.), приве́тливъј, нитирпли́въј (ср. сербское трпљив), тала́нливъј, трусли́въј, щисли́въј, нищисли́въј и др. Въ славянскихъ языкахъ этотъ суфф. чередуется съ суфф. „ив“. Въ *сербскомъ:* бодљив, говорљив, крадљив, трпљив, но: жалостив, милостив, ластив. Въ нарѣчіяхъ русскаго языка „лив“ преобладаетъ, ср. *бѣлор.* благочѣсливый (Носовичъ, Дополн.) и мн. др., *малор.* бодлив, забитлив и пр., *ю.-влкр.* рязан. жа́ласливай, миласливай (Будде, Къ діал., 72); ворон. ляслифъ, миласливай и миластивай (послѣднее — книжн.? Филат. § 32) и др.; *сѣв.-влкр.* олон. жалослив, охваслив (Колос., Обзор, 198) и др. Въ старослав. памятникахъ — чаще суфф. „-ив“, чѣмъ „лив“: блѫдивыи и блѧдивыи, милостивыи, крадивъ

и пр.; отсюда происходитъ колебаніе между „ив“ и „лив“ въ старорусскихъ памятникахъ: гладивъıи (Слова Григор. Богосл. XI в. и др.), забъıтьлива (ib.), блудливи (Мѣр. Прав. конца XIV в., л. 32; то-же слово въ сербск. спискѣ Шестоднева Іоанна Экс. 1263 г.—блоудиви), дативъı (Богосл. Іоанна Экс. 318), жалостивыи (Никон. Панд. сл. 32), немилостивіи и нежалостивіи (Грам. Алексія митроп. 1356 г.) рабоу крадивоу (Акиръ, XV в.), говорливъ (Георг. Амарт. 347) и проч. (большая часть примѣровъ взята изъ Матер. для словаря Срезневскаго).

(и)м — суфф. отглагольныхъ прилагат. и причастій: вис̆ти́мъј, люби́мъј, нипъвиди́мъј, ради́мъј.

Отъ именъ существ. иногда образуются ласкательныя въ формѣ прилагат., произведенныхъ отъ основы существит., обозначающихъ ласкаемый предметъ: „У́ ты мој пътапе́шъчкин“, саба́чкин ты мој, „Дия́нъчкин“ (собакѣ, которую зовутъ Діянкой), „званчи́шкин“ („Звонокъ“—имя собаки). Ср. происхожденіе нашихъ уменьш. на „ък“ = общеиндоевроп. суфф. отыменныхъ прилагат. „-ik-“, ср. греч. прилаг. на „ικός“. Греческія уменьшит. на „ιον“ тоже, вѣроятно, по происхожденію — средній родъ отыменныхъ прилагательныхъ.

Уменьшительныя и ласкательныя въ парфёнковскомъ говорѣ очень употребительны.

Суффиксы глагольныхъ основъ.

Суффиксы, имѣющіе видовое значеніе, приведены выше. Здѣсь остановлюсь только на очень немногихъ глагольныхъ образованіяхъ.

ѣ—ѣј (Микл. III, 1); суфф. непроизводныхъ и отыменныхъ глаголовъ. Между прочимъ: гладе́т̆ (становиться гладкимъ, т. е. полнымъ), тане́т̆ (худѣть, т. е. становиться тоньше), маде́т̆ (быть вялымъ, чувствовать недомоганіе, ср. у Будде, Тул.-Кал., у Даля и въ бѣлор.), отсюда прилаг. маде́лъј (вялый), зъкълине́т̆ (о землѣ: стать каляной, т. е. твердой, промёрзнуть), зъкълубине́т̆, нъвъ-

дапе́т̑ (разбухнуть отъ воды), владе́т̑, но чаще: влада́т̑. Глаголы съ этимъ суфф., производные отъ прилагат., по большей части имѣютъ начинательное значеніе.

ѣ—j (Миклош. III, 2): дыша́т̑, — 2-е един. дышы́ш, 3-е множ. дыша́т, ср. также ниже.

а—aj (Микл. V, 1): влада́т̑, жада́т̑ (быть жаднымъ, ср. древнерусское „жядати" — жаждать у Срезн.), ӑбрата́т̑ (надѣть оброть на лошадь), вирта́т̑ (поворачивать), (в)здыха́т̑; сюда же относятся: стана́т̑, щипа́т̑ и нѣк. др. См. выше.

а (Микл. V, 3): дыха́т̑ (дышу́, ды́шъш) и пр.

и (Микл. IV): здаро́виццӑ (2-е единств.: здаровиссӑ, прош. пъздаро́вилсӑ и пр.), притра́пиццӑ.

н-и (по второй части суфф.—Микл. IV): ӑслъбани́т̑. Въ глаголѣ скушни́ццӑ звукъ „н", вѣроятно, изъ прилаг. ску́шнъj.

Нѣсколько глаголовъ съ именными суффиксами, но безъ соотвѣтствующихъ имъ именъ съ тѣми же суффиксами:

к: здаро́фкъццӑ, здаро́фкъюс, пъздаро́фкълсӑ и пр.

ак и *як:* дума́кът̑ (=думать), пъдума́къwъш; фсю ты руба́ху зъваля́къш.

юг: мътюга́т̑, -а́ю; мътюгну́т̑ (ср. діал. матю́га).

ух: плитуха́т̑, -а́ю (отъ плету́ха, откуда плету́шка = корзинка?) = сплетничать; отсюда существ. плитуха́н и плитуха́лӑ.

ях: умаря́хнула (пѣ.).

ах: жжала́хнуццӑ (сжалиться). Съ этими глаголами ср. стрепехнуться и пр.

Отмѣчу глаголъ: стънави́т̑ (= ставить), пъстнави́т̑.

Нарѣчія.

1. *Нарѣчія, произведенныя отъ именъ прилагательныхъ.*

Форма этихъ нарѣчій совпадаетъ съ безчленной формой средн. рода прилаг., но иногда отличается отъ нея

по ударенію: бо́ı̆нӑ (=очень, ср. Вытегор., Олон. и др.), бе́ткӑ (жалко, обидно), висяло́, за́биткӑ (обидно), за́виткӑ (завидно), давно́, давно́ давны́м, ло́хкӑ и ляхко́, ро́внӑ (также и въ значеніи союза: ро́внъ как), фсо ро́внӑ, хи́трӑ, нихи́тра и хитро́, чижало́ и пр.

Отъ этихъ нарѣчій могутъ образоваться производныя: сравнительныя, уменьшит., ласкат. и увеличит. Суффиксы производныхъ нарѣчій частью — тѣ же, что у прилагательныхъ, частью другіе.

Суфф. сравн. степ.: зара́ни, те́пли, бо́ли, ме́ни и пр.; иногда эти суфф. не вносятъ значенія сравн. степ.: дале́чи (ср. форму „далеко“, прилаг. „дале́чьj“, вѣроятно, вторичное, изъ „далече“), нивдале́чи, и́нъчи (ср. инакій, одинакій и пр.) и ина́чи, пъи́нъчи, хъраше́нчи (=хорошенько).

ък; уменьш. суфф.: хъраше́нкъ (ср. прилаг. харо́шънкъj), мале́нкъ (прилаг. ма́льнкъj, но въ загад. и мале́нкӑ — ж. р.), давне́нкъ, равне́нкъ и пр.

ъч-ък; уменьшит. суфф. именъ существ.; уменьш. отъ прилагат. съ этимъ суфф. не образуются: нимно́шьчкӑ, мно́шьчкӑ и пр., ср. то́льчкӑ, сто́льчкӑ и пр.

о̄нъчък; уменьшит.-ласкат. суфф. только нарѣчій: пъляго́нёчку, пътихо́нёчку въ ск.

енъчък; уменьш.-ласкат. суфф. только нарѣчій: мало́ньчкӑ, хъраше́ньчкӑ и пр.

ехонък; суфф. прилагат.: пазно́хънкӑ и т. п.

ешенък; суфф. прилагат.; примѣръ: „уш мы со́jдимса близо́шынка, мы сравня́имса равно́шынка, мы пакло́нимса низо́шынка, пацалу́имса мило́шынка (вьюн. пѣ.); чижыло́шынкӑ и пр.

2. *Отъ именъ существительныхъ.*

Твор. пад.: вичаро́м и ве́чьрӑм, вясно́j, го́рми („серди го́рми гаря́т“ — вьюн. пѣ.), грамко́м („и сви́снул я грамко́м“—пѣ.), пирядо́м (напр. ити́т пирядо́м, т. е. впереди), ле́тъм, наси́лкъм (=силкъмъ, насильно), нипуто́м (непра-

вильно, черезчуръ, не такъ, какъ слѣдуетъ), пъражно́м (наприм. ѣхать порожнём), силком и пр.

Мѣстн. пад.: у́три, виче́ри, также: до́мӑ и пр.

Дат. пад. (?): дамо́ј, дало́ј.

Родит. пад.: пра́вды, сяwо́дни (ся́нни) и пр.

Винит. пад.: вичо́р, во́сну (= весной); также съ мѣстоим. „сь" въ началѣ или въ концѣ: сича́с, вичо́ръс и пр., см. ниже.

Съ предлогами: взат-наза́т (= взадъ и впередъ, ср. Томск. „взадь-назадь" — Ж. Ст. 1895, стр. 416 и др.), ф кане́ц (окончательно: ръззарю тибя́ ф кане́ц и т. п.), нъпиро́т (сперва, впереди, впередъ), зза́ди, паза́т (позадь = сзади), пау́тру, за́фтри и пр.

3. *Отъ мѣстоименій.*

Числительныя нарѣчія: адна́жди и адна́жды, дво́жжи, тро́жжи и дво́жди, тро́жди = одинъ, два, три раза. Ср. двожды у Будде, Къ діал. и Къ ист., ср. Шахмат., Отч. о прис. Ломон. прем. въ 1897 г., стр. 38.

Сложныя съ мѣстоим. „сь". Въ началѣ слова: сича́с (чича́с, шичя́с и т. п.), сию́ мину́тъю, зде́с, сяwо́дни или ся́дни. Въ концѣ слова: а) въ нарѣчіяхъ времени: у́тръс и у́трьс (сегодня утромъ), вичо́ръс (вчера вечеромъ), фчара́с (вчера), трито́във (третьяго дни; чаще: недавно, на дняхъ), ано́дъс (недавно, на дняхъ), ле́тъс (прошлымъ лѣтомъ), ср. въ другихъ влкр. говорахъ: осенесь, зимусь и т. п.; частица „сь" указываетъ на ближайшій прошедшій срокъ времени; б) въ нарѣчіяхъ мѣста: здес; въ указат. э́ус (эвось). То-же „сь" — въ авось.

Нарѣчія на „чӑ": тапе́ричӑ или типе́ричӑ, да́ичӑ, но́нчи и но́ничӑ.

Вообще, всѣ нарѣчія, образованныя съ собственно нарѣчными суффиксами, нарѣчія вопросительныя и рядъ другихъ образованы отъ мѣстоименныхъ основъ. Приведу примѣры нарѣчій, образованныхъ отъ мѣстоименій безъ помощи нарѣчныхъ суффиксовъ (да, ды, де, лѣ): ф те́ пър (=въ тѣ поры, тогда), па е́стих пор, па се́х по́р, тапе-

ря̆, типе́ря̆ и проч., зате́м, пато́м и пътаму (= потомъ; только старуха: „атправля́ит спе́рва балшо́у бра́тъниве́сту, пътаму́ фтару́ю, друго́у бра́тъ, пътаму́ тре́тју, сваю́ниве́сту“. „Потому“ съ тѣмъ же значеніемъ извѣстно мнѣ и изъ говора Козловск. у. Тамб. и др.), ко́ј ме́стă (гдѣ: „ане ко́ј ме́стъ жыу́т?“) и пр.

Нарѣчія времени.

тапе́р(я̆) и типе́р(я̆), тапе́ричă и типе́ричă, да́ичă (давеча), ужо́ткă и ужо́; пре́жди, пре́жъ, дапре́ш, нъпиро́т („ты нъпиро́т скажы́, а пато́м де́лăј), спе́рвă (спе́рвă и пр.), пато́м и пътаму́ (см. выше), зате́м, по́сли, апо́сли и ăпасля́ (ср. у Миши Байкова: „опосля“, „апосля“); ф те́ пър, ны́нчи, ся́wо́дни и ся́дни, фчара́с, вичо́р (вчера вечеромъ), вичо́ръс, фчара́, пъзафчара́ (третьяго дни), три́товъс (недавно), ано́дъс (см. ниже), утръс (нынче утромъ); виче́ри (ужо вечеромъ и вчера вечеромъ), у́три (завтра утромъ), пау́тру, за́фтри, пасля́ за́фтри; ле́тъс; сича́с, чича́с, шьча́с, щча́с, сию́ мину́тъю, пака́, пака́мис (покамѣстъ) и пр. О нарѣчіяхъ на „да“ и пр. см. ниже. О произношеніи „типер“ и пр. см. выше, стр. 72.

Нарѣчія мѣста

ко́ј ме́стă, зде́ся̆ и зде́с, ту́тă и тут, та́мă и там, блис, дале́чă, нивдале́чи, пада́ли (сравн. ст.), во́зли (но „о́къл“—всегда предлогъ), взат-наза́т, пъзади́, паза́т, ря́дъм, ря́душкъм, спириди́, пирядо́м и пр.

Указательныя нарѣчія: эwă или э́у, энă, wо́, вот, э́ут (=эвотъ). Нарѣчіе „вот“ фонетически переходитъ въ „ут“ и „ут“ (см. выше, стр. 61). Интересно, что это „ут“ или „ут“ можетъ настолько тѣсно примыкать къ мѣстоименію „этотъ“, что образуетъ съ нимъ какъ бы одно слово, такъ что при немъ можетъ опять являться нарѣчіе „вот“: вот уте́тът или утэ́тът, наприм.: „вот уте́ту бири́“ и пр. Нарѣчіе „эwă“ казалось очень страннымъ одному

живущему въ имѣньѣ при Парфенкахъ крестьянину Кирсан. у. Тамб. губ., привыкшему, чтобы указывающіе на какое нибудь мѣсто говорили: „wонана́“.

Суффиксы нарѣчій мѣста и времени.

гда и *гды;* суфф. только временныхъ нарѣчій: када́, тада́ и кады́, тады́, фсяϒда́ (или фсиϒда́), зъфсяϒда́, нъфсяϒда́ и зафся́ϒды, нафся́ϒды, зафсо́ϒды, инаϒда́, коj-када́, ано́дъс̑. Въ произношеніи нарѣчій када́, тада́ и ано́дъс̑ (см. выше, стр. 22) средне-великорусскіе говоры примыкаютъ къ южновеликор. (када́, тада́, нады́с̑), тогда какъ въ сѣв.-влкр. „ϒ“ (общерусское „ϒ“, а не „г“) не выпало, а частью сохранилось (Олон., Арханг.), по большей же части перешло въ „в“ или „л“ (колды́, толды, нолды и пр.). Нарѣчіе „ано́дъс̑“=„оноϒдысь“. 1-я часть его, вѣроятно, — мѣстоименіе „онъ“ со значеніемъ „тотъ, другой“, какъ и въ нарѣчіи „наме́дни“ (изъ ономь-дьни, откуда въ нѣкоторыхъ сѣв.-влкр. говорахъ ономня́сь); вторая часть — „ϒды“, конечно, то-же, что въ коϒды, тоϒды, иноϒды, вьсеϒды (въ Парф. во всѣхъ этихъ нарѣчіяхъ въ концѣ -а); наконецъ, „сь“ — окончаніе, обозначающее близость времени, указываемаго нарѣчіемъ, ко времени рѣчи (первоначально, — мѣстоим. „сь“ или ср. р. „се“). Въ сѣв.-влкрус. то-же нарѣчіе употребляется въ формѣ: нолды́, онолды, оногды́сь (напр. Арханг.), онегдась (Арханг.); въ ю.-влкр.: нады́сь (Туль., Калуж., Рязан., Тамб., Орлов. и др.). Въ сѣв.-влкр. „онегдась“, звукъ „е“, вѣроятно, родственъ съ „э“ въ нарѣчіяхъ мѣста, гдѣ это „э“ чередуется съ „ы“ и „у“. Польск. onegdaj. См. также выше, стр. 61.

да и *дъі;* суфф. мѣстныхъ нарѣчій, но нѣкоторыя изъ такихъ нарѣчій имѣютъ и временное значеніе: куда́, туда́, суда́ и куды́, туды́, суды́, коj-куда́; паку́дă (врем.), пака́дă (врем.). атку́дă, даку́дă (врем. и мѣ.), атту́дă, аццу́дă (или: ацсу́дă) и пр.; тѣ-же нарѣчія съ звукомъ „е“: атке́дă, паке́дă, аттэ́дă, ацце́дă (и: ацсэ́дă) и пр. Въ на-

рѣчіи „пака́дӑ“ (ср. ниже: пака́л̆) „а“ — нефонетически, по аналогіи съ пака́, пака́мис̆. Объ „е“ несмягчающемъ предшествующей зубной вмѣсто „у“ (общеслав. ж) см. ниже, подъ суфф. „ль“. Нарѣчіе „куды“, кромѣ мѣстнаго значенія, иногда употребляется въ значеніи нарѣчія причины, = зачѣмъ, наприм., „а е́н̆ти крича́ли: куды́ нам жда́т̆? мы са́ми спуга́лиса“.

На „ду“ нарѣчій нѣтъ (ср. литер. всюду, повсюду).

де; суфф. мѣстныхъ нарѣчій: γде́, де́, рѣдко иде́ (= гдѣ; въ ю.-влкр. „иде́“ — повсемѣстно), виз̆де́, ниγде́.

лѣ; суфф. мѣстныхъ нарѣчій, но нѣкоторыя изъ нарѣчій имѣютъ и временное значеніе: атку́л̆, атко́л̆, атту́л̆, ацсу́л̆, паку́л̆, пака́л̆ (врем.) и: атке́л̆(я̆), аттэ́л̆(я̆), ацсэ́л̆ и аццэ́л̆. Въ нарѣчіи „пака́л̆“ „а́“ такого же происхожденія. какъ и въ „пака́дӑ“.

„э́“ несмягчающее предшествующей согласной (въ Парфенк. говорѣ — только зубной) вмѣсто „у“ (изъ ж) является только подъ удареніемъ, поэтому въ нарѣчіяхъ на „да“, „ды“ только сложныхъ. Это „э“ въ нарѣчіяхъ мѣста распространено въ большей части великорусскихъ говоровъ, причемъ обыкновенно „к“ въ такихъ нарѣчіяхъ въ другихъ говорахъ не смягчается (ср. Калуж.; у Черныш. Моск. у. 14 и 43. а также, по моимъ наблюденіямъ, и въ Рузск. у.: аткэ́дӑ, аткэ́л̆). Иногда вмѣсто „у“ или „э“ въ тѣхъ же нарѣчіяхъ въ нѣкоторыхъ говорахъ бываетъ „ы“, ср. Мосал. и Мещов.: атты́да. Это „э“ или „ы“ по происхожденію, вѣроятно, родственно съ „э“ и „ы“ въ склоненіи мѣстоим. тэй, однэй и т. п. (также: тый, одный), гдѣ оно получалось, кажется, изъ „ы“ передъ „j“. Что здѣсь во всякомъ случаѣ не старое „е“, видно изъ такихъ формъ, какъ аткеда, которыя иначе звучали бы: аччеда и т. п. Вопросъ объ измѣненіи „ы“ передъ „і̯“ обстоятельно разсмотрѣнъ ак. Шахматовымъ въ Изслѣд. (стр. 33 сл.), въ Мосал. (стр. 195 сл.), въ Отч. о прис. Ломон. прем. въ 1897 г. (стр. 59—64) и друг., а также Ляпуновымъ въ Ж. Ст. 1894 и въ Изсл., стр. 119—153, но нарѣчій аттэда и т. п. они не касались.

ова и *ева*; эти суфф. присоединяются къ нарѣчіямъ на да и лѣ; въ нихъ можно видѣть сравнительно позднее стремленіе склонять нарѣчія, по образцу мѣстоименій, съ которыми эти нарѣчія въ родствѣ (ср. сѣв.-влкр. тудою, сюдою): паку́дъвӑ или пакудуў, атку́дъвӑ, паке́дъвӑ. атке́дъвӑ, атту́дъвӑ, аттэ́дъвӑ, аццу́дъвӑ, аццэдъвӑ и т. п.; паке́львӑ, атке́львӑ, ацсе́львӑ и пр. Отмѣчу, что нарѣчія на -ельвӑ имѣютъ подъ удареніемъ „е" смягчающее предшествующую согласную.

Нарѣчія образа дѣйствія и др.

эк, как, так, утта́к (=вотъ такъ), э́дък, так и э́дък; ко́лкъ и ско́лкъ, то́лкъ, то́къ (только), то́кмъ и то́м(ъ) (послѣднее часто съ отрицаніемъ въ значеніи союза: „там, ма́тушк ма̀я, н и т о́ м іон, а́ ищ ищо́ чао́ нибу́т..."; „он ни то́м што, а..."), сто́лкъ и то́лк (=столько: „ви́дил ли ты то́лкъ зо́лътъ" — старуха, ср. Черныш. Моск. у. 53 и Мещов.), э́стълкъ, сэ́стълкъ; о́чин, о́чин и о́чиннӑ (очень или много: „я́ п тия́ пусти́лӑ, д у миня́ дите́ј о́чиннъ"), бо́лнъ (=очень, ср. Вытегор., Олон. и др.: больнё; также и въ ю.-влкр., наприм. Медын., Калуж. и др.), здо́ръвъ (очень, хорошо), го́жӑ (хорошо); нукш(т)о́ш (см. т. 46, стр. 132—133); че́рьс (наприм.: вода чересь пошла, зерно стало чересь сыпаться и т. п., ср. Черныш., Моск. у. 68), наскро́с, ўро́с (врозь) и мн. др.

Нарѣчія причины и цѣли.

х чаму́ (= зачѣмъ), заче́м, пашто́ (= зачѣмъ, почему), пачо́м (почему; наприм.: почо́мъ мнѣ знать и пр.), на што́ (=зачѣмъ), пъчаму́; с э́стим (=поэтому, для этого), зате́м, пътаму́; куды́ (наприм.: куды́ нам ждать?) и пр.

Нѣкоторыя нарѣчія употребляются чаще въ значеніи предлоговъ, но сохраняютъ и значеніе нарѣчій: по́дли, во́зли, блис, паза́т, насу́пръть, фпириди́, че́рис, наскро́с, апо́сли, ӑкрамя́ и друг. Всѣ эти нарѣчія, употребляясь

въ значеніи предлоговъ, соединяются съ родит. пад., кромѣ „черисˀ“, который требуетъ также и винит. пад.

Предлоги.

Предлоги, состоящіе изъ одной твердой согласной или оканчивающіеся на твердую согласную, передъ нѣкоторыми группами согласныхъ являются съ гласной на концѣ:

в: в до́ми, в го́ръди, в ъгаро́ди, в афсе́ (или: в афсэ́), в друго́й ме́ста, ф стале́, ф ст̑ипи́, в грабу́, ф кругу́, ф кливу́, ф кле́ф, в бро́т, ф про́луп и т. д., но: ва ста́ди, ва дво́р и даже: въ дваре́, въ дваре́ц; ва ржы́, ва ржа́ви бало́ти, ва фсю́ даро́гу и пр.

к: ни х чаму́, х Ка́рцъву, к ме́сту, к стънаво́му, х кра́ю, γ до́му, γ дру́гу, но: къ двару́ къ сваму́, ка Спа́су и пр.

под: пад дра́нку, пъд дваро́м, път тваю́ ноwу талја́нку и пр., но: пъда фсе́м и пр.

от: ад до́му, ад двара́, ацтънаво́wă, ат кра́ю, ацта́дă и ăта ста́дă, ацку́ки ради, ăта ржы́, ăта вра́гă и пр.

с: з гары́, с ле́съм, с пра́вă, с кра́ю, с тру́пкъј и пр.; са ста́дъм, съ стала́, сафто́р̑никă, са дву́х и з дву́х, съ двара́ и т. д.

Въ нѣкоторыхъ сложныхъ съ предлогами гласная въ концѣ этихъ предлоговъ бываетъ и не передъ группой согласныхъ: вашо́л, сашо́л, пъдашо́л, ъташо́л, взашол и т. п. по аналогіи съ вошла́, сошла и пр. По употребительности такихъ формъ парфенковскій говоръ приближается къ сѣверно-великорусскимъ, тогда какъ въ южновеликор. чаще гласная въ концѣ предлога не возстановляется, когда въ ней нѣтъ фонетической потребности, ср. южновлкр. (калуж., туль., рязан. и др.): атшо́л, патшо́л, вшо́л (ўшо́л, фшо́л) и пр.

съ. Существованіе рядомъ формъ съ гласной и безъ нея позволяетъ вносить извѣстныя различія въ сложныя съ этимъ предлогомъ, такъ: согрѣть кого, но — сгрѣть

съ кого (наприм.: большія деньги при продажѣ чего и пр.). Кромѣ того, слѣдуетъ отмѣтить удвоеніе предлога—въ выраженіи: сас па́р (= са дву́х) и сас тро́х (при игрѣ въ бабки), но: ш̓читыро́х, с̓ пити́ и пр. Ср. болгарск. със или сѫс.

(о), об, обо. Предлогъ этотъ очень рѣдко встрѣчается въ формѣ „о", наприм. а чо́м; обыкновенно согласная предлога сохраняется (съ ея фонетическими измѣненіями) при всякомъ положеніи, какъ передъ гласной, такъ и передъ согласной. Передъ группой согласныхъ, между которыми выпала старая глухая гласная (ъ, ь или „и" въ такихъ словахъ, какъ ăбашју́), а иногда и въ другихъ случаяхъ — „обо": ап чо́м, о́п пъл, ап то́м, аб де́ли, о́б зимлю и аб зе́млю, ап пусты́м де́ли, аб ду́шу, аб дву́х, ап ста́ди, о́п стъл, ап стро́јки, ъба ржы́, „ап сибе́, аба мне́, ап тре́тим бара́шки" (пѣ.). Ср. у Миши Байкова: обгоркой сирате (пѣ.), обросу (ск.). То-же и въ сложеніи съ глаголами: хуш апка́чиваjса (пѣ.), абде́лът̓, ъбраба́тъwу, апчикры́жыт̓, ăбазна́ца, ăбаснуца, ав̓вя́зънъс̓, ăбјигни́ца ав̓мишу́ницă, ав̓ви́т̓ (что обо что), ъбаре́зълъс, ъбабри́т̓, ъбабира́т̓. См. выше, стр. 41. Ср. напр. у Будде, Къ ист. и у другихъ: абдавѣть, вѣроятно, вполнѣ правильное образованіе изъ об-вдовѣть, какъ облакъ (парф.: о́блък) изъ обьвлакъ, а не замѣна „в" черезъ „б". Рядомъ съ словами, сохраняющими (или возстановившими) „б" предлога употребляются и глаголы съ предлогомъ „о" безъ „б", иногда въ другомъ значеніи: асирди́цъ, аби́т̓ (или: ăбаби́т̓ — мебель, экипажъ, ср. выше ав̓би́т̓), ъкати́ца (о кошкѣ: родить котятъ), атили́ца, аду́мъца и абду́мът̓, ăступи́ца и апступи́т̓ (значенія разныя), аси́лит̓, агра́дă (заимств.), акру́к, акру́гă, ăграма́тнъј, ăгаро́х и пр. Въ распространенномъ видѣ этого предлога „обо" „о" — вторичное, по аналогіи съ предлогами в, к, с, над, под, перед и нѣк. др. Въ общеслав. этотъ предлогъ являлся въ двухъ видахъ — сильномъ: „оби" и слабомъ — „объ", причемъ въ послѣднемъ „ъ" могъ отпадать еще въ общеслав., такъ же, какъ „ъ" въ изъ, безъ, орзъ. Поэтому

фонетически „обо" въ русскомъ не должно было явиться, а развѣ только „оби" или „обе" („е" изъ „ь"). Сильный видъ предлога въ словѣ „абисикъца" (=обмочиться), а въ литературн. только въ заимствованномъ „обиходъ". Въ старинныхъ памятникахъ русскаго языка „оби" въ сложныхъ словахъ—часто, хотя могло и не быть въ живомъ русскомъ языкѣ. Въ богослужеб. рукописяхъ XI—XVI в. часто: обистоꙗти и обистоꙗнию; у Срезневскаго указаны между прочимъ такіе примѣры: обистоупаеми — Мин. 1097, 37; обистоупивъшемъ, Патер. Син. XI в., 203; обисѣсти, обитѣкати, обишьдъ, обишлі, обиходити Нест. Жит. Ѳеод. 11, Пов. врем. лѣтъ, Кир. Тур., Ефр. Сир. XIII в.; ѡбисиꙗють слнце Жит. Ѳеод. Ст. 101, обистоупиша Лаврент. лѣтоп.; ѡбизрелъ. Риж. грам. около 1300 г.; обізаряеть Панд. Ант. XIV в.; обизряся Грам. Рост. архіеп. 1448 г. и др.

Отсутствуетъ приставка „о" въ словахъ: вра́к, род. вра́га и жыре́лјь (см. выше, въ фонет.).

у. Передъ гласными (только „у" и гласной изъ стараго „о"?) также—*уw*, хотя нечасто, а иногда предлогъ „у" получаетъ форму *уwа* (передъ „в" и „ф"?), напр.: уw афса́, уw аццá и у аццá; уw аднóј, чаще: у аднóј, уw акна́ или у акна́ и проч.; уwа фсе́х и у фсе́х, уwа вра́гă.

мúмъ и *нúмъ*: „јéдит Мàр баγáтъј ни́мъ јéтъј мéлницы", „он идóт ним акна́" и пр. — оба примѣра изъ сказки, расказанной старухой. Обычно: ми́мъ. Ср. Медын.: „нима јéтава тéрема" (пѣ.), въ рязан. „нима" (Будде, Къ діал.) и сѣв.-влкр. „вы́ма" (вымо). „н" вмѣсто „м" вызванъ, вѣроятно, звуковой диссимиляціей, ср. „Нифóт" вмѣсто „Мефёд".

скрос. См. выше, стр. 99.

чéрис. Употребляется, какъ нарѣчіе, и какъ предлогъ. Послѣдняя согласная передъ гласной или сонорной согласной произносится, какъ „з": „чéриз этъ дéлă" и какъ „с". Въ послѣднемъ случаѣ могло быть сохраненіе стараго „с" или же подчиненіе общему правилу о кон-

цѣ словъ, потому что предлогъ „че́ріс" имѣетъ самостоятельное удареніе и, слѣдовательно, не примыкаетъ такъ тѣсно къ имени (см. выше, стр. 68—69 и стр. 111 и др.), ср. „с" въ „блис" и т. п. Предлогъ „че́рис" можетъ отдѣляться отъ имени, которымъ управляетъ, напр.: „че́рис ја тибя плато́к изарвала", „че́рис он э́тъ...".

о́къл. По происхожденію, вѣроятно, = о-колѣ, т. е. предлогъ „о(б)" не съ винит., а съ мѣстн. пад. Рядомъ съ „окъл" — также: „окъл" съ „л" твердымъ.

заме́с и *наме́с* (= вмѣсто): „ни приве́тит удало́ва намес ма́тири аццá" (пѣ.), „наме́с свајеј ве́рнъј супру́ги" (ск.), „жы́л намез де́тищă (ск.), „заме́с миня́" и пр.

про́тиф, *прати́(ф)*, *прот*, *суприти́(ф)*, *насу́прът*.

крук и *акру́к* (округъ): „крук каче́л, крук каче́л, крук каче́лнава сталбá раскало́л Вася талја́нку" (приб.); „нас и по́п та ни винчя́ит, крук нало́ю ни видо́т" (приб.), „акру́к ја свавò до́му паста́влю карав́от" (пѣ.) и проч. и разгов.

апри́ч (кромѣ): „ни пръпускá никаó апри́ч толкъ Бо́γъ" (ск.), и т. п.

фстреч: ѣхать, гресть и пр. „фстреч ве́тру" и т. п. Употребляется и какъ нарѣчіе: „вади́цы бу́дити че́рпът в рике́, фстре́ч че́рпăј" (т. е. противъ теченія; ск.).

сире́т: „пълажы́лă сире́д дварá", „сире́т ле́су" и пр.

О согласованіи предлоговъ — ниже, въ синтаксисѣ.

Слова сложныя съ предлогами.

роз при прилагательныхъ и иногда при существительныхъ — для обозначенія усиленія качества: ръскрасáвицă и проч., наприм. въ пѣсняхъ: „разудалый" (Миша Байк.), „разъ красутка" (онъ же), разудáлăј, расхаро́шăя̆, разухáлаю дитю́ мáлаю, рăсприя́тил и проч. Въ другихъ значеніяхъ употребленіе то же, что въ литерат.: ръзрагу́ля̆, ръскаря́кă, ръссуждáт (въ короводѣ — жестикулировать), ро́звъіни и проч. О произношеніи см. выше, стр. 21.

вз: в а з р о́ д н ъ j — ласкат.: вазро́днъj ты моj, вазро́днъя̆ мая ма́тушкӑ, вазро́днъjь маjо̀ ди́титкӑ и т. п.; в а з в и́ д и т: „свéту мне бéлъу ни вазви́дит, дитéj сваи́х ни вазви́дит" (клятва); в о з р а д о в а т ь с я: „ни вазра́дуиссъ ма́тушкъ"; в ъ ж ж а л а́ х н у ц ъ или з ж а л а́ х н у ц ц ъ; в з а j т и́ т не только въ смыслѣ „подняться и войти", но и въ значеніи просто „войти": взаjти́ вы́збу, взашла́ ф сара́j (куда уже вовсе не надо подыматься), взашо́л в э́ту дирéвню и пр.

въгз: да вы́зрӑсту, вѣроятно, = вы-из-ростъ или вы-вз-ростъ (т. е. до того времени, какъ выростетъ). См. выше, стр. 22.

с: с п и́ с ъ w ъ т: он спи́съут (записываетъ); с к а́ з ъ w ъ т; он взя́л, jим або́им го́лъу и ссéк; с т и́ ш н ъ j (тихій): пъстишнéя̆ жыви́; с р о́ ц т в и н и к (родственникъ); с к у́ с н ъ j (то-же — вездѣ въ сѣв.-влкр.); с п о́ л н и ц ц а (= исполнится и т. п.); я з г а р о́ т к у гъражу́; з г а р о́ д ъ ч к ӑ и изгаро́дъчкӑ; ска́скӑ и ка́зъчкӑ, ско́лкӑ и ко́лкӑ сматри́, сматря́ю и матри́, матря́ю. Въ послѣднемъ случаѣ, вѣроятно, старое отсутствіе приставки. Всѣ перечисленныя слова извѣстны и въ другихъ говорахъ. Объ словахъ, сложныхъ съ приставкою „с" см. также выше, стр. 49—50 и стр. 106.

с по: спъгаро́жънъя̆ (пѣ.), спъкида́т (разгов. и пѣ., ср. „миня спакида́ит"; „фсé миня̀ спаки́нули" и пр.), спако́j (наприм.: ни даду́т тибѐ спако́ю) и спако́йствӑ; спака́иццӑ („спакаилаз дифчо́начка духо́вному аццу́"—приб. Ср. выше, стр. 104).

с-под: спъдыма́т и пр.

су. См. у меня выше, стр. 31 и 39. Приведу еще примѣры: сугла́снаи (приб.), сугли́нък, сурго́рбинӑj (пѣ.), сужалéлъ (старуха), су́кръицӑ (сукровица), су́мирки, сумлéнjь, сумлява́ццӑ, су́пръснъj (о свиньѣ, но, наприм., о коровѣ: стéлнъj съ приставкой „с"), насу́прът, супру́к, супру́гӑ, су́писък (супѣсокъ), зӑсусо́бит (присвоить), сусéт и сасéт, су́тълкӑ, сутя́гӑ. Нѣкоторыя изъ сложныхъ съ сж замѣнили сж черезъ са- (со-): сасéт, сагла́сjӑ, ср.

литерат.: сожалѣть, сомнѣнье. Нельзя ли думать, что гласная приставки (а, о) въ такихъ словахъ сохранилась именно потому, что она замѣнила старую гласную полнаго образованія; иначе старое „ъ“ въ такомъ положеніи не должно было бы сохраниться въ видѣ гласной, и мы бы имѣли: ссѣдъ, згласья, жжалѣть (ср. сжалиться) и т. п. Такого же происхожденія о (а) въ совѣтъ, такъ какъ съвѣтъ дало бы „свѣтъ“, ср. старорусскія съвѣтъ, свѣтъ, свѣтьникъ = совѣтъ, совѣтникъ.

по: по́мир, по́жыл и пр. Отмѣчу глаголы безъ приставки „по“: каза̑т: ты ни кажы́ (не показывай), бу́ду я тибѐ каза̑т! въратѝт: въратѝ ло́шъ̑т та (поворачивай).

подъ; между прочимъ отмѣчу слова: пъдъфтари́̑т (повторить), пъднама́р̑ (см. выше, стр. 102), пъдјалды́хну̑т (сдѣлать отъ себя дополненіе къ чьей ниб. рѣчи) и др.

пере: пириса́дник (ср. у Булича Матер. для русск. словаря въ Изв. II Отд., I изъ Калуж.), пир̑кале́̑т, пиэ̑мини́̑т, пир̑пу̑сти́̑т (чересчуръ много пустить), пир̑таме́̑т (совсѣмъ утомиться) и пр.

при: приса́дник, придили́̑т (к ме́сту и пр., „име́нијь ни зна́ю куды придили́̑т“, „я ни знаю, куды вјун придили́̑т“ и пр.), прида́̑т (к су́ду и т. п.), приста́ви̑т (к ме́сту, к суду, ɣ де́лу и пр.), притыка́̑т, приписа́̑т, приру́п (пристройка къ избѣ) и пр.

про: пръздравля́̑т и пр.

Союзы и другія частицы.

Утвердительныя частицы: да, пра́вды, пра́ў, ну, пра́ў ну́ (пра̀въ ну́), јѐј̑ Бо́ɣў ну́. Эти частицы употребляются въ отвѣтѣ въ смыслѣ утвержденія, а кромѣ того — въ вопросѣ со значеніемъ: вѣрно ли?

Отрицательныя: не́т, не́ту, на́дъд̑ бъ тибе́.

Вопросительныя: нушта́ (напр.: „нушта́ пра́вды?“— а то нушта́ не́т? — „нушта́ он этъ з̑де́лъіт?“ — пра́у ну.), нюжлѝ, ниу́штă, нѝужéли, ну уже́ли (въ пѣ.: „ну уже́ли

пъзавя́нит въ Паӷфо́нкъӷ зе́лин са́т, ну уже́ли мы даждо́мса свајѐх рибят ис салда́т?“), ну ужли́ жă; не́ш [„нѣ ж (то)“? по смыслу = развѣ: неж гре́с ӣми бу́ду? неш таг де́лъют? неш он Маско́скăј? и пр.], рази и раз (передъ гласными и сонорными согласными и раз и рас) = развѣ (употребляется кромѣ вопросительнаго значенія еще въ значеніи условнаго союза = развѣ только, если не: „пајдо́т х тибѐ Бо́х нъчава́т! раз гаwна́ тъ нюхът рабя́чјьу?!“), ли.

Раздѣлительно-вопросит.: а́ли, ал, ај (= али), или, ли-ли; послѣдній союзъ особенно частъ, когда въ 1-ой половинѣ фразы — глаголъ съ этимъ союзомъ, а во второй — отрицательное слово „нѣтъ“ и т. п., причемъ такое предложеніе чаще имѣетъ значеніе условнаго, чѣмъ вопросительнаго: „ве́риш ли, не́т ли“, (посмотри:) „што он там, сје́л ли, не́т ли, и пр.

Раздѣлит. тол-тол (тол бу́дьт, тол не́т; тол уви́жу, тол не́т), нито́-нито́ и др.

Сравнит. сло́wнъ, бы́ттъ (бы́ттъ карти́нъчкъ харо́шънка и т. п.), быт (быт спи́т и пр.), как сло́wнъ (ястрябъ „ужжи́т как сло́wнъ ве́тир“), сло́wнъ как („сло́wнъ кък я тибя́ ви́дил“ и пр.), вро́ди как, то́чнă, си́лич (ср. у Черныш., Моск. 49, 151; Будде, Богородиц. Туль. и др.), ни пло́ш, ни пло́ш то́жъ и др.

Условныя: када́, къли, је́жъли, је́жли, је́сли, је́зли, је́ли, јез или јес, кабы, къп, къли јес: је́сли гwарьт ни пајдо́ти...; јез гwарит шуми́т, то он лити́т; јез гwарит кля́дбу ни дади́ти, јес ска́жыти..., јес мы тибя прапу́стим; а јес ты каму̀ пака́жыш, то он и ăбвинчя́ицă; пъплывот к нам бо́чкъ, палу́чим ијо̀, кълн је́з з зо́лътъм, — ва́м, а ж жывјо́м,—мне́; адну ска́зъчку скажу́ вам, къли уго́дна. См. также т. 46, стр. 150; заче́м по́д гъру мани́лă, када̀ я́ тибѐ ни ми́л и пр.

Уступит. к о л (= греч. περ): я́ кьл пајду́ (я, пожалуй, пойду); я́ кьл, ты́ кьл (ну хоть ты, а то, пожалуй, и я); ты́ кьл во́т што̆ зде́лăј и пр.; х о т, х а т я́, х о ш, х а ш а́: пръвиди́ хъш ади́н ра́с; ну хаша́ он бут каг друди́и (пускай бы онъ былъ...), хаша́ я иwо̀ и ни зна́ю,

ну а фс̑о жъ...; пус̑, пущя́ј, пуска́ј, ни тро́к, ни за́м, ни зама́ј: ни тро́к та́к аста́ницъ, ни тро́г в дире́вни пъжыво́т, ни за́м ана́ стаи́т и пр. см. выше, стр. 126; диви́ бъ: диви́ бъ ни па́с, а то...

Противополож.: но; адна́къ; фпро́чьм; а фс̑о жъ, а то́; а то́ ут; ни то́м — а и, и пр.

Заключительные: ну дък wот пришол разу́мшы, раз̑де́мшы; тък; дък; то; таγда́, тады́ и пр.

Союзы цѣли: шшубӑ, штобӑ, штоп, штуп, шшуп. См. выше, стр. 109.

Причинные: пътаму́ (безъ „что"; = потому что: онъ такъ сдѣлаетъ, потому онъ тебя любитъ и т. п.), ка́к (= такъ какъ), пътаму́ как (= такъ какъ).

Союзы времени и мѣста — тѣ-же, что и нарѣчія.

Перечислю еще нѣкоторыя частицы: ниш (=лишь): ӑднаво́ я ниж баю́с (пѣ.); набо́с̑, нибо́с̑, (нябо́с̑): он набо́с̑ вес̑ по́ль зъвали́л; *чај:* вы чај слы́шъли, ты чај заму́чилсӑ [1]); знат̑: wод знат̑ этъ Бо́х тъ пада́л нам; *ит̑* (вѣдь) и дыт̑ (да вѣдь): тя́тин̑, дыд̑ Бо́х у миня́ нъчаwа́л (ск.) и т. д.

Удвоеніе корня.

Такое удвоеніе является въ словахъ баба́скӑ и предлогѣ сас, наприм.: „wо́т тибѐ ска́ск, а мне́ баба́ска, тибе́ къришо́к, а мне де́нйк мишо́к" (оконч. сказки; старуха); при игрѣ въ бабки употребляются выраженія: бить „сас па́р", „сас тро́х", но „ш̑ читыр̑о́х", „с̑ пити́" и пр. „Бабаска" врядъ ли — изъ „побаска", потому что *п* фонетически не могло уподобиться слѣдующему *б*. Вѣроятно, это слово аналогично по способу образованія съ русскими: колоколъ, тараторить, балаболка, хорохориться, старославянскимъ глаголати; удвоеніе во всѣхъ этихъ сло-

---

[1]) Кажется, это слово — только сѣверное. См. ниже, главу о словоупотребленіи.

вахъ еще дославянское. Ср. неполное удвоеніе корня въ калуж. приγаγу́тка рядомъ съ приγу́тка (√(гуд)). Съ предлогомъ сас ср. смолен. сосъ (Буслаевъ, Историч. грамм. § 76, 5) и болгар. със, а также русское и болгар. във (см. Соболевск. Изъ исторіи русск. яз. XVII. Ж. М. Н. Пр. 1897, ноябрь, стр. 67; добавлю примѣръ изъ русскаго списка повѣсти объ Акирѣ XV в. Общ. Ист. и Др. Росс. № 189: „въвоборзѣ“). См. мою замѣтку въ Ж. М. Н. Пр. 1902, іюнь.

Созвучныя пары словъ.

1. ни тро́ш, ни варо́ш (оставь въ покоѣ); лиф-про́лиф (проливной дождь); хо́дит-бро́дит; ни шасто́м, ни пясто́м (слово „пѣстъ“ извѣстно только въ этомъ выраженіи); жыл-был [1]); шалава́т и балава́т (пѣ.); цалуит-милуит (велич. пѣ.); то-со́, пя́тъй-дися́тъй; тако́ј-сяко́ј; можетъ быть: пандра́вилъс, пъмура́вилъс, ср. „че́м ът ана̀ яму̀ пъмура́вилъс“ и пр., ср. въ калуж. пѣ. „чижик-пыжик“ (Медын.).

2. шурда́ бурда́; шурды́-бурды́ събрали́с (т. е. всякій народъ; все больше мало годные люди); там шаро́х-варо́х пајдо́т (т. е. тамъ сѣно разворошено и такъ и сякъ; такъ что не разберешься); шы́шьл-вы́шьл, вон пашо́л (считалка), шытави́лă-битавилă пăниме́цку гъвари́лă и проч. загадка про сороку); шурки́-юрки́, апя́т ф парки́ (загадка про точильный брусокъ).

3. сю́ха-муха, ты гавню́ха (считалка); квашня́-машня́ (считалка).

4. сало́минă-яло́минă (считалка); второе слово — изъ „еловина“, т. е. еловая игла?

Объ этихъ парахъ см. замѣтку Мурзы-Джафара: Объ искусственномъ образованіи парныхъ словъ въ Юбилей-

---

[1]) Жыл-был, по происхожденію, быть можетъ—plusquamperf., но теперь по значенію совпало съ остальными созвучными парами и только потому уцѣлѣло.

номъ Сборникѣ въ честь Вс. Ѳ. Миллера, стр. 311—313, а также мою замѣтку: „Еще о парныхъ словахъ“ (Мелкія замѣтки по русскому яз., 4, въ Журн. Мин. Н. Пр.).

СЛОВОУПОТРЕБЛЕНІЕ.

Современемъ я постараюсь издать сравнительный словарь Парфёнковскаго говора. Теперь только отмѣчу нѣкоторыя слова, употребляющіяся въ этомъ говорѣ и характеризующія его, какъ одинъ изъ средневеликорусскихъ говоровъ. Параллелей изъ другихъ говоровъ не привожу, потому что вопросу о словарномъ составѣ великорусскихъ говоровъ будетъ посвящена отдѣльная замѣтка. Слова располагаю по алфавиту; о словахъ, неупотребительныхъ въ говорѣ (какъ наприм.: дежа, скородить, конь, орать и пр.). см. подъ ихъ синонимами (квашня, бороновать и пр.).

анба́р и житница одинаково употребительны; амбаромъ обычно зовутъ барскія житницы.

баять (сѣв.-влкр.) въ смыслѣ „говорить“ — почти исключительно въ пѣсняхъ.

коровы рогами только бодаются, но не брухаются и не торкаютъ; торкаютъ только вилы.

борона́, бороно́ва́ть (сѣв.-влкр.; при этомъ только этотъ глаголъ; не „боронить“), бороньба́ и пр.; южновеликорусское „скородить“ вовсе неизвѣстно.

бреха́ть, брехня́ (=лгать, лганье) стали извѣстны только съ 1901 г., когда пріѣхалъ на побывку одинъ Куровскій парень, поступившій учителемъ въ школу близь Малаго Ярославца Калужской губ.

брыкаться и лягаться — оба слова употребительны.

брюква.

бѣлка, значительно рѣже, чѣмъ векша.

векша.

водоносъ — палка, на которой носятъ ушатъ или бадью съ водой; слово „хлудъ“ вовсе неизвѣстно.

выть или воить по покойникѣ, а не „голосить“.

говорить. Слова „гутарить“ или „гуторить“ (южно-влкр.) нѣтъ.

дои́ть коровъ; „она до́итъ корову“ и „корова до́итъ молоко“; слово „тѣшить“ въ этомъ значенiи не употребляется; слово „торыка́ть“—объ отдѣльныхъ моментахъ доенья.

доро́жка; также тропка, тропинка; слово „стежка“ въ этомъ значенiи не употребляется.

дощечка (сѣв.), а не „досто́чка“ (ю.-влкр.). Слово „до́стачка“ — только въ одной пѣснѣ.

жи́тница — зданiе для помѣщенiя зерноваго хлѣба; см. также сл. „амбаръ“.

жито 1) ячмень, 2) яровой хлѣбъ. Въ обоихъ значенiяхъ это слово — сѣв.-влкр. Въ южно-влкр. и, частью, въ сѣверн. въ 1-мъ значенiи употребляется слово „ячмень“.

жи́чка — глазная болѣзнь „ячмень“.

зау́локъ. Одинъ парфёнковскiй крестьянинъ, сравнивая свой говоръ съ говоромъ дер. Тилихтина Спасъ-Нудыльской волости, говорилъ: „У нас каро́ў ушла́ в за-у́лък, а у них коро́вă в закоу́лок ушла́. У на́с щи́, а у них шшы́“.

заму́читься. Живущiй въ нашемъ имѣнiи работникъ изъ Орловской губ., разговорившись со мной объ томъ, какъ говорятъ у нихъ и у насъ, привелъ рядъ выраженiй, которыя онъ „покрылъ“ и теперь здѣсь болѣе не употребляетъ. Напримѣръ, онъ какъ-то вздумалъ какой-то дѣвкѣ въ Куровѣ или въ Парфёнкахъ сказать по своему: „Ка́к ты нябо́с умари́лас“. Дѣвки подняли его на смѣхъ и потомъ объяснили, что по ихнему надо сказать: „ты́ чàј заму́чилъс“, что вызвало сначала его протестъ: какъ это „ча́ј замучилси: ча́ј ни маји́т заму́чицци“, но съ тѣхъ поръ онъ свое „умари́лси“ покрылъ, и никто болѣе отъ него этого слова не слыхалъ.

з о л а́. Словъ „пепелъ“ и „попелъ“ я никогда не слыхалъ.

и з б а. Слово „хата“ (ю.-влкр.) въ разговорѣ неупотребительно.

к а с а́ т к а (птица) — чаще, чѣмъ „ласточка“.

к а ч е л и и „рели“.

к в а ш н я́ (сѣв.-влкр.; впрочемъ, на сѣверѣ — другое удареніе); южновеликорусскаго „дежа“ въ Парфёнкахъ не знаютъ.

к л ѣ в ъ = хлѣвъ (кажется, сѣверное; въ южн.: „закут“).

к л я п — только въ неприличномъ значеніи.

к о в ш ъ (сѣв.?). Слово „корецъ“ (южн.?) ни въ какомъ значеніи не употребляется.

к о н ь — только деревянная лошадь на карусели или игрушка; въ послѣднемъ случаѣ обычно „каня́шка“, но также и „лаша́тка“.

к о л ы б е л ь (выговар. „кăлубе́л“, „кълубе́лка“) — только въ пѣсняхъ и сказкахъ.

к о ч е т ы́ г ъ — чѣмъ плетутъ лапти и бахилки, а не „свайка“.

к р ы н к а — сосудъ для молока.

к у ш ы́ н — по-южному, а не „кукшын“ по-сѣверному.

л а д ы́ — брачный сговоръ.

л о́ ш а д ь — обычно.

л я д а́ — множ. — низкія луговины подъ покосомъ.

л ю л ь к а = колыбель.

м а х о́ т к а — небольшая кринка.

м у т о в к а.

м ы ч к а — горсть пеньки или трепаннаго льна, надѣваемой на гребень; „мыкать мычку“ — расчесывать ленъ.

м я к и н а.

ш е с т о к ъ или н а ш о́ с т о к ъ у печки — то, что въ южновеликор. зовется загнѣткой.

о́ ц ѣ п ъ или о ц ц ѣ п ъ — жердь, къ которой привязывается люлька.

п а л и́ ц а — широкій ножъ у сохи.

паýкъ. Слово „мизгирь“ неизвѣстно.

пахáть землю (южновеликор. и сѣв.-восточн.), сѣв. и малор. „орать“ въ этомъ значеніи неизвѣстно; слово „пахать“ въ другихъ значеніяхъ (мести полъ и рѣзать хлѣбъ) не употребляется.

пелёва: мякúна пелёва — овсяная мякина. Слово „полова“ совсѣмъ неизвѣстно.

посконь.

поя́си — соломенные жгуты, которыми перевязываютъ снопы (то, что въ южновеликор. — „свясла“ или „перевясла“).

пѣтýхъ. Слово „кочетъ“ неизвѣстно.

пѣть пѣсни (сѣв.), а не „играть“ (южн.).

рига — большой овинъ, закрытый со всѣхъ сторонъ.

рѣзéцъ. Рѣзцомъ называютъ скобель въ дер. Поповкѣ Спасъ-Нудыльской вол., въ Савельевѣ и друг. Въ Парфёнкахъ — „стругъ“.

санки — маленькія, ручныя сани, на которыхъ зимой возятъ воду и бѣлье, а не „салазки“.

сковорóдень — чѣмъ таскаютъ сковородки. Въ Куровѣ извѣстно также и слово „чупéльникъ“.

сѣльнúкъ, а не „клѣть“.

стругъ — скобель. Слово „скобель“ неупотребительно.

толкачъ — пѣстъ.

тóркать, почти то-же, что „тыкать“. Вилы торкаютъ и пр.

трóпка и тропúнка (сѣв.) — пѣшеходная дорожка. Слово „стежка“ (южн.) въ этомъ значеніи неизвѣстно.

ухватъ (сѣв.), а не рогачъ (южн.).

ушатъ, а не „извара“.

хвастать — говорить неправду (южн.).

хлѣвъ, см. „клѣвъ“.

чапельникъ (произнос. „чупéльникъ“ Курово), — „чѣмъ блины таскаютъ“, т. е. вынимаютъ сковородки изъ печи. Въ Парфёнкахъ — только „сковорóдень“.

цѣпъ, а не „пріузъ“.

„чай“ — частица — небось, пожалуй, я думаю и пр. (сѣверн.).

шибко — скоро, быстро. Сѣверное (владим.) „прытко“ кажется страннымъ.

Этихъ словъ достаточно, чтобы показать, что словарь парфёнковскаго — средневеликорусскій и, какъ такой, ближе къ сѣверно-великорусскому и именно къ восточнымъ говорамъ сѣверно-великорусскаго нарѣчія, чѣмъ къ южно-великорусскому. Подробнѣе постараюсь разсмотрѣть вопросъ объ отношеніи средневеликорусскаго словаря къ другимъ великорусскимъ въ особой замѣткѣ. Укажу на то, что есть небольшія различія въ словарѣ между Парфёнками и другими сосѣдними деревнями, наприм.: „шило“ — Парфёнки, „наколюшка“ — Курово; „стругъ“ — Парфёнки, „рѣзецъ“ — Савельево и т. д.

Здѣсь же приведу нѣкоторые образцы метонимій: „А мы и не знали, что у насъ *ангелъ* (= именинница) сидитъ“; „и атéц тýтă ијó, и брáт тýт... и ијó и *закóн* (= мужъ) тут“ (сказка). Остальныя подробности относительно словоупотребленія впослѣдствіи будутъ указаны въ словарѣ.

СИНТАКСИСЪ.

Родъ именъ существительныхъ.

Муж. рода имена: къpамы́сьл, я́блък, статýј, мы́ш, лéбьт̑, гус̑ (род. гýся̆ или гуся́). Всѣ эти слова склоняются по мужскому склоненію; род. пад: статýя̆, мышá, лéбьдя̆ и пр.; скáтьр̑т̑ — женск. рода, хотя въ имен. ед. можно сказать: бéлъј, чи́стъј скáтьр̑т̑.

Женск. рода уже по формѣ: бáнкă (наприм. положить деньги „в бáнку“), врядá (ср. Колосов Зам. 66, Черныш. Моск. у. 107 и друг.), ти́гра, пут̑ (ср. творит. пут̑ој, пут̑јóј; въ сѣв.-влкр. „путь“ тоже женск. рода).

Вмѣсто „врядá“ говорятъ и „врéт“: „вряды́ нéт“ и „врядá нéт“.

Грамматическій родъ слова можетъ не совпáдать съ родомъ лица, обозначаемáго словомъ: городская голова, вѣрная слуга, горькая сирота, онъ — горькая пьяница, ея женихъ — красавица писаная и пр.; въ сказкѣ: „гóлъу сп́óс и слугé сваjéj и манáху“ (слуга — мужчина), но также: „душá мая, душà мój, душà ми́лаj, дарагój“ (пѣ.), „моj ат муш ад гоp̑каj пjáница“ (и: „гоp̑ка пjаница“ — пѣ.), „бéднъj сиратá“, и пр.

Женск. родъ вмѣсто средняго: ф͡сю̀ симéjству, самá сабój и самò сабój, к аднý прикрáснъjъ врéмь (ск.).

Очень часто употребленіе мѣстоименій и иногда прилагательныхъ въ формѣ муж. рода при существительныхъ средняго рода: аказалас моj калéчик (пѣ.); jицо—он сырój; дé вядрó тă?—wóн он; он нябó̑с ве̑с пóль зъвали́л, я́ бъ у Мáшки ве̑с сéн а̑дби́лъ бă; сéнъ ве̑с акóпнътă; ве̑с лицó ъпцапáлă; на свój мéстă; твój ка̑лцó вы́скъчит; нади́н лицó и наднó лицó; „свой именной кольцо“ (Миша Байк.); моj с̑вéтнъj пла̑тjъ, ф т̑вéтнаj (вмѣсто „твѣтно“ въ пѣ.?) плá̑тjа нарижáица (пѣ.) и мн. др. Подобное согласованіе отмѣчено во многихъ южновеликорус. говорахъ, между прочимъ, мною въ Калуж. губ.

Средній родъ сказуемаго при подлежащемъ муж. рода: „у нáс и казáк пахóжъ нъ казáк“; „прошло годъ“ (Миша Байковъ). „Прошло годъ“ — по аналогіи съ „прошло два года“, „— два мѣсяца“ и т. п.

Употребленіе чиселъ.

Множеств. дѣлимаго вещества. Названія растеній и т. п.: „овёсъ какой хорошъ“ и „овсы хороши“, „сѣнá хороши“ и „сѣ́но хорошъ (хорошо)“; коноплѧ́, въ коноплѣ́ и въ коноплѧхъ; ягоды поспѣли, ходить по ягоды и: ягода нонче сильная, „уродилась сильна ягода въ бору“ (пѣ.); грибы пошли; наоборотъ, *един. число:* сосна (ель, осина и т. п.) нонче дорогá и т. п. О различіи меж-

ду овесъ и овсы, сѣно и сѣна́ и т. п. см. у Потебни, Знач. множ. числа, стр. 27.

Множеств. число сложныхъ вещей: задки́, передки́ у телѣги и пр.

Множ. число мѣста: носить на кошла́хъ, постановить что-н. въ ногахъ к.-н., положить въ голова́ или въ го́ловы; что-н. лежитъ „въ голова́хъ" у к.-н. Ср. у Потебни, Знач. мн. ч., стр. 43.

Множ. число времени (ср. у Потебни, о. с. V, стр. 44—59): по́лдни, на́ полдни, на полдня́хъ; справлять помоло́тки, проздравлять съ помоло́тками и пр.; за́говѣны, но также и „за́говѣнъ" муж. р., наприм.: „мы в за́гъwьн праси́ли", „да за́гъwьну ко̆лк аста́лъс" и „jаму́ да за́гъwьн аста́лъс служы́т".

Множ. число состоянія (ср. у Потебни, о. с. VI, 60—76). Служить въ рабо́тникахъ, въ повара́хъ, въ кучера́хъ и пр., но также: сто́рожемъ, управля́ющимъ. Вообще, такой оборотъ („въ" съ множ.) избѣгается, если обозначается должность, которую занимаетъ или можетъ занимать только одинъ человѣкъ.

„гарю́хи на́шъму Андрю́хи", жа́лости (наприм.: жа́лости даже и подумать, и глядѣть то жа́лости и пр., ср. у Черныш. Моск. у. 29), у́жасти; „онъ не въ убы́ткахъ", лады́ (plur. tant., = брачный сговоръ); „фс̊о на ра́дӓстях, на висе́лjушках" (пѣ.) и пр.

Множ. вѣжливости. 1-е л. множ. вмѣсто единственнаго употребляется при выраженіи благодарности: блъγдари́м вам фсе́м вапче́, пако́рнъ блъγдари́м, о́чин ва́ми блъγада́рны и пр.

2-е л. множ. вмѣсто единств.—въ разговорѣ съ „господами", священниками, учителями, кабаччиками и т. п., затѣмъ, когда „ребята" говорятъ съ дѣвками изъ другой деревни и притомъ еще мало знакомыми, съ совершенно незнакомыми людьми, если они мало-мальски прилично одѣты. Въ тѣхъ же случаяхъ употребляется и единственное число. Очень немногіе, желая казаться болѣе благовоспитанными, говорятъ на „вы" со всѣми. Принято упо-

треблять 2 е л. множ. ч. въ письмахъ, хотя бы къ родному сыну, наприм.: „Дорогому моему сыну Ивану Алексѣичу. Пишетъ вамъ ваша матушка Катерина Давыдовна. Посылаемъ вамъ свое родительское благословенiе и съ любовiю низко́й поклонъ", и т. д.; наконецъ, въ торжественныхъ, обрядовыхъ случаяхъ: на свадьбѣ, когда невѣста разсаживаетъ своихъ подругъ или угощаетъ ихъ, она говоритъ съ ними на „вы". То-же я наблюдалъ и въ Медынскомъ у. Калужской губ.

3-е множ. для вѣжливости вмѣсто единств. употребляется, когда говорятъ объ лицахъ, съ которыми стали бы говорить при встрѣчѣ на „вы": „ане́ (т. е. баринъ) ушли̇ в ле́с", „ане́ пашли́ нъ дире́вню" и т. п.

Употребленiе чиселъ при числительныхъ.

При числительныхъ два, три и четыре отъ слова „раз" вмѣсто старой формы двойств. можетъ стоять и родит. множ.: два ра́с, три ра́с и два ра́за́ и пр. Любопытно согласованiе при числит. въ одной пѣснѣ, записанной у старухи: „у маѡ́ ли у мило́ва три са́дика силяно́ва"; обыкновенно прилагательное при числительныхъ: два, три, четыре ставится въ формѣ родит. множ.

Кстати замѣчу, что при числительныхъ большое значенiе имѣетъ расположенiе словъ, какъ и въ литературномъ: „тридцать рублей" — именно 30, не больше и не меньше; „рублей тридцать"—около 30 рублей. Такое различiе существуетъ не во всѣхъ русскихъ говорахъ. Такъ, напримѣръ, изъ словъ В. И. Чернышова въ Доп. къ Мещ. стр. 33 можно думать, что въ Мещовскомъ говорѣ выраженiя „восемь человѣкъ" и „человѣкъ восемь" имѣютъ одинаковое значенiе. Въ бѣлорусскомъ расположенiе словъ въ сочетанiяхъ съ числительными не влiяетъ на значенiе такихъ сочетанiй. Лѣтомъ 1900 года въ дер. Куровѣ работало нѣсколько крестьянъ изъ Могилевской губ. Одинъ Куровскiй парень, разсказывая мнѣ, какъ эти работники

говорятъ, удивлялся, что по ихнему „рублей тридцать прислали“ все равно, что „прислали 30 рублей“.

Множ. число при собирательныхъ: „весь народъ дивовались“ (Миша Байковъ), „сбиралисъ наротъ“ (онъ же) и т. п.; чаще въ такомъ положеніи единств. число сказуемаго.

Отмѣчу множ. ч. мѣстоимений въ такихъ выраженіяхъ, какъ: мы съ сестрой (= я да сестра), онѣ съ братомъ (онъ да братъ); наприм.: „спе́рвӑ мы с Ната́шкъј праје́хълис, а пото́м ане́ с Ми́шкъј“ (въ обоихъ случаяхъ было только по два человѣка).

Единств. повелительнаго при множеств. подлежащаго: „де́фти пој, де́фти пој, де́фти̅ висили́тиса“ (пѣ.) и т. п.

Употребленіе падежей.

Именит. Отмѣчу употребленіе личнаго оборота вмѣсто безличнаго: „ста́л он у ниγ дивити́ ле́т“ (ск., старуха), „темна ночинька мне не спица“ (Миша Байк.; пѣ.); при отрицаніи: „пасмо́трим што́ на све́ти не́ былӑ“ (ск., запис. мною отъ Миши Байкова) и др., ср. винит. при отрицаніи.

Винит. Нѣкоторые переходные глаголы употребляются безъ дополненія (съ подразумѣвающимся дополненіемъ) въ особомъ значеніи: давать: „скатини давать“ (Миша Байковъ; то-же и въ разгов.), т. е. кормъ; о дѣвушкѣ или женщинѣ: давать кому.....; гонять и водить въ играхъ, гдѣ обыкновенно выигравшая партія „водитъ“, а проигравшая „ганяетъ“; искать у кого, т. е. вшей, гнидъ: „дай, я у тебя поищу“ и т. п., гнать, вертать, поворачивать — въ значеніи непереходныхъ глаголовъ.

Нарѣчіе вмѣсто прямого дополненія — въ пѣснѣ: „Я въ го́рку шла, чижало́ нясла́“.

Винит. внутренняго содержанія при непереходномъ глаголѣ: „го́рь гърява́т“ — пѣ.

Описательныя выраженія съ винит. объекта: зада́л зада́чу, ахо́ту ганя́ть (=охотиться), гаря́чку тача́ть (спѣшить, суетиться) и пр.

отпереть съ винительн. лица: „отперъ ее“ (Миша Байк.; ск.), ср. запереть кого.

глядѣть на кого и кого: „пашли́ пъглиде́т эту до́ч та, што он (медвѣдь) там сје́л ли, не́т ли (ск.); смотрѣть невѣсту, домъ, свадьбу, платье и пр. и смотрѣть на кого, на что; при этомъ значенія глагола „смотрѣть“ въ томъ и въ другомъ случаѣ нѣсколько различаются.

искать съ винит. и съ родит.: „што́ ш там иска́т“. Кромѣ обычнаго значенія „искать“ употребляется съ вин. или родит. лица въ значеніи „искать въ головѣ“ (вшей, гнидъ) у кого: „даj я тибя пъищу́“ и т. п.; въ послѣднемъ значеніи употребляется и род. съ предлогомъ „у“.

измѣнить съ винит. = литературному „измѣнить“ съ дат.: „измѣнить любовь“ = перестать любить, ср. „и хо́чиш любо́ф измини́т“ (пѣ.); „измѣнить кого“ = перестать любить кого, обмануть, перемѣнить на другого, наприм. „изменила тебя“ (Миша Байк.), „онъ её измѣнилъ“ и т. п. Въ значеніи литературнаго „измѣнить“ употребляется глаголъ „перемѣнить“, ср. „в лице́ пирмини́ласа“ (пѣ.).

говорить съ винит. употребляется иногда въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ въ литературн. — предлогъ „об“ съ мѣстн.: „што́ ш он с табо́j пъгъвари́л?“ (ск. и разгов.); также: „ап чом.....“.

Винит. можетъ стоять вмѣсто родит. partit.: жалко чего и что: „ему стало эти денги жалко“ (Миша Байковъ); дават и зо́лътъ и сирябро́ (вин.!) и наряду́ (род.!)“ (ск.; запис. отъ Миши Байкова); што́ и тапѐр де́лът тă; можът мнѐ там пъдаду́т што́-нибу́т.

При отрицаніи — какъ родит., такъ и винит. Примѣры: „ты ни мо́жыш писмо́ присла́т“ (впрочемъ, въ этомъ примѣрѣ винит. зависитъ отъ infin. безъ отрицанія), „jез гwарт кля́дбу ни дади́ти“ (ск.), „отвѣтъ нидашъ“ (Миша Байковъ; пѣ.), „дарам денди ни даjут“

(пѣ.). Ср. выше именит. при отрицаніи и винит. вмѣсто родит. partit.

Формы винит. = имен. отъ именъ животныхъ, напр.: „три кабы́лы“ и т. п., см. выше, въ Морфологіи.

Родит. При отрицаніи — какъ вмѣсто винит., такъ и вмѣсто именит. при глаголѣ быть, стать отъ мѣстоименій и именъ: тамъ никого нѣтъ, его дома нѣтъ, нашихъ коровъ что то нѣту, сладу нѣтъ, ей у́держу нѣтъ, и счёту нѣтъ, у ихъ согласья не стало и пр.; ничего не стоитъ, „нювидим ли де́ гаӣка́ (огонька) како́вӑ“ (ск.) и пр. Рѣже въ такихъ случаяхъ — винит. (см. выше).

Мѣстоименіе „што“ въ качествѣ дополненія при глаголахъ, а иногда и въ качествѣ подлежащаго можетъ стоять въ формѣ родит. падежа, преимущественно въ вопросахъ: „он чаwо́ йтъ де́лъит“, „чаwо́ ты там ви́диш?“, „а чао́ вы зъписа́ли?“, „чао́ он гъвари́т?“, „чао́ йт он гаро́дит?“, „чаwо́ ты ищь вы́думъл?“ и т. д.; „чйwо́ ты пла́чиш?“ (объ чемъ ты плачешь), „чьwо́ ты расхны́къкълса?“, „чаwо́ вы тут паста́влины?“ (=зачѣмъ вы...) и пр.; „чаwо́ ш у ва̀с jе́с̆? (=что жъ у васъ есть?).

Иногда та-же форма употребляется даже при предлогахъ, требующихъ винит. пад., наприм. „ф чаwо́“ (положить, поставить и т. п.), нъ чаwо́, зъ чаwо́ и пр. Ср. подобные обороты въ Рязан. (Будде, Къ діалект., 127), Донск. (Матер. 42^2), отчасти Мещовск. (Косогоровъ, 167) и друг.

Родит. раздѣлител.: „худой славушки пренять“ (Миша Байк.; пѣ.); „сича̀с вы́нул бума́ди и чир̑ни́л, ы нъписа́л пис̆мо́“ (ск., запис. отъ старухи), „как уви́дид грыба́“ (одна дѣвка, жившая года три въ Москвѣ). Въ послѣднемъ случаѣ „грибъ“, какъ будто принимается за названіе одушевленнаго предмета; форма родит. со значеніемъ винит. отъ слова „грибъ“ и названій грибовъ употребительна во многихъ русскихъ говорахъ.

нуждаться съ родит.: „са́м jа де́ньк ни нужда́юс“ (пѣ.).

внимать съ род.: „ричеj я якѝ так внима́ла“ (пѣ.).

При глаголѣ спросить родит.: „пойду дѣдушки спрошуся“ („пойду“ изъ „пойду̑у“? Миша Байк.), „спрашиваетъ этой девочки“ (онъ же). Быть можетъ, слѣдуетъ понимать какъ родит., а не винит.: „я ва́с хачу́ спраси́т̕“.

Родит. качества: „я́, гът, ни прасто́у лица́“ и т. п.

Родит. при числит.: „тро́и су́тӑк“ и пр. Въ сѣв.-влкр. въ этомъ случаѣ нерѣдко — именит.: „трои сутки“ (ср. Олон. Колос. Зам. 197 и академ. матер. изъ сѣв.-влкр.).

Дат. Молить, какъ и молиться, — съ дател., напр.: „мали́ть Бо́γу зъ Тимо́ху“ (приб. и разгов.) и пр.; также: просить: „ста́л ја γо́спъду праси́т̕“ (пѣ.), но обыкновенно глаголъ „просить“ — съ родит. или винит.

благодарить всегда съ дател. (примѣры см. выше въ § о числѣ), но „благодарный“ — съ твор. Ср. матер. изъ Новгор., Олон., Вологод. губ.

„мнѣ подруженьки смѣются, не женихъ ли твой“ (Миша Байк.; пѣ.; = надо мной... смѣются...?).

„я крича́ла, ни дакли́калас јаму́“ и пр. (пѣ.).

мнѣ пришло на умъ; „мне ахо́тъ прилягла́ ја̀ зажа́рид̕ дъ ску́шът̕“ и т. д.

Двойной дател.: „я повѣрила... сладкимъ молодцу рѣчамъ“ (Миша Байк.; пѣ.).

Творит. о́чин вами блъγада́рны, „ни ацта́ну ад заня́тнава ни ху́дъм, ни дабро́м“ (приб.), „надругой день всемъ миромъ его искали“ (Миша Байковъ), „та́к рид̕о́т каро́уј (= какъ корова, плачетъ), „пашол вадо́ю (по водѣ), „јехъли пут̕јо́ј“, „се́р̕ди гор̕ми гаря́т“ (пѣ.), „и с̕вис-нул ја грамко́м“ (пѣ.), ѣхать порожнёмъ и пр.

Согласованіе предлоговъ.

об: ӑба што́, ап чаwо́; а́б э́ту по́ру („приблизительно въ это время“); „таг жыу́т, ду́шъ аб ду́шу“ (старуха) и: душа́ въ ду́шу; „ап чо́м ты стайи́ш? ап пусты́м де́ли“ (изъза чего ты упорствуешь, изъ-за чего ты споришь? — изъза пустяковъ; охота тебѣ изъ за пустяковъ такъ упря-

миться); „кърамы́сьл тъ он то́ж аб дву́х канца́х“; „ло́шъ̑т ӑп читыр̑о́х нага́х“ и т. п.; „ап то́м ја ни груснá“ (пѣ., здѣсь отглаг. прилаг. сохраняетъ управленіе глагола).

на: пріѣхать на лодкахъ, на кораблѣ и пр., но сидѣть въ лодкѣ, въ кораблѣ; „садится въ корабль“ (Миша Байковъ) и на корабль; ходить на деревню, быть на деревнѣ (т. е. не въ полѣ, не на барской усадьбѣ), но жить въ деревнѣ (т. е. не въ городѣ); на улицѣ, но въ проу́лкѣ; на барской усадьбѣ; на дворѣ и во дворѣ, выйти на дворъ (между прочимъ всегда съ этимъ предлогомъ въ значеніи = до вѣтру) и во дворъ (въѣхать, войти), на́ поле („на́ пъля“) и на́ полѣ („на́ пъли“), но и (рѣже) въ поле, въ полѣ; лошади пасутся на клеверѣ, но — забрались въ клеверъ, въ овесъ, въ рожь, ходятъ въ овсѣ, во ржи, но на ржани́щи и т. д. при названіяхъ деревень употребляются различные предлоги (и „въ“, и „на“); кажется, предлогъ „на“ ставится въ тѣхъ случаяхъ, когда деревня — на горѣ: на Ве́рьхней Деревнѣ, на Го́ркахъ, на Медвѣ́дкахъ, на Со́лнешной станціи, на Румя́нцевской станціи; кажется, иногда — на Бодро́вѣ, на Ми́нинѣ (также и въ винит. пад.), но: въ Васи́льевскимъ, въ Парфё́нкахъ (и: „на П.“), въ Коренька́хъ, въ Шиша́ихѣ, въ Поко́евѣ, въ Петро́скимъ, въ Со́лнешнымъ, въ Ядро́минѣ и пр.

Прійтить на Рожество́, это случилось на Успеньё (т. е. не въ самый день праздника), остаться на праздникъ, на Пасху и пр.; это было на Рожествѣ́ (т. е. въ святки), на Пасхѣ, но: въ Рожество (въ самый день Рожества), въ Веденьё; въ святки и на свя́ткахъ; въ праздники и, рѣже, на праздникахъ; но только: въ праздникъ; выраженіе „на праздникѣ“ обозначаетъ не время, а мѣсто (тамъ, гдѣ справляется праздникъ; на праздничномъ гуляньѣ).

жениться и вѣнчаться на комъ-нибудь, напр.: „объвѣнчалса на ней“ (Миша Байковъ); также: съ кѣмъ-нибудь и надъ кѣмъ (рѣдко).

говорить на кого-ниб.=говорить кому-ниб., напр.: ана̀ гwа̊рт нахо́тникъ (ск.), сукъ... нъ къбиля́ гъwӑрит (тамъ же), ʒбира́јсъ, гwӑ̊рт, право́рния, нъ нијо́ (ск.) и мн. друг.; въ томъ же значеніи можетъ употребляться и дат. безъ предлога.

возжалахнуться на кого: он въжжала́хнулсъ бра̊т нъ нијо́ (=онъ пожалѣлъ ее; ск.). работать на кого: на отца́, на се́мью, на себя́; готовить (sc. обѣдъ и пр.) на кого: „ана̀ пъстаян на на́з гато́вит“, но: готовить „дли до́му“. „пагада́ј падру́шка Са́ша на разорванај каро́л“ (приб.); обыкновенно въ разгов.: гадать на король, на кралю (даму). „так ја нъ тибе́ (мѣстн. пад.!) наде́юс“, но чаще при этомъ глаголѣ — „на“ съ винит.; „сын аццá вјо́т, ни на́ худъ у́чит“ (ср. Волог. Кадник. матер. 25, Олон. Петроз., матер. 30 и др.). „он с ном надно́ (нади́н) лицо́“; онъ „на лицо́ краса́вица“ (приб.), также: лицомъ..., но: изъ себя, собою. ѣхать, идти на стрѣчу и стрѣчу (= въ стрѣчу?); нечистъ на́ руку и пр.; посылать письма и пр. на кого-нибудь = на чьё-нибудь имя: пиши́ на меня́ и т. п. онѣ сошлись на двухъ рубляхъ; онѣ на этимъ погрѣши́ли; спасибо и на этимъ; спаси́бо вамъ на добромъ словѣ и пр.; домъ=на правой рукѣ, но „ступај-ти.. вот ф пра́wу ру́ку в ави́н ищит“.

въ. См. выше, объ употребленіи предлога „на“. Кромѣ того: читать въ книжку, играть въ гармо́нью, во скрипку, въ тальянку, въ рожо́к, но: на роя́ли; „в або́и края́ (т. е. колокола) нача́ли ъхаба́чьwът“ (т. е. звонить); „је́дит Мар баɣа́тъј јим стре́чу“ (въ стрѣчу?) (старуха); „ступа́јти... wот ф пра́wу руку в ави́н ищи́т“ (старуха); въ конецъ (=совсѣмъ, наприм.: ръззарю́ тибя́ ф кане́ц— приб.), а я́ в ра́зум ни взяла́ (пѣ.), мне́ ни ф со́вис (мнѣ неловко, стыдно), а мне́ и ни в даме́к, ни в дага́т (догадъ), ана́ јаму́ ни ф пандра́ву и пр.; при обозначеніи времени: въ у́жинъ, въ обѣдъ (во время ужина, обѣда, напр.: я приду́ х тибе́ в абе́т; ане́ в абе́т ӑддыха́ют); во всю ночь и всю ночь; во весь день ни слова не сказали, во всё лѣто, во всю зи́му, „ва фсю даро́гу фсо пе́сни пе-

ли мы, ва фсю даро́гу јехъли“ (=всю дорогу, пока ѣхали, мы пѣли пѣсни) и пр.; рѣже — безъ предлога.

„в лице́ пирмини́ласа“ (пѣ.; т. е. лицомъ...).

по — съ винит., дательн. и мѣстнымъ: 1) ходить по грибы, порѣхи, по́ воду (и: за водой), по я́годы, по я́блоки, погорохъ, по мали́ну (и: за малиной), нарѣчіе пашто́, но сходить за квасомъ, съѣздить за лѣсомъ, за́ сѣномъ, за́ ло́шадью и пр., нарѣчіе заче́м. Замѣчу различіе: сходить за ягодами, по большей части, — уже набранными, по ягоды—съ цѣлью ихъ собрать; поѣхать по дрова, т. е. съ топоромъ, чтобы нарубить въ лѣсу дровъ; за дровами, — чтобы привезти уже нарубленныя дрова. По́ поясъ, по́ уши, по го́рло и пр.

2) сходить куда по дѣлу, по на́добности, ударить по рукамъ, сговориться по душа́мъ, „спе́рва пъ душам, а та́м, смо́триш, и пъ уша́м“, „папа́шъ нака́зъул пъ надо́жы (потому что надѣялся) нъ тибя́“ (старуха); ходить по міру, по двора́мъ, раздавать имучество по бѣднымъ людя́мъ, по нищей бра́тіи, по церква́мъ; разойтись по домамъ; ходить по́ двору, по улицѣ, пройтись по горенкѣ и проч.; всё по хоро́шему (наприм. „фсо пъхаро́шъму де́лъ до́мъ бу́дит“—старуха); пау́тру (=утромъ). Предлогъ „по“ съ дат. употребляется для обозначенія раздѣла извѣстнаго количества на равныя или соотвѣтственныя доли: градъ по кури́ному яйцу́ (т. е. каждая градинка—), по одному́ („пъднаму́“), по пяти́, по двадцати́ трёмъ, по ба́бкамъ (т. е. по числу поставленныхъ бабокъ); но числительныя 2—4 въ томъ же значеніи ставятся въ зависимости отъ „по“ въ винит. пад.: по́ два, по́ три, по четы́ри, какъ и въ литерат.; также: „по пидися́т рубле́ј дади́м“; мѣстоименіе „што“ при тѣхъ же условіяхъ — въ мѣстн. пад.: „пачо́м“; рѣдко также: „падно́м“ = по одному.

3) во временномъ или мѣстномъ значеніи = послѣ чего, какъ и въ литерат., и послѣ глаголовъ, означающихъ печаль для обозначенія предмета печали: „ана́ о́чиннъ ръзгрустава́лъс пъ сваје́ј ро́дини“; „мы очи́н гру́стуим пъ тибе́“, „заливаласа па немъ слизми“ (Анн. Аким.,

пѣ.); „я па ми́лаим скуча́ю“ (приб.); „ни ап чо́м так ни страда́ла, как па ми́лаим свајо́м“ (пѣ.), вздыхать по комъ и т. д. (см. также предл. „при“). Но иногда мѣстный падежъ въ такихъ случаяхъ замѣняется дательнымъ: па ми́лаим друшке́ и, рѣдко: па ми́лъму друшку́, она плачетъ по нему и т. п.; „пътаму́“=потомъ — у одной старухи. См. выше, о нарѣчіяхъ.

за — съ вин. и твор. См. предлогъ „по“ съ винит. Также: преслѣдовать за кѣмъ: „фсиγда́ прислѐдавал за не́ю, к любо́ви я ијо̀ склання́л“ (пѣ.); „чаwо́ ты за мно́ю со прислѐдуиш?“ (разгов.), ср. управленіе несложнаго глагола „слѣдовать“; „зъ пустяка́ми т толк ы де́лъ тъ ста́ла“; „ни за ра́дъсју я х тибе́ пријѐхъл“ (т. е. не за тѣмъ, чтобы тебя обрадовать...; ск.); „матри́... пъщюня́ј ијо̀, штъб ана̀... ни пашла́ зъ гулбо́ю (т. е. не стала гулять; ск.) и пр.

Съ вин.: за́ годъ до этого; за́ годъ успѣли сдѣлать то-то; за́ лѣто; за́ вёдро (пока еще вёдро); за́ свѣтло; за хоро́шую пого́ду; за́ ночь; за́ день; „задин де́н фсо абде́лъим“ и пр.; за́ годя (предлогъ — съ дѣеприч., ср. отъ родя́сь); „за зиму т он саску́чицъ пъ дире́вни“, „заму́чьсса за́ дьн рабо́тъмшы“; „вы́списсъ за́ нъч“; „за́ видра тъ бъ се́нъ убрат; сватать, просватать (дѣвушку) за кого, отдавать (sc. замужъ) за кого; брать, взять кого (sc. замужъ) за себя; также: „зя́л јао́ зъ сибя“ (=къ себѣ), записать что за себя (=на свое имя).

къ съ дат.: сули́ли мне́ де́нди, пада́рти, хате́ли миня́ кһ те́м прилсти́т (пѣ.); а мне́ и ни х чаму́ былъ; ни γ душе́ (= не по душѣ); зашо́л х крајнъму до́му (ск.), призза́ид γ база́ру (ск.; старуха), но обычно: на базаръ (а „къ база́ру“ обычно только во временномъ значеніи: ко времени базара).

придѣлить (т. е. опредѣлить) къ мѣсту, придать к су́ду, приста́вить къ становому; мы къ этому дѣлу не привычны; онъ къ этому дѣлу не касается или: онъ до этого дѣла не касается; свататься къ кому (къ к.-н. дѣ-

вушкѣ), наприм.: „сватайся ко мнѣ“ (Миша Байк.) или сватать кого (вин.).

Отмѣтимъ употребленіе предлога „къ“ не при глаголах и нарѣчіяхъ, требующихъ этого предлога и не для обозначенія движенія: онъ живётъ (туда) къ краю, къ Воскресенску, къ Карцеву и т. п., т. е. по направленію отъ лица говорящаго къ пункту, обозначенному именемъ въ зависимости отъ предлога „къ“.

до: охотникъ до чего; онъ до этого дѣла не касается (ср. предл. „къ“); „судьба, до чего ты меня призвела?“ (пѣ.) и пр.

про: говорить, (баять), писать, знать и пр. (что) про кого: говорить „про́ щи с ква́сӑм“; „пра миня́ ли, пра тибя́ л̆ люди ба́юд гаваря́т“ (пѣ.); „праȷ̆до́т та сла́вушка пра на́с табо́ȷ, суда́рушка“ (приб.); „это не про нас писано“ (не только = не про насъ, но и: не для насъ).

отъ: отъ горя, отъ бѣды и пр. — въ томъ же значеніи, какъ и: съ горя, съ бѣды и пр. Послѣдній оборотъ, кажется, чаще. „Онъ ац со́вис̆ти ушо́л ат не́ȷ“ (ск.; старуха), т. е. потому, что ему стало „не въ совѣсть“, совѣстно жить съ ней.

подъ; съ вин. и твор.; приведу нѣсколько примѣровъ на употребленіе этого предлога съ вин.: крыть (избу и пр.) подъ дра́нку (=дранкой), подъ щётку (соломой подъ щ.), подъ желѣзо и желѣзомъ, но: соло́мою, тёсомъ; стричь волосы или стричься подъ по́льку (по-господски), подъ ерша́, подъ гуса́ра и пр.; плясать подъ тальянку, подъ скрипку, подъ рояль, „пат тваю́ ноwу тӑȷа́начку патпе́т̆ я ни магу́“ (приб.) и пр.

съ — съ винит., родит. и твор.: съ чего = отъ чего: „и ума́ ни прилажу́, ш̆ чиво́ іть с̆ ни́м папри́ччилъс; и ш̆ чиwо́ іт он зъхвара́л? — Паня́тнъ, с холо́днъȷ ва́ды́“ и т. п.; пріѣхать съ Москвы; сейчасъ только съ по́греба, со двора́ и изъ двора, но всегда: изъ дому.

приставать съ худыми дѣлами, „ана́ ни склани́лъс с н̆о́м“ (т. е. на его предложеніе жить съ нимъ, ск., отъ старухи), „прихо́дьт сам к не́ȷ, ста́л с̆ не́ȷ улыба́ца“ (ск.,

хотя изъ сказки не видно, чтобы глаголъ „улыбаться“ слѣдовало понимать, какъ взаимный); „снимъ поклонилса“ (Миша Байковъ) и пр.; жениться, вѣнчаться на комъ и съ кѣмъ, наприм.: „обвенчаемса с табою“ (Миша Байк.; ск.), „вин̆чад̆ з ба́ринам“ (пѣ.).

у: „усмерти“ (=при́ смерти. Миша Байк.; ск.); „онъ былъ унихъ оченъ красивъ“ (Миша Байк.) и пр.; спросить у кого; сватать кому невѣсту у кого и пр.

при: „очин таску́ит при нисся́сси“ (ск.; старуха); „а при ста́рас̆ти такóј ни палю́бит никакóј“ (пѣ.); „при е́тим де́ли“; состоять при должности, при мѣстѣ или на мѣстѣ, рѣдко: у мѣста; быть при цѣпочкѣ, при часахъ; остаться ни при чомъ: „аста́лис ни при чо́м, а търгава́ли тир̆пичо́м“ (погов.) и пр.

надъ. Отмѣтимъ оборотъ: вѣнчаться надъ кѣмъ-ниб., чаще: на комъ или съ кѣмъ.

изъ: „изъ такой малости и путаться не стоитъ“; красивый, видный и пр. изъ себя; „ис сибя́ я никраси́ва, висяла́ сама сабóј“ (приб.), но: красивъ и проч. лицомъ и т. п.

скрозь — съ родит.: скрозь рѣшета́, скрозь слёзъ; „скрос̆ хруста́л̆нава накóшичка на мóлацца глиди́т“ (пѣ.), „там скрос̆ трóя (скрозь строя) правидут“ (пѣ.) и т. п.

че́ресъ — съ вин. и род., наприм.: „я пó мърю пла́ула че́рис̆ этъ де́лă“ (благодаря этому; ск.); чересъ слёзъ (отъ слёзъ, наприм.: не могу говорить ч. сл.) и пр.

ра́ди, зара́ди: ску́ки ра́ди и отъ ску́ки ра́ди, ра́ди Христа́ и Христа ра́ди; зара́ди Христа́ и пр.

передъ: „сравнялса баринъ пердомной“ (Миша Байковъ; пѣ.) и т. д.

Нарѣчія мѣста при глаголахъ направленія.

гдѣ дѣваласа (пѣ.); гдѣ́ бъ мне бы̆лъ зъ табóј приjе́хът̆ (т. е. куда бы...; запис. отъ Миши Байк.); имѣніе не знаю, куда придѣлить (опредѣлить); я не знаю, куда вьюнъ положить и пр.

Употребленіе мѣстоименія 3-го л.

Это мѣстоименіе не только замѣняетъ отсутствующее въ предложеніи имя, но ставится нерѣдко и въ томъ случаѣ, если это имя находится на лицо: „Кадá, гът, он придóт, зя́т тъ мој?“; „а он сказáл: валкáм ѐјéс, — Бóх“; „у нéј пятиръ дитéј у дóчири“; „он въжжалáхнулсъ брат нъ нијó“ (всѣ примѣры — изъ сказокъ, запис. отъ старухи). Существительное можетъ стоять и впереди мѣстоименія, но примѣровъ не пришлось записать.

Употребленіе глагола.

Условное накл.: я́ бъ рáдъ дъгадáлъс и т. п.

Повелительное. Отмѣчу употребленіе ф. кажись въ значеніи частицы: „дъ ни сты́днъ ли тибé, ни сóвиснъ? — кажы́з давóлнъ сты́днъ? — ск., разгов.; также въ значеніи частицъ — повел.: не замáй, не зáмъ, не трóгъ, пущáй, пускáй, пусть, поди-ко, небось и пр.

Infinit.: въ смыслѣ повелит.: позвáть его сюды, молчать и пр.; при прилагат. готовъ, охочъ, гораздъ, хорошъ, ловокъ и др.: мой отецъ охочій няньчить; очень гораздъ сказки сказывать; онъ играть ловокъ и т. д.; „услáл дарóгу, де Бóγу ити́т“ (ск.); „вамъ завтре косить“, sc. надо.

Дѣепричастіе: малéнкъ пъгадя́ лити́т апя́т ангил γаспóдин; нистипя́ сéрцъм и ушóл дамóј; глиди́д глазá вы́пучи; „одинъ изъ козаковъ, наездникъ лихой нибольши годъ живши съ женой смолодой...“ (Миша Байковъ; пѣ.); и пр.; дѣепричастія могутъ соединяться съ предлогами: зá годя, отъ родя́сь.

Повтореніе предлога.

Повтореніе предлога, относящагося къ имени существительному, имѣющему при себѣ опредѣленіе, — нерѣдко, не только въ пѣсняхъ, но и въ сказкахъ и въ разго-

ворѣ. Примѣры: съ женой смолодой (пѣ. Миша Байковъ); он тъскавáд̑ гърявáт̑ пъ супрýги пъ свајéј (ск.); пајéхъли с̑ éтим, с слугóј съ сваи́м, с пры́нцъм (тамъ-же); пъ суд̑бé па Бóжјиј (тамъ-же), пријéхъли пря́мъ γ гóръду к̑ éтъму (тамъ же), к съмамý к̑ éтъму гóръду; къ дварý къ свамý; атéц ид̑óт к э́хтъј γ дóчири и т. д.

Сложное предложеніе.

Въ такъ называемой косвенной рѣчи могутъ сохраняться лица прямой рѣчи: сказалъ что это я; сказала ему, что я за тебя пойду; молится чтобы мой мужъ ослѣпъ (— всѣ примѣры изъ сказокъ, записанныхъ Мишей Байковымъ); начáли брани́т̑ зачéм вы хади́ли (косвенной рѣчи не будетъ, если написать: „...бранить: зачѣмъ...", но интонація разсказчика въ этомъ мѣстѣ не даетъ права на такую интерпункцію), но также и: „она подумала что это ее мужъ" (Миша Байковъ). Ср. въ греч. евангеліи такіе обороты, какъ: ἐκεῖνος ἔλεγεν ὅτι ἐγώ εἰμι (Іоан. 9, 9).

Въ *относительныхъ предложеніяхъ* съ мѣстоименіями: который, кто, кой въ главномъ предложеніи при существительномъ, опредѣляемомъ относительнымъ предложеніемъ, нерѣдко ставится мѣстоименіе „этотъ" со значеніемъ = литерат. „тотъ", наприм.: „онъ его отдалъ за два мѣшка сзолотомъ этому старику каторый далъ ему два мѣшка" (Миша Байк.). Мѣстоименіе „тотъ" въ подобныхъ случаяхъ — не часто. Если относительное предложеніе относится къ подлежащему главнаго предложенія, то это подлежащее очень часто ставится послѣ относительнаго мѣстоименія; такъ наприм.: „который человѣкъ..." чаще, чѣмъ „человѣкъ, который" и т. п.

Временныя и др. предложенія.

Нѣкоторые примѣры приведены въ главѣ о союзахъ (въ морфологіи); приведу еще нѣсколько: кък стари́к тъ

въравáл, тък анá узнавáлá; тóлк ушóл, атéц идóт к э́хтъj γ дóчири; я тóлкъ· забы́лъз, заснýлъ, áнгил и прилятáит и пр.

Вводныя предложенія.

Примѣ́ры: он, ни спи́цъ ямý, съскачи́л... Вообще, временные и проч. союзы нерѣдко опускаются: „Я былъ здѣсь, — онъ приходилъ", т. е. когда онъ приходилъ, я былъ здѣсь или наоборотъ.

Приложенія.

„Слáвъ ти Христý". Ср. также употребленіе мѣстоименія 3-го лица при наличности замѣняемаго имъ имени. В такихъ случаяхъ самое имя можно разсматривать, какъ приложеніе къ мѣстоименію.

Заключеніе.

Кончая свое описаніе, постараюсь изложить свой взглядъ на положеніе описанаго мною говора среди другихъ великорусскихъ. Мнѣ кажется, что, если разсматривать всѣ его фонетическія, морфологическія, лексическія и синтактическія черты въ ихъ совокупности, его неудобно считать говоромъ южновеликорусскимъ. Наряду съ нашимъ литературнымъ языкомъ, т. е. собственно Московскимъ говоромъ, и говорами нѣкоторыхъ уѣздовъ Московской, Тверской, частью Тульской, Рязанской и Поволжскихъ губб., его слѣдуетъ выдѣлить въ особую группу, которую я назвалъ бы средневеликорусской. До послѣдняго времени говоры этой группы были изучены хуже другихъ, да и южновеликорусскіе говоры намъ были недостаточно знакомы [1]. Только за послѣднія 5—6 лѣтъ

---

[1]) Въ „Опытѣ русской діалектологіи" акад. А. И. Соболевскаго акающимъ говорамъ посвящено всего 22—23 стран.

общій характеръ южновеликорусскаго нарѣчія выяснился благодаря трудамъ проф. Е. Ѳ. Будде, акад. А. А. Шахматова, В. И. Чернышова, Филатова и нѣкоторыхъ другихъ (Рѣзанова, Калмыкова, и пр.); дальнѣйшія экскурсіи туда же Н. Караулова, А. Никольскаго и мои только прибавляютъ матеріалъ, но не вносятъ существенныхъ измѣненій въ добытые уже результаты. Вмѣстѣ съ этимъ опредѣляется и положеніе московскаго говора. Оказалось, что этотъ говоръ, отличаясь южновеликорусскимъ аканьемъ, носитъ нисколько не меньше очень существенныхъ чертъ сѣверновеликорусскихъ. Такъ, акад. Шахматовъ замѣтилъ, что съ фонетической стороны московскій говоръ отличается сѣверновеликорусскимъ произношеніемъ согласныхъ (имѣются въ виду нешепелявые сѣв.-влкр. говоры), Чернышовъ указалъ на крупныя различія между московскими и южновеликорусскими удареніями, остается указать на морфологію и словарь московскаго нарѣчія, во многихъ отношеніяхъ примыкающій къ сѣверновеликорусскому. Что касается объема Московскаго нарѣчія, то акад. А. И. Соболевскій готовъ былъ ограничить его предѣлами города Москвы, очевидно, отожествляя сильно акающее произношеніе Москов., Звенигор., Рузск. Клинск. и др. уѣздовъ съ южновеликорусскимъ. Недавнія поѣздки прекраснаго знатока великорусскихъ говоровъ и тонкаго наблюдателя В. И. Чернышова по Московскому, Дмитровскому, Богородскому и Егорьевскому уѣздамъ, вызвавшія двѣ небольшія, но очень цѣнныя замѣтки, равно какъ и мои наблюденія въ Рузскомъ и Клинскомъ уѣздахъ должны помочь выяснить и этотъ вопросъ. Вмѣсто одного Московскаго говора приходится говорить объ группѣ діалектовъ, занимающихъ сѣверную половину Московскаго у., бо́льшую часть Звенигородскаго, Рузскаго, Волоколамскаго, Клинск. уу., части Можайскаго, Подольск., Верейскаго, Дмитровскаго и Богородскаго уу. Московской г., значительную часть Тверской губ. (въ уѣздахъ: Тверскомъ, Осташковскомъ, Вышневолоцкомъ, Новоторжскомъ, Ста-

рицкомъ и Зубцовскомъ) [1]), часть Егорьевскаго у. Рязанской губ. Кромѣ того, говоры той же группы спорадически попадаются въ Поволжскихъ губерніяхъ и даже въ Тульской губ. (См. у Будде, Туль.). Общія черты этихъ говоровъ: аканье слабое или сильное, но, сколько мнѣ извѣстно, исключительно восточнаго типа, т. е. такое гдѣ неударяемыя гласныя не диссимилируются съ ударяемыми гласными сосѣдняго слога, нѣкоторыя другія измѣненія, стоящія въ связи съ аканьемъ (наприм. „а“ вмѣсто „о“ и наоборотъ подъ перенесеннымъ удареніемъ: подо́ришь, то́щитъ, а́тперта); произношеніе „о“ изъ „е“ въ личныхъ формахъ глаголовъ I-го спряженія и передъ шипящими „ш“ и „ж“ и нѣкоторыя другія явленія, указывающія на раннее отвердѣніе шипящихъ (черта восточныхъ, какъ сѣверныхъ, такъ и южныхъ великорусскихъ говоровъ); „о“ или его фонетическія замѣны изъ стараго „ъ̥“ при всякомъ положеніи и изъ того звука, который акад. А. А. Шахматовъ называетъ „ы ирраціональное“ (кромѣ немногихъ отдѣльныхъ мѣстоименныхъ формъ, какъ однэё и тэё); взрывное „г“ изъ общерусскаго „г“ взрывнаго (черта сѣв.-влкр., но преимущественно восточныхъ говоровъ, тогда какъ въ Олон. и Арханг. изъ общерусскаго „г“ взрывнаго — „γ“, какъ и въ южновеликор.); „в“ или „w“ на мѣстѣ общерусскаго „γ“ между гласными (наприм. злова, короводъ; черта — сѣв-влкр.; въ южновлкр. „γ“ повсемѣстно — то́лько въ „корогодъ“; а въ родит. пад. муж. р. един. ч. мѣстоименій и прилагательныхъ рядомъ съ „γ“ — также и „в“. Въ сѣв-влкр. кое-гдѣ сохраняется „γ“, наприм. въ Олон.); твердое „т“ постоянно въ окончаніи 3-го л. обоихъ чиселъ глаголовъ (сѣв. влкр.; постоянное присутствіе этого „т“, кажется, — восточная черта; въ западныхъ сѣв.-влкр. говорахъ „т“ въ фор-

---

[1]) Въ Тверской губ., а также въ Волоколам. и друг. уу. Москов. губ. рядомъ съ сѣв.-влкрус. и средне-влкр. говорами встрѣчаются и говоры южно-великор. типа (съ фрикат. γ и „т“ мягкимъ въ оконч. 3 л. глаголовъ).

махъ 3-го л. можетъ отпадать, какъ и въ южновеликор., ср. выше); также твердыя согласныя въ словахъ „дыра", „высокій" (сѣв.; въ I-мъ словѣ твердость согласной — вторичная) и т. д.; ударенія — ближе къ сѣвернымъ: ту́ча, па́шня, густо́й, со́сну, во́ду, но́гу, ру́ку, но не всегда: то́лстый по южному, а не толсто́й, о́тдалъ и отда́лъ и пр; въ формахъ: род.-вин. мѣстоименій „меня́", „тебя́" (сѣв.), дат. „тебѣ́"; вин. мѣстоименій женск. р. на „jo": тоё, самоё; 3 л. множ. глаголовъ обоихъ спряженій безъ ударенія на окончаніи на „ут" (южн.); отсутствіе формъ „даси́", „jеси́"; въ словообразованіи сѣверной чертой являются такія образованія, какъ „колодецъ" (въ южновлкр. „колодязь"), „поясни́ца" (въ южновлкр: „поясника"), но, кажется, южные — глаголы на „— ану" (въ литературномъ — рѣдко). Наконецъ, въ словарѣ средневеликорусскаго нарѣчія немало сѣверныхъ словъ; кажется, средневеликорусскій словарь ближе къ словарю восточныхъ говоровъ сѣверновеликорусскаго нарѣчія, чѣмъ словарю другихъ великорусскихъ говоровъ, ср. бороновать, квашня, ухватъ, неупотребительность слова „хата", затѣмъ всегда „лошадь", а не „конь", „пахать", а не „орать". Все это позволяетъ присоединиться ко мнѣнію акад. А. А. Шахматова, принятому и проф. Е. Θ. Будде, что „Московское нарѣчіе по происхожденію своему —... сѣверно-русскій говоръ, принявшій южновеликорусскій вокализмъ". То, что Шахматовъ сказалъ о Московскомъ нарѣчіи, можно примѣнить и къ другимъ средневеликорусскимъ говорамъ. Первоначально Московское нарѣчіе, повидимому, было особенно близко къ нешепелявымъ сѣверновеликорусскимъ говорамъ бассейна верхней Волги, такъ какъ нынѣшнее Московское нарѣчіе сохранило только тѣ сѣверныя черты въ фонетикѣ, морфологіи и словарѣ, какія есть въ этихъ говорахъ. Позднѣе къ Московскому нарѣчію примкнули, усвоивши южновеликорусское аканье и пр., также и нѣкоторые шепелявые говоры, но опять таки восточной группы. Ср. брошюры В. И. Чернышова. Къ числу шепелявящихъ говоровъ принадлежитъ отчасти и Парфён-

ковскій, гдѣ шепеляво произносятся мягкія жж, щ и ч. Изслѣдованные проф. Е. Ѳ. Будде сильно шепелявящіе говоры Касимовскаго у. Рязанской губ. по другимъ чертамъ фонетики и, кажется, морфологіи и словаря тоже примыкаютъ къ средневеликорусскимъ, но заключаютъ также много своеобразнаго, несвойственнаго другимъ средневеликорусскимъ говорамъ. Повидимому, эти говоры позже другихъ средневеликорусскихъ подверглись вліянію акающаго нарѣчія.

Такъ какъ средневеликорусское нарѣчіе образовывалось постепенно изъ смѣшенія разныхъ великорусскихъ нарѣчій, то составъ его неоднороденъ: въ однихъ говорахъ больше сѣверныхъ чертъ, въ другихъ — меньше. Одно изъ самыхъ видныхъ различій между ними — различіе въ степени аканья. Говоръ дер. Парфёнокъ принадлежитъ къ числу говоровъ съ довольно сильнымъ аканьемъ; чтобы отличить его отъ очень сильно акающихъ, можно бы назвать его *умѣренно якающимъ*. Но уже по сосѣдству съ Парфёнками есть говоры той же группы, но съ другой степенью аканья или яканья. Таковъ сильно акающій говоръ дер. Ивакина Рузскаго уѣзда (10 вер. отъ Парфёнокъ): тамошняя старуха говоритъ: мяня́, тябя́, рябя́ты, но: несли́, вели́ и пр.; сильное аканье слышится также въ Спасъ-Нудальской волости Клинскаго уѣзда (см. выше, т. 46, стр 146—147) и др.; В. И. Чернышовъ слышалъ говоры съ разной степенью сильнаго аканья въ Московскомъ у., а также и въ другихъ уѣздахъ Московской губ. Къ умѣренно акающимъ принадлежатъ, кромѣ литературнаго языка, различные говоры на всемъ пространствѣ средневеликорусскаго нарѣчія, ср. говоръ дер. Курова Рузскаго у., говоръ нѣсколькихъ селеній Богородицкаго у. Тульской губ., описанный Будде и др. Умѣренное, московское аканье — почти исключительная принадлежность средневеликорусскаго нарѣчія. Въ южновеликорусскомъ акаютъ по-московски только такъ называемые мѣщанскіе говоры подъ вліяніемъ московскаго произношенія.

Сѣверновеликорусской чертой въ Парфёнковскомъ говорѣ и во всемъ средневеликор. нарѣчіи можно считать появленіе слоговой гласной (изъ ъ) въ такихъ словахъ, какъ подошолъ, отошолъ, вошолъ и т. п. Что касается гласной въ концѣ словъ въ infin. и повелит., то она сохраняется рѣже, чѣмъ въ сѣверновеликорусскомъ. Въ Парфёнковскомъ говорѣ отпаденіе этой гласной такъ-же часто, какъ и въ южновеликорусскомъ, слѣдовательно, чаще, чѣмъ въ Московскомъ. Одной изъ характерныхъ чертъ сѣверновеликорусскаго нарѣчія является стяженіе гласныхъ въ нѣкоторыхъ формахъ, вызванное выпаденіемъ „j“ (передъ неударяемой гласной) [1]. Среди акающихъ говоровъ стяженіе распространено въ поволжскихъ. Въ говорѣ Парфёнокъ стяженіе — не во всѣхъ случаяхъ, въ какихъ оно бываетъ въ сѣв.-влкр., а только не подъ удареніемъ; въ московскомъ литературномъ стяженія вовсе нѣтъ.

Въ консонантизмѣ средневеликорусскаго нарѣчія тоже существуютъ различія по говорамъ. Въ Московскомъ, Парфёнковскомъ и нѣкоторыхъ другихъ говорахъ шипящія „жж“ и „щ“ произносятся мягко, но есть среди говоровъ московской губ. и говоры съ твердымъ произношеніемъ тѣхъ же шипящихъ. Въ южновеликорусскомъ обыкновенно произношеніе этихъ шипящихъ — твердо; въ сѣверновеликор. существуютъ оба произношенія; по сосѣдству съ Парфёнками, въ окающемъ говорѣ дер. Тилихтина Спасъ-Нудальской волости Клинскаго у. „щ“ = „шш“ твердому. „с“ въ возвратныхъ глаголахъ въ Парфёнкахъ, какъ и въ Москвѣ, звучитъ всегда твердо; въ другихъ средневеликорусскихъ (ср. въ томъ-же Рузскомъ у. говоры деревень Савельева, Мазилова, Ивакина и др.) является и мягкое „с“. Твердое „с“ въ этихъ глаголахъ повидимому, — сѣверная черта, хотя въ извѣстныхъ положеніяхъ есть и въ южновеликор. Слово „кувшинъ“ произносится

---

[1]) Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ говорахъ выпаденіе „j“ не повлекло за собою стяженія, ср. Владимирское и Ярославское бываэт_и пр.

„куфшы́нъ" или по-южновеликорусски „кушы́н", а не по сѣверному (кукши́н; впрочемъ, въ нѣкоторыхъ ср.-великорусск. говорахъ попадается и это произношеніе). Въ словахъ „когда", „тогда" обыкновенно „г" („γ") въ средневеликорусскомъ не слышится, какъ и въ южновеликор., между тѣмъ какъ въ сѣв.-влкр. здѣсь слышится „в", „л" и „γ".

Въ формахъ склоненія можно отмѣтить сѣверновеликорусскій творит. множ. = дател.: с рука́м, с нага́м; кра́сным сапля́м утрёт, пирид дружја́м, за на́м и пр. въ сильно акающемъ говорѣ дер. Ивакина Рузск. уѣзда; такой же творит. множ. я слышалъ въ сильно акающемъ средневеликорусскомъ говорѣ одной мѣстности Зубцовскаго уѣзда Тверской губ. и, кажется, также въ Клинскомъ у. Въ большей части средневеликорусскихъ говоровъ (въ томъ числѣ въ Московскомъ и въ Парфёнковскомъ) творительный пад. множ. правильно оканчивается на „-ми", какъ и въ южновеликор. Винит. пад. един. ч. женск. рода прилагательныхъ въ московскомъ, какъ и въ сѣв.-влкр., оканчивается всегда на „-ую" (если не произошло стяженія), въ другихъ средневеликорусскихъ не подъ удареніемъ также „ăю" (изъ „ою"; эта форма — часто въ южновеликор., но есть формы на „-ою" и въ сѣв.-влкр.), но южновеликорусскаго окончанія „у́я" средневеликорусскіе говоры, кажется, не знаютъ. Южновеликорусскія дѣепричастія на „мши" въ средневеликорусскихъ говорахъ, кромѣ литературнаго, очень употребительны, но южновеликорусскихъ дѣепричастій на „мчи" нѣтъ. Южновеликорусской чертой въ Парфёнковскомъ и нѣк. др. средневлкр. говорахъ можно считать употребительность причастій страд. на „т", тогда какъ въ сѣверномъ распространены больше, кажется, причастія на „н".

Въ словообразовательныхъ суффиксахъ. Суф. „ика" въ названіяхъ ягодныхъ растеній въ Московскомъ литературномъ яз. — южновеликорусскій; въ другихъ средневеликор. говорахъ (въ томъ числѣ Парфёнковскомъ) тѣ-же имена являются и съ сѣв.-влкр. суфф. „-ига", причомъ

послѣдній, кажется, свойственъ только восточной группѣ сѣв.-влкр. говоровъ. Сѣввлкр. „ица“ въ соотвѣтствіи съ южно влкр. „ика“ — только въ „чечевица“ и „поясница“, но первое изъ этихъ словъ, вѣроятно, въ литературномъ — заимствовано изъ церковнославянскаго. Сѣверной, быть можетъ, является и форма уменьш. „дощечка“ при южно-великор. „досто́чка“. Въ нѣкоторыхъ прилагательныхъ на „ній“ и „ный“ въ разныхъ ср.-влкр. говоровъ является „н“ то твердымъ, то мягкимъ, по говорамъ, наприм. парфёнковскія давный, давнышный, ихный, дальный, тапершный и пр. при московскихъ дальній, давній, давнишній, ихній, теперешній. Въ этихъ случаяхъ Парфёнковское произношеніе, повидимому, ближе къ сѣверному.

Такимъ образомъ средневеликорусскими я называю тѣ смѣшанные великорусск. говоры, которые усвоили аканье и нѣкоторыя другія южновеликорусскія черты, по большей части связанныя съ аканьемъ, но сохранили остальныя черты сѣверновеликорусской фонетики, морфологіи и словаря. Самымъ древнимъ по времени смѣшенія въ нёмъ сѣверныхъ и южныхъ чертъ средневеликорусскимъ говоромъ является Московскій умѣренноакающій говоръ, т. е. нашъ литературный языкъ; въ другіе говоры аканье проникло позднѣе и притомъ часто не изъ Москвы (объ чёмъ свидѣтельствуетъ сильное аканье многихъ средневеликорусскихъ говоровъ), а изъ южновеликорусскихъ говоровъ. До сихъ поръ даже въ Московскомъ уѣздѣ на границѣ съ Дмитровскимъ нѣкоторые говоры еще не утратили оканья. Оканье слышится и въ глубинѣ Клинскаго и Рузскаго уѣздовъ Московской губ. и на значительномъ пространствѣ Дмитровскаго уѣзда въ перемежку съ аканьемъ и постепенно на нашихъ глазахъ вытѣсняется послѣднимъ. Господствующее положеніе, занятое Московскимъ литературнымъ языкомъ, позволяетъ послѣднему распространяться насчетъ остальныхъ сѣверныхъ, среднихъ и южныхъ говоровъ; такимъ путемъ образуются такъ называемые мѣщанскіе говоры.

Исторія средневеликорусскаго нарѣчія еще не изу-

чена. Кое-что въ этомъ отношеніи сдѣлано проф. Е. Ѳ. Будде въ его интересной статьѣ объ языкѣ Ломоносова. Что такое представляло московское нарѣчіе до XVIII в., намъ неизвѣстно. Несомнѣнно, что въ Москвѣ, какъ въ центрѣ политической жизни русскихъ въ XIV—XVIII в., сталкивались представители разныхъ русскихъ народностей, говорившихъ на разныхъ діалектахъ; поэтому и къ показанію грамотъ и пр., писаныхъ въ Москвѣ, слѣдуетъ относиться осторожно, такъ какъ писцы могли быть родомъ изъ разныхъ мѣстностей.

Въ настоящей статьѣ я не могъ взять на себя задачи прослѣдить исторію изучаемаго мною говора по памятникамъ и заботился только объ томъ чтобы дать возможно полное описаніе говора, насколько онъ мнѣ извѣстенъ. Далеко не всегда я могъ достигнуть надлежащей полноты; много мѣшало также отсутствіе удовлетворительныхъ морфологіи и синтаксиса другихъ русскихъ говоровъ, которыя могли бы служить образцами или пособіями для моей работы. Этимъ объясняется и неровномѣрность настоящаго описанія. Кромѣ того, оно приготовлялось постепенно, и въ началѣ я располагалъ далеко не тѣмъ матеріаломъ, какой у меня былъ въ концѣ; отъ нѣкоторыхъ взглядовъ, высказаныхъ въ началѣ, теперь приходится отказываться. Я думаю, что многіе недостатки моего описанія отчасти можно будетъ исправить, хотя бы и не мнѣ, если мнѣ удастся, какъ я надѣюсь, опубликовать собранный мною матеріалъ.

Наконецъ, считаю своимъ долгомъ выразить свою глубокую благодарность акад. Ф. Ѳ. Фортунатову и проф. Р. Ѳ. Брандту, всё время помогавшимъ мнѣ своими указаньями и совѣтами и снабжавшимъ меня нужными книгами.

Москва.
17 марта 1902.

СОДЕРЖАНІЕ.

Tr
44 183
186
195

2007333135